

Р. В. КОНДРАТЕНКО

ЛАМБРОС КАЦОНИС

**и российские каперы
на Средиземном море
в 1788–1792 годах**

издательство
Гангут
Санкт-Петербург 2014

Р.В. Кондратенко

ЛАМБРОС КАЦОНИС
и российские каперы
на Средиземном море
в 1788–1792 годах

УДК 94
ББК 63.3 (0)
К 642

Р.В. Кондратенко

К 642 Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах. СПб: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2014. — 380 с.

ISBN 978-5-904180-89-8

Книга посвящена каперам, действовавшим под российским флагом в Восточном Средиземноморье во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., и прежде всего деятельности российского офицера, грека по происхождению, Ламброса Кацониса, имя которого олицетворяло российские каперские силы в этом регионе.

Издание осуществлено при финансовой поддержке А. Гертсоса.

Книга публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-904180-89-8

© Р.В. Кондратенко, 2014

© ООО «Гангут», оформление, 2014

ВВЕДЕНИЕ

О действиях Ламброса Кацониса в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. написано немало. Весьма лаконичные и не вполне верные сведения по этому вопросу можно найти уже в литературе первой половины XIX в., например, у П.С. Колотова. Позднее вопрос излагался полнее, в частности: на страницах «Военного энциклопедического лексикона» (где говорилось, что Л. Кацонис: «...Отправился в Архипелаг, собственным своим иждивением вооружил, под русским флагом, одно военное судно, и присоединив к себе еще несколько малых греческих судов... смелыми своими действиями в короткое время сделался грозою и ужасом турок»), книг М.И. Богдановича, Р.К. Скаловского. В результате к 60 гг. XIX в. была нарисована определенная картина, за рамки которой, практически, не выходили и более поздние авторы, в частности, Ф.Ф. Веселаго, А.Н. Петров, Н.В. Новиков. Их стараниями утвердился образ доблестного воина, сражавшегося с турками во благо России и добившегося немалых успехов. Однако изложение отличалось лаконичностью и оставалось таким в течение нескольких десятилетий. Особого интереса к личности Л. Кацониса авторы этих, по своему характеру обобщающих работ не проявляли. Надо сказать, что даже «Военная энциклопедия» начала XX в. оказалась не более точной и полной в передаче фактов, нежели «Военный энциклопедический лексикон» полувековой, на тот момент, давности¹.

¹ Колотов П.С. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийския. Ч. IV. СПб., 1811. С. 190, 222; Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 8. СПб., 1844. С. 39–40; Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852. С. 126–127, 151, 217–219; Справочный энциклопедический словарь. Т. 7. СПб., 1853. С. 35; Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. С. 79 – 83. Последняя работа переиздана в 2006 г.; Веселаго Ф.Ф. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб., 1871. С. 27; он же. Краткая история русского флота. Вып. 1. СПб., 1893. С. 173–174, 181; Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 г. СПб., 1880. Т. 1. С. 123; Т. 2. С. 125–127; История русской армии и флота. М., 1912. С. 104; Военная энциклопедия. Т. XII. М., 1913. С. 466–467.

Первой сколько-нибудь развернутой публикацией стала увидевшая свет в начале XX в. статья потомка Л. Кацониса, С.А. Качиони «Пират-витязь»¹. Однако в ней боевые действия созданной им каперской флотилии освещены слабо. Более того, автор, судя по всему, удваивает события, излагая произошедшее в конце 1760 — начале 1770-х гг. по образцу случившегося двумя десятилетиями позже, командировку в Персию 1781 г. перемещая в начало войны 1787–1791 гг. и т. д. Видимо, С.А. Качиони опирался преимущественно на чужие публикации и произвольно трактуемые семейные предания. Львиную долю текста в его статье занимают общие рассуждения о судьбах Греции и борьбе за ее независимость. Политические события датируются автором гораздо точнее тех, которые относятся к биографии Л. Кацониса. Кроме того, в угоду литературной моде Спиридон Александрович вывел своего предка не только борцом против турецкого владычества, но и жестоким пиратом. Тем не менее, работа сообщала сведения о его жизни и деятельности, выходявшие за рамки, очерченные предыдущими публикациями. Впервые Л. Кацонис предстал перед читателем в качестве греческого патриота, сражавшегося за независимость своего отечества.

В советское время о Л. Кацонисе писали практически в том же духе и объеме, как и до революции. Многие авторы, в частности, Л.Г. Бескровный, А.М. Станиславская, В.Н. Виноградов, Н.А. Терентьева, упоминают Л. Кацониса лишь мельком². Однако начиная с 1970-х гг. стали появляться и более подробные очерки, прежде всего, посвященные его деятельности в качестве командующего флотилией во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., принадлежащие перу Г.Л. Арша, В.Д. Овчинникова, А.Г. Сацкого, С.Д. Климовского. В большинстве этих работ Л. Кацонис предстает уже не только как офицер российской службы, но и как деятель на-

¹ Качиони С.А. Пират-витязь // Исторический вестник. 1911. № 126. Октябрь. С. 195–206.

² Боевая летопись русского флота. М., 1948; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958; Из истории балканских стран. Краснодар, 1975; Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века: политика России в Ионической республике 1797–1897. М.: «Наука», 1976; Бажова А.П. Россия и югославяне в конце XVIII — начале XIX века. М., 1996; Три века российского флота. Т. 1. СПб, 1996; Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М., 2003; Терентьева Н.А. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность. К., 1999; Виноградов В.Н. Век Екатерины: дела балканские. М.: «Наука», 2000; Киркосьян М.А. Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII — середина XIX века); Пираты Каспийского моря. М., 2013. С. 98–99.

ционально-освободительного движения. Разумеется, в некоторых ему уделяется внимание лишь как одной из фигур, поэтому сведения о его деятельности излагаются по отдельным, попавшим в поле зрения авторов документам, отчего ряд исследований грешит более или менее существенными ошибками. Наконец, благодаря работам Ю.Д. Пряхина, с конца 1990-х гг. отечественная литература располагает достаточно подробной биографией Л. Кацониса, в которой немало страниц уделено и боевым действиям в Архипелаге¹.

Достаточно часто имя командующего каперской флотилией встречается на страницах научно-популярных и популярных книг. Здесь нельзя не отметить как плодovitости, так и неоднозначности в оценках А.Б. Широкограда, трактовавшего Л. Кацониса в целом как пирата, что не соответствует действительности во многих отношениях, прежде всего потому, что действуя в соответствии с выданным ему документом — каперским патентом, он не грабил торговые суда ради собственного обогащения². Очевидно, на автора заметное влияние оказала художественная литература. Остается

¹ Арш Г.Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: «Наука», 1970. С. 87–92; он же. Греция после Кючук-Кайнарджийского мира // История Балкан: век восемнадцатый. М.: «Наука», 2004. С. 456–460; он же. Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788–1792) // В интерьере Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 117–140; он же. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 73–96; Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Кацонис (Качони) в боевой летописи флота России // Записки историко-филологического товарищества Андрея Белецкого. Вып. 1. Киев, 1997. С. 177–180; он же. Полковник и кавалер Ламброс Кацонис (Качони) в боевой летописи флота России // Греки в истории флота России. Тезисы докладов на международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15–16 апреля 1999. СПб, 1999. С. 67–71; он же. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб, 2004; он же. Греки в истории России XVIII–XIX веков. СПб: Алетейя, 2008. С. 168–199; он же. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб: Петрополис, 2011; он же. Герои памятных событий XVIII – XIX веков. СПб: Петрополис, 2014. С. 199–208; Стаму П. Командующий легкой российской флотилией Ламброс Кацонис через призму архивных источников разных стран // Морской вестник. 2007. № 2. С. 120–123; Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 155–161; Климовский С.Д. Корсар Ламбро Качони и русские крейсерские флотилии на Средиземном море (1788–1791) // Гангут. № 59. СПб, 2010. С. 23–40; Сацкий А.Г. Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6.

² Широкоград А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М., 2005. С. 279–282; он же. Адмиралы и корсары Екатерины Великой: Звездный час русского флота. М., 2006. С. 310–350; он же. Русские пираты. М., 2007. С. 82–96; он же. Россия на Средиземном море. М., 2008. С. 36–49; он же. Турция. Пять веков противостояния. М., 2009. С. 160–164; Скрицкий Н.В. Корсары России. М., 2007. С. 128–132; Земляниченко М.А. Ливадия доимператорская: от отважного корсара Кацониса до польского аристократа Потоцкого. Симферополь, 2010. С. 8–13 и другие.

сожалеть, что аналогичный и даже карикатурно утрированный образ нарисовала Г.А. Гребенщикова. Однако если А.Б. Широкоград преподносит материал, практически не выходя за рамки вполне достоверного изложения действий российских каперов в Средиземном море, то в книге Г.А. Гребенщиковой повествование построено на целом ряде ошибочных положений и не выдерживает критики¹.

Зарубежную историографию мы рассматривать не будем. Хотя следует заметить, что Л. Кацонис нередко упоминается в работах, затрагивающих события Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Разумеется, наиболее богата изданиями, посвященными Л. Кацонису, греческая литература. Здесь, на наш взгляд, следовало бы выделить опубликованную в 2011 г. основательную книгу П. Стаму. Разумеется, для большинства греческих авторов Л. Кацонис, прежде всего, борец за освобождение Греции от турецкого владычества. Немало книг, с упоминаниями о Л. Кацонисе, опубликовано на английском языке, включая переводы греческих авторов. Примечательно, что в англоязычной литературе нередко указывается, что Л. Кацонис являлся офицером «русской службы»².

Не обошли его своим вниманием и беллетристы. Едва ли не первым нарисовал образ Л. Кацониса Ф.В. Булгарин. Надо сказать, что написанный им рассказ по форме является литературной записью воспоминаний одного из моряков-греков, сражавшихся вместе с Л. Кацонисом, и мог бы претендовать на роль источника, но грешит сомнительными утверждениями и заставляет сомневаться в точности изложения отдельных фактов, хотя в целом позволяет представить себе характер событий³. В советское время и в наши дни портрет капера, причем, надо сказать, разными красками, живописали такие беллетристы, как В.С. Григорьев, А.Н. Глумов,

¹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в годы правления Екатерины II. В 2 т. СПб., 2012; она же. Военно-политические события в Эгейском море и в Адриатике в 1788–1792 гг. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 113–141. Допущенные автором ошибки рассматриваются: Гертсос А., Николупулос И., Пряхин Ю.Д. «Ради установления истины». СПб., 2014.

² Например: Дикеос Ваякакос. Ламброс Кацонис и Мани. Афины, 1994; Панос Стаму. Ламброс Кацонис. Афины, 2011. В англоязычной литературе см.: Eton W. A Survey of the Turkish Empire... L., 1809. P. 343, 355–358; Finlay G. The history of Greece under Othoman and Venetian domination. E.; L., 1856. P. 333–334; Dakin D. The Greek Struggle for Independence, 1821–1833. University of California Press, 1973. P. 26; Mazis J.A. The Greeks Of Odessa: Diaspora Leadership In Late Imperial Russia. N-Y., 2004. P. 10; Freely J. The Cyclades: Discovering the Greek Islands of the Aegean. L.; N-Y., 2006. P. 18; Mexis D.N. Mani and the Maniotes. Bloomington, 2006. P. 325.

³ Пароход, или Рассказы грека о прежних битвах // Сочинения Фаддея Булгарина. Т. 1. СПб., 1827. С. 39–59.

В.М. Янгазов, В.С. Пикуль, И.И. Любенко¹. Впрочем, есть в их палитре и схожие тона: складывается впечатление, что определенное влияние на полет художественной фантазии оказали рассказ Ф.В. Булгарина и упоминавшаяся статья С.А. Качиони, причем, последняя с большей вероятностью, а вот труды серьезных историков в расчет практически не принимались.

Разумеется, литераторы имеют право на свободу творчества, хотя при описании исторических личностей следовало бы соблюдать вполне естественную, как нам представляется, корректность, не искажая известный, зачастую по множеству опубликованных документов, образ до неузнаваемости. Однако в отношении работ научно-популярных, а тем более претендующих на роль серьезного исследования, уместна должная строгость в изложении и оценке фактов, что, увы, наблюдается не всегда. Кроме того, обнаруживается неравномерность в освещении событий, связанных с деятельностью Л. Кацониса, а также других российских каперов на Средиземном море в Русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Учитывая это обстоятельство, на наш взгляд, есть все основания еще раз обратиться к данному вопросу.

Как нам представляется, авторы, описывавшие каперские действия Л. Кацониса в указанный период, недостаточно использовали материалы фондов Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота, тогда как они дают возможность уточнить целый ряд обстоятельств, не вполне верно изложенных в литературе, а в ряде случаев неточно переданных при публикации источников. Поэтому в данной работе упор сделан на документы РГАВМФ, прежде всего таких фондов, как 150 (Комиссии для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну) и 197 (Канцелярии Г.А. Потемкина-Таврического по управлению Черноморским флотом). Кроме того, использовались и документы из фондов Российского Государственного Исторического Архива, главным образом 994 (Графов Мордвиновых), а также опубликованные источники.

¹ Григорьев В.М. Григорий Шелихов. М., 1961; Глумов А.Н. На рубеже века. М., 1965; Янгазов В.М. Крест и меч. М., 1993; Пикуль В.С. Фаворит. Л., 1984; он же. Кровь, слезы и лавры. М., 2002; Любенко И.И. Кровь на палубе. М., 2013.

Глава 1. ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ

Ламброс Кацонис родился в 1752 г. в городе Ливадия. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. поступил волонтером на эскадру адмирала Г.А. Спиридова. После гибели родного брата добился перевода в сухопутные части, воевал на Пелопоннесе, в составе «албанских» подразделений, включавших как албанцев, живших на территории Греции, так и греков, зарекомендовал себя храбрым и умелым бойцом, был избран в десятичники, что соответствовало чину сержанта регулярных войск: как гласило «Объявление» адмирала Г.А. Спиридова, устанавливавшее организацию иррегулярных «албанских» войск, капитаны и знаменосцы (прапорщики) «сообща и с согласия воинов выбирают десятичников или урядников». По заключении Кючук-Кайнарджийского мира, в 1775 г. решил перебраться в Россию и в числе первых, на фрегате «Архипелаг» прибыл в Керчь¹. Служил в составе Албанского (Греческого) войска, разместившегося в Керчь-Еникале, участвовал в подавлении татарского бунта, вспыхнувшего в декабре 1777 г. За отличие в 1778 г. был произведен в офицеры. После того как императрица Екатерина II утвердила представленный ей 3 августа 1779 г. Военной коллегией проект создания Греческого пехотного полка, Л. Кацонис вступил в эту воинскую часть, формировавшуюся в Таганроге, а затем переведенную в Керчь. В 1781 г. его произвели в поручики и включили в состав дипломатической миссии графа М. Войновича, направлявшейся в Персию, чтобы «склонить Ага-Мохаммед-хана к действиям против Порты»².

Исполнив это важное поручение, Л. Кацонис получил соответствующую награду. 24 февраля 1785 г. императрица Екатерина II пожаловала его деньгами, а 21 апреля 1785 г. даровала россий-

¹ РГАВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 12. Л. 6 об — 7, 12.

² Подробнее эти страницы биографии см.: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб.: Алетейя, 2004. С. 11–16; он же. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб: Петрополис, 2011. С. 18–31.

ское дворянство. Президент Военной коллегии, светлейший князь Г.А. Потемкин произвел перспективного офицера в капитаны. С началом новой войны с Турцией (Порта объявила ее 13/24 августа, российский манифест последовал 7 сентября 1787 г.), Греческий пехотный полк частью был направлен на усиление пограничных кордонов в южной части Крыма и защиту Балаклавы, а около трети личного состава перевели на корабли Черноморского флота, в качестве десантных и абордажных партий.

В число последних попал и Л. Кацонис. Однако когда его направили в Херсон, где находились только строившиеся и ремонтировавшиеся корабли, он обратился к Г.А. Потемкину с просьбой о переводе на Лиманскую эскадру контр-адмирала Н.С. Мордвинова. Светлейший князь просителя, видимо, запомнившегося ему по недавним заслугам, уважил и ордером (приказом) от 18 сентября 1787 г. предписал адмиралу выделить Л. Кацонису судно, экипаж которого составила полусотня греков, желавших поучаствовать в рискованных предприятиях против турок.

Вскоре судно было предоставлено инициативному капитану. Однако воевать он начал еще до того, как оно вышло в море. Уже 9 октября 1787 г. Н.С. Мордвинов доносил Г.А. Потемкину: «Я послал в ночь капитана Ламбро Качиони, командира судна именуемого «Князь Григорий Потемкин-Таврический», на шлюпке взять языка и привести в эскадру мою судно, стоящее под батареею Гасан-Паши; подошед к оному судну, нашли, что оное стоит на мели, а люди все побросались на берег; почему и принуждены были его зажечь...» Спустя два дня, 11 октября, адмирал донес: «Капитана Ламбро Качиони и Спиро Рицардопуло¹, командира судна «Пчелы», посылал я ночью на шлюпках взять с берега языка и судно, пришедшее вчерашнего числа к Очакову; судно взяли и ведут в эскадру мою...»² Под конец 1787 г. отличившегося грека произвели в майоры.

Между тем, с первых же недель боевых действий в Петербурге решили, по примеру прошлой войны, послать в Средиземное море

¹ В документах (МИРФ Ч. XV) встречается разное написание фамилии этого офицера, но преобладает, как и в ранней публикации донесения, Спиро Ликардопуло. См.: Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. X. СПб, 1852. История. С. 376.

² Материалы для истории русского флота (далее: МИРФ). Ч. XV. СПб, 1890. С. 4–76. Заметим, что как этот, так и множество других документов, хотя и не без отдельных погрешностей, публиковались Ю.Д. Пряхиным. См.: Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб: Петрополис, 2011.

эскадру. Согласно высочайшего указа, от 20 октября 1787 г., для этой цели предписывалось снарядить в Кронштадте три 100-пушечных, семь 74-пушечных, пять 66-пушечных линейных кораблей, шесть фрегатов, два бомбардирских судна, восемь малых судов для посыльной службы, два госпитальных корабля. Исполнение указа возлагалось на адмирала Самуила Карловича Грейга. На заседании Адмиралтейств-коллегии с его участием, состоявшемся 28 октября, постановили заготовить провиант и другие запасы для будущей экспедиции «в Ливорно, Сицилии или других

*Адмирал С.К. Грейг.
Художник Д.Г. Левицкий*

местах в Средиземном море лежащих, где дешевле можно будет». Указами от 8 января 1788 г. объявлялось, что будет сформирован отряд сухопутных войск, для действий совместно с посылаемой эскадрой. В число офицеров этого отряда высочайшим указом от 28 января 1788 г. зачислялся бригадир князь Василий Никитич Мещерский, а для «разных приуготовлений для сухопутных и морских наших сил в Средиземном море отправляемых», по представлению С.К. Грейга, высочайшим указом от 3 февраля, был послан из Петербурга «сухим путем» капитан бригадирского ранга Антоний (Антон Константинович) Псаро, грек, участник войны 1768–1774 гг., перед тем служивший консулом на Мальте. Наконец, указ от 12 февраля назвал и командующего отрядом сухопутных войск — генерал-поручика Ивана Александровича Заборовского¹.

Учитывая значение, которое имеют для нашего исследования последние из указанных лиц, попытаемся кратко охарактеризовать их. Некоторое представление об А.К. Псаро дает А.А. Алябьев: «Свою депешу с описанием радушного приема и признания, без упоминания о затруднениях, Псаро, в одно из своих посещений, дал прочесть Гросмейстеру (Мальтийского ордена. — Р.К.), при

¹ МИРФ. Ч. XIII. СПб, 1890. С. 195, 233–236, 244, 246, 247, 249.

нем же запечатал и отдал ему для отправления в Петербург. «Это слишком честно!», — воскликнул растроганный Роан (de Rohan. — *P.K.*). Через несколько времени наш поверенный в делах послал в Иностранную Коллегию другую депешу, где рассказана была вся правда»¹. Заметим, что подобный поступок заставляет сомневаться в том, действительно ли во второй депеше была «вся правда» и не привнес ли ее автор в текст каких-либо деталей, не существовавших в действительности, но выгодных ему лично.

О генерал-поручике И.А. Заборовском, участнике войны 1768–1774 гг., сохранились разные, включая и не слишком лестные, отзывы современников. В частности, граф П.В. Завадовский 1 июня 1789 г. писал графу С.Р. Воронцову: «Всходило ли тебе когда на мысль, чтобы Заборовский признан за способного потрясти Архипелаг...»² Видимо, корреспонденты, известные как люди незаурядные, достоинства генерала ценили не слишком высоко. Однако, как можно понять, кандидатура И.А. Заборовского всплыла в ходе переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина. Так, 23 ноября 1787 г. императрица писала: «Еще при сем наряде войск требуется генерал сухопутный на флот, сей может ехать прямо в Италию... дай совет, кого послать»? В письме «от 11 и 13 января» 1788 г. уже говорилось: «Я во флот Михельсона не пошлю, а думаю уговаривать Заборовского...» Наконец, 10 февраля Екатерина II сообщила: «Заборовский приехал и естли возьмется, то пошлю его для командования войск во флот; буде нет, то думаю удержать князя Василья Долгорукова...»³ Судя по всему, фигура И.А. Заборовского и самой императрице не представлялась единственно возможной или наиболее пригодной для предстоящего поручения.

План экспедиции предполагал, что пока балтийская эскадра будет снаряжаться, командование сухопутными войсками уже соберет в одном из упомянутых выше портов те силы, которые удасться, как говорилось в проекте высочайшего рескрипта С.К. Грейгу, от 5 июня 1788 г., сформировать «набором в Далмации и Албании, в каждом месте до 1000 человек», а также «корсиканцев, в английской службе находившихся»⁴.

¹ Алябьев А.А. Сношения России с Мальтийским Орденом. Ч. I. (до 1789 г.) // Сборник Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. Вып. 5. М., 1893. С. 208.

² Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877. С. 62.

³ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 27. СПб, 1880. С. 455, 465, 473–474.

⁴ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 20.

Вид на Ливорно. Художник А.И. Иванов. 1860 г.

Заметим, что Ливорно, от которого шел удобный путь сушей в Россию, был давно известен российским морякам. В.А. Уляницкий указывал, что первый российский торговый корабль, «фрегат купца Володимерова», создателя компании по торговле с «областями Средиземного моря», появился там в 1765 г.¹ Ливорно широко использовался с самого начала Архипелагской экспедиции: в нем надолго останавливался и через него ездил в Петербург граф А.Г. Орлов, там с 1774 на 1775 г. зимовала дивизия контр-адмирала С.К. Грейга, производили починки отдельные корабли («Трех Иерархов» ремонтировали весь 1772 год)². С 1783 г. в городе появилось российское консульство, обязанности консула исполнял местный банкир И. (И.С.) Каламаи.

В подписанной императрицей «Инструкции генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море» говорилось: «Великий герцог Тосканский не только в дружественном с двором нашим пребывает сношении, но, в качестве брата союзника нашего императора, убежден в пользе и прочности связи

¹ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Очерки дипломатической истории Восточного вопроса // Сборник МГАМИД. Вып. 3 и 4. М., 1888. С. 97; он же. Исторический очерк русских консульств за границей // Сборник МГАМИД. Вып. 6. М., 1899. С. 399.

² Кротков А.С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб., 1889. С. 30, 31, 34, 70, 89, 97.

нашей, да и всякое зависящее от него интересам нашим доброхотство оказывает. Морское наше ополчение во время прошедшей войны, когда между нашим и Венским дворами не настояла еще та дружба, которая ныне существует, в вольном порте его Ливорнском находило для себя надежную пристань и свободу ко всем снабжениям»¹.

Однако, судя по той же самой инструкции, в качестве, так сказать, основного пункта базирования эскадры С.К. Грейга предполагался все же не Ливорно, а «порты Сицилийские», поэтому требовалось урегулирование возникавших дипломатических вопросов с Неаполитанским королевством. В этом отношении составитель инструкции, которым, с большой вероятностью, был А.А. Безбородко, также выказывал изрядный оптимизм, утверждая: «Король Неаполитанский, по родству своему с императором и по особым дружественным к нам расположениям, являет во всяком случае доброхотство интересам нашим... Посредством торгового договора, заключенного между нами и им (6/17 января 1787 г. — *Р.К.*), взаимная дружба вяще утвердилась, и мы пребываем в полном удостоверении, что ни вы не встретите в областях его никаких затруднений в исправлении вам порученного, ниже флот наш не найдет помешательства по входе его в порты Сицилийские»².

Надо сказать, что надежды эти имели достаточно прочное основание и в целом оправдались. Но как часто происходит, события развивались иначе, чем предполагалось, из-за чего возникло немало затруднений. Прежде всего, они предопределялись тем, что И.А. Заборовский не был руководителем экспедиции. Момент передачи командования устанавливался пунктом XXII его инструкции: «По прибытии флота нашего в Сиракузу, наступит уже полное начальство нашего адмирала Грейга, и вы вступите в командование всеми сухопутными войсками под главным его предводительством»³. Учитывая же нацеленность генерал-поручика на организацию сухопутных сил, это фактически означало, что от него, по крайней мере, поначалу, трудно ожидать должного внимания к чуждой ему морской (каперской) части, хотя XVIII пункт инструкции и гласил: «До прибытия флота нашего в Средиземное море, все находящиеся

¹ Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море. 1788 // Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1389–1390.

² Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1390.

³ Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1393.

в тамошних водах арматеры наши имеют состоять под точною вашею командою...»¹

Мало способствовало интересу И.А. Заборовского к каперам то обстоятельство, что отправляясь в Италию, он ожидал сравнительно скорого прибытия С.К. Грейга. И хотя его письмо от 7 августа 1788 г. из «Булони» (очевидно, Болоньи, промежуточного пункта на пути из Триеста в Ливорно) показывает, что он от министра в Венеции А.С. Мордвинова получил «манифест о шведской войне и о повелении флоту под начальством адмирала Грейга действовать на морские шведские силы», а из Вены от князя Д.М. Голицына сведения, что «и сухопутные войска, назначенные с флотом в Средиземное море возвращены назад», а потому признавался: «Все сие, хотя не останавливает меня в продолжении пути моего далее, и в порученных мне делах, но причиняет некоторое сомнение...», тем не менее, счел нужным написать, что «желание всех христианских народов видеть флот наш в Средиземном море столь велико, что я не могу умолчать о том». Видимо, генерал-поручик все же рассчитывал на прибытие хотя бы какого-нибудь корабельного соединения². В столь неопределенной обстановке, долгое время не получая из Петербурга указаний, И.А. Заборовский едва ли был мотивирован на проявление инициативы в случае каких-либо непредвиденных затруднений с каперами. В пользу такого предположения говорит немало фактов, но их мы коснемся позднее.

Сама мысль об использовании арматоров, т.е. каперов для воздействия на турецкое судоходство, в том числе и на Средиземном море, по примеру Архипелагской экспедиции, видимо, созрела осенью 1787 г. Кому именно она принадлежала, пока не установлено. Известно лишь, что уже 22 ноября 1787 г. Совет при высочайшем дворе выслушал донесение поверенного в делах в Генуе А.Г. Лизакевича «о получении английским купцом Паттриджем в Ливорне патентов из Херсона для арматоров...» На следующем заседании, 25 ноября, Совет постановил, что «вооружение так рановременно арматоров, без предосторожностей, сему случаю нужных, и прежде прибытия нашего флота в Средиземное море, подвергается следствиям больше неприятным, нежели полезным, ибо при таковых патентах каждый арматор должен получить письменное наставление с точным означением, какие захваты и где делать ему позво-

¹ Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1386.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 331.

ляется, а сверх того дать еще и надежные по себе поруки, кои бы в случае преступления им одного наставления в состоянии были удовлетворить предъявленным на него требованиям; буде же не предохранит сего, то получившие патенты на Средиземном море, где производят торговлю подданные многих держав европейских, могут коснуться таковых судов, охраняемых торжественными правилами нейтральной системы, и подать повод не только к жалобам о удовлетворении, но взять могут то в резон державы неблагоприятные, препятствовать шествию нашего флота»¹.

В Совете опасались, что самовольство арматоров, подобное случившемуся в годы минувшей войны, потребует значительных расходов казны на удовлетворение жалобщиков и может вызвать внешнеполитические осложнения. Поэтому решено было выдачу патентов отложить до прибытия в Средиземное море балтийской эскадры. Заметим, что в постановлении нет никаких упоминаний о документах, регламентирующих каперскую деятельность, видимо, таковые к 25 ноября еще не были разработаны. Лишь 31 декабря 1787 г. получили высочайшее утверждение «Правила для партикулярных корсеров», в преамбуле которых упоминались некие желающие «вооружать собственные свои суда, для учинения поисков над неприятельскими, как военными, так и торговыми»².

Очевидно, в число этих желающих входил, прежде всего, упомянутый выше английский купец Джеймс Партридж (James Partredg). Известно, что патенты из Херсона, подписанные Н.С. Мордвиновым, пересылались ему через А.С. Мордвинова. Не исключено, что получив запрос своего старшего брата, Н.С. Мординов, возглавлявший тогда Черноморское адмиралтейское правление, а с началом военных действий командовавший Лиманской эскадрой, и сам задумался об этом прибыльном деле. По крайней мере, спустя десятилетие, в черновике письма государственному казначею, барону А.И. Васильеву, от 13 февраля 1798 г., адмирал указывал: «Ламбро Кацони служил волонтером на эскадре моей, которую я командовал под Очаковым для открытия прошлой войны. Приметив я, что он весьма отважный и храбрый человек, вознамерился я сделать вооружение в Архипелаге...»³

¹ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 512.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 968.

³ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 26. Л. 42. С некоторыми мелкими отличиями в тексте опубликовано: Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 662.

Для снаряжения «корсарского судна» в Архипелаге требовались средства, и Н.С. Мордвинов, очевидно, уже по возвращении его в ноябре 1787 г. из-под Очакова в Херсон, создал компанию, с участием его зятя, майора Ф.И. Маркова, полковника С.И. Бентона и директора торгового дома «Прота Потоцкого и К^о» Б.Б. Скадовского¹. О том, что подобное предпринимательство отнюдь не претило адмиралу, не раз упоминали его современники. Например, это следует из писем графа А.А. Безбородко к графу С.Р. Воронцову. В частности,

как сказано в письме от 9 февраля 1795 г.: «Теперь выходит дело, что сей человек, при наружном виде англичанина и твердого в своих правилах, делает вещи страшные и, конечно, вскоре очутится пребогатым человеком»².

Судя по составу учредителей, компания опиралась на финансовые ресурсы и международные связи торгового дома «Прот Потоцкий и К^о», участвовавшего в снабжении продовольствием Черноморского флота – сохранилась переписка Б.Б. Скадовского с Г.А. Потемкиным по поводу уплаты денег за поставленные продукты³. Во втором томе «Архива графов Мордвиновых» опубликованы письма Б.Б. Скадовского триестскому банкиру В. Каваллару, в которых обсуждаются вопросы, касавшиеся снаряжения судна Л. Кацонисом и выдачи ему необходимых для этого средств. Первое из них датировано 2 декабря (н. ст.) 1787 г.⁴

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что к 22 ноября / 2 декабря, т. е. еще до рассмотрения депеши А.Г. Лизакевича в Совете при высочайшем дворе и, видимо, до начала раз-

Н.С. Мордвинов.

Художник Д. Доу. 1828 г. Фрагмент

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 175, 528; т. 2. СПб, 1901. С. 460, 463.

² Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 329.

³ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 359, 365.

работки или окончательного редактирования «Правил для партикулярных корсеров», вопрос об отправке Л. Кацониса был уже решен. Оформление майору каперского патента состоялось, очевидно, по инициативе и ходатайству Н.С. Мордвинова, но в особом порядке, а так как произошло это еще до введения в действие «Правил», то обошлись без предусматриваемого их первой статьей залога в 20 000 руб. Патент, позволявший Л. Кацонису служить «корсаром в морях Порты Оттоманской», судя по сохранившимся документам, ему в Елисаветграде (ныне Кировограде) 18 декабря 1787 г. подписал Г.А. Потемкин¹. На покупку и вооружение судна компания выделила 7142 венских флорина, за которые можно было снарядить небольшой быстроходный парусник. Деньги Л. Кацонису предстояло получить у В. Каваллара².

Когда именно майор выехал из Херсона не установлено. А.Г. Сацкий полагает, что 2 декабря, возможно, ориентируясь на датировку упомянутых выше писем Б.Б. Скадовского В. Каваллару. Однако то обстоятельство, что первое из них подписано «2 decembre» (22 ноября ст. ст.), не означает, что «податель сего» именно в этот день и отправился в путь. Тем более что второе письмо имеет постскрипtum от «4 decembre». Можно предположить, что потратив какое-то время на сборы, Л. Кацонис покинул Херсон через несколько дней после 22 ноября / 2 декабря и направился на север, в Елисаветград, где получил из рук Г.А. Потемкина патент и выслушал его указания.

Заметим, что общение майора с главнокомандующим, о котором говорится в источниках, если бы речь шла только об оформлении каперского патента, выглядело бы довольно странно, тем более, что другим арматорам патенты подписывал в основном Н.С. Мордвинов. Поэтому надо думать, что Г.А. Потемкин-Таврический, один из наиболее влиятельных сановников империи, сам вызвал Л. Кацониса и сделал это потому, что майор ранее обратился к светлейшему князю с какими-то важными предложениями. Есть все основания считать, что предложения эти касались возможности отвлечь внимание Оттоманской Порты с черноморского театра на средиземноморский, прежде всего, организацией восстания греков и уже во вторую очередь действиями на турецких морских комму-

¹ Фотокопия патента помещена на вклейке книги: *Прахин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб: Алетейя, 2004.

² Обстоятельства приобретения судна описаны в статье: *Сацкий А.Г.* Корсары под Андреевским флагом // *Летопись Причерноморья. Литература, история, археология.* 2006. № 6.

*Портрет князя
Г.А. Потемкина-Таврического.
Художник И.Б. Лампи-старший.
1790-е гг.*

никациях, но к этому вопросу мы обратимся далее.

Покинув Елисаветград, Л. Кацонис во второй половине декабря 1787 г., вместе со своим подчиненным, греком, подданным Венецианской республики, Антонио Зеном, двинулся на запад и вскоре пересек границу Австрийской империи. Добравшись до Вены, он познакомился с греками, братьями Пасхале и Николаем Кассими, направлявшимися из Таганрога в Триест. Видимо, обладавший даром убеждения, майор сумел заинтересовать их выгодами службы под его начальством. Надо полагать, обещания выглядели приблизительно так же, как и те, о ко-

торых позднее писал поручик П. Ятрос: «...В небытность же флота испросить нам удовольствие и награждение от Его Светлости Потемкина-Таврического, во время крейсирования, сколько будет поймано нами турецких судов с товарами и провизиями, десятую долю отдавать в казну, а из остального половину для судов и половину делить всем, каждому по чину...»¹

В словах П. Ятроса привлекает внимание то, что речь идет об условии вознаграждения «в небытность флота» Г.А. Потемкиным. Иначе говоря, вопреки утверждениям некоторых авторов по поводу намерений Л. Кацониса, он набирал людей на российскую службу, предполагавшую действия как до, так и после прибытия на театр военных действий Балтийской эскадры. При этом майор, видимо, имел законные основания назначать других лиц даже командирами каперских судов. Как доносил Г.А. Потемкину 18 февраля 1788 г. Н.С. Мордвинов: «...Для вооружения корсарских судов патентов роздано мною: императорскому генерал-консулу Розаровичу — 4, херсонским жителям Буше — 5, греку Ризо Андрееву — 1, отстав-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

ному подпоручику графу Спиридону Булгари — 2, майору Ламбро Качони — 3... майор Ламбро Качони объявил, что наименует одно судно «Князь Потемкин-Таврический»»¹. Однако кому именно были переданы Л. Кацонисом взятые в Херсоне патенты, не установлено.

Когда спутники добрались до Триеста, братья ссудили своему новому начальнику 4000 пиастров на вооружение судна, «возврата коих никогда не требовали», как, противореча фактам, писал позднее Пасхале Кассими. Заметим, что спустя два года, 15/26 июля 1790 г. Л. Кацонис заключил с Николаем Кассими соглашение, согласно которому в уплату долга передал ему «две трети» кирлангича «Принц Константин» (как назвал его Пасхале Кассими, по другим данным «Святой Константин»), т. е. формально расплатился с займодавцем, надо полагать, не без напоминания с его стороны. Тем не менее, после войны П. Кассими пытался получить всю сумму от казны².

Примечательно, что в послевоенное время вопроса об участии других кредиторов не касалась ни одна из сторон. В частности, братья Мордвиновы настаивали на исключительной роли компании, о чем говорит письмо генерал-майора В.С. Томара полномочному министру в Венеции А.С. Мордвинову, от 13/23 <Так!> марта 1792 г.: «Видя из письма Вашего Превосходительства, от 6/17 сего течения (года. — *Р.К.*), что вооружение флотилии в Триесте полковника Ламбра составлено было на кошт брата вашего Николая Семеновича, крайне сожалею, что до сих пор не был уведомлен о сем ни от братца вашего, ниже от вас в проезд мой дважды чрез Венецию еще в прошлом году»³. Братья же Кассими ни словом не обмолвились, что Л. Кацонис использовал какие-либо средства, кроме их собственных. Между тем, сам майор еще в феврале 1788 г. особо подчеркивал роль пятерых братьев Вадали, триестских греков, содействовавших ему⁴. Заявлял о своем участии в покупке судна и капитан Ризо Андреев, независимо от Л. Кацониса прибывший в Триест с патентом Н.С. Мордвинова⁵. Кроме того, согласно аттестату, выданному Л. Кацонисом триестскому купцу Николо Гиорги 2/13 апреля 1791 г., тот помогал его флотилии «во все время войны, с самого начала», как полагает Г.Л. Арш, бескорыстно⁶.

По словам А. Зена, в Триест они с майором приехали 13 ян-

¹ МИРФ. Ч. XV. СПб, 1890. С. 90–91.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 2 об, 11, 15.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 176.

⁴ См. Пряжин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 255.

⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 537.

⁶ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 75.

Вид Триеста. 1776–1782 гг.

варя 1788 г. Заметим, что из писем В. Каваллара, как указывал и А.Г. Сацкий, следует, что это произошло 10/21 января¹. Вскоре Л. Кацонис приобрел трехмачтовое 18-пушечное судно, получившее, в соответствии с записью в patente, имя «Минерва Северная», и безотлагательно приступил к его снаряжению. Прежде всего следовало выполнить все корпусные и такелажные работы. Наняв нужных мастеровых и распределив надзор за работами между своими помощниками (братьями Кассими и Вадали), майор отправил А. Зена в Венецию, для закупки «ружей, мушкетов, сабель, ядер, картечей, брандкугелей, военных снарядов, сколько потребно было для вооружения фрегата “Минервы”», и тот, погрузив перечисленное, «на маленьком имперском судне капитана Антония Скарпа, так что тамошнее правительство не могло иметь о том сведения, отправился в Триест»².

Сам Л. Кацонис также съездил в Венецию. Некоторые сведения об этой поездке дошли до нас в передаче генерал-майора С.С. Гибса, писавшего в донесении С.К. Грейгу, от 16 августа 1788 г.: «...О приехавшем к нему (А.С. Мордвинову. — Р.К.) еще прежде меня корсере Ламбро, с патентом, подписанным от Его Светлости князя Потемкина, для требования патентов же, подписанных контр-адмиралом, из коих получив он тринадцать, роздал оные, как слышно, по своему изволению и имел уже, наконец, чис-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 361–362.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

Венеция. Художник Ф. Гварди. Конец XVIII в.

ло корсерских судов, превышающее число патентов...»¹

Последнее утверждение требует пояснений, первое же С.С. Гибс подтверждал 26 июня 1794 г., обращаясь в «Комиссию для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну»: «...По прибытии его в июле месяце 1788 года, по силе данной от покойного адмирала Грейга инструкции, в Венецию объявил ему пребывающий тогда тамо российский министр г[осподи]н генерал-майор Мордвинов, что де прибыл к нему, министру, вышеупомянутый Ламбро Качиони с патентом, подписанным от Его Светлости г[оспо]дина генерал-фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина Таврического, также и повелением, чтоб дать ему из числа имеющихся у него, министра, 50 корсерских патентов, подписанных контр-адмиралом Мордвиновым, сколько потребует которых, ему, Ламбру, и дано 13-ть...»²

Заметим, что повеление Г.А. Потемкина дать Л. Качонису патентов «сколько потребует» наводит на мысль о некоем плане, более широком, нежели индивидуальное каперство, который если и не был инициирован светлейшим князем, то несомненно утвержден им. А то обстоятельство, что майор сразу взял 13 патентов, наводит на мысль, что он изначально ехал в Триест с расчетом создать флотилию. Однако есть серьезные основания полагать, что компания

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 47.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

Н.С. Мордвинова готова была вооружить, кроме первого судна, о котором и говорится в переписке Б.Б. Скадовского с В. Кавалларом, еще только три, для чего Н.С. Мордвинов и снабдил майора дополнительными патентами.

Если в цитировавшееся выше донесение контр-адмирала, от 18 февраля 1788 г., не вкралась опечатка, и упомянутые в нем три патента были даны Л. Кацонису в Херсоне, перед отъездом за границу, и не передавались им каким-либо лицам на Черном море, то всего в феврале 1788 г. он мог располагать, помимо собственного, именно, еще 16 бланками патентов, а значит, до такой величины могла возрасти предполагаемая флотилия или же, по крайней мере, число каперов, в разное время флотилию составлявших. И это соединение создавалось вне зависимости от планов компании Н.С. Мордвинова, однако по распоряжению Г.А. Потемкина.

Очевидно, в конце января – начале февраля 1788 г. майор приступил к вербовке команды. Недостатка в людях он не испытывал: как раз в те дни начинался набор желающих поступить на службу австрийского императора, готовившегося к войне с Турцией, и в городе хватало добровольцев разных наций, преимущественно местных славян, итальянцев, греков. Так, в числе других, завербовался и Петр Игнац, писавший о себе 20 июня 1794 г.: «1788-го года в феврале месяце оставил я австрийскую службу и вступил в российскую под команду Ламбра Качони в Триесте, на фрегате «Северная Минерва» лоцманом...»¹

В первых числах февраля прибыла закупленная для фрегата артиллерия, и началась ее установка. По данным из «формулярного списка» секунд-майора Лефтери Зигури (Елефтери Цигури), он был принят на службу Л. Кацонисом 10 февраля, «в начале вооружения» «Минервы Северной»². А в письме В. Каваллара Б.Б. Скадовскому, от 29 февраля (надо полагать, нового стиля) 1788 г., уже говорилось, что майор предполагает выйти в море в ближайшие дни³.

Надо сказать, что при снаряжении фрегата Л. Кацонис встретил неожиданное препятствие. В письме из Триеста, от 28 февраля 1788 г. (очевидно, старого стиля), он жаловался Г.А. Потемкину: «...Сколько здесь я понес обиды от господина полковника графа Войновича; он единственно по ненависти в делах моих, что я здесь

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 45. Л. 15.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об – 54.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 365.

собственным моим коштом купил, вооружил и людьми вольными укомплектовал одно трехмачтовое судно, и сей день отправился в корс. Вместо того, чтоб помогти мне, сколько мог старался вредить. Все меры прилагал он, как я самовернейше изведаль, приостановить меня, чтоб я не отправился в корс; такового точно усердия был для меня и брат его меньший. Без всякого пристрастия признаюсь, что я здесь отменно больше доволен чужими, нежели нашими»¹.

«Полковник граф Войнович» здесь, конечно, Иван Васильевич Войнович, служивший перед войной генеральным консулом в Архипелаге (т. е. одним из консулов на землях Османской империи²) и обосновавшийся в Триесте, «его брат меньший», надо полагать, — капитан Георгий (Егор) Васильевич Войнович. Судя по всему, Войновичи сильно досадили Л. Кацонису, если он счел нужным столь многословно пожаловаться на них. Что касается выражения «своим коштом», то понимать его следует в смысле «без привлечения казенных средств» и какого-либо содействия Войновичей, так как Г.А. Потемкин, несомненно, имел представление о финансовых возможностях Л. Кацониса и обстоятельствах его командирования на Средиземное море. В пользу такого предположения говорит и фраза из другого письма майора к светлейшему князю, от 30 октября 1788 г.: «...Рассмотреть сии мои дела и подвиги, без казенных издержек, а во всем на собственном моем коште понесенные»³. Другой оттенок смысла этого выражения может заключаться в противопоставлении ограниченных средств, которые были даны Л. Кацонису компанией Н.С. Мордвинова, и тех, которые привлек, т. е. позаимствовал он сам.

Как следует из еще одного письма майора Г.А. Потемкину, от того же 28 февраля 1788 г., помимо «Минервы Северной», в Триесте вооружались еще два судна. Правда, не вполне понятно, из чьих рук капитаны получили патенты, Л. Кацониса или А.С. Мордвинова. Не исключено, что сведения об одном из этих судов сохранились в архивных документах. Как сообщал уже после войны, 30 мая 1794 г., прапорщик Николай Верготи, принятый Л. Кацонисом на службу в марте 1788 г., майор «сначала определил меня на вооруженной в Триесте шебеке «С-го Николая» поручиком»⁴. Правда, в списках судов флотилии на 1788 г. такой шебеки нет. Если в данном случае

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 254.

² Уляницкий В.А. Русские консульства за границу в XVIII веке. Ч. II. М., 1899. С. DLXXIX–DLXXX; DCI–DCIII.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 272.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

Н. Верготи не спутал названия или же не было переименований, то можно предположить, что капитаны двух упомянутых судов, пообещав майору присоединиться, вышли из Триеста значительно позднее, возможно, затем кто-то из них и вовсе не сдержал своего слова. Что же касается Л. Кацониса, то он и во втором письме повторил: «Сего числа отправился я корсировать...»¹

Оговоримся, что в дошедших до нашего времени документах наблюдается изрядный разнобой в датировке событий. Так, в 1794 г. П. Кассими и А. Зен утверждали, что отправились в море на «Минерве Северной» 3 марта 1788 г.² Как нам представляется, обе даты даны по Юлианскому календарю (старому стилю), что было бы вполне естественным для православных греков, перед тем живших в России³. Можно предположить, что отправив письмо 28 февраля, Л. Кацонис вывел фрегат из гавани Триеста, но лишь на внешний рейд, и продолжил свой путь спустя несколько дней. Не исключено, что эти дни ушли на бесплодное ожидание упоминавшихся выше двух судов, пополнение запасов или какие-либо срочно потребовавшиеся починки.

Как бы там ни было, но в первых числах марта, оставив Триест за кормой, «Минерва Северная» направилась на юг вдоль цепи островов, принадлежавших Венецианской республике, к островам республики Рагузской (Дубровницкой). По некоторым данным, там, у о. Курцола (на северо-запад от Рагузы, приблизительно в 230 морских милях от Триеста — расстояние, которое парусник XVIII в. при хорошем ветре преодолевал за пару суток), Л. Кацонис остановил для досмотра рагузское судно.

Так как отправляясь на театр военных действий, он, судя по всему, не получил письменных инструкций, в том числе и определявших его каперские права и обязанности, то будучи ветераном Архипелагской экспедиции, действовал в соответствии с теми принципами, которыми руководствовались в то время российские крейсера. Как гласила инструкция А.Г. Орлова: «1) Все корабли и суда под турецкими, алжирскими, тунисскими, трипольскими (триполитанскими. — *Р.К.*) и рагузинскими флагами должны быть признаны законными призами со всем их грузом, хотя б на оных и нашелся груз подданных нейтральным державам купцов, то и оный

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 249.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2; Д. 49. Л. 2.

³ Фактически старым стилем (28 февраля / 11 марта) датировано это событие и в статье Г.Л. Арша. См.: *Арш Г.Л. Россия и борьба Греции...* С. 75.

также должен быть признан за добрый приз. 2) Все греческие суда подданных туркам, отходящие или идущие в какой-нибудь неприятельский порт, имеют быть признаны со всем грузом за настоящий приз. 3) Нейтральных держав суда, идущие в неприятельские места, груженные военными припасами, должно останавливать и все запрещенные вещи взять в приз, несмотря на то, что они будут принадлежать нейтральных держав купцам, а судно с остальным не контрабандным грузом отпустить, только как за провоз запрещенных вещей так и за простой денег не платить. 4) Нейтральных держав судами везенный груз на счет неприятельский должен быть взят в добрый приз...»¹

Такой подход, с одной стороны, позволял существенно ущемить всякое судоходство, осуществлявшееся в интересах неприятеля, но с другой – мог вызвать недовольство нейтральных держав, торговавших с Турцией. Надо сказать, что те из них, которые обладали сильным флотом, прежде всего Франция, старались принять меры противодействия. Это грозило осложнить пребывание балтийских эскадр в Средиземноморье. Видимо, исходя из этих соображений, Петербург изначально сводил на нет шансы российских крейсеров в Архипелаге ограничить перевозку грузов туркам нейтральными судами.

Так, уже рескриптом от 19 мая 1770 г. «от избытка осторожности» Екатерина II предписала адмиралу Г.А. Спиридову, чтобы его моряки «в исполнении военного права в рассуждении торговли и навигации нейтральных держав всех вообще, без всякого между ими разбора, сокращали себя в самых строгих пределах умеренности, не делая там купеческим судам осмотров или остановки в плавании их, где в том никакой нужды и пользы быть не может, как, например, в открытом море, а довольствуясь, напротив того, осматривать их только в близости действительно блокированных мест и тут, а не инде где отбирать у них, но и то за настоящую плату, все под именем контрабанды, именно оглавленные военные снаряды; в других же случаях везущим к неприятелю таковые товары приказывать ехать назад...»²

Смысл сказанного становится понятнее, если обратиться к высочайшему рескрипту Г.А. Спиридову от 15 июля 1769 г., где указано: «...Что касается до контрабанды, по точной силе нашего с Англиею коммерческого трактата, конфискуя все то, что в оном

¹ МИРФ Ч. XII. СПб., 1888. С. 42.

² МИРФ Ч. XI. СПб., 1886. С. 549–550.

оружием и военными снарядами именно оглавлено и везется прямо к неприятелю, также и все ему собственно принадлежащее, но не забирая однако самих судов, какой бы они христианской нации ни были, хотя турецких подданных...»¹

Упомянутый же «коммерческий трактат», точнее подписанный в Петербурге 20 июня / 1 июля 1766 г. «Трактат о дружбе и коммерции» содержал следующее определение военной контрабанды: «Артикул 11. Все пушки, мортиры, огненное ружье, пистолеты, бомбы, гранаты, зажигательные и иные к стрельбе употребляемые ядра, фузеи, кремни фузейные, фитиль, порох, селитра, сера горючая, латы, пики, шпаги, портупей, патронные сумы, седла и узды, которые сверх того числа, сколько оных к употреблению на том корабле потребно быть может или сколько каждому из корабельных служилых людей и пассажиров на том корабле иметь надлежит, имеют разумеются в числе воинской амуниции, или припасов; и ежели такие найдены будут, и оные, яко контрабант или запрещенные имеют быть по правам конфискованы...»²

Здесь привлекает внимание расплывчатость критерия «сколько оных к употреблению на том корабле потребно быть может». Учитывая мощь не только британских, но и французских военноморских сил, на которую опиралась морская торговля этих держав, с трудом можно представить себе, что российские крейсера могли бы навязывать свое понимание того, какое количество перечисленных в «артикуле 11» предметов «потребно» для задержанного им коммерческого судна. Что же касается грузов, не входивших в перечень, то они и вовсе не подлежали изъятию, хотя продовольствие для войск не менее важно, чем оружие или боеприпасы.

Причем, хотя предписанное в рескриптах Екатерины II непосредственно относилось к соединениям регулярного флота, но соблюдать должный политес по отношению к нейтральным судам обязывались и каперы. Результат можно было предугадать. Недаром А.Г. Орлов во всеподданнейшем донесении от 20 августа 1772 г. заметил, что при возобновлении военных действий после перемирия он считает нецелесообразным платить «цену столь несходну, что чрез то более убытка себе, нежели изнеможения неприятелю произойдет», и нежелательным пропускать «все беззадержно». Трудно сказать, получил ли граф к тому времени высочайший

¹ МИРФ Ч. XI. СПб, 1886. С. 374.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 17. СПб, 1830. С. 823.

рескрипт от 23 июня 1772 г., но весьма вероятно, что его донесение заставило императрицу направить ему еще один рескрипт, от 18 декабря 1772 г., которым А.Г. Орлову вновь предписывалась сугубая осторожность по отношению к нейтральным судам, доставлявшим в Константинополь продовольствие. В итоге это не могло не отразиться на отношении к нейтральному судоходству в целом¹. С начала же 1780-х гг., когда Екатерина II стала выступать защитницей прав нейтральных держав, возврат к прежним нормам тем более стал невозможен. К тому же, с некоторыми средиземноморскими государствами Россия подписала торговые соглашения (с Францией в 1786 г., с Неаполитанским королевством в 1787 г.), которые императрица, очевидно, ценила выше возможности поставить под удар морские коммуникации турок.

Впрочем, осмотру нейтральных судов утвержденные 31 декабря 1788 г. «Правила для партикулярных корсеров» формально не препятствовали. Правда, они разрабатывались за тысячи верст от Херсона — в Петербурге, за границу еще не высылались и майору не могли быть известны. Позволим себе заметить, что ввиду явной безуспешности крейсерства времен Архипелагской экспедиции, оказавшегося не в состоянии пресечь подвоз продуктов в Константинополь морем, незнакомство Л. Кацониса с «Правилами», основанными на тех же принципах в отношении к нейтральным судам, быть может, сыграло положительную роль: его действия потревожили купцов, торговавших с Турцией, а это всегда ведет к росту цен на товары и осложняет положение неприятеля. С другой стороны, неинформированность майора пагубно отразилась и на нем самом, помимо прочего, и в случае с рагузским судном.

Рагузская (Дубровницкая) республика граничила с Османской империей и с 1526 г. признавала ее протекторат. В годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., по словам В.В. Макушева: «...Дубровничане продали много своих кораблей туркам-дульциньотам (исламизированным албанцам. — *Р.К.*), занимались снабжением турецкого флота съестными припасами, дубровницкие моряки управляли артиллерией Короны при осаде ее нашими войсками, и два корабля под дубровницким флагом сражались против нас при Наполи-ди-Романия. Граф А. Орлов потребовал от Респу-

¹ МИРФ Ч. XII. СПб, 1888. С. 14–15, 126. А.С. Кротков писал об инструкции от 16 февраля 1773 г., видимо, неверно истолковав слова из донесения А.Г. Орлова от 1 марта 1773 г. о курьере, 16 февраля доставившем рескрипт от 18 декабря 1772 г. См.: Кротков А.С. Указ. соч. С. 59–60.

План города и залива Рагузы

блики немедленного удовлетворения, а в июне 1775 года предписал ей следующие условия: 1) соблюдать впредь строгое невмешательство, 2) принять русского консула...»¹

Российский консул в Рагузе появился лишь спустя тринадцать лет. Как писал М.М. Фрейденберг: «...Лишь в ходе следующей Русско-турецкой войны, российским генеральным консулом в Дубровник был назначен албанец Антон Джика (Гика), уже несколько лет служивший в штабе А.Г. Орлова»². Первый же пункт соглашения нарушался рагузцами регулярно. В частности, В.В. Макушев отмечал: «В 1798 г. дубровничане нарушили первое условие конвенции 1775 года, занимаясь перевозкою съестных припасов из Архипелага на Мальту, занятую французами, и на угрозы нашего двора отвечали пустыми обещаниями»³.

Не стала исключением и промежуточная война 1787–1791 гг. Понять причины этого явления легко. Как отмечал В.В. Макушев,

¹ Макушев В. Задунайские и адриатические славяне: очерки статистические, этнографические и исторические. СПб, 1867. С. 264.

² Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М.: «Наука», 1989. С. 249. К месту службы А. Джика прибыл летом 1788 г.

³ Макушев В. Задунайские и адриатические славяне... С. 264.

в 1862–1865 гг. служивший секретарем российского консульства в Дубровнике и близко знакомый с предметом: «Недостаток земли и бесплодие почвы уже рано заставили дубровничан подумать о необходимости снискивать пропитание вне родины: морем они были отделены от богатой Италии, горами от хлебородных славянских областей ... Дубровничане всегда славились мореходством, и доселе значительная часть поморского народонаселения снискивает себе пропитание морем... в 1806 году они имели еще 363 корабля...»¹ По данным И.И. Лециловской, в конце XVIII в. Дубровник располагал более чем 270 судами, и на них «перевозились товары, принадлежавшие, как правило, иноземным коммерсантам»². Таким образом, природные условия вынуждали граждан Рагузской республики вести морскую торговлю и заниматься перевозками вне зависимости от того, позволяют им это условия неких международных соглашений или нет.

Касаясь войны 1768–1774 гг., Н.А. Лучинина писала: «Вопреки Положению о национальном мореплавании (1745 г.), запрещавшему перевозить войска, оружие и боеприпасы для воюющих сторон, на дубровнических судах осуществлялись такие перевозки для Турции. Вплоть до появления русской военной эскадры в Средиземноморье в феврале 1770 г. дубровнический сенат смотрел на эти нарушения как бы сквозь пальцы. Но с появлением русских военных кораблей у о. Корфу сенат запретил дубровническим кораблям перевозить вооружение для турецких войск, чтобы не компрометировать себя в глазах русского командования. Однако и это указание не очень строго выполнялось. Дубровнические корабли продолжали перевозить не только продовольствие, но и вооружение и даже турецкие войска. Очевидно, что главная причина этих нарушений заключалась в нежелании дубровчан ссориться с Портой. Но нельзя не учитывать и другую: эти перевозки давали хороший заработок, из-за которого капитаны шли на риск»³.

Едва ли есть основания сомневаться, что те же самые факторы продолжали действовать и полтора десятилетия спустя. К тому же, в начале 1788 г. российского флота на Средиземном море не было, а потому не было ни должного контроля за исполнением соглашений

¹ Макушев В. Задунайские и адриатические славяне... С. 233, 276.

² Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 28.

³ Лучинина Н.А. Дубровническая республика и Россия в последней трети XVIII в. // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. Материалы международной научной конференции «Россия и славяне XVIII в. — 1918 г.» (Москва, 25–27 июня 1991 г.). М., 1992. С. 31.

о нейтралитете, ни ощутимой угрозы репрессий по отношению к нарушавшим соответствующие нормы рагузским судовладельцам и капитанам. Наконец, рагузские власти не могли присматривать за многими десятками судов, осуществлявших перевозки между иностранными портами.

В пользу предположения о том, что действия Л. Кацониса имели основания, говорит и В.В. Макушев, указывавший, что на потерпевших рагузских судах находились турецкие товары, но «республика отговаривалась по-прежнему тем, что шкипера этих судов поступили вопреки ее воле и приказанию, и обещала наказать их, вследствие чего Императрица приказала возвратить хозяевам конфискованные суда»¹.

В данном случае речь, очевидно, идет о других судах, так как первого Л. Кацонис не конфисковывал, и судя по всему, обошелся с ним сравнительно мягко. По крайней мере, цитируемое Г.А. Гребенщиковой «донесение консула (в Триесте. — *Р.К.*) С. Варуки», от 25 апреля 1788 г., говорит лишь о том, что майор «21 марта остановил рагузское судно по близости Рагузы и отнял у него около семи сот червонных»². Конечно, нельзя исключить и недоразумения при последующей передаче информации в Петербург, из-за которого изъятие денег трансформировалось в реквизицию судна, а тем более нескольких судов.

Следует подчеркнуть, что решение Екатерины II, в известном смысле, противоречит XI пункту подписанной ею инструкции И.А. Заборовскому, от 7 марта 1788 г., в котором говорилось: «Из Триеста еще вы должны будете отправить в Рагузу человека верного... с грамотою нашею и с ответным письмом нашего вице-канцлера к правительству тамошнему... а на словах... дайте им разуметь, что ежели она (Рагузская республика. — *Р.К.*) останется к нам доброжелательна, не нанося в делах наших ни малого препятствия, то и может надеяться на уважение к ее флагу и охранение ее торговли»³.

Учитывая фактическое признание властей республики, что

¹ Макушев В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1865. Июль – сентябрь. Кн. 3. М., 1865. С. 42.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 112. Заметим, что выводы, которые в большинстве случаев Г.А. Гребенщикова делает из представляемого ею материала, нельзя признать обоснованными, однако мы не ставим перед собой задачу их анализа.

³ Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1382.

шкиперы «поступили вопреки ее воле и приказанию», а стало быть, действовали вразрез с интересами России, вне зависимости от того, подразумевалась ли в данном случае реквизиция судов именно Л. Кацонисом или нет, Рагуза должна была бы потерять право на «уважение к ее флагу». Кроме того, И.А. Заборовский еще не отправился по назначению¹, послания российского правительства властям республики не были вручены, а значит, оснований жаловаться в Петербург, будто российские каперы нарушают какие-либо состоявшиеся соглашения, Рагуза не имела.

Однако с другой стороны, республика формально объявила о нейтралитете, защитницей которого выступала Екатерина II, поэтому вступал в силу XIX пункт той же инструкции, гласивший, что в отношении «государств и народов, в войне не участвующих, должны наблюдать быть в самой крайней точности правила нейтральной системы, так как оные в декларации нашей от 28-го февраля 1780-го года, и потом в разных нейтральных конвенциях и торговых договорах изображены»². Л. Кацонис же на тот момент был одним из немногих российских каперов, поэтому императрице могло казаться уместным продемонстрировать свою приверженность принципам нейтралитета, декларируемым и в «Правилах для партикулярных корсеров», наказанием этого капера, что она и сделала, не дожидаясь разъяснения ситуации.

Заметим, что Ю.Д. Пряхин не исключает возможности того, что фигурирующее в документах судно принадлежало итальянской (сицилианской) Рагузе. Однако это представляется маловероятным. Прежде всего, сицилианская Рагуза – не приморский город, хотя ее купцы могли иметь свои суда, приписанные к тем или иным портам, но едва ли последние фигурировали бы как «рагузские». Затем, сохранившаяся переписка вице-канцлера И.А. Остермана с министром³ в Неаполе П.М. Скавронским, которому, уже в середине мая 1788 г., предписывалось «понудить названного майора к немедленному возвращению вещей и денег» — 700 дукатов —

¹ Согласно указу императрицы Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу, от 14 марта 1788 г., И.А. Заборовский был направлен в Триест, но 9 мая еще оставался в Петербурге. См.: МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 250; Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. М., 1862. С. 61.

² Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1392.

³ Согласно штату Коллегии иностранных дел 1779 года, в Неаполе, Вене, Константинополе и ряде других столиц были аккредитованы «министры второго ранга», в Венеции — «министр». См.: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб, 1902. С. 70.

«капитану Вацетти», командовавшему полякой «Сан Винченсо Ферерио», а также подобные бумаги, отправленные министрам в Венеции, А.С. Мордвинову, и при Тосканском дворе (во Флоренции), графу Д. Моцениго, вполне укладываются в рамки существовавших на тот момент высочайших повелений. Согласно упоминавшимся выше «Правилам для партикулярных корсеров», надзор за их соблюдением, до прибытия в Средиземное море российской эскадры, возлагался именно на П.М. Скавронского и А.С. Мордвинова¹.

Судя по словам самого Л. Кацониса, на реквизицию денег он пошел, учитывая опыт прошлых лет («думая, что как во время прежде бывшей войны рагузинцы были взимаемы нами в призы»²). Заведомого нарушения каких-либо инструкций или правил в его действиях не было. Во всяком случае, оснований для таких обвинений нет. Кроме того, напрашивается серьезное изучение сведений о самих судах — в книге Г.А. Гребенщиковой фигурирует два судна, причем, речь идет о реквизиции то «семи сот червонных» (со слов С. Варуки), то «около 800 цехинов» (со слов подавшего жалобу этому консулу «рагузского корабельщика Якова Франциска»), то о высочайшем повелении возратить «около 700 дукатов» «капитану Вацетти»³. Но возникает подозрение, что речь идет об одном и том же капитане, а все сведения о втором судне являются отголоском событий «21 марта» у о. Курцола, запоздало доходившим до дипломатических представителей из различных источников, либо в действительности относятся к захватам рагузских судов другими каперами, в частности, С. Калигой.

Что представляется несомненным — судно Л. Кацонис у владельца не отнимал и никто из его команды убит не был, более того, спустя полгода, когда до майора, наконец, дошли сведения о высочайшем неудовольствии его поступком, он вернул реквизированные средства капитану под расписку, о чем мы скажем ниже, так что поведение капера, по меркам того времени, следует считать довольно сдержанным.

Для сравнения обратимся к неоднократно публиковавшемуся на английском языке «журналу Уильяма Дэвидсона». Заметим, что этот источник вызывает у исследователей вполне понятное сомнение — автор, английский моряк, якобы, служивший на рос-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 969.

² В письме Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г. См.: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность ... С. 275.

³ *Гребенщикова Г.А.* Указ. соч. С. 113, 114, 116.

*Торговое судно.
Художник Д. Каналетто*

сийском каперском судне «St. Dinnan» (по другим изданиям «St. Dinian», «St. Derman»¹), которого нет в известных списках таких судов, помимо своего желания остававшийся на его борту с 1 сентября 1788 г. по 6 сентября 1789 г., скуп на детали, утаивает имена, уделяет мало внимания географии, а главное – умер до публикации «журнала», осуществлявшейся другими лицами – британскими морскими офицерами, в период обострения российско-английских отношений после Тильзитского мира. Без привлечения дополнительных источников судить о достовер-

ности сообщаемых У. Дэвидсоном сведений трудно².

Однако ввиду того, что в нашем распоряжении такие источники есть, и они не позволяют категорически отрицать все, описываемое в «журнале» У. Дэвидсона, некоторыми его сведениями можно было бы воспользоваться. Более того, даже если редакторы «журнала» и «отредактировали» его, стремясь представить российских каперов сущими пиратами, то вынуждены были придерживаться определенных рамок реалистичности в описании их действий, чтобы не вызвать подозрений у искушенного британского читателя.

Оговоримся, что датировка событий в «журнале» сомнительна. Судя по всему, она смещена на год вперед. Однако этот вопрос мы рассмотрим далее, здесь же заметим, что среди наименее сомнительных записей, подтверждаемых и материалами иного происхождения, есть упоминание о захвате 13 июня (н. ст.) греческого судна «с грузом дерева для турок. Мы высадили людей из него и предали его огню» (Greek ship loaded with wood for the Turks, which

¹ Christian Warfare against the Turks in 1789 // Monthly Magazine. 1823. № 386. P. 130.

² О сомнениях в достоверности журнала пишет, например, Энтони Кросс. См.: Cross A. G. «By the Banks of the Neva»: chapters from the lives and carriers of the British in eighteenth-century Russia. Glasgow, 1997. P. 210.

we took the men out of her, and set her on fire), вечером 24 июня, у Кипра, было встречено «турецкое» судно с медом, маслом и хлопком, приз отправили в Ливорно, а плененный экипаж на следующее утро предали смерти (next morning we put the prisoners to death) и т.д. Всего, по словам позднейших публикаторов, «St. Derman» «в течение года захватил четырнадцать, и уничтожил семнадцать турецких или греческих судов; казнив 1500 турок и людей других национальностей» (within one year the St. Derman captured fourteen, and destroyed seventeen Turkish or Greek vessels; putting to death upwards of 1500 turks and others)¹. Кровью окрашены все страницы «журнала», и на фоне описания деяний этого приватира поступки Л. Кацониса кажутся поистине вегетарианскими.

Заметим также, что в военное время жестокость к гражданскому населению проявляли не только каперы, но и моряки регулярно-го флота. Благодаря «Журналу Хметевского», мы знаем о репрессиях по отношению к грекам во времена Архипелагской экспедиции. Так, в декабре 1772 г. французский фрегат «стоя у Скиро на якоре, да и в нашей будучи службе, две греческие фелюги, нагруженные пшеницею, арестовал, людей взял к себе на фрегат, под видом, якобы они были разбойники, всех перековал и хотел головы их рубить, для чего вынесены были плахи и топоры, и представлены были для экзекуции, окружа солдатами; но как стали одного грека расковыривать и притом может еще убили, то он, видя, что уже смерть близка, схватил свои железы и который француз больше всех ему досадил, ударил, то все стоящие солдаты подняли его в штыки и бросили в воду и еще от капитана велено было по нем стрелять из ружей; прочие остались по-прежнему скованы. Греки имели паспорта от адмирала Спиридова, контр-адмирала Арфа... только капитан, не взирая ни на что, бросал паспорта на пол и ничему не верил...»²

Что касается квалификации действий Л. Кацониса, заметим, что суждения о них, составленные по жалобам заинтересованных лиц: пострадавших и сочувствующих им, в отсутствие свидетельства сторонних наблюдателей, заведомо необъективны. Многочисленные нарекания в адрес майора, исходившие от местных купцов и судовладельцев, а также внимавших им российских дипломатических представителей, имеют шаткие основания. Опубликован-

¹ Journal of a Levant pirate // The Edinburgh Annual Register, for 1810. Vol. 3. Part 2. Edinburgh 1812. P. 59, 60; Letters Eastern question and the war. Extracts from the Journal of a russian privateer. L., 1856. P. 110.

² Журнал Степана Петрова сына Хметевского... // Современник. 1855. № 2. С. 140.

ные и отчасти архивные материалы позволяют усомниться в справедливости таких нареканий, тем более, что часть их относилась к действиям не самого Л. Кацониса, а его подчиненных, находившихся в отдельном плавании, или даже офицеров казенной флотилии.

Например, в «Пояснении разных прошений и жалоб касательно флотилии в Архипелаге», составленном В.С. Томара уже по окончании войны, говорилось по поводу жалобы А. Розолимо на капитана Г. Каравиа «за смертоубийство и ограбление судна родственников своих и на генерал-майора Тамару, за то, что поручил он разбирательство сего дела сообщникам самого разбойника»: «По сему прошению предписал я командовавшему флотилиею в Мессине майору Кассими, пригласив консула, вице-консула и по выбору обеих сторон офицеров, дело разобрать. Александр Розолимо суду таковому подвергнуться не захотел. А по справке явилось, что ограбление судна и смертоубийство, прописанные в жалобе его, последовало гораздо прежде существования в Средиземном море каких-либо судов наших и над неприятелем поисков, також гораздо прежде, нежели капитан Гаврило Каравиа вступил в службу, и не от него учинено, а от Ивана Сифано, никогда в нашей службе не бывшего и из числа разбойников, которые в Средиземном море никогда не переводятся и называются бандиты. Почему и дело сие, яко до нас не касающееся, мною брошено». Далее генерал-майор прибавлял: «Кажется, что дело сие хотели каким ни есть образом свалить на арматоров наших, чтоб после иметь притязания на казну, поелику ни один из арматоров не в состоянии заплатить суммы, следующей по таковой претензии»¹.

В целом из пояснений В.С. Томара вырисовывается картина интриг и клеветы некоторых лиц, подвизавшихся на берегу, особенно советника посольства в Вене П.А. Феррьер, в отношении командиров судов флотилии Л. Кацониса, а также его самого. Помимо этого, жалобы, отнюдь не всегда обоснованные, подавались на С.С. Гибса, И.А. Заборовского, В.С. Томара, консула в Ливорно И.С. Каламаи и других. Наконец, само наличие жалоб свидетельствует, что Л. Кацонис не уничтожал свидетелей, как сделал бы подлинный пират и как, согласно «журналу» У. Дэвидсона, поступал командир капера «St. Dinnan».

Возвращаясь к досмотру рагузского судна, заметим, что в упоминавшемся донесении С. Варуки, как и в донесении П.М. Скав-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 382–383. Г. Каравиа служил в казенной флотилии.

ронского, не уточняется, каким именно стилем датировано событие. К сожалению, не придает этому значения и Г.А. Гребенщикова, ссылавшаяся на документы АВПРИ. Поэтому остается гадать, то ли речь идет о 10/21 марта, и тогда вполне можно допустить, что у Л. Кацониса на путь от Триеста до о. Курцола ушла неделя (если считать с 3 марта), то ли о 21 марта / 1 апреля, и в этом случае придется предполагать, что он по какой-то причине длительное время стоял на якоре или бесцельно бродил в водах Северной Адриатики.

Как нам представляется, для «грека — «дворянина острова Корфу»» С. Варуки, многие годы являвшегося подданным Венецианской республики, а с 1782 г. служившего консулом в Триесте, более привычным являлся новый стиль¹. Поэтому он, скорее всего, просто сохранил датировку события жалобщиком-католиком. Если такое предположение верно, то с учетом времени, затраченного на досмотр поляки «Сан Винченсо Ферерио», хронология дальнейших действий Л. Кацониса выглядит убедительнее. Правда, остается вопрос о том, в какой мере С. Варука был точен в изложении обстоятельств произошедшего, ведь консул, разумеется, лишь передавал по инстанции жалобы пострадавших или же доходившие до него слухи, так как свидетелем общения Л. Кацониса с «капитаном Вацетти» у о. Курцола не был. Альтернативных сведений об осмотре упомянутой поляки, например, в более поздних бумагах бывших офицеров «Минервы Северной», нет — столь неоднозначное, а вместе с тем, незначительное событие они не вспоминали, его лишь вскользь упоминает в своем донесении Л. Кацонис.

От берегов Рагузской республики фрегат двинулся на юг. Спустя несколько дней, 23 марта, «Минерва Северная» достигла о. Занте (Закинф), который, как и весь Ионический архипелаг, находился под властью Венецианской республики. Почему Л. Кацонис избрал именно этот остров, нам неизвестно, однако последний часто использовался венецианским флотом. Побывавший на Занте после освобождения из Семибашенного (Едикульского) замка бывший министр в Константинополе Я.И. Булгаков 25 ноября / 6 декабря 1789 г. писал А.А. Безбородко: «Бросили якорь в Занте, где стоит с линейными кораблями и двумя фрегатами венецианский адмирал Эмо»². Речь шла об Анджело Эмо, которого считают последним выдающимся адмиралом Венецианской республики — реформаторе

¹ Уляницкий В.А. Исторический очерк русских консульств за границей // Сборник МГАМИД. Вып. 6. М., 1899. С. 404.

² Сборник ИРИО. Т. 47. СПб, 1885. С. 210.

Занте

флота и последовательном борце с пиратами. Я.И. Булгаков особо подчеркивал, что адмирал с большой «чувствительностью» отзывался о Екатерине II. На наш взгляд, это означало, что А. Эмо не имеет существенных претензий и ко всему тому, что как-то связано с именем императрицы, включая российских каперов.

Нужно принять во внимание, что разговоры министра с адмиралом имели место полтора года спустя после первого появления у Занте одиночного фрегата Л. Кацониса и вскоре после того, как он прибыл туда на зимнюю стоянку с целой флотилией в конце кампании 1789 г. Учитывая все, известное о личности А. Эмо, можно считать, что в водах Ионических островов на протяжении 1788–1789 гг. преследовалось всякое пиратство. Окажись российские каперы замешаны в явном разбое, тем более неоднократно, венецианский адмирал жестко пресек бы их деятельность, как пресекал даже попытки подчиненных Л. Кацониса реквизировать турецкую собственность на венецианских торговых судах и, надо полагать, не постеснялся бы коснуться этого вопроса в беседах с Я.И. Булгаковым — как-никак, последний направлялся в Петербург, но в опубликованной переписке министра с А.А. Безбородко данная тема не фигурирует.

К слову, из Константинополя в Дарданеллы Я.И. Булгаков добирался на рагузском судне, о чем сказано в упомянутом выше письме, и шкипер этого судна был «нанят Портоку», а перед тем другое рагузское судно с той же целью нанималось французским посланником. Наличие в гавани столицы Османской империи рагузских судов осенью 1789 г. лишний раз подтверждает, что их владельцы осуществляли перевозки турецких грузов, несмотря на заявленный властями республики нейтралитет и отмеченную Я.И. Булгаковым готовность рагузцев помогать, разумеется, за деньги, которую он называл «преданностью нам», т. е. России. Несомненно, рагузцы стремились заработать любым способом, и было бы наивным полагать, что в число перевозимых ими грузов не входила военная контрабанда, тем более продовольствие, доставку которого пыталась пресечь еще во времена Архипелагской экспедиции российская эскадра. Таким образом, негативное отношение Л. Кацониса к рагузскому судоходству представляется отнюдь не беспочвенным.

Как долго «Минерва Северная» оставалась у Занте, неизвестно. О дальнейших действиях Л. Кацониса мы можем судить по его письму от 23 апреля 1788 г. «Мордвинову». Заметим, что Ю.Д. Пряхин считает адресатом этого послания А.С. Мордвинова. И в самом деле, есть немало оснований атрибутировать этот документ именно так: слова «находящийся в Цефалонии Ваш консул г. Бичилли», похвальный отзыв об «усердии к службе» этого консула, известия из Константинополя, которые могли быть важны прежде всего российскому министру в Венеции. Однако смущает просьба о своем рвении «доложить главной нашей команде», под которой, судя по всему, понималась сама государыня, и обращение «В.С.» (что могло означать как «Ваше Сиятельство», так и «Ваша Светлость»), ибо титуловать подобным образом А.С. Мордвинова (равно как и его брата Н.С. Мордвинова, в то время не имевшего графского титула), не было оснований. Так, в известных нам письмах Л. Кацонис обращается к Н.С. Мордвинову «Ваше Превосходительство», а об А.С. Мордвинове говорит «Его Превосходительство»¹.

Между тем, опубликованное в «Материалах для истории русского флота» сразу за этим письмом другое, от 3 мая 1788 г., в заключительной части содержит аналогичную аббревиатуру «В.С.» и фигурирует как письмо светлейшему князю Г.А. Потемкину². Оба

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 462, 466, 467; Т. 2. СПб, 1901. С. 453, 460.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 254.

эти документа, судя по сноскам составителей МИРФ, хранились в «делах князя Потемкина». Это дает основания предполагать, что письмо, как и некоторые другие бумаги Л. Кацониса, существовало в двух вариантах: для светлейшего князя и для Н.С. Мордвинова, либо было скопировано для последнего, получило надлежащую помету, в соответствии с которой и было атрибутировано публикаторами.

Впрочем, вне зависимости от адресата, письмо содержит некоторые подробности действий Л. Кацониса, начиная с конца марта 1788 г. Заметим сразу, что в первой же строке послания сказано о некоем «письме от 23 прошедшего», т. е. марта месяца. Очевидно, письмо это было написано сразу по прибытии «Минервы Северной» на Занте, откуда его можно было отправить с оказией. К сожалению, если оно и сохранилось, то не введено в научный оборот, хотя там могут содержаться какие-то сведения о плавании из Триеста. Предлагаемая Г.А. Гребенщиковой датировка появления Л. Кацониса на острове — 24 марта, опирается на донесение местного консула Д. Загурицкого¹. Видимо, именно в этот день он узнал о приходе фрегата.

В письме же от 23 апреля далее говорится: «...В Архипелаге взяты мною в призу 2 небольшие судна под флагом турецким, именующиеся кирлагичи; сии кирлагичи из числа тех, которые делали в островах Идре и Спеччио для турецкого флота на Черное море... поворотясь нарочно в Цефалонию, вооружил надежно, ибо только имели одно 6, а другое 2, ныне же одно о 22, другое о 16 пушках»². Эти события произошли на протяжении месяца, а исключая время на стоянку, видимо, около трех недель. За это время парусник XVIII в., при благоприятных ветрах, мог бы преодолеть до 2500 миль — примерно вдвое больше пути от Цефалонии, например, до Дарданелл и обратно. Отсюда можно заключить, что Л. Кацонис вполне мог зайти в Архипелаг, хотя, видимо, не углублялся в него и не задерживался там.

На первый взгляд, в пользу такого предположения говорит цитируемое Г.А. Гребенщиковой донесение С. Варуки И.А. Остерману, от 5 мая 1788 г.: «Чрез прибывшего сюда из Смирны венецианского шкипера известился я, что российский корсар Ламброс Кацони в Модонском море встретился с тремя идриотскими судами

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 114.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 252–253.

Цефалония, замок Айос Георгиос

под турецким флагом, которые не хотели ему повиноваться»¹. По рассказу С. Варуки, идриотам удалось застрелить четырех матросов-каперов и скрыться на берегу Мореи. Действие происходило в водах Ионического моря, омывающих берега Пелопоннеса вокруг крепости Модон (Метони), расположенной в 12 милях к югу от Наварина.

Мы не беремся судить о том, насколько верен рассказ венецианского шкипера и точна его передача С. Варукой, но не исключено, что такая попытка помешать неприятельскому судоходству имела место, и вероятнее всего, в начале апреля, так как «венецианский шкипер» явно узнал о произошедшем не по горячим следам, затем ему еще предстояло добраться до Триеста, да и консул едва ли сел за письменный стол сразу после беседы с ним. Возможно, впрочем, что до С. Варуки дошли слухи, сильно искажившие событие, в котором участвовал другой капер – Х. Сапунцоглу, и для такого

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 124–125.

предположения есть серьезные основания, которые мы рассмотрим далее. Примечательно, что о случившемся с идриотскими судами, брошенными, как можно понять, у самого берега, шкипер, судя по всему, не поведал, хотя в такой ситуации у Л. Кацониса был серьезный резон увести их с собой.

Такой поступок более всего отвечал обстановке. Недаром В.Б. Броневский писал: «Идриоты по всей справедливости заслуживают имя лучших, проворнейших и отважных матросов. Обитая на бесплодной земле, они всю жизнь проводят на море, торгуют чужими произведениями, и очень любят перевозить запрещенные товары. Суда их, строяемые по одному навыку, удивительно легки на ходу, и кажется, построены только для контрабандов ... вооружены пушками...»¹ Едва ли Л. Кацонис оставил бы такие хорошие призы. Впрочем, если венецианский шкипер не ошибся, то два идриотских судна вполне могут претендовать на роль тех призовых кирлангичей, которые упоминались в письме от 23 апреля, однако, и в этом случае можно усомниться, что они относятся к числу тех, «которые делали в островах Идре и Спеччио для турецкого флота на Черное море», т. к. упоминаемые Л. Кацонисом «60 судов», надо полагать, были недавней постройки, а из числа призов как минимум один явно к данной категории не относился.

Захват кирлангичей, получивших имена «Великий князь Константин» и «Великий князь Александр», судя по всему, отразился и в прошении братьев К. и Н. Бицилли, сыновей консула на о. Цефалония (Кефалония) Д. Бицилли (Бечилли) в «Комиссию для свидетельства счетов...», от 4 июля 1794 г. Правда, там говорилось: «...Привел оные 788-го мая 28-го числа в Кефелонию»². Здесь, как и в ряде других случаев, мы сталкиваемся с анахронизмом, причем, датировка братьями Бицилли упомянутого события вызывает серьезные сомнения – слишком мало времени в этом случае отделяет захват судов от последовавших затем действий Л. Кацониса у берегов Анатолии. Во всяком случае, факт такого захвата процитированный документ подтверждает. По словам Л. Кацониса, кирлангичи были вверены Д. Мустаки и «отставному корнету Михаилу» — Михаилу Кало, соответственно.

Если же предположить, что происшествие «в Модонском море»

¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, от 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб, 1837. С. 9–10.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

не имеет отношения к Л. Кацонису, то и в этом случае можно найти свидетельства, подтверждающие взятие им призов примерно в это время в том самом районе Ионического моря. Например, прошение Андрея Анастасио, по словам которого, в марте 1788 г. он лишился кирлангича «Клевтрино», «под иерусалимским флагом», с грузом пшеницы и других товаров. Ряд офицеров флотилии Л. Кацониса (в частности, Лефтери Зигури, Страти Никифораки) свидетельствовал, что судно взято «при островах Закито и Прото», очевидно, на пути от Занте (Zakinthos) к небольшому острову Проте (Prote), расположенному несколько севернее Наварина, т. е. приблизительно в сотне миль от Цефалонии. Возможно, произошло это уже в апреле месяце. Надо сказать, что шкипер остался служить на флотилии, получил чин поручика, но после войны жаловался, будто Л. Кацонис обещал ему возместить убытки, но слова своего не сдержал. Правда, каких-либо документов, подтверждающих собственность на судно, равно как и доказательств того, что он никаких компенсаций не получал, А. Анастасио не представил. Примечательна и красноречивая деталь — «иерусалимский флаг», тогда как город в тот период находился под властью Османской империи. Недаром Л. Кацонис 8 августа 1796 г. с полным основанием объяснял, что взял судно «под турецким флагом»¹.

В письме Л. Кацониса, от 23 апреля, уделяется много внимания рассказу о захваченных судах, видимо, служившему своеобразным отчетом о создании флотилии, однако, там не упоминаются другие действия. Между тем, в «формулярном списке» Лефтери Зигури фигурирует «сожжение дульциниотского судна при о. Занте» 29 марта 1788 г.² Много лет спустя, переписываясь с «Комиссией для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну», созданной в 1794 г., Л. Кацонис писал, что 10 апреля 1788 г. овладел в указанном районе турецким 32-пушечным судном под командованием «райза Зейнеля Дульциниота» и пленил 191 человека³. По словам же А. Зена: «...25 апреля встретилась нам шебека, которою командовал капитан Зейнель дульциот, которой по жестоком сражении, видя себя не в состоянии нам противиться, вознамерился бросить ее на берег или на мель, но узнав его предприятие, г-н Ламбро

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 37. Л. 2, 17, 22, 23.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об – 54.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1049. Его письмо в Комиссию от 6 июня 1797 г. приложено к всеподданнейшему прошению на имя Павла I от того же числа.

Качони послал меня с 50-ю человеками на остров Занте, на пустое оно место, откуда я к совершению неприятельского намерения и воспрепятствовал; так что удалось нам оную шебеку сжечь»¹.

Думается, в первых двух случаях речь могла идти об одном и том же событии, но датированном разными стилями. Что касается рассказа А. Зена, то его датировка боя с судном «Зейнеля дульциниота», скорее всего, восходит к фигурирующей в аттестате, выданном ему Л. Кацонисом 9/20 апреля 1791 г., т.е. спустя три года, и является приблизительной². К слову, во всех тех случаях, когда мы имеем дело не с регулярным флотом, любые датировки событий, даже по судовым журналам, нередко писавшимся задним числом, оказываются приблизительными.

Опираясь на упомянутые выше источники, можно предположить, что в конце марта у Занте «Минерва Северная» оставалась недолго, возможно, несколько дней – для пополнения запасов воды и продовольствия и обтяжки такелажа. Покинув остров, моряки вскоре увидели неприятеля. Приводимые А. Зеном сведения о сражении наводят на мысль о том, что «дульциниотское судно» либо имело 32 порта для орудий, но вооружено было слабее, либо из 32 пушек большую часть составляли малокалиберные, возможно, даже фалконеты, иначе трудно объяснить, как его, без существенного ущерба, одолела 28-пушечная «Минерва Северная»³. Видимо, противник не мог оказать серьезного сопротивления. Однако остается вопрос о причинах сожжения этого корабля. Быть может, он загорелся в ходе боя или был серьезно поврежден и негоден к дальнейшему использованию.

После уничтожения «дульциниотского судна» Л. Кацонис возобновил поиск призов. Об этом говорит жалоба «вице-консула короля Обеих Сицилий» (Неаполитанского) на о. Зеа Г. Пангалиса, который 19 мая 1788 г. (очевидно, нового стиля, т.е. 8/19-го) явился «в здешнюю консульскую венецианскую канцелярию в Зее» и потребовал составить акт о захвате Л. Кацонисом его судна. В позднейшей записке Г. Пангалис указывал: «По взятии в 1788 году российским арматором майором Ламбром Качонием на водах Зант-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

³ По словам самого Л. Кацониса, в августе 1788 г. фрегат был вооружен 28 пушками. См.: Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 464. Между тем, в литературе фигурируют разные цифры: согласно данным Ю.Д. Пряхина, «Минерва Северная» поначалу была вооружена 26 пушками, по данным же В.Д. Овчинникова — 28 орудиями. См.: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 135; Овчинников В.Д. Федор Ушаков... С. 157.

ских моей тартаны новопостроенной, со всем ее грузом пшеницы, проданной им в Занте с великим ущербом... вооружа ту мою тартану тяжелою артиллериею и удерживая оную при себе...». При ближайшем же рассмотрении оказывается, что шкипер этого судна, Нестор Камбури, просто перешел на службу к Л. Кацонису¹.

Примечательно, что Н. Камбури, по окончании военных действий, утверждал, будто согласился вступить в российскую службу со своим судном «Святой Александр» еще в начале войны, с появлением Л. Кацониса, и 15 мая 1794 г. писал: «...Для скорейшей продажи (груза пшеницы. — *Р.К.*), чтоб вступить в службу, отправился апреля 25-го минувшего 788-го года в Италию, в город Триест (тогда Триест был вольным городом Австрийской империи, хоть и с итальянским населением. — *Р.К.*). Но в пути том близ венецианского острова Занте повстречался с флотилиею помянутого г[осподи]на Качони 28-го числа того же месяца, в полночь, чрез сигнал остановлен и призван оным г[осподино]м, который лично просил меня принять службу, на что согласясь, как и по прежнему его письму, со всею моею усердностью...»²

Судя по всему, Н. Камбури, как и владелец судна Г. Пангалис, датирует события новым стилем, и «остановлен» он был в ночь с 17/28 на 18/29 апреля, тартана же его «Святой Александр», возможно, и является тем самым «кирлангичем “Великий князь Александр”», о котором говорилось в письме Л. Кацониса, от 23 апреля 1788 г. То обстоятельство, что судно останавливали «чрез сигнал», скорее всего, холостой выстрел из пушки, на наш взгляд говорит о том, что флотилия догоняла его, быть может, двигаясь пересекающим курсом, т. е. уже на пути из Архипелага.

Как нам представляется, Н. Камбури изложил обстоятельства своего присоединения к флотилии достаточно правдиво. В пользу такого предположения говорит, например, письмо С.С. Гибса «Николаю Семеновичу» (Мордвинову. — *Р.К.*), от 14 октября 1793 г., в котором тот утверждает, будто дал Л. Кацонису ордер, «что судно отдать Нестеру, ибо он мне обещался под командою остаться у Ламбра, дабы не уменьшить его силу (то есть разбойничать)»³. Заметим, что в момент перехода Н. Камбури на службу под начальство Л. Кацониса, в апреле 1788 г., С.С. Гибс никакого отношения к последнему не имел, прибыл на театр военных действий лишь 29

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 85. Л. 4, 6, 47, 110 об – 111.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 14.

июня 1788 г., а формальную власть над майором получил не ранее середины мая 1789 г., с отъездом в Россию И.А. Заборовского. Ордера того содержания, о котором говорилось в письме Н.С. Мордвинову, он Л. Кацонису в 1788 – 1790 гг. не давал, во всяком случае, таковые в его бумагах не найдены.

О неприязни С.С. Гибса к Л. Кацонису и его отношении к крейсерским действиям будет сказано далее, здесь же заметим, что Н. Камбури упоминал свою готовность вступить в российскую службу позже появления процитированных слов С.С. Гибса, но прежде, чем в Петербурге появился Л. Кацонис, которого вызвали туда «ради объяснения некоторых статей по делам средиземноморской флотилии» как гласит письмо графа П.А. Зубова Н.С. Мордвинову, от 6 июня 1795 г., поэтому предполагать, что он испытывал какое-либо давление со стороны бывшего начальника, нет оснований¹. Между тем, тот факт, что Н. Камбури обещал С.С. Гибсу «под командою остаться у Ламбра», с одной стороны, бесспорно говорит о готовности капитана служить во флотилии последнего, с другой – отнюдь не свидетельствует, будто его пришлось на это уговаривать.

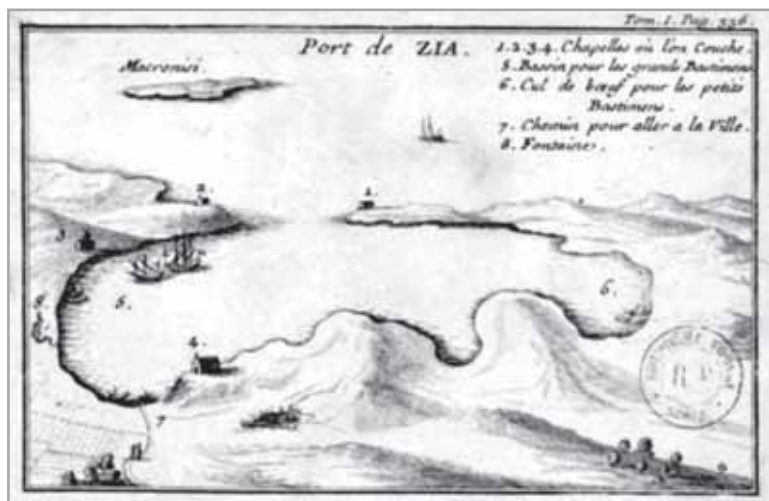
Упоминая некое письмо Л. Кацониса, Н. Камбури, видимо, подразумевает то самое, которое сохранилось в архивном деле по его прошениям, датированное 16 апреля 1788 г. и озаглавленное «Братья и христиане острова Специя». В нем сказано: «...Советую вам, кто пожелает, вступить в службу, а семействам вашим ехать в Зею, поелику я намерен иметь там свое пребывание...»²

Речь о базе каперской флотилии на острове Зеа пойдет далее, здесь же заметим, что после войны, 6 июня 1797 г., Л. Кацонис писал: «...Князь (Г.А. Потемкин. — *Р.К.*) при поручении мне экспедиции ко Средиземному морю рекомендовал мне изустно стараться именно овладеть таким островом в Архипелаге, который бы имел хороший порт и мог бы служить местом укрепления в военное время и центром соединения для Греческой нации к проведению сильной диверсии противу Порты Оттоманской...»³ Надо сказать, что в декабре 1787 г., когда готовилась экспедиция эскадры Балтийского флота в Средиземное море, Г.А. Потемкин едва ли видел в Л. Кацонисе организатора широкомасштабного антитурецкого восстания. Однако нет сомнения, что он намеревался использовать все воз-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 617. На письме помета: «Получено 26-го июля 1795 г.»

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1049 об – 1050.

Порт на острове Зеа.

*Карта, составленная Josef Pitton de Tournefort, опубликована в 1717 г.
(Gallica.bnt.fr/arc:/12148/btv1b59624736.r=.langEN)*

можные способы воздействия на неприятелей, и весьма вероятно, что при встрече в Елисаветграде поощрил braveго грека к предстоящей борьбе с турками, внушая ему мысль, будто от него многое зависит, и ориентируя на захват острова, который мог бы стать базой балтийской эскадры и опорным пунктом для повстанцев.

Как следует из письма от 16 апреля 1788 г., Л. Кацонис изначально присмотрел для этой цели о. Зеа и разослал по островам Архипелага послания, призывая желающих выступить против турецкого владычества присоединиться к нему. Надо полагать, что выходя из Триеста в 1788 г., майор намеревался добраться до облюбованного острова и укрепиться там, возможно, надеясь на скорое появление эскадры С.К. Грейга. Говорил ли он о своих планах Н. Камбури, неизвестно, однако последний решил поддержать его. К сожалению, недостаток данных не позволяет определить, какова доля таких шкиперов среди командиров флотилии за все время ее существования, но известно, что были среди них и другие присоединившиеся к Л. Кацонису со своими судами добровольно.

Что касается Нестора Камбури, то он явно действовал не по принуждению, ибо числится в «Именном списке служившим на флотилии полковника и кавалера Ламбро Качони офицерам и

ныне на оной находящимся», приложенном к письму В.С. Томара А.А. Безбородко, от 30 ноября 1791 г., как один из капитанов, т. е. не покидал соединение на протяжении четырех лет, хотя были примеры иного поведения командиров судов¹.

Впрочем, это обстоятельство не смущало бывшего судовладельца, возлагавшего вину за потерю собственности только на Л. Кацониса. В архивном деле, заведенном по жалобе Г. Пангалиса, реквизированное у него судно фигурирует как «кирлангич «Александр I»», оказавшийся среди остатков флотилии, переведенных по окончании войны на Черное море. Можно предположить, что именно о нем Л. Кацонис говорил как о кирлангиче «Великий князь Александр». По крайней мере, в приложении к письму генерал-прокурора А.Н. Самойлова члену «Комиссии для свидетельства счетов...», вице-адмиралу В.П. Фондезину, от 23 мая 1795 г., указано призовое судно «Александр», собственность на которое делили Л. Кацонис и «капитан Камбури»².

Разумеется, после войны Г. Пангалису было выгоднее утверждать, будто судно присоединено к флотилии Л. Кацониса насильно и требовать от казны компенсации, рассчитывая на свой статус консула Неаполитанского короля. Судя по всему, расчет оказался верным: в документах «Комиссии для свидетельства счетов...» указывается, что судно вернули совладельцу Г. Пангалиса, шкиперу Н. Камбури, которому возместили и стоимость груза пшеницы. Впрочем, получил ли от этого какую-либо выгоду сам консул, нам неизвестно³.

Кроме двух упомянутых Л. Кацонисом призов, еще два капитана присоединились к формирующейся флотилии добровольно. О них майор 23 апреля писал: «В Цефалонии находившиеся по купечеству 2 греческие судна, из островов, одно из Идры, другое из Шкопели (Скопело — *Р.К.*), узнавши о помянутой сделанной мне призе, вдруг прибегли под покровительство нашего флага... и ныне имеют корсировать вместе со мною, состоя под моею командою, также и сии последние вооружил, и теперь оба о 16 пушках». На все четыре новых боевых единицы майор «выдал патенты». По словам Л. Кацониса, он «сей день» «отправлялся вновь в Архипелаг»⁴.

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 244.

² Прякин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 403.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 108.

⁴ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 253.

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют установить, действительно ли шкиперы двух упомянутых судов присоединились к флотилии добровольно или же они сделали это под давлением каких-либо обстоятельств, и как поступили судовладельцы (если шкиперы таковыми не являлись), узнав о судьбе своего имущества. Однако заметим, – есть веские основания предполагать, что часть жалоб на Л. Кацониса исходила именно от владельцев судов, по воле шкиперов и команд ставших каперскими, и жалобы эти подавались на Л. Кацониса потому, что их авторы рассчитывали исказить картину событий, преподнося добровольное присоединение как захват, дабы получить компенсацию от российского правительства.

Возможно, к другому разряду судовладельцев относится грек Пантели, жаловавшийся после войны, что «будучи он уроженец состоящего под турецким владением острова Идры... в 1788 году имел в Средиземном море плавание на собственном своем судне, именуемом «Фортуна», под греческим флагом, но прибывший в тогдашнее продолжение между Российской Империей и Оттоманскою Портою войны от покойного князя Потемкина майор, что ныне полковник, Ламбро-Качиони в Архипелаг, поймав его с прочими мореходцами, оное судно его с 36 человеками матросов, 4 пушками, товаром и прочею принадлежностью отнял, как у военнопленного, в противность высочайшего именного манифеста, изданного в тогдашнее время для греческой нации, и употребил военным...»¹ Такое обращение с идриотом представляется вполне возможным даже вне зависимости от того, кому принадлежал и адресовался товар, о чем судовладелец умалчивал. Заслуживает внимания ссылка Пантели на «именной манифест», хотя такого рода документы не обещали любому греку полного иммунитета от действий каперов.

Таким образом, за счет призов и добровольцев флотилия постепенно увеличивалась. Однако вскоре поимку торговых судов вновь прервало серьезное боевое столкновение. Как говорилось в письме Л. Кацониса Г.А. Потемкину, от 3 мая 1788 г.: «30-го прошедшего апреля в 11 часу по полуночи против Мореи было найдено мною одно судно под флагом турецким, за которым вдруг учинена была погоня, и наконец оное судно все меры приняло бежать к острову Занте; однако недопуская его к берегам помянутого острова

¹ МИРФ Ч. XVII. СПб, 1904. С. 127.

с моим фрегатом и другими тремя бывшими при мне из числа вооруженных судами атаковал... 1 мая по утру взяты»¹. Л. Кацонис сообщал, что команду неприятеля составляли 170 человек, «некоторые алжирцы, другие борборезцы, несколько кандиотов и тулчениотов».

Заметим, что позднее, в донесении С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г., Л. Кацонис указывал: «29-го апреля взято военною рукою одно судно турецкое, на котором были тулчениоты (возможно, искаженное «дульциниоты». — *Р.К.*); сии турки, в отмщение вероломства, от их рода происходящего, преданы смерти, а судно, в рассуждении, что было очень ранено и не было способно к употреблению на службу, сожжено»². Практически те же слова мы видим в письме Л. Кацониса Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., где говорится: «29-го апреля взято мною военною рукою одно судно турецкое, на котором были тулчениоты сто семьдесят человек. Сии турки...»³ К концу ожесточенного боя уцелело 80 «тулчениотов», но все они были казнены как «морские разбойники, разорявшие местное население». Каперам достались 10 пушек из 24, имевшихся на неприятельском судне перед боем.

Не исключено, что факт уничтожения именно этого судна подтверждается рапортом С.С. Гибса С.К. Грейгу, от 16 августа 1788 г., в котором сказано, что А.С. Мордвинов «паче похвалу ему (Л. Кацонису. — *Р.К.*) приписывал за действие, учиненное им противу пятнадцать лет славившегося турецкого морского разбойника, на которого он, напад и разбив, пустил на дно»⁴. Впрочем, есть вероятность, что речь в этом рапорте идет об упоминавшейся выше шебеке «Зейнеля дульциниота». К слову, можно предположить, что действия против судна «морских разбойников» и запомнились А. Зену в качестве боя с «Зейнелем дульциниотом», во всяком случае, воспроизводимые им по памяти в 1794 г. обстоятельства трудно считать вполне отвечающими действительности.

Однако вопросы вызывает и опубликованный текст письма Л. Кацониса, от 3 мая. В частности, внимание привлекают его слова: «Уже ныне в ведомстве моем 10 судов, которые мною в Архипе-

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 254.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 61 об., 63.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 462–463.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 47.

лаге взяты в призы, вооружены и ныне караулят вместе со мною...»¹ Учитывая, что в письме от 23 апреля фигурировало только четыре судна, помимо «Минервы Северной», появление еще пяти, тем более «взятых в Архипелаге» в течение недели выглядит сомнительным, тем более, что вечером 30 (или 28) апреля фрегат бросился преследовать «судно под флагом турецким», не то с дульциниотскими, не то с алжирскими пиратами, двигавшееся в сторону Занте, у берегов которого и было написано письмо от 3 мая.

Невольно возникают сомнения в датировке текста последнего. Бумаги Л. Кацониса сохранились как в подлинниках, так и в копиях, причем, некоторые, в переводах на иностранные (итальянский, французский) языки². Часть подлинников написана по-гречески, часть явно надиктована, т.к. текст на русском, возможно, записанный секретарем командующего флотилией Иваном Базилевым, имеет греческую подпись. Заметим, что сохранившиеся документы, на наш взгляд, не позволяют ответить на вопрос: умел ли сам майор писать по-русски и насколько хорошо. Заметим, что большинство перебравшихся в Россию греков русскую грамоту так и не освоили, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы³. В случае же с письмом от 3 мая остается также неизвестным, публиковалось ли оно по подлиннику или по копии. Если последнее предположение верно, то не исключено, что при переписке документа по ошибке к посланию от 3 мая была присоединена концовка более позднего письма. Впрочем, возможно, что письмо было лишь подписано 3 мая, но не отослано, и позднее к нему добавлен своего рода постскрипtum о 10 судах, взятых в призы. Наконец, нельзя исключить того, что среди призов числились и отправленные на вооружение в какие-то порты, а потому не сопровождавшие «Минерву Северную».

Сведений о том, когда Л. Кацонис покинул Занте, пока не найдено. Однако судя по хронологии его дальнейших действий, оставался он там недолго. Тем временем, жалоба на майора, в связи с

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 254–255. Есть некоторые, несущественные разночтения этого варианта текста письма с опубликованным Ю.Д. Пряхиным по архивному документу: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность... С. 262–264.

² Например, в РГАВМФ сохранился экземпляр «Перевода рапорта майора Ламброс Кацони», в котором упоминался захват судна капитана Zeinelli у острова Занте на французский язык: РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 99. Л. 13.

³ РГАВМФ. Ф. 245. Оп. 1. Д. 110. В деле подшит ряд «формулярных описаний» и списков иностранцев в составе офицеров Черноморского флота, из которых можно узнать чин, дату приема на службу, национальность, возраст, владение грамотой. Абсолютное большинство — греки.

*Портрет
императрицы Екатерины II.
Художник Д.Г. Левицкий, 1794 г.*

реквизицией денег на поляке «Сан Винченсо Ферерио», дошла до Петербурга. Как указывает Г.А. Гребенщикова, 15/26 мая 1788 г. И.А. Остерман подписал депешу П.М. Скавронскому, в которой говорилось, что Екатерина II «с большим неудовольствием узнала о насилии ... в отношении рагузинского флага» и повелела «не только понудить названного майора к немедленному возвращению вещей и денег, но и лишить его патента и отстранить от выполнения порученного ему дела...»¹

Такая реакция показывает, с одной стороны, что императрица, как это часто случает-

ся с людьми, облеченными большой властью, поспешила наказать подданного по первому впечатлению, не разобравшись в сути произошедшего, видимо, практически сразу по получении в Петербурге донесения С. Варуки от 25 апреля. Впрочем, ее поведение, возможно, объясняется тем нервным напряжением, которое она испытывала в тревожные дни перед началом войны со Швецией, о чем писал еще А.Г. Брикнер². На это также указывала О.И. Елисеева: «С возвращением Г.А. Потемкина в Петербург (4 февраля 1789 г. — Р.К.) Екатерина II успокоилась. Судя по записке А.В. Храповицкого, прекратились частые до того слезы, тревоги, мелочные выговоры лицам из ближайшего окружения...»³

С другой стороны, слова И.А. Остермана служат доказательством того, что Л. Кацониса считали тогда в Петербурге не обычным капером, а офицером, которому «поручено дело». Как можно понять, к депеше вице-канцлера прилагался экземпляр «Правил для партикулярных корсеров», в то же самое время посланных

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 116.

² Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб, 1885. С. 453.

³ Елисеева О.И. «Любезный мой питомец». Екатерина II и Г.А. Потемкин в годы второй русско-турецкой войны (1787–1791) // Отечественная история. 1997. № 4. С. 30.

А.С. Мордвинову, одному из тех, кому, согласно этим «Правилам», полагалось следить за их соблюдением, и графу Д. Моцениго. Это лишний раз подтверждает, что ранее «Правила» российским дипломатическим представителям в странах Средиземноморья не высылались, а значит, ранней весной 1788 г. до отправлявшегося в крейсерство Л. Кацониса доведены не были.

Майор и сам писал в своем рапорте С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г.: «В Занте поручена мне инструкция о корсарах-волентирах, когда я уже возвращался из корса»¹. Так как на той же странице данного документа указывается: «20-го прошедшего сентября прибыл в Зант...», можно считать, что ранее Л. Кацонис «Правил для партикулярных корсеров» не читал.

Помимо высылки «Правил» в Петербурге приняли и другие меры. Спустя несколько дней после подписания 15/26 мая 1788 г. И.А. Остерманом депеши П.М. Скавронскому – 23 мая 1788 г. последовал указ Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу, гласивший: «В отвращение произошедших непорядков от некоторых из арматоров, коим под нашим гюйсом дозволено чинить поиск над неприятелем, повелеваем отправить флота капитана генерал-майорского ранга Гибса, снабдя его потребным наставлением, на основании изданных от Нас правил для помянутых арматоров, також рескрипта к генерал-поручику Заборовскому, от 7 марта сего года, статьи 18, и сходственно предположению нашему, дабы сии арматоры, быв воздержаны от притеснения нейтральных подданных, действовали против неприятеля»². Чьи именно действия охарактеризованы в указе как «непорядки», нам неизвестно, но помимо Л. Кацониса на роль «притеснителя нейтральных» в этот период вполне могли претендовать и другие каперы, видимо, не случайно речь в указе идет о «некоторых арматорах».

Заметим, что кандидатура С.С. Гибса, очевидно, была выдвинута самим С.К. Грейгом. Причина, по которой он это сделал, достоверно неизвестна, однако можно предположить, что адмирал отправил на театр военных действий, куда и сам вскоре собирался, доверенного человека. В литературе он фигурирует как «вступивший в русскую службу в том же году, что и Грейг и бывший с ним в Чесме»³. Известно, что С.К. Грейг высоко оценивал С.С. Гибса как боевого офицера и в письме А.А. Безбородко, от 5 сентября 1788 г.,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 об.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 257.

³ Cross A.G. «By the Banks of Neva»... P. 209.

отозвался о нем как о «более достойном» занимать высокие должности из числа флагманов¹.

Правда, назвать генерал-майора выдвиженцем Самуила Карловича у нас нет оснований — его карьерный рост начался лишь незадолго до войны: в кампанию 1785 г., будучи капитаном бригадирского ранга, он командовал всего лишь линейным кораблем «Владислав», на следующий год — отрядом из трех фрегатов, назначенных для обучения гардемарин и матросов, а в декабре 1787 г., уже в чине капитана генерал-майорского ранга, получил назначение командующим эскадрой в составе второй дивизии Балтийского флота. Последнее, видимо, состоялось не без влияния С.К. Грейга. И на Средиземное море С.С. Гибс был послан адмиралом, судя по всему, как точный исполнитель его замыслов. Надо полагать, сыграло свою роль и определенное знание им региона, и то обстоятельство, что ему, как англичанину, проще было заручиться поддержкой осевших в портовых городах Италии, включая Ливорно, британских подданных, купцов и судовладельцев.

По букве указа императрицы от 23 мая, С.С. Гибсу предстояло следить, чтобы каперы «быв воздержаны от притеснения нейтральных подданных, действовали против неприятеля». А так как последним являлась Османская империя, то речь, таким образом, следовало вести о нарушении ее судоходства, включая и ту, весьма существенную его часть, которая осуществлялась на судах греков — турецких подданных, т. е. практически всех, за исключением жителей Ионических островов, принадлежавших Венецианской республике. Однако положение осложнялось манифестом Екатерины II от 17/28 февраля 1788 г., который можно было истолковать не только как призыв греков к вооруженной борьбе с турками, но и как признание всех их без разбора чуть ли не союзниками в войне. И хотя действительная ситуация к такой трактовке не располагала, активно распространявшийся среди греков и принятый ими с энтузиазмом документ предполагал осторожность по отношению к ним².

Формулировки же указа С.К. Грейгу прямо вытекали из «Правил для партикулярных корсеров», в преамбуле которых говорилось: «...Но как намерение Ее Императорского Величества есть сохранять свято благотворную систему морского нейтралитета, Ею Самою основанную в пользу народов, в настоящей войне с Портою Оттоманскою не участвующих; то для лучшего предохранения

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 364.

² Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 78.

оной и воздержания российских арматоров от всяких предприятий, предосудительных сему постановлению, предписываются им к исполнению правила...»¹

Второй пункт «Правил» гласил: «Неприятельские суда, как военные, так и торговые, российские арматоры имеют преследовать, атаковать, захватывать или истреблять везде, где только случай к тому представится; выключая того, если неприятельское судно, укрываясь, успеет стать под пушечный выстрел от пристани или берегов нейтральной Державы; равным образом никаких неприятельских действий не должны они себе позволять в портах или рейдах, нейтральным Державам принадлежащих...» Здесь заслуживает внимания определение территориальных вод нейтральных держав, в соответствии с принятыми тогда международными нормами – на пушечный выстрел от берегов. Такая неточность оставляла простор для спекуляций на эту тему: всегда можно было заявить о нарушении территориальных вод.

К положению о «неприятельских судах» примыкала и норма, изложенная в пункте четырнадцатом и гласившая: «Если корсер нападет на какое греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами, то оное взять за добрый приз; но когда таковое греческое судно не старается от российских корсеров уходить, а напротив того, придет к ним под покровительство, то сего не брать в плен, но чинить ему всякие пособия и привести в нейтральное место, куда оно пожелает идти, для объявления о нем Российскому Консулу ...».

И в данном случае формулировка оставляла место для спекуляций судовладельцев, которым предоставлялась возможность утверждать, будто их шкипера собирались «прийти под покровительство» каперов, но были пленены в нарушение «Правил», либо отрицать турецкую принадлежность груза. Заметим, что у большинства греков-судовладельцев едва ли был стимул «приходить под покровительство» к российским каперам, так как по окончании боевых действий владельцы груза могли взыскать с них стоимость утраченного. На это, видимо, решались только те, кто думал оправдаться ссылкой на произвол каперов.

Согласно третьему пункту: «Как в военное время нередко бывает, что неприятельский корабль или судно укрывается под флагом нейтральной Державы, равным образом и некоторые из нейтраль-

¹ «Правила для партикулярных корсеров» см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 968–972.

ных подданных, побуждаемые корыстолюбием взять к неприятелям припасы, военными правами запрещенные, то предосторожность требует, чтоб никакие купеческие суда, плывущие к их берегам, без осмотра пропускаемы не были; почему вооруженные Российские корсеры и могут всякое судно, плавающее в Леванте и Архипелаге, под каким бы оно флагом ни было, останавливать и осматривать».

Однако арматорам не разрешалось конфисковывать всякий неприятельский товар на нейтральных судах, так как, согласно пункту четвертому «Правил», «по принятому Ее Императорским Величеством правилу, и самая неприятельская собственность покрывается нейтральным флагом». Надо сказать, что именно это положение по сути дела сводило на нет сам замысел снаряжения каперских судов на Средиземном море. Только при обнаружении военной контрабанды, в состав которой включались оружие, боеприпасы и амуниция, капер имел право отвести нейтральное судно в Неаполь или Венецию, а по прибытии балтийских кораблей – к месту их стоянки. Но вот поставки продовольствия, недостаток которого остро воспринимался в Константинополе, каперы, действуя в рамках «Правил», пресечь не могли в принципе.

Нейтрализующее влияние четвертого пункта усугублялось пунктом семнадцатым, который указывал: «Всех торговых судов под флагом нейтральным, идущих из Леванта и Архипелага в страны Европы к весту, которые уже находятся к востовой стороне Мореи, российские корсеры отнюдь не должны осматривать, ниже останавливать в их путешествии». Заметим, что последнее правило входило в противоречие с пунктом четвертым, т.к. при точном исполнении мешало бы выявлять военную контрабанду на борту нейтральных судов, направлявшихся в принадлежавшие Османской империи порты Адриатического моря.

Другими словами, в силу этих двух пунктов европейским державам, прежде всего Франции, предоставлялось право практически беспрепятственно торговать с Османской империей, чем они и пользовались. Наличие существенных ограничений в отношении нейтрального судоходства заставляет думать, что с 1789 г. И.А. Заборовский и сменявшие его поочередно начальники ориентировали каперскую флотилию Л. Кацониса на действия в северо-восточной части Архипелага, на подступах к Дарданеллам, с тем, чтобы не только помешать подвозу хлеба в Константинополь, но и снизить возможность инцидентов с судами нейтральных держав. Впрочем, при незначительной численности каперов объективно требовалась

концентрация их усилий в ограниченном районе, и прежде всего перед Дарданеллами.

Упомянутые положения высочайше утвержденных «Правил» демонстрируют явное пренебрежение императрицей и ее петербургскими советчиками ситуацией на Средиземном море: с началом боевых действий турецкая морская торговля и перевозки стали переходить под нейтральные флаги. Это явление, наблюдавшееся еще в годы Архипелагской экспедиции, в 1788 г. отмечал Л. Кацонис, а на следующий год признал и С.С. Гибс. Повторялась история с рескриптами Г.А. Спиридову и А.Г. Орлову, практически обесценившими крейсерство в Архипелаге, что ставило под вопрос его целесообразность.

Для сравнения рассмотрим «Инструкцию, даваемую капитанам корсарских судов», составленную по распоряжению вице-адмирала Д.Н. Сенявина в 1807 г.:

«1. По данному ему, капитану, свидетельству позволяется ему с судном своим идти на поиск всех вооруженных и не вооруженных судов, вещей и товаров, принадлежащих туркам, французам, так называемому Италийскому королевству, и все оные брать.

2. Он должен воздержаться от всяких неприязненных поступков, не чинить посещений и не брать призов в портах и гаванях, принадлежащих дружественным со Всероссийскою империею державам, ниже в их реках или рейдах, на расстоянии пушечного выстрела, разве получить противное сему повеление от правительств тех областей.

3. Должен он все взятые им суда, вещи и товары привозить или отсылать (по расстоянию смотря) во флот или Корфу для надлежащего рассмотрения о законности приза в учрежденных там трибуналах, или в Идро, где оставя приз под сохранением города со всею верностью, в Корфу представить или ко мне принести все бумаги, пашпорты, патенты или другие документы, которые ему, капитану, отданы будут с призового судна или им самим на таковом судне найдены будут.

4. Суда, вещи и товары, взятые в силу данного дозволения, должны быть сохраняемы... до признания тех судов, вещей и товаров законными призами...

7. Он имеет брать все суда, под каким бы флагом ни были и какой бы груз не имели, которые стараться будут ухищренным образом входить в блокированный неприятельский порт...

9. Он не должен чинить никакого препятствия судам, плава-

ющим под нейтральным флагом, которые идут в порты, хотя бы и неприятельские, но не объявленные в блокаде, естли оные суда не нагружены контрабандою.

10. Контрабандою почитаются все вещи, которые по существующим между Августейшим Двором Российским и другими державами трактатам, т.е. порох, ядра, свинец, ружья, пистолеты, сабли или шпаги, седла и прочие тому подобные. Пороху сверх количества для обороны собственной, экипажа и судна, нужного...

14. Греческие суда или каюки ни под каким видом не трогать, ежели не имеют неприятельских товаров, но ежели нагружены турецкою или французскою собственностью, тогда поступать как в 3 и 4 статьях означено»¹.

Сопоставление «Инструкции» Д.Н. Сенявина и «Правил для партикулярных корсеров» показывает, что в первой, помимо общих задач, предусматривается и решение более узких, прежде всего, обеспечение изоляции отдельных местностей и достигается такая достаточно жесткими методами — в блокированные порты, во всяком случае, без досмотра, не допускаются «все суда, под каким бы флагом ни были и какой бы груз не имели». При подобном подходе, объявив блокаду Дарданелл, можно было даже ограниченными каперскими силами существенно стеснить перевозки, в том числе и на нейтральных судах. В 1788 г. на это рассчитывать не приходилось. Заметим также, что греческие суда с «турецкой собственностью» считались призами согласно обоим документам, между тем как в Османской империи конца XVIII в. такая собственность составляла значительную часть товарооборота.

Впрочем, обстановка, в которой действовал Д.Н. Сенявин, скорее напоминала времена первой Архипелагской экспедиции — под его командованием находились силы регулярного флота, позволявшие как контролировать каперов, так и решать, при необходимости, отдельные крейсерские задачи без их участия. В 1788 г. ситуация была иной, и начиная с июля, из-за войны со Швецией, рассчитывать приходилось лишь на каперов. В такой обстановке репрессии по отношению к Л. Кацонису — на тот момент организатору единственной флотилии, способной создать ощутимые проблемы для турок в Средиземноморье, оказывались неуместными. Видимо, в окружении императрицы нашелся человек, сумевший показать несвоевременность таких репрессий. Возможно, им стал Г.А. Потем-

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 13. Л. 6 об. — 7 об.

кин, хотя в его опубликованной переписке с Екатериной II соответствующие послания не фигурируют. Однако, вероятнее всего, предполагаемые аргументы неизвестного советника были подкреплены какими-либо сведениями, позволявшими иначе взглянуть на действия Л. Кацониса и пересмотреть отношение к его поступкам.

По мнению Г.Л. Арша, снисходительность императрицы по отношению к провинившемуся майору вызывалась ее «геополитическими планами», расчетом на «вовлечение самих греков в борьбу за освобождение»¹. Однако если

бы Екатерина II руководствовалась такими соображениями, она вообще едва ли предписала бы отнять у Л. Кацониса патент, без которого он, как раз, и не мог воздействовать на соплеменников авторитетом российского официального лица. Как нам представляется, отчасти ее мнение изменил хвалебный отзыв А.С. Мордвинова об уничтожении майором «пятнадцать лет славившегося турецкого морского разбойника», но большее влияние, несомненно, оказал разрыв со Швецией, что заставило отменить экспедицию балтийской эскадры в Средиземное море, после чего оставалось полагаться преимущественно на каперов.

Как бы там ни было, согласно письму И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 25 сентября 1788 г., из Ливорно: «Августа 12 имел я счастье получить два высочайшие повеления... о прощении, дарованном майору Ламбро Качони и о прочем...»² Высочайшее прощение было даровано Л. Кацонису в то время, когда он находился далеко от Занте — у неприятельского побережья. Однако прежде, чем перейти к рассказу о дальнейших действиях его флотилии остановимся на предыстории второго, казенного каперского соединения.

А.А. Безбородко.

*Художник И.Б. Лампи-старший,
1792 г.*

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 77.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 381.

Судя по всему, создавалось оно по мысли капитана бригадирского ранга А.К. Псаро. Как писал А.А. Алябьев: «...В феврале 1788 года, на запрос графа Безбородко о том, чего можно ждать от греков в открывающуюся войну, он представил записку, в которой говорит, что «эта несчастная нация» ждет конца своим страданиям только от единоверной России, что греки готовы восстать против своих угнетателей, и было бы очень полезно послать в Архипелаг, если не эскадру, отправлению которой воспротивились бы, может быть, некоторые державы, то по крайней мере три фрегата, чего было бы достаточно, чтобы прервать подвоз провианта из Египта; к этим кораблям, по мнению Псаро, присоединилось бы множество греческих торговых кораблей под русским флагом, и вся торговля Турции была бы подорвана; кроме того, импровизированный флот постоянно тревожил бы турецкий и отвлекал бы его силы от Черного моря»¹.

Позднее идея создания флотилии казенными средствами, очевидно, благодаря А.А. Безбородко, прозвучала в проекте высочайшего рескрипта адмиралу С.К. Грейгу, от 5 июня 1788 г.: «Вам известно, что имеющиеся в Средиземном море, арматеры, под нашим гюйсом, за неимением еще там морского начальства, причиняют иногда разные своевольства; и хотя уверены Мы, что министры наши в Италии, а потом и генерал-поручик Заборовский, по прибытии его в ту сторону, не оставят исправить таковые поступки, на основании правил для арматеров, от Нас изданных... и предписания, в рескрипте реченному генералу-поручику содержащегося; но дабы от них, вместо грабежа ими производимого, лучшею и сущевительнейшую для Нас заимствовать пользу, постарайтесь прежде отплытия из Сицилии составить из оных арматеров особую легкую флотилию, которая по распоряжениям вашим могла бы производить соразмерные силе ее поиски; и как к ней нужен искусный и предприимчивый начальник, то и предоставляем вам рассмотреть, не удобен ли к тому окажется мальтийский капитан Лоренцо Гвильельмо, несколько уже времени удачно производящий поиски над турками, и от многих в знании и храбрости одобряемый; уведомившись о наклонности его вступить в службу Нашу, дали Мы повеление министру графу Савронскому и бригадиру Псаро, объявить ему, что Мы на принятие его соизволяем, с чином капитана корабельного; буде же бы они не успели сего исполнить, вам остав-

¹ Алябьев А.А. Указ. соч. С. 214.

ляем, и тогда вы и увидите, при сей ли легкой флотилии его определить, или иное ему употребление назначить следует»¹.

Из этих слов видно, что ни императрица, ни ее ближайшие советчики не склонны были поощрять бесконтрольное каперство, видимо, допуская его лишь как неизбежное зло, и стремились к созданию полностью подконтрольного крейсерского соединения при эскадре, действующего именно в том духе, который представлялся верным самой Екатерине II — с неуклонным соблюдением прав судовладельцев нейтральных стран. Постановкой цели таких действий они не озаботились, несомненно, полагаясь в этом на С.К. Грейга. Однако 21 июня 1788 г. шведские войска атаковали крепость Нейшлот, на границе Выборгской губернии, в ответ Екатерина II издала манифест от 30 июня, которым объявила войну Швеции. Предназначавшиеся для отправки на Средиземное море корабли Балтийского флота пришлось переориентировать на борьбу со шведским флотом, и первоначальный замысел утратил значение.

Когда А.К. Псаро выехал из Петербурга, А.А. Алябьев не указывает, но отмечает, что в конце июня 1788 г. он уже находится в Неаполе, заготавливая припасы для российского флота и сухопутных войск, а месяц спустя — на Мальте. Там он и «получил от императрицы приказание принять на русскую службу капитанов мальтийского флота Гвильгельмо Лоренцо и Анджело Франчески». Речь, видимо, идет о распоряжении, последовавшем на основе проекта цитировавшегося выше рескрипта от 5 июня.

Характеризуя мальтийцев, А.А. Алябьев приводит выдержки из письма «студента Мальтийской миссии» И. Томича, в котором тот «называет Лоренцо «знаменитым мальтийским снарядителем галер, бичем турецких морей», а Франчески “бывшим собратом по оружию знаменитого генерала Паоли, корсиканца”»². Прибавим характеристику, которую дал им С.С. Гибс в рапорте И.А. Заборовскому, от 21 апреля 1789 г.: «Время подало мне случай узнать обстоятельнее Гулгелмо и Анжела, сих двух единодушно живущих товарищей... Анжелло, происходя из породы благородной, имеет от двора Моденского патент на чин полковника, богатство его приводит его в состояние жить без нужды. Он имеет собственные свои суда, которыми сам никогда не командовал, нанимая всегда на оные посторонних капитанов. Подобным образом и Гулгелм есть не иное

¹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 23.

² Алябьев А.А. Указ. соч. С. 215.

*Порт Ла-Валетта на острове Мальта.
Художник И.К. Айвазовский, 1844 г.*

что как Анжелева предприятий инструмент, да и во всех действиях приписывают успехи искусству более Анжелову, и потому праведно достойным всякого награждения Вашему Превосходительству его рекомендую»¹.

Видимо, не вполне разобравшись в документах, А.А. Алябьев пишет: «Отвезти их на место их назначения взялся приехавший incognito из Генуи на Мальту барон Тонус (Tonus), имевший за границей разные поручения от императрицы, для чего он должен был открыть свое incognito им и секретарям Псаро; но выехали они не вместе: барон отправился на остров Занте, чтобы там ожидать их приезда, а вскоре и они поехали туда на своем собственном фрегате с 54 пушками, под флагом грессмейстера, который потом заменили русским. 14 (25) июля экипаж русского капера «Смелого» видел их фрегат между Египтом и Кипром»².

Последнее утверждение кажется загадочным — никаких иных сведений о «русском капере «Смелом»» на Средиземном море в июле 1788 г. до настоящего времени не обнаружено. Тем не менее, в предполагаемую хронологию перемещений Конрада фон Тонуса

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 159.

² Алябьев А.А. Указ. соч. С. 215.

это сообщение вписывается. Надо сказать, что точнее возложенную на него задачу описывал А.Н. Петров. По его словам: «...Подполковник барон Тонус, бывший генеральным консулом в Египте, был отправлен для переговоров с египетскими беями, с тем, чтобы предложить им особую грамоту императрицы, в которой беи призывались к свержению турецкого ига, при содействии русского оружия, или при помощи других средств»¹. Именно этим, а не доставкой Г. Лоренцо «на место службы», должен был заниматься К. фон Тонус.

К месту назначения барон добирался через Геную, откуда из-за плохой погоды лишь 5 июня 1788 г. сумел отплыть на Мальту – промежуточный пункт на пути к египетским берегам. Надо полагать, что ввиду опасностей военного времени, превращавших дальнейшее плавание на торговом судне в чрезмерно рискованное предприятие, а отчасти из-за уже известной готовности Г. Лоренцо вступить в российскую службу, К. фон Тонус и обратился к мальтийскому корсару, у которого, по словам Д.В. Фрумина, барон приобрел «другой корабль», чтобы отправиться на о. Занте. По мнению исследователя, К. фон Тонус, узнавший о недавнем нападении на Дамьетту (порт в дельте Нила, к северо-востоку от Александрии), собирался встретиться с Л. Кацонисом, «чтобы не допустить повторения подобных атак на египетские порты и корабли», но не застал капера, уже покинувшего остров².

Трудно сказать, насколько обосновано такое предположение, но едва ли слух о том, что «в дамиетском порту христиане захватили двенадцать судов», успел дойти до Мальты быстрее, чем там оказался К. фон Тонус, к моменту этого нападения уже покинувший Геную. Более того, остается непонятным, почему барон должен был приписать это нападение именно Л. Кацонису, о планах и передвижениях которого ничего не знал. К слову, действовавшие в Дамiette «христиане» вполне могли быть, например, мальтийскими корсарами, воспользовавшимися моментом³. Но скорее всего, речь в данном случае идет о судах Х. Сапунцоглу, никакого отношения к Л. Кацонису не имевших, о чем мы скажем далее. Поэтому цель поездки дипломата на Занте, указанная Д.В. Фруминым, вы-

¹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 119.

² Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 7–10.

³ Например, в диссертации А. Атуз подчеркивается, что орден Святого Иоанна выдавал корсарам лицензии под условием «атаковать только мусульман». См.: *Ataus A. Trade, Piracy and Naval Warfare in the central Mediterranean: The maritime history and archeology of Malta*. 2004. P. 238.

Захват Дамьетты.

Фрагмент картины художника Корнелиса Клэеса ван Вейрингена, 1625 г.

глядит неубедительно. Скорее, К. фон Тонус предполагал за счет судов Л. Кацониса усилить фрегат Г. Лоренцо и появиться у египетских берегов с небольшим отрядом.

Видимо, отсутствие Л. Кацониса на Занте заставило барона довериться одному лишь мальтийцу. Как как гласит цитируемое И.М. Смилянкой письмо шведского генерального консула К. Фантоцци¹ российскому поверенному в делах в Генуе А.Г. Лизакевичу: «В последних числах августа месяца прошлого года показался означенный барон на дамиетской рейде на фрегате под российским флагом и под предводительством капитана Гульгельма состоящего...»² Между тем, Г.А. Гребенщикова, со ссылкой на «осведомителя в Константинополе Пьетро Александро», указывает, что в ночь с 27 на 28 июля К. фон Тонус сошел с «44-пушечного российского фрегата» на берег у той самой Дамьетты, которая ранее подверглась нападению «христиан»³. Разумеется, речь в данном случае идет

¹ О Карло Фантоцци (Carlo Fantozzi) упоминается: Stiuber M. Zwischen Rom und dem Erdkreis: Die gelehrte Korrespondenz des Kardinals Stefano Borgia (1731–1804). Berlin, 2012. S. 207.

² Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 741.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 173.

об упоминавшемся А.А. Алябьевым «фрегате с 54 пушками, под флагом грессмейстера, который потом заменили русским», а не о корабле российского флота.

Весьма маловероятно, чтобы по пути от Занте к Дамiette этот фрегат совершал какие-либо нападения на торговые суда. И если вспомнить, что «русский капер «Смелый»» видел его 14/25 июля между Египтом и Кипром, то мальтиец вполне мог оказаться у Дамiette вечером 16/27 июля, не говоря уже о «последних числах августа». В пользу предположения, что это был именно он, свидетельствует как упоминаемое в материалах Государственного Совета донесение И.А. Заборовского в Петербург, от 2 декабря 1788 г., в котором говорится «о требованиях мальтийского капитана Лоренца, отвозившего барона Тонуса в Египет», так и копии «расходных книг» Г. Лоренцо, в которых фигурируют платежи, производившиеся 3/14 сентября 1788 г. в Дамiette, где он стоял некоторое время¹.

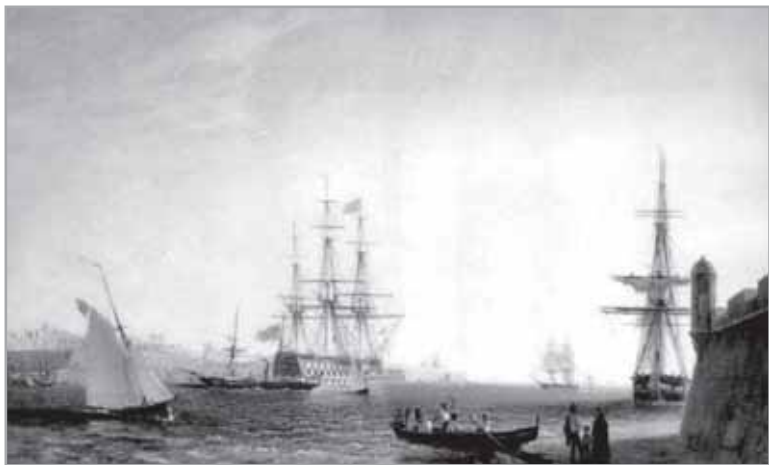
Несмотря на то, что Г. Лоренцо, видимо, нуждавшийся в деньгах, продал барону свой, уже далеко не новый фрегат «Ла Фама» («La Fama» — «Слава»), на момент высадки К. фон Тонуса в Дамiette он фактически оставался мальтийским корсаром, так как, «русским офицером» стал позднее — согласно «Общему морскому списку», был «принят в службу в Италии контр-адмиралом Гибсом» в апреле 1789 г. Правда, бумаги С.С. Гибса свидетельствуют, что на деле мальтиец «надел мундир» еще в январе 1789 г.² Сведений о каких-либо его действиях в интересах России на протяжении 1788 г., кроме перевозки К. фон Тонуса, в доступных нам документах нет.

Примечательно, что до ноября 1788 г. С.С. Гибс, видимо, мало что знал о Г. Лоренцо. Во всяком случае, в рапорте И.А. Заборовскому, от 22 ноября 1788 г., он писал о попавшей в его руки копии письма францисканца Л. Симитовича «цесарскому (австрийскому. — Р.К.) министру»: «Содержание оного касается до бывшего русского в Египте консула, прибывшего в Египет на фрегате, принадлежащем двум мальтийским арматорам...»³ Именно так генерал-майор определил Г. Лоренцо и его помощника А. Франче-

¹ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 661; РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 306 об. Подлинники счетов, подтверждающие датировку по новому стилю см.: Ф. 150. Оп. 1. Д. 10.

² Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 260. РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 119 об.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 106 об.

*Биржа и корабли. Порт Мессины.
Художник Я. Хаккерт*

ски, не уточняя, о ком идет речь. Возвратившись из экспедиции в Дамьетту, Г. Лоренцо конец осени и начало зимы 1788 г. провел в Мессине, судя по всему, из-за некомплекта команды и неисправности своего фрегата. По крайней мере, в марте 1789 г. именно эти причины мешали изготовить «Ла Фама» к выходу в море¹.

Как можно понять, у А.К. Псаро, которому Екатерина II повелевала принять Г. Лоренцо в службу, возможности исполнить эту высочайшую волю не было, ибо летом-осенью 1788 г. он занимался созданием запасов продовольствия в портах Средиземного моря, включая Сиракузы (на о. Сицилия), куда из Триеста предстояло выйти с грузом провианта двум купленным ранее фрегатам, под общей командой «капитана Войновича» (Г.В. Войновича)². Примечательно, что согласно извлечению из формулярного списка «капитана Егора Васильевича Войновича», он был принят в службу поручиком в Астраханский пехотный полк в 1782 г., но каких-либо указаний на опыт морской службы нами не найдено³. Личный состав на фрегаты нанимался только для одного рейса, но подробнее мы скажем об этом ниже.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 307; Д. 97. Л. 142 об.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 282.

³ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 64. Л. 204.

Ближайший начальник А.К. Псаро, И.А. Заборовский, который, согласно указу императрицы Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу, от 14 марта 1788 г., должен был направиться в Триест, с исполнением также не торопился и до 9 мая оставался в Петербурге. В этот день А.В. Храповицкий, старавшийся записывать все, что слышал от Екатерины II, занес в дневник: «...С неудовольствием велели спросить у графа Безбородко, в который день и час отправится Заборовский»¹. Судя по тому, что 5 июля генерал послал из Триеста в Петербург, насколько известно, свое первое письмо, он и в этом случае не поспешил покинуть столицу сразу после того, как его отъездом заинтересовалась императрица.

Приблизительно за месяц до отправки этого письма, за границу «сухим путем», вместе с капитаном флота генерал-майорского ранга С.С. Гибсом, выехали два лейтенанта — его племянник², Самуил Яковлевич Дешаплет, и Степан Михайлович Телесницкий³. Заметим, что в опубликованных документах датой отъезда С.Я. Дешаплета за границу называется 1 мая 1788 г., в бумагах же С.М. Телесницкого фигурирует 26 мая. Между тем, как С.С. Гибс указывал в рапорте князю Д.М. Голицыну, от 25 июня 1788 г., его сопровождали оба лейтенанта, причем, покинули они Петербург 4 июня⁴.

Перед отъездом генерал-майора, С.К. Грейг составил инструкцию, которая предписывала ему ехать в Венецию, где справиться у А.С. Мордвинова о количестве выданных патентов, вооружении каперских судов, намерениях командиров и т.п. Затем С.С. Гибсу следовало побывать в Триесте, откуда вышла часть арматоров, и добыть там аналогичные сведения о них. Далее адмирал приказывал: «Оных арматоров собрать Вам в одно место, учредить между ними надлежащий порядок и составить из них легкую флотилию для поиску над неприятелем, где с пользою употребить рассудите по обстоятельствам...»

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 250; Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. М., 1862. С. 61.

² О родстве С.С. Гибса и С.Я. Дешаплета см.: РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

³ Дешаплет Самуил Яковлевич — в 1782 г. поступил в Морской корпус, окончил его в 1786 г., 1 мая — мичман, 1 мая 1788 г. — лейтенант. См.: Общий морской список. Ч. III. СПб, 1890. С. 486–487; МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. СПб., 1890. С. 569. Телесницкий Степан Михайлович — в 1773 г. поступил в Морской корпус, произведен в мичманы в 1784 г., в лейтенанты — 1 января 1787 г. См.: Общий морской список. Ч. V. СПб, 1890. С. 178.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 4, 5, 7, 9, 29. В рапорте С.С. Гибса С.К. Грейгу, от 9 июня 1788 г., говорится о 4 мая, однако ввиду того, что указ Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу о командировании С.С. Гибса в Средиземное море последовал только 23 мая 1788 г., и в Ригу генерал-майор прибыл 8 июня, датировка отъезда началом мая представляется ошибочной.

Собирать арматоров предстояло двум казенным фрегатам, купленным А.К. Псаро, под командованием С.Я. Дешаплетта и С.М. Телесницкого. Отправив их из Триеста, С.С. Гибс должен был проехать в Ливорно, т.к. по сведениям С.К. Грейга, «несколько арматерских патентов доставлено было в Ливорну, к английскому купцу Якобу Партриду (Д. Партриджу. — *Р.К.*), для раздачи арматерам». Генерал-майору предписывалось выяснить у последнего, кому он выдал патенты, а затем продолжить свой путь через Неаполь в Сиракузы. Во всех портах полагалось выслушивать жалобы судовладельцев на каперов и выносить постановления в соответствии с «Правилами для партикулярных корсеров».

Сиракузам предназначалась роль пункта randevу всех судов. Если бы среди прибывших каперов оказались «такие преступники, которые без всякой законной причины учинили грабительство и притеснение плавающим в том море нейтральным судам», то согласно 6 пункту инструкции С.С. Гибсу следовало «немедленно от таковых отобрать патенты и командующих взять под стражу на суда, управляемые нашими морскими офицерами». Пункт 7 предписывал: «Если арматер не будет в состоянии удовлетворить обиженных им деньгами, то Вы должны судно его арестовать, пока хозяева оно не сделают надлежащего притесненным удовлетворения». А в соответствии с 8 пунктом: «В случае что найдутся такие арматеры, которые без патентов самовольно носят или носили российский флаг или гюйс и под сим видом учинили какое-либо грабительство нейтральным судам, таковых Вы должны почитать суще за морских разбойников, и как командующих, так и всех чиновников, на них находящихся, посадить под стражу...»¹

Следующий, 9 пункт предписывал арматоров с патентом, избличенных в притеснении нейтральных судовладельцев, признавать морскими разбойниками, в полном соответствии с 8 пунктом. Во всех тех случаях, когда дело нельзя было решить выдачей пострадавшим денег, С.С. Гибсу предстояло держать провинившихся под арестом до прибытия С.К. Грейга. Инструкция адмирала также предусматривала встречу председателя Призовой комиссии с А.К. Псаро в Сиракузах. С этими наставлениями С.С. Гибс и покинул российскую столицу.

Дорога через Ригу, германские и австрийские земли заняла около четырех недель. 29 июня 1788 г. генерал-майор с подчиненными

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 38 – 41 об.

прибыл в Триест. На следующий день он встретился с И.А. Заборовским и передал ему копию своей инструкции. Тогда же состоялся осмотр фрегатов, «Ла Перфет Аллианс» («La Perfetta Alleanza» — «Идеальный союз») и «Л'Абонданс» («L'Abbondanza» — «Изобилие»), под командованием, соответственно, капитана Ивана (Джованни) Николича и Г.В. Войновича, как раз в это время грузившихся продовольствием, «сорочинским пшеном» (рисом) и сухарями. По меркам того времени суда эти были довольно крупными — 340 и 380 т водоизмещением, хотя и уступали боевым кораблям фрегатского класса¹.

Исполнить второй пункт инструкции С.С. Гибсу не удалось. Как сказано в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 5 июля 1788 г.: «Он имел повеление от С.К. Грейга купленные здесь г. Псаро два фрегата послать в Средиземное море для собрания корсеров под команду двух морских офицеров, но как суда сии нагружены уже были провиантом, купленным здесь для отправления в Сицилию, а г. Псаро сделал на них ассекурацию (договор, обеспечивающий возмещение материального ущерба. — *Р.К.*) в Венеции с условием, чтоб командиром быть капитану Войновичу, на имя которого и экипаж весь нанят, то я принужден был оставить их в сем виде для отправления провианта, а когда уже можно будет, употребить и для собрания корсеров...»²

Из Триеста С.С. Гибс выехал в Неаполь, откуда на французской тартане 24 июля отплыл в Мессину, где сошел на берег утром 29 июля. Спустя три дня, 2 августа, тартана вновь вышла в море и вечером 3-го числа бросила якорь в гавани Сиракуз³. По описанию В.Б. Броневского: «Сиракузский порт, как бы нарочно руками человеческими сделанный, представляет почти круглый бассейн, имеет надежное иловатое дно, и на всем своем пространстве якорные места на глубине от 5 до 11 сажен. Вход его, между двумя мысами, открывает только часть бухты восточным ветрам, и потому Сиракузский порт покоен и безопасен»⁴. Возможно, такие качества и побудили избрать эту гавань на роль одного из опорных пунктов балтийской эскадры. При всем том, С.С. Гибсу Сиракузы доставили немало хлопот.

Едва генерал-майор оказался на Сицилии, как узнал, что ему

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 39.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 282.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 26, 37 об. — 38 об., 39 об.

⁴ Броневский В.Б. Записки морского офицера... Ч. 2. С. 110.

Сиракузы. Современное фото

предстоит преодолеть серьезные затруднения. В письме секретарю посольства в Неаполе А.Я. Италинскому, фактически заменявшему часто болевшего П.М. Скавронского, от 31 июля 1788 г., он жаловался, что местный губернатор объявил ему – в те сицилианские порты, где есть королевские гарнизоны, разрешается входить только четырем иностранным судам, а в те, где гарнизонов нет, включая Сиракузы, — лишь трем, если они вооружены 12 орудиями и более. С.С. Гибс просил ходатайствовать перед неаполитанским правительством об отмене этого постановления¹.

Между тем, указанные нормы полностью соответствовали 9 статье подписанного 6/17 января 1787 г. между Россией и королем Обеих Сицилий договора «О взаимной дружбе и торговле»². Там же оговаривалось, что изменение такого порядка может последовать «разве по испрошении и получении позволения на большее оных число». Однако, судя по всему, несмотря на предполагавшуюся экспедицию балтийской эскадры в Средиземное море, такого разреше-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 38 об. – 39.

² Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М.: Наука, 1981. С. 47.

ния по дипломатическим каналам заблаговременно не испросили либо не распространили на каперские суда под российским флагом. Примечательно, что 6 пункт инструкции С.К. Грейга предписывал С.С. Гибсу явиться в Неаполе к П.М. Скавронскому, но лишь для того, чтобы получить от него жалобы на каперов¹.

И.А. Заборовский же, возможно, потому, что в IX пункте его инструкции говорилось только о том, что «учинится домогательство от министерства (посольства. — *Р.К.*) нашего у двора Неапольского» по поводу разрешения высадить в Сицилии «корпус» корсиканцев, а о разрешении на доступ кораблей умалчивалось, надо полагать, этим вопросом не занимался. Причем, в Сиракузы генерал-поручик должен был приехать только в «половине сентября», и только для того, чтобы «видеть, что ничего не упущено из нужных заготовлений, но все исправно при самой первой минуте прибытия флота»². А флот, о чем И.А. Заборовский знал уже в августе, оставался на Балтике, из-за чего все прежние планы рушились, и надобность в его поездке на Сицилию отпадала.

Проезжавший же через Неаполь в июле, когда говорить об изменении планов было еще рано, С.С. Гибс не получил от российского посольства должных разъяснений и бумаг, позволявших снять вопросы, связанные с предполагаемым базированием флота и каперских судов. Сам он поставить их не догадался и до прибытия в Мессину не представлял себе обстановки, а потому, как писал П.М. Скавронскому 11/22 октября 1788 г., «не помышлял о препятствиях», встретившихся ему с первых дней пребывания на Сицилии³.

Так как в цитировавшейся выше инструкции отправлявшемуся в Италию И.А. Заборовскому утверждалось, что ввиду договора с неаполитанским королем «флот наш не найдет помешательства по входе его в порты Сицилийские», тогда как на деле «помешательства», хотя и в отношении каперов, встретились, то нам остается констатировать и непредусмотрительность отечественной дипломатии, не обеспечившей заблаговременно свободного доступа в эти гавани российских каперов, и последующую пассивность самого генерал-поручика, который, согласно XVIII пункта той же инструкции, являлся начальником «всех находящихся в тамошних водах

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 40 об.

² Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1382.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 89 об.

арматеров» и должен был обеспокоиться разрешением вопросов, возникавших в связи с учреждением Призовой комиссии и формированием каперских флотилий, как только в Триесте встретился с С.С. Гибсом¹.

Несмотря на то, что генерал-майор нуждался в содействии, и дипломатических представителей России в Неаполе, и своего непосредственного начальника, И.А. Заборовский, со времени приезда С.С. Гибса в Сиракузы (4 августа) до конца месяца прислал ему только два ордера, от 13 и 27 августа, которые при этом не имели отношения к возникавшим препятствиям и не помогали их устранять.

Требовалось С.С. Гибсу также содействие А.К. Псаро, хорошо знавшего местные условия. Но того, вопреки 10 пункту инструкции С.К. Грейга, в Сицилии не оказалось, и генерал-майор вынужден был около месяца дожидаться его приезда – первое письмо бригадиру он отправил из Сиракуз 5 августа (ст. ст.) 1788 г. Затем писал 10 августа, подчеркивая, что им нужно обсудить целый ряд вопросов. В этом письме, кроме того, говорилось: «...Что принадлежит до корсеров, о коих вы пишете, то поелику я уже из Ливорны писал ко всем консулам, чтоб они оным корсерам подавали съезжаться в Сиракузу, а как оных и по сие время здесь нет, то вы, имея в Мальте греческие суда, можете некоторых из оных посылать для отыскания тех корсеров с приказанием в подтверждение моего прежнего повеления, чтоб они в порт Сиракузу собирались для получения новых приказаний, а корсера Колику (С. Калигу. — *Р.К.*), по прошествии карантинного срока, равным образом и прочих, приходящих в Мальту корсеров, присылать в Сиракузу же»².

Однако результат переписки оказался неудовлетворительным. 16 августа 1788 г. С.С. Гибс жаловался в донесении И.А. Заборовскому: «Я понять не могу, для чего г[осподин] Псаро по сие время не сообщает мне, по близости места, никакого о заготовлении провизии известия, хотя письмами своими и требовал я неоднократно как сего, так и собственного его со мною свидания». Причины такого поведения А.К. Псаро неизвестны, хотя надо сказать, что впоследствии выяснилось – с заготовкой продовольствия не все было гладко. Возможно, предполагая, что от него потребуют отчета в расходовании средств, бригадир не спешил вступать в контакт.

¹ Инструкция генерал-поручику Заборовскому... Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1386, 1390.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 43 об.

Далее в донесении С.С. Гибса говорилось: «Что принадлежит до корсеров, оных нет, кроме одного, в Мальте находящегося и выдерживающего карантинный срок, по прошествии которого г[осподин] Псаро обещал прислать оное судно в Сиракузу»¹.

Из этих слов видно, что председатель Призовой комиссии лишь в середине августа узнал о местонахождении одного капера, хотя их к тому времени было гораздо больше. Заметим, что несмотря на довольно большое число сохранившихся документов, точно определить количество каперских судов едва ли возможно. Тот же С.С. Гибс, в рапорте С.К. Грейгу, от 16 августа 1788 г., упоминал, что получил от А.С. Мордвинова «известие о пяти корсерах с их именами, о коих Его Превосходительство известен был по одному только слуху», не считая Л. Кацониса. Далее говорилось: «...Патрич (Партридж. — Р.К.) объявил, что ему от г[осподина] Мордвинова патенты, хотя и присланы, но оные по раздаче возвращены ему, для того, что никто брать их не соглашается, узнав о выданных вновь напечатанных патентах». Но сколько таких возвратов имело место, неизвестно. Последние слова генерал-майора становятся понятными благодаря другому его донесению С.К. Грейгу, от 2 сентября 1788 г., в котором сказано: «...Я не нахожу средств к составлению требуемых флотилий. Командующий полякою корсер (С. Калига. — Р.К.), взявший поляку же в приз, объявил не только о себе, но мнит он и о прочих так, что никто из них взять патента корсерского не согласится с таким условием, чтоб дать залог, как предписано, на 20 000 рублей...»²

О каких «требуемых флотилиях» идет речь мы узнаем из того же рапорта: оказывается, С.С. Гибс получил распоряжение И.А. Заборовского «принять мне старание к вооружению сколько можно большего числа арматеров, умножая оные дачею новых патентов ... желающим и просящим того, и из них составлять легкие флотилии для поиска над неприятелем, предписывая при том главнейшие из сих флотилий подчинить находящимся при мне двум морским лейтенантам и капитану графу Войновичу, одну из оных препоручить майору Ламбро Кончиани...»³

Легко заметить, что требования И.А. Заборовского не только выходили за рамки инструкции С.К. Грейга С.С. Гибсу, но и вступали в противоречие с требованиями «Правил для партикулярных

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 45.

² Там же. Л. 47, 55 об.

³ Там же. Л. 54–54 об.

корсеров». Выше указывалось, что «Правила» были написаны людьми, очевидно, не ставившими себе целью создание каперских сил, способных оказать сколько-нибудь ощутимое давление на морские коммуникации турок в Средиземном море. Напротив, они, прежде всего, большим залогом, фактически отпугивали желающих оказать России помощь в борьбе с Османской Портой. Заметим, что размер залога назначался произвольно. И введившийся именным указом Екатерины II вице-адмиралу В.П. Фондезину, от 10 сентября 1788 г., «Правила», предназначенные для желающих «вооружить каперы для поисков над шведскими купеческими кораблями», предусматривали уже вдвое меньший залог¹. Между тем, известия о печальном опыте взимания такого платежа на Средиземном море до Петербурга к тому времени едва ли дошли.

Как нам представляется, требование залога, который должен был служить порукой «к удовлетворению причиненного преступления», не устраняло проблем. Некоторое ручательство соблюдения каперами принятых норм мог обеспечить только контроль со стороны регулярного флота, и такой контроль в то время, когда составлялись и утверждались «Правила для партикулярных корсеров», предполагался — на Балтике готовилась к походу на Средиземное море эскадра адмирала С.К. Грейга. Тем не менее, был введен и высокий залог, едва не погубивший российское каперство в Архипелаге, особенно при равнодушии к делу С.С. Гибса. Здесь нельзя не сравнить его действия и поступки Л. Кацониса, который, пусть и вопреки «Правилам», сформировал, а главное — сумел сохранить в дальнейшем небольшое соединение, добившееся определенных успехов, хотя, не избежавшее и отступления от надуманных норм, установленных «Правилами».

В данном случае перед нами встает вопрос о критериях ответственности этим нормам, иначе говоря — о том, были злоупотребления каперов действительными или мнимыми, который весьма сложен — владельцы и шкиперы захваченных судов неизменно утверждают, будто не имели на борту никакой военной контрабанды или неприятельских грузов, однако весьма часто грешат против истины: стремление заработать оказывается сильнее опасений угодить в руки неприятеля. Чрезмерное доверие к таким утверждениям могло бы парализовать попытки одной из воюющих сторон ограничить морские перевозки другой. Судя по всему, именно этим

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 1102.

путем пошел С.С. Гибс. Разумеется, он не ставил перед собой цели навредить своей стране, но в силу ряда обстоятельств, которых мы коснемся далее, существенно ограничил каперство под российским флагом.

Так, еще в сентябре выяснилось, что взятый С. Калига двухмачтовый парусник был захвачен с нарушением. Об этом С.С. Гибс 2 сентября 1788 г. писал С.К. Грейгу: «...Из оных (каперских судов. — *Р.К.*) явилось по сие время в Сиракузу только одно, поляка из Занта, другая поляка, со взятою в приз от идриотов полякою же, из Мальты, по выдержании там карантина. На корсера сего в Неаполе принесена была мне жалоба...» В результате генерал-майор распорядился возвратить судно хозяину «яко несправедливо взятое», и «не имея других средств для сбережения сего призного судна, предпринял послать оное вместе с отправляющимися в море, предписав по отыскании хозяина в Идре или Сериге (Цериго. — *Р.К.*), возвратить оное ему»¹.

В этом донесении внимание привлекает отсутствие доводов, оправдывающих возврат судна идриоту, хотя жители этого острова не только являлись турецкими подданными, но и считались их пособниками. Между тем, ни «Правила для партикулярных корсеров», ни инструкция С.К. Грейга не давали оснований автоматически возвращать суда этой категории греков. То, что С.С. Гибс предпринял такой шаг сразу по прибытии в Сиракузы, и судя по всему, без серьезного рассмотрения жалобы, никакого намека на которое в переписке Призовой комиссии нет, не может не настораживать.

Впрочем, нельзя не отметить и того, что при всех стараниях С.С. Гибса, далеко не всегда ему удавалось достичь своих целей. Например, тот же С. Калига, подобно Л. Кацонису оказавшийся «обидчиком» рагузцев, в отличие от последнего, судя по всему, так и не возместил причиненного ущерба. В письме А.Я. Италинскому, от 7 ноября 1789 г., генерал-майор сетовал: «...Я уже писал к вам, что Калига в Комиссии противу рагузинцов признан был виновным, обязался обиженных удовлетворить, но на сей случай, находясь здесь без денег, сделать того не может и просит несколько времени обождать, если кому поверят от него принять вещи, им взятые, во удовольствие рагузинцам. Заплатил бы я за Калигу, ежели бы имел деньги...»²

Однако необходимыми средствами генерал-майор как раз и не

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 54 об., 60 об.

² Там же. Л. 254.

располагал. Надо думать, отчасти и поэтому он с самого начала находил более целесообразным попросту изымать патенты, что снижало риск инцидентов до минимума. 10 сентября С.С. Гибс лишил патента С. Калигу и, видимо, тогда же М. Кало и «Н. Пиниари» (П. Николаки). О последнем в рапорте И.А. Заборовскому, от 12/23 сентября 1788 г. говорилось: «...Сентября 9 дня пришел из Занта в Сиракузу на тартанелле, называемой «К[нязь] Потемкин», один корсер Николай Пиниари, для получения новых приказаний, а как он уведомил меня, что в Занте есть еще один корсер, то я, отобрав от него прежний патент, подписанный господ[ином] контр-адмиралом Мордвиновым, дал ему аттестат и приказал отправиться прежде в Зант, с объявлением тому корсеру моего приказания, чтоб ехать в Триест, с ним же послал я повеление к находящимся в Занте и Триесте консулам нашим, предписав им сообщить оное и другим, в близости от них находящимся. В следующий день назначенные мною два судна, и при оных признание, пошли в море под командою капитана Петра Алевизопуло, которому дал я полную инструкцию...»¹

Таким образом, в первой декаде сентября 1788 г. С.С. Гибс отправил в Триест Спиро Калигу на «Святом Иоанне», Михаила Кало на «Великой Княгине Александре» (или «Великой Княжне Александре»), и П. Николаки на «Князе Потемкине», предписав им по пути зайти в Архипелаг и передать хозяину ранее захваченное судно. Такой акт, несомненно, должен был ободрить судовладельцев, в том числе и занимавшихся перевозкой грузов в интересах турок, и в то же время расхолодить каперов.

Заметим, что два судна из трех, покинувших Сиракузы, судя по всему, входили ранее в состав флотилии Л. Кацониса. По словам майора, в ней числились кирлангичи «Великая Княжна Александра», под командованием Михаила Калоса (Кало), и «Князь Потемкин-Таврический», которым командовал Пандели Николаев (Николаки). Учитывая жалобы Л. Кацониса на капитанов, «изменивших ему», о чем будет сказано далее, нельзя исключить, что упомянутая С.С. Гибсом тартанелла «Николая Пиниари» на деле была одним из этих кирлангичей, судя по всему, под управлением П. Николаки, имя и фамилия которого были неверно переданы, о чем свидетельствуют более поздние бумаги С.С. Гибса. Причина, по которой М. Кало и П. Николаки отделились от флотилии, достоверно неизвестна.

¹ Там же. Л. 72–73.

Судя по всему, кроме трех названных капитанов, с другими каперами генерал-майор в то время дела не имел, хотя ранее и разослал консулам предписание направлять всех известных им обладателей патентов в Сиракузы. Однако, как выяснилось, это избавило его от лишних хлопот. Рапортом от 6 сентября 1788 г. С.С. Гибс доносил И.А. Заборовскому: «Сего сентября 6 числа прислано из Палермы (резиденции Сицилийского вице-короля. — *Р.К.*) в Сиракузу на представления здешнего губернатора решение не давать практики (разрешения экипажу сходить на берег. — *Р.К.*) корсерскому нашему судну, коим командует Калига и о котором я Вашему Превосходительству в рапортах моих упоминал, что он с судном своим и со взятым призом выдержал уже карантин в Мальте и имеет оттуда практику; из сего следует, что и прочим корсерам нашим, а паче кои прибудут из Архипелага, ожидать уже нечего, а потому и флотилий составлять из них здесь невозможно. Сие принудило меня посадить капитана Петро (Петра Алевизопуло. — *Р.К.*) на поляку к Калиге, и как сие судно, так и пришедшее из Занта, коим командует офицер Михаил Кало, послать в море с повелением, чтоб все корсеры собирались в порт Триест, где иметь могут удобное место для выдержания карантина и будут они находиться поблизости для надобностей войску нашему». При чем, генерал-майор сомневался в целесообразности своего пребывания в Сиракузах и полагал, что ему «удобнее быть в Ливорне, куда могут собираться и все корсеры по выдержании карантина в Триесте, ежели им там для войск наших оставаться нужды не будет»¹.

Как видно из этих слов, С.С. Гибс, несмотря на начало войны со Швецией, о котором он к началу сентября уже знал, о чем свидетельствует его письмо А.К. Псаро, от 14/25 августа 1788 г., продолжал ориентироваться на прежние планы, точнее, соображения по поводу войны с Турцией². Столкнувшись с очевидными препятствиями, мешавшими реализовывать первоначальный замысел, и не отыскав еще пути к их преодолению, генерал-майор отчасти скорректировал намечавшуюся им программу действий. В то же время, он не видел необходимости полностью пересмотреть ее, учитывая новые реалии.

Очевидно, предполагая, что рапорт С.К. Грейгу от 6 сентября может не дойти по назначению, С.С. Гибс спустя неделю фактически повторил те же жалобы и предложения в рапорте от 13/24

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 58, 58 об.

² Там же. Л. 44–44 об.

сентября 1788 г.: «Полагая за главный предмет отправления моего в Сиракузу составление флотилии для поиска над неприятелем, прилагал я всевозможное к тому старание; но оказавшиеся здесь препятствия показали мне невозможность к достижению до сего намерения, ибо явившимся по сие время только трем корсерским судам сиракузское правление, несмотря на выдержанный уже ими карантин в других местах, не только отказало в практике и чрез то лишило меня совершенно надежды иметь оную и для других судов корсерских, но не позволило мне оставить здесь в приз взятое порожнее судно и определить на оном для караула других людей до прибытия хозяина, которому сие судно должно возвратить яко несправедливым образом в приз взятое...» Генерал-майор сообщал адмиралу, что «почел за нужное назначить другое для собрания корсеров место. В сих обстоятельствах рассуждал я избрать порт Ливорну или Триест. Первый удобен потому, что во оном можно с меньшим трудом и изживением получить потребоваться могущие на суда всякого рода припасы и орудия, и не так отдален буду от ожидаемого в Средиземное море флота нашего, а к другому назначено быть войскам нашим, коим они в надобности по близости служить в готовности будут...»¹

Как нам представляется, упоминание «ожидаемого в Средиземное море флота нашего» дает ключ к пониманию поведения С.С. Гибса летом-осенью 1788 г. В том же рапорте далее генерал-майор просил С.К. Грейга «прислать ко мне корабль с двумя фрегатами или хотя одни фрегаты, к коим присовокупив некоторых корсеров, мог бы я сам идти в море для поиска над неприятелем и имел бы случай оказать отечеству своему лучшую пользу, нежели ожидаемую от корсеров, из коих о большей части по сие время никакого сведения не имею, тогда мог и их, отыскав, содержать в лучшем порядке»².

Из этих слов явствует, что С.С. Гибс, в действительности, тяготился порученным ему, несомненно, весьма хлопотным и не обещавшим доброй славы делом и надеялся, что по прибытии в Средиземное море эскадры во главе с С.К. Грейгом, он сможет возглавить отряд из кораблей регулярного флота и лишь нескольких каперов, готовых подчиниться воинской дисциплине. Генерал-майор, видимо, намеревался воевать с турецким флотом, а не охотиться за торговыми судами, поэтому и проявлял заметное равнодушие к

¹ Там же. Л. 74 об – 75.

² Там же. Л. 76.

делу организации каперских флотилий. Более того, он фактически продолжал открыто уничтожать существующие каперские силы, ссылаясь на распоряжения начальства.

Об этом говорится в том же рапорте С.К. Грейгу, от 13/24 сентября 1788 г.: «Сообразуясь с инструкцією, от Вашего Высочайшего превосходительства полученною, в которой предписано давать патенты только тем корсерам, кои в состоянии дать залог на 20.000 рублей, отобрал я от помянутых явившихся и обратно в море посланных корсеров прежние патенты, за рукою господина контр-адмирала Николая Мордвинова, и дал им вместо оных аттестаты, с которыми почтя они себя не корсерами, но принятыми в службу нашу, будут, как я ожидаю, требовать всегда содержания для людей своих и прочего, сего же я сделать не в состоянии, не имея по сие время ни денег, ни власти к доставлению того, чем бы можно было, хотя и мало, удовлетворить требующих от меня помощи»¹.

В другом рапорте, адресованном И.А. Заборовскому, от 4 октября 1788 г., председатель Призовой комиссии откровенно пояснял: «...Каждое судно должно дать 20 000 рублей в залог, без которого и патента корсерского дать не позволяется, и по сему правилу принужден я был отобрать у некоторых корсеров патенты и вместо оных дать аттестаты, ежели же принять их в службу нашу, то потребуют содержания. Впрочем, зависит от Вашего приказанія, ибо я сведущ будучи о многих делах неправильных, производимых корсерами, не осмеливаюсь давать им иным образом патента, как с упомянутым залогом...»²

Спустя неделю, 11/22 октября 1788 г., С.С. Гибс рапортовал генерал-поручику: «...Полагая главным предметом попечения моего собрание корсеров, посылал я в сем намерении, как во время проезда моего, так и из Сиракузы, к консулам в разные места повеления, однакоже по сие время из корсеров явились в разные времена в Сиракузу только четверо. Капитан Спиро Калига, с патентом подписанным от господина контр-адмирала Николая Мордвинова, и хотя сей корсер выдержал в Мальте совершенный карантин, однакоже в Сиракузе практики дать ему не позволили, ссылаясь на то, что он по выдержании карантина может быть уже в пути своем имел соединение с каким ни есть другим судном ...», а так как он не офицер, то слову его не верили. «...Между тем прибыло в Сиракузу еще одно судно, коим командовал корнет Михаил Кало,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 75–75 об.

² Там же. Л. 84.

имея патент от господина контр-адмирала Николая Мордвинова, и которому равным образом, не взирая на офицерский его чин, в практике отказали, потому что он при въезде своем объявил себя корсаром...»¹

Далее говорилось: «...Соборазуясь с правилами, в инструкции предписанными, отобрал я от них патенты и дал вместо них аттестаты, свидетельствующие принятие их в службу нашу, и не получив еще решения от Вашего Превосходительства на представления мои о фрегатах ... отправил вместо оных Калигу и Кало, под командою капитана Петра Алевизопуло, в море для отыскивания корсеров, с подтвердительным к консулам и к ним повелением о их собрании в Триест, дав знать о начавшихся неприятельских действиях со шведами, для уверения же в получении повеления, приказал я ему брать от каждого корсера расписку; предписано от меня еще и то, что когда пошлется в море флотилия и чрез то откроются неповинующиеся сему повелению, то подвергнутся за ослушание строжайшему отчету... должен был послать туда же в Триест и Пандели Николаки, имевшего патент от господина контр-адмирала Николая Мордвинова, который я при отправлении его отобрал»².

Примечательно, что С.С. Гибс откровенно признавался и в том, что фактически отверг предложение существенно усилить будущую флотилию: «Я имел из Марселя, от тамошнего консула, письмо, в котором представлял он мне, что знает из французов желающих быть нашими корсерами, на которое ответствуя, между прочим дал знать, что без залога 20 000 рублей корсерского патента давать никому не дозволяется, на что получил уже от него и ответ, что с таковым залогом никто корсером быть не соглашается»³.

Принимая в расчет сказанное С.С. Гибсом в предыдущих рапортах И.А. Заборовскому и С.К. Грейгу, можно понять, что председатель Призовой комиссии и после того, как выяснилось, что арматоры не желают (или не могут) брать патенты под залог требуемой от них суммы, продолжал фактически сокращать число каперских судов. При этом он не считал такие меры ошибочными, так как не усматривал особой пользы в действиях против турецкого торгового судоходства, не говоря уже о нейтральном, в то время взявшем на себя заметную часть морских перевозок, особенно в столицу Османской империи. Более того, генерал-майор, как можно понять,

¹ Там же. Л. 84 об. – 85.

² Там же. Л. 85 – 85 об.

³ Там же. Л. 87 об.

опасаясь, что нарекания на каперов вызовут в Петербурге недовольство им самим, сознательно стремился минимизировать риск подобного развития событий. Несмотря на то, что он уже получил известие о начале войны со Швецией, С.С. Гибс, оправдываясь необходимостью содействовать сухопутным войскам, посылал бывших каперов уже не в море, на поиск неприятельских призов, а в Триест, где им предстоял и длительный карантин, и последующая стоянка в ожидании, пока не выяснится вопрос казенного финансирования. Это означало, что все подчинившиеся генерал-майору капитаны на неопределенное время не только прекращают брать призы, но и не оказывают психологического воздействия на противника, напротив, создают впечатление ослабления каперских сил.

На наш взгляд, такое отношение к делу не соответствовавшее как указаниям И.А. Заборовского и предназначению Призовой комиссии, так и объективной потребности в давлении на неприятельские морские коммуникации, прежде всего, в подрыве снабжения Константинополя, но также и в повышении цен на различные припасы, шло вразрез с интересами России. Однако в своих действиях С.С. Гибс опирался на высочайше утвержденные «Правила для партикулярных корсеров», основанные на них инструкции С.К. Грейга, а главное — вполне удовлетворял пожеланиям Екатерины II, весьма заботившейся о неприкосновенности нейтрального судоходства и, насколько можно понять, перевозок на судах греков — подданных Османской империи, несмотря на то, что в интересах Порты тогда осуществлялось, в значительной мере, как первое, так и второе. Ввиду этого генерал-майор мог оправдать и возврат судна, захваченного С. Калигой у турецких подданных — идриотов, и ликвидацию каперов, с превращением немногих оставшихся в казенных иждивенцев, лишенных собственной инициативы.

Между тем, деятельность С.С. Гибса выглядят разрушительной на фоне усилий не только Л. Кацониса, но даже И.А. Заборовского, 25 сентября 1788 г. писавшего А.А. Безбородко из Ливорно, что он «дал два патента судам, находящимся в здешнем порте, для поиска над шведскими кораблями, кои, по недостатку в здешних водах наших корсаров, во многом числе приходят»¹. К сожалению, установить, о каких именно судах идет речь, нам не удалось. Возможно, одним из них стала шебека «Минерва», под командованием Джакомо Чентинаро (в переписке С.С. Гибса — Сентонара), в дека-

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 382.

бре 1788 и январе 1789 г. дважды выходившая на «поиски» в море из Генуи и Пьембино, расположенного южнее Ливорно, но безрезультатно, после чего в феврале направленная по распоряжению генерального консула И. Каламаи из Ливорно в Сиракузы, и уже под командованием «корсера», англичанина Г. Шмита действовавшая в составе казенной флотилии против турок¹.

Надо сказать, что уже к середине октября С.С. Гибс, пополнив ранее полученные от А.С. Мордвинова сведения о каперах, как можно понять, беседами с М. Кало и П. Николаки, мог перечислить десяток имен или названий судов, о которых донес в рапорте И.А. Заборовскому, от 11/22 октября 1788 года².

Имена корсеров	Звание их судов	Где находятся, по моему сведению
Майор Ламбро Качиони	«Минерва Северная»	неизвестно
Отставной корнет Михаил Кало	«Великая Княгиня Александра»	Отправлен от меня в море под командою капитана Алевизопуло для отыскания корсеров и потом отправлен в Триест
Грек Дмитрий Мустаки	«Великий Князь Константин»	неизвестно
Пандели Николаев	«Князь Потемкин-Таврический»	отправлен от меня в Триест
Собственное судно Псаро	«Граф Александр Безбородко»	Находится в Мессине без командира и люди без пропитания бродят по городу
неизвестно	«Контр-Адмирал Мордвинов»	неизвестно
Диаманди Франгопуло (?)	Неизвестно (?)	Неизвестно (?)
Спиро Калига	«Богоматерь Калигатская»	Отправлен с капитаном Алевизопуло

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 64. Л. 5–6; Д. 4. Л. 22.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 88.

Капитан Христофор Сапунцогли	«Орел Российский»	Отправлен был от графа Моцениго с патентом от него данным из Ливорны и когда ко мне явился, то от меня послан в Мальту, по выдержании там карантина явится ко мне в Сиракузу
Англичанин Шмит	неизвестно	Отправлен от Патрича из Ливорны

Примечательно, что в составленной С.С. Гибсом таблице допущен ряд ошибок и умолчаний, которые наводят на мысль, что он не ставил перед собой задачи всерьез разобраться в получаемых сведениях. Так, в ней не отмечено, что суда под командой М. Кало, П. Николаки, Д. Мустаки, а также М. Франгопуло, которого он смешал с Д. Кацари, владевшим на паях с ним шамбеком (шебекой) «Князь Дмитрий Голицын», входили во флотилию Л. Кацониса. Впрочем, весьма вероятно, это свидетельствует о желании М. Кало и П. Николаки скрыть какую-либо зависимость от майора, равно как и о недостаточной их информированности.

Во всяком случае, определенное представление о потенциальных возможностях привлечения каперов во флотилию С.С. Гибс имел уже в начале октября 1788 г. А так как, помимо двух, купленных на казенные деньги и поначалу использовавшихся для грузовых перевозок, фрегатов в его распоряжении к тому времени было не менее трех каперских судов (С. Калига, М. Кало, П. Николаки) и пакетбот Х. Сапунцоглу, о котором мы скажем далее, недавние сетования генерал-майора по поводу невозможности «составить флотилию» представляются поспешными. И действительно, весной 1789 г. прежние помехи все-таки не помешали ему выслать в море девять боевых единиц. Однако для этого потребовалось давление со стороны И.А. Заборовского, из чего можно заключить, что осенью 1788 г. судьбу флотилии определяло, в первую очередь, отношение к данному вопросу С.С. Гибса.

Как говорилось в его рапорте С.К. Грейгу, от 22 ноября 1788 г.: «Когда корсары по выдержании карантина явятся в Сиракузу, и я в состоянии буду из них составлять флотилию, тогда они, яко принятые в службу нашу, потребуют для исправления и снабдения судов своих корабельных и воинских припасов и для содержания служителей провизии и жалованья, но как я исправлять их таким образом и снабжать ни денег, ни власти не имею, то заблаговременно

представил о сем Его Превосходительству Ивану Александровичу Заборовскому»¹. Другими словами, учитывая время, необходимое на переход из Сиракуз в Триест, последующий карантин и возвращение, С.С. Гибс отодвигал создание флотилии на 1789 г., поставив его в зависимость от тех, сравнительно небольших средств, которые мог выделить И.А. Заборовский, т. е. сняв с себя всякую ответственность.

Между тем, до того, как генерал-майор приступил к изъятию патентов, не позднее лета 1788 г., имел место определенный всплеск каперской активности — в море, помимо флотилии Л. Кацониса, выходили и отдельные суда, вроде упоминавшегося выше «русского капера «Смелый»», который остается для нас загадкой, а также поляки С. Калиги. Насколько можно понять, они действовали в Архипелаге и за его пределами, доходя до берегов Сирии и Египта, брали призы, но сведений на этот счет сохранилось немного.

Пожалуй, лишь об одном судне в доступных нам документах говорится достаточно подробно — о поляке капитана Христодуло Сапунцоглу. Грек, участвовавший в войне 1768–1774 гг. на стороне русских и выслуживший себе чин «шкипера первого ранга», по окончании боевых действий поселился в Таганроге и занялся торговлей. К началу новой войны он оказался в Средиземном море со своим судном, уступил его казне и вооружил при помощи министра при Тосканском дворе, графа Д. Моцениго. Примечательно, что в документах на передачу поляки «Святой Дионисий Ареопажский», в дальнейшем фигурировавшей как пакетбот «Российский Орел», капитан именуется Кристофором (Христофором) Джорджиовичем².

Согласно контракту от 22 октября 1787 г. предполагалось, что судно будет использоваться для различных перевозок. Однако как позднее, 1/12 января 1789 г., Д. Моцениго писал И.А. Заборовскому: «Вместо того, чтоб приступить к исполнению своей комиссии, он остановился в Теаки и в противность своей комиссии атаковал грека, уроженца из Идры, а оттуда отправился в Архипелаг, где делал беспрестанно набеги, захватив многие суда и добычи, показанные в описи под № 10, подписанной тремя матросами из его экипажа, кои представили мне таковую ж при своем доношении...»³

Упомянутые Д. Моцениго «три матроса из его экипажа» —

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 103.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 7, 32–33, 34, 35–36.

³ Там же. Л. 37, 46.

«Иогн Рожеар, Вилиам Давидсон, Иогн Меллер», т.е. англичане «John Rogear, William Davidson, John Meler». Подписанный ими документ представляет собой нечто вроде выписки из судового журнала или личного дневника, затрагивающей почти исключительно случаи захвата Х. Сапунцоглу разных судов. События датированы апрелем – июлем 1788 г., подшитая в дело копия «описи № 10» была снята 12 января (н. ст.) 1789 г. В том же архивном деле содержится и копия другого документа, озаглавленного «Экстракт, учиненный лоцманом Егором Франковичем, бывшим на пакетботе «Российский Орел»...» Несмотря на то, что в русском тексте события датируются маем-сентябрем 1789 г., в подписи указывается, что бумага составлена 28 марта 1789 г., а копия снята 3/14 мая 1789 г. Подлинник же показывает, что описанные Е. Франковичем (Giorgio Francovich) события относятся к 1788 г.¹

Сравнительный анализ текстов «Описи № 10», «Экстракта» Е. Франковича и упоминавшегося выше «журнала» У. Дэвидсона позволяет предположить, что во всех трех источниках речь идет об одном и том же каперском судне — «Святой Дионисий Ареопажский», переименованном в «Российский Орел», под командованием Х. Сапунцоглу. Однако при всем том, что сходство описываемых событий в этих документах просматривается, совпадения в датировках редки, более того, расхождение во всех остальных случаях невозможно объяснить систематической ошибкой, например, датировкой разными стилями — какой либо закономерности в отклонениях не обнаруживается. Примечательно, что между «Описью № 10» и «Экстрактом» Е. Франковича гораздо больше совпадений, чем у этих документов с «журналом» У. Дэвидсона.

Заметим, кстати, что в последнем отплытие «St. Dinnan» из Ливорно датировано 3 декабря (н. ст.) 1788 г., прибытие в «Порто Ферраро на о. Эльбы» (Porto Ferraro, in the island of Elba), ныне Портоферрайо, где он простоял 15 дней — 7 декабря, в Мессину — 27 декабря, на Мальту — 9 февраля 1789 г., к о. Занте — 16 февраля. Далее судно проследовало к Цефалонии, «острову Превезы» (island of Prevesa), под которым, возможно, понимается порт Превеза на полуострове, расположенном северо-восточнее Цефалонии (выше о. С. Мавра), вновь вернулось к Цефалонии, в середине апреля — к Занте, а 29-го числа пришло к Цериго². Если же обратиться к материалам РГАВМФ, то благодаря письму Д. Моцениго С.С. Гибсу,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 58–58 об, 60–63, 178, 179.

² Journal of a Levant pirate... P. 52–55.

от 9/20 апреля 1790 г., можно установить, что «Святой Дионисий Ареопажский» отплыл из Ливорно, затем зашел в «Лонгонский порт», где стоял 40 дней, оттуда ушел в Мессину, которую покинул без приказа, направившись на Мальту, оттуда к Цефалонии, в Тиаки (на Итаку), а затем ушел в Архипелаг. События в этом письме не датируются, но благодаря другим документам, в частности, «Описи кораблю, именуемому «Св. Дионисий», под управлением шкипера Христофора Жоржевича, русского, стоящему теперь на якоре в здешней Ливорнской гавани», датированной 15 октября 1787 г., и копии контракта от 22 октября 1787 г., в котором оговаривалась передача владельцем своего судна казне не для крейсерства, а для различных перевозок, наконец, благодаря упоминавшемуся выше письму Д. Моцениго И.А. Заборовскому, от 1/12 января 1789 г., мы можем отнести все изложенное в письме от 9/20 апреля 1790 г. к концу 1787 — началу 1788 г.¹

Первый захват приза в «журнале» У. Дэвидсона датируется 17 марта (н. ст.) 1789 г. (в действительности — 1788). Им, якобы, оказался рагузский бриг с пассажирами-турками, шедший из Кандии (о. Крит) на Зеа (*Ragusa brig with turks passengers in, came from Candia bound for Zea*). Заметим, что незадолго перед этим «St. Dinnan» находился в «порту Превезы», а 5/16 марта к ним пришла лодка, сообщившая, что в Цефалонии находятся четыре судна с турецкими товарами, но моряками-греками (*a boat came and told us there were four vessels in Cephalonia, with turkish cargoes, but Greek sailors*), куда капер и направился². Учитывая это, можно усомниться в том, что по пути «St. Dinnan» мог встретить рагузское судно, шедшее «из Кандии на Зеа», так как этот район моря расположен за сотни миль от Цефалонии, по другую сторону Мореи. В связи с этим, сомнение вызывает и само событие, фигурирующее в «журнале».

Первый из упомянутых в «Описи № 10» захватов датирован 10 апреля 1788 г., надо полагать, также нового стиля, что было бы естественным для составителей документа — английских моряков. Призом оказалось турецкое судно с грузом вина, которое бывшая поляка «Святой Дионисий», превратившаяся в пакетбот «Российский Орел», привела в Цефалонию. В «Экстракте» же Е. Франковича утверждается, что 30 марта 1789 г. (и в данном случае также 1788) «уведомившись, что в порте Теаки находились два идриотские судна с грузом, на одном хлеба, а на другом с шелком

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 32–33, 35, 37.

² *Journal of a Levant pirate...* P. 53.

и деньгами, то капитан Жержевич приказал подъехать пакетботом ближе», но из-за противного ветра «послал шлюпку вооруженную к атакованию», однако ввиду оказанного идриотами сопротивления рейд оказался бесплодным, более того, несколько человек, включая двух поручиков, получили ранения¹. Заметим, что датировка событий Е. Франковичем, как нам представляется, производилась также по новому стилю.

Столь существенные расхождения в показаниях данных источников, на наш взгляд, не позволяют установить последовательность событий ни по какому-либо из них в отдельности, ни сопоставлением всех трех. С другой стороны, мы не можем игнорировать ни один из этих документов, тем более что в явлениях, описываемых одним, есть черты, вполне узнаваемые по описаниям из другого. В частности, упоминаемые «журналом» У. Дэвидсона «четыре судна с греческими командами и турецкими товарами на Цефаллонии» вполне могли быть теми «двумя идриотскими судами в порте Ти-аки», о которых повествует «Экстракт» Е. Франковича, недаром и сведения о них отнесены к тому же марту месяцу. А захваченное 5 мая малое турецкое судно с вином, о котором говорится в «журнале», быть может, являлось как раз тем самым «сатуром» с вином, взятым того же 5 мая «в канале Зейском», по словам «Экстракта». Вариативность же описаний и разноречивость в датировках, помимо специфичности авторского изложения, могут объясняться записью событий по памяти, с разным запозданием. Разумеется, нельзя исключать и редактирования бумаг У. Дэвидсона их английскими публикаторами.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вариант текста «журнала», увидевший свет первым, в 1810 г., позволяет предполагать, что всего «St. Dinnan» задержал до 37 судов, из которых три отпустил, а около 13 уничтожил, точное число погибших при этом турок и людей других национальностей не указывается, приблизительные же расчеты показывают, что их могло быть более 1230 человек². Эти цифры несколько расходятся с расчетами публикаторов более поздней версии текста, о которых говорилось выше (14 захваченных и 17 уничтоженных судов, 1500 убитых), однако близки к цифрам, получаемым при анализе «Описи № 10» — до 34 захваченных судов, из которых всего одно уничтожено, причем, упоминается убийство только 14 человек. Еще более скромные результаты

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 58, 60.

² Journal of a Levant pirate... P. 52–63.

дает анализ текста «Экстракта» Е. Франковича — 20 захваченных судов, одно из них уничтожено, убито 10 человек.

Мы не ставим себе целью произвести тщательный анализ всех источников, связанных с действиями Х. Сапунцоглу, однако некоторые замечания по этому поводу представляются нам необходимыми. В частности, данный арматор, по словам Д. Моцениго, действовавший без соответствующих документов, т.е. не имевший законных оснований брать призы, тем не менее, захватывал купеческие суда, включая и греческие.

Так, согласно «журналу» У. Дэвидсона: 15 мая (н. ст.) они, как можно понять, ограбили, хотя и не взяли в приз, судно, принадлежавшее греческим купцам (*she belonged to some greeks merchants, we took all the silk and cotton, and most of the honey*), 13 июня захватили и сожгли греческое судно с деревом для турок (*greek ship loaded with wood for the turks*)¹. «Национальность» же большинства призов попросту не указывалась.

Фигурируют греческие суда и в «Описи № 10». Так, сказано, что 7 мая «захватили одну большую греческую латыну с греческим флагом с грузом хлеба... отвели на остров Цериго», 15 июня «захватили одно греческое судно, нагруженное шелком и хлопчатой бумагой, захваченный капитан, явившись на борт к нашему корсеру и будучи знакомый ему, то ему только дал несколько денег и шелку, а потом и был отпущен, но спустя три дня оный самый капитан с своим судном повстречался другому корсеру, Осипу Ламбро, который его захватил и отвел в Триест»². Заметим, что в данном источнике национальная принадлежность большинства судов также не указана. Оставляет вопросы и личность «корсера Осипа Ламбро», не встречающегося в доступных нам списках.

Наконец, «Экстракт» Е. Франковича, как сказано выше, упоминает неудачную атаку двух идриотских кораблей 30 марта, захват одного идриотского судна 5 мая, грабеж двух греческих судов, грузившихся лесом у «Тенаке», близ сирийского побережья 15 июня, захват саитии с греческим экипажем и грузом соли у Дамиетты 26 июня, грабеж судна с моряками-греками и грузом из 200 овец и «кипы» шелка «между Дамиадом и Кипром» 2 июля³. Разумеется, большинство других захваченных судов и здесь фигурирует без указания национальности.

¹ Journal of a Levant pirate... P. 57, 59.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 58.

³ Там же. Л. 60, 60 об., 61 об., 62.

Между тем, судя по всем трем документам, львиная доля призов была взята капером у островов греческого Архипелага. Это заставляет думать, что многие из них принадлежали грекам-христианам, подданным Османской империи. Как отмечал С. Рансимэн: «...Среди греков был класс людей, которым османское правление принесло процветание. Распространение власти одной империи над всем Ближним Востоком разрушило национальные барьеры для торговли... Сами турки не испытывали склонности к предпринимательству и они изгнали итальянцев, которые в прежние времена занимали преобладающее положение в левантийской торговле. Торговая деятельность была предоставлена подчиненным им народам — евреям, армянам, сирийцам и грекам; греки, в первую очередь по той причине, что они были самыми лучшими моряками, заняли здесь первое место... Не только местное судоходство вокруг Константинополя и процветающая рыбная торговля находились в руках греков и христиан-лазов, которые, будучи православными, шли наравне с греками, но и перевозка грузов по восточному Средиземноморью производилась судовладельцами-греками, жившими на островах Эгейского моря, в Идре и Сиресе»¹. По наблюдениям Я. Бартольди, в начале XIX в. собственникам с Идры, Специи, Псары, Хиоса принадлежало от 300 до 400 судов.

На наш взгляд, логично было бы предположить, что во время плавания у Ионических островов и от Занте в район «канала Зейского», затем к Святой Горе (Афону), Микони и далее на юг, согласно упоминаемым в «Экстракте» Е. Франковича пунктам, Х. Сапунцоглу как раз и попадались преимущественно греческие суда. Однако от его действий страдали не только греки-судовладельцы и купцы. В «журнале» У. Дэвидсона упоминается обстрел острова «Hedrao», очевидно, Идра (Гидра), на котором были арестованы несколько моряков, управлявших одним из призов, взятых капером: «...12 мая мы прибыли на Хидро и выстрелили из нескольких пушек в город, где было разрушено несколько домов и убиты некоторые жители...» (12th may we got into Hedrao, and fired several guns into the town, which knocked down some of houses and killed several of the people)².

Подобного обстрела мы не находим ни в «Описи № 10», ни в «Экстракте» Е. Франковича, хотя в последнем и нарисованы довольно мрачные картины. Так, согласно этому документу, 1 мая

¹ Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. СПб, 2006. С. 364–365.

² Journal of a Levant pirate... P. 57.

«вступивши в Архипелаг, неподалече от Мила острова, капитан отправил в одну деревню людей своих для набору рекрутов и чтобы старшины привезли обыкновенную дань, и ввечеру того дня взяты были там два рекрута и старшинами привезено на борт разного мяса, фруктов, хлеба и прочего». 8 мая «вошед в Идрский канал с распущенным российским флагом, призвал капитан одного из приматов, коего задержал в залог, пока не уплатят денег за обиду, учиненную поражением вышеописанных двух поручиков (речь идет о неудачном нападении на идриотские суда 30 марта, когда ранения получили поручики Тавла и Михали. — *Р.К.*), почему к нам прибыла шлюпка с епископом и старшинами, привезши сухарей, и по сказанию капитана также 500 червонных, которые, будто, он отдал им, для того, что было мало, чего, однако, он, лоцман, не видел...» 15 мая «отправились в Микон, и капитан, выдававший себя за русского, взял там в рекруты 5 человек...» и т. п.¹

Конечно, все действия Х. Сапунцоглу, описанные Е. Франковичем, не выходили за рамки обычного для той эпохи поведения каперов разных наций. Но, еще раз заметим, что свои «поиски» этот капитан производил «без разрешения». Как сказано выше, это в свое время особо подчеркивал Д. Моцениго. Казалось бы, данный случай вполне подпадал под 8 пункт инструкции С.К. Грейга С.С. Гибсу или, по крайней мере, требовал надлежащего разбирательства. Однако претензий на действия капера, подобных высказанным по поводу захвата С. Калигой идриотской поляки, в Призовую комиссию не поступило. Ввиду большого количества взятых Х. Сапунцоглу призов, среди которых часть явно не отличалась от попавшего в руки С. Калиги, это невольно заставляет задуматься о достоверности рассказов У. Дэвидсона об уничтожении потенциальных жалобщиков.

Специфичность положения командира «Российского Орла» отмечал в своем письме к Д. Моцениго, от 20 сентября 1788 г., С.С. Гибс, сообщавший: «Сего сентября 14 дня приехал в Сиракузу известный вам Христофор Сапунцогли, которого наименовали вы в патенте на иностранных языках пилотом, на российском же шкипером первого ранга, позволив противу достоинства его надеть ему воинский белый мундир и дали отверстый лист для начатия действий с неприятелями нашими, а как показано в отношении вашем ко мне, снабдено как судно многими разными орудиями, так и ему

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 60 об., 61.

самому дана инструкция, которая по важности своей заслуживает, действительно, хранить оную сокровенно...» О том, какова была эта «секретная инструкция», говорится далее: «К великому своему удивлению, увидел я из его ответов, что он во все время плавания своего, не имев никакой инструкции и не зная о повелении явиться к г[осподину] барону Тонусу, о котором он по сие время ничего не знает и не слышал, был с данным ему одним только патентом в Белом море, Архипелаге и Сирии, подробный же о делах своих отчет подаст он по выписании всего из журнала...»¹ Иначе говоря, Д. Моцениго предполагал использовать пакетбот Х. Сапунцоглу для упоминавшейся выше экспедиции барона К. фон Тонуса, но капитан поступил самовольно и вопреки его планам.

Примечательно, что в бумагах С.С. Гибса выписок из журнала «Российского Орла» или иного подробного описания действий пакетбота не найдено. Кроме того, «патент», который Д. Моцениго выдал Х. Сапунцоглу, судя по всему, не был каперским. В пользу такого предположения говорят упоминавшиеся выше письма Д. Моцениго С.С. Гибсу, от 1/12 января 1789 г., 9/20 апреля 1790 г., в котором министр фактически указывает на то, что «капитан Джиорджиович» уходил из Мессины без его разрешения, не имея должным образом оформленных документов. Затем, наличие каперского патента позволяло капитанам судов действовать по своему усмотрению, между тем, С.С. Гибс в письме к Д. Моцениго, от 20 сентября 1788 г., удивляется тому, что Х. Сапунцоглу побывал «с данным ему одним только патентом в Белом море, Архипелаге и Сирии». К сожалению, о каком именно патенте идет речь, установить не удалось, возможно, о подтверждавшем его чин «шкипера первого ранга», но генерал-майор явно различал этот документ и некий «отверстый лист для начатия действий с неприятелями», тогда как каперский патент сам по себе является разрешением на такого рода действия.

Высказанное С.С. Гибсом намерение «строго исследовать дело», как можно понять, свелось к запросу, на который Х. Сапунцоглу 16 октября 1788 г. представил «ответ». В нем капитан объяснял, что первоначально располагая 10 собственными орудиями, получил в Ливорно предоставленные ему Д. Моцениго 14 пушек: две 12-фунтовые, две 10-фунтовые, восемь 8-фунтовых и две 4-фунтовых. Еще восемь пушек и «мелкие орудия», видимо, фал-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 76 об. – 77.

конеты, ему были обещаны на Мальте. Однако там он ничего не получил и был вынужден приобретать орудия за свои деньги: пару пушек купил на Цериге, четыре реквизирует на рагузском судне, выдав его капитану «долговое письмо». Х. Сапунцоглу подтверждал отсутствие у него какого-либо ордера, вместе с тем, признал и захват нескольких призов, в том числе двух «жерм» у Дамьетты¹. К слову, последнее признание подтверждало достоверность «Экстракта» Е. Франковича, правда, свидетельствовавшего о взятии там как минимум пяти «жерм» и такого же числа саитий с 26 по 28 июня 1788 г. В целом «ответ» был составлен так, чтобы создать впечатление законности действий капитана «Российского Орла» и приуменьшить их размах.

Возможно, на этом «исследование дел» Х. Сапунцоглу и прекратилось бы, однако вскоре к Д. Моцениго явились Н. Тавла и Е. Франкович, служившие на «Российском Орле», но «отставшие от того судна по причине худых обращений со стороны капитана и удержания принадлежащих им денег». Пообщавшись с ними, министр 7/18 мая 1789 г. писал С.С. Гибсу: «Господин генерал-поручик Заборовский принимает их в службу, дабы быть во оной определенными Вашим Превосходительством в таковых же постах на других судах, возлагая на меня, по причине своего отъезда, препоручить их Вашему Превосходительству, со внушением вам употребить их для открытия истины в призах, учиненных капитаном Жержевичем, каковые, по утверждении их, суть очень немаловажные, а равно открыть и беспорядочное оного поведение...»²

Показательно, что ответа на данное письмо в бумагах С.С. Гибса не найдено. Как можно понять, подлинного «открытия истины в призах» Х. Сапунцоглу он производить не стал. Отчасти такое отношение к арматору объясняется давним знакомством³. Видимо, поэтому С.С. Гибс предпочел закрыть глаза на его весьма неоднозначную деятельность. В рапорте И.А. Заборовскому, от 11/22 октября 1788 г., генерал-майор ограничился сообщением: «Христофора Сапунцогли, которого судно имело великую течь, и поелику в Сиракузе иначе до сей работы не допускается, как принявшиеся за оную должны подвержены быть равному с приехавшими на судне карантину, то отобрав и от него патент (возможно, упоминавшийся ранее «открытый лист». — *Р.К.*), данный ему от графа Моцениго,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 86–88.

² Там же. Л. 59.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 444 об. Со времен Архипелагской экспедиции.

отправил в Мальту, где хотя и встретилось с судном сим таковое же препятствие, однако же чрез посланное от меня потом письмо к одному из мальтийских начальников позволено судно сие исправить, по исправлении же и по выдержании карантина приказал я быть оному в Сиракузу».¹ Довольно крупный, хорошо вооруженный пакетбот был в глазах С.С. Гибса хорошим приобретением для будущей казенной флотилии, поэтому он предпочел удержать его при себе.

Упомянутые выше события происходили во второй половине сентября — начале октября. В частности, 18/29 сентября 1788 г. Х. Сапунцоглу рапортовал С.С. Гибсу, что получил ордер, паспорт и готов при попутном ветре идти по назначению, но испытывает недостаток в хлебе. Видимо, тогда же, пополнив запас сухарей, капитан покинул Сиракузы, и 21 сентября 1788 г. прибыл на Мальту. По его возвращении в ноябре, С.С. Гибс ходил на пакетботе в Неаполь, где в начале января 1789 г., по словам генерал-майора, «Российский Орел» был подвергнут «учтивому аресту» из-за находившихся на борту 50 неаполитанцев, набранных в службу².

Таким образом, из четырех каперских судов, побывавших осенью 1788 г. в Сиракузах, С.С. Гибс оставил при себе только одно. По поводу судна «Граф Александр Безбородко», генерал-майор писал 4 октября 1788 г. И.А. Заборовскому: «Шебека, о которой Вы упоминаете, находится ныне в Мессине, без командира, которого г. Псаро отрешил за то, что потратил без пользы много денег, люди же ходят по городу без пропитания...»³ Видимо, использовать это судно для каперства не предполагалось. Кроме того, в распоряжении председателя Призовой комиссии находились два приобретенных казной фрегата. Правда, они были таковыми прежде всего по парусному вооружению, не отличаясь особой артиллерийской мощностью — имели всего по 20 пушек, однако, казалось бы, генерал-майор, при желании, мог отправить их в море для действий на неприятельских коммуникациях. И такое желание у него, действительно, было, но как выяснилось, оно не соответствовало возможностям.

О том, что представляют собой эти суда, С.С. Гибс узнал еще по приезду в Триест 29 июня 1788 г. Как сказано в его рапорте С.К. Грейгу, от 16 августа: «...Нашел купленные г. Псаром два фрегата, не соответствующие по маловажности своей, заплаченной за

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 85 об. — 86.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 83, 85, 115, 117 об.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 83 об.

них сумме денег». Далее говорилось: «Наконец, сего августа 15 дня вечером ожидаемые из Триеста два фрегата в Сиракузу прибыли, из которых по выгрузке привезенных на оных припасов, в силу данной мне инструкции, намерен послать один фрегат к Осту, для соборания корсеров и приводу их в Сиракузу, другой же фрегат, слабо вооруженный, послать в Мальту с бочечными досками, в которых есть там великая потребность»¹.

Впрочем, задуманный, по сути дела, коммерческий рейс на Мальту не состоялся — генерал-майор оставил оба фрегата при себе. Между тем, как говорилось в его рапорте С.К. Грейгу, от 2 сентября 1788 г., И.А. Заборовский, распорядившись о вооружении флотилий, не указал «в предписании своем, оставить ли на тех фрегатах командующими капитана графа Войновича и Николича или определить на оные командирами помянутых лейтенантов, для того единственно со мною посланных и по сие время к прямой своей должности не приступивших...»²

Чем в эти дни занимался С.Я. Дешаплет, установить не удалось, С.М. Телесницкий же, как говорится в его послужном списке первое время по прибытии в Сиракузу снимал планы порта, а в октябре получил назначение командовать фрегатом «Л'Абонданс»³. Здесь уместно заметить, что сведения из послужных списков XVIII в., отразившиеся затем в «Общем морском списке», не всегда достоверны и всегда неполны. Однако в данном случае они находят частичное подтверждение в бумагах С.С. Гибса.

Так, в рапорте последнего И.А. Заборовскому, от 12/23 сентября 1788 г., говорилось: «Сентября же 12 дня отправился из Сиракузы в Мессину и господин бригадир и кавалер Псаро, по исправлении здесь дел своих, на одном из наших фрегатов, коим командует капитан граф Войнович...» С.С. Гибс собирался отправить фрегат в Неаполь, предлагая генерал-поручику воспользоваться этим судном для плавания в Сиракузы. Далее говорилось: «При сем случае отправляю я на том же фрегате одного из находящихся при мне, лейтенанта Телесницкого, для получения от Вашего Превосходительства повелений на мои прежние представления, а между тем предложит он вам для показания сделанные планы портам Сиракузы и Агуста...»⁴

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 46 об., 47 об.

² Там же. Л. 54 – 54 об.

³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 40. Л. 316 об – 317.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 73 об. – 74.

На следующий день, в рапорте С.К. Грейгу, от 13/24 сентября 1788 г., С.С. Гибс жаловался: «...О фрегатах, коих я по сие время по предписанной мне от Вашего Высочайшего повеления инструкции ни к чему еще не употреблял и не могу, во исполнение оной же инструкции, без получения повеления определить на них командирами посланных единственно для того со мною лейтенантов, не имеющих по сие время никакой должности...»¹

Тогда же, как говорилось выше, генерал-майор стал прощупывать почву для перевода Призовой комиссии в другое место. 13/24 сентября 1788 г. он отправил во Флоренцию, Д. Моцениго, письмо, в котором говорилось: «Объявляя Вам о невозможности составить здесь из корсеров флотилию, по причине присланного из Палермо в Сиракузу повеления, запрещающего давать практику всем вообще корсерам, и видя себя принужденным назначить вместо Сиракузы для собрания их Триест или Ливорну, прошу Вас уведомить меня, могут ли в Ливорне корсеры наши и призывные суда беспрепятственно выдерживать карантин...»²

Эта точка зрения была изложена и в рапорте С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 4 октября 1788 г.: «...Гораздо полезнее бы было, ежели бы Ваше Превосходительство ускорили повелением Вашим, чтоб ехать мне самому в Ливорну и взять с собою два наши фрегата и находящийся в Мальте, в карантине, пакетбот, коим командует Христофано (Х. Сапунцоглу. — Р.К.). В таком случае мог бы я удобнее обо всем Вашему Превосходительству представить, и не было бы нужды тратить много времени на переписки и чрез то упускать случаи, открывающиеся для соделания вреда неприятелю нашему. Сверх того, поелику фрегаты наши во многих вещах нужных имеют недостаток, то в Ливорне без труда получить все то можно, чего здесь в Сиракузе нет и вооружать препятствуют»³.

Однако сам по себе перевод Призовой комиссии в Ливорно все не создавал всех необходимых условий для формирования казенной флотилии. Помимо факторов материальных существовали и моральные, о которых в том же рапорте говорилось так: «На служителей, находящихся на двух фрегатах наших, никакой надежды не имею, ибо они неотступно просят заслуженного своего жалованья, объявили еще, что наняты не для крейсирования, но для переезду из одного порта в другой, и я с трудностию мог отправить один

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 76.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Л. 83 – 83 об.

фрегат в Мальту, посадив к И. Николичу и лейтенанта Дешаплету, приказал ему забрать хранящиеся там вещи, в приз взятые, кои я в Сиракузе намерен продать, и принужден был обещать удовольствие требующих». Не все благополучно было и со вторым фрегатом, отправившимся с А.К. Псаро и С.М. Телесническим в Неаполь. Как писал С.С. Гибс: «Я имею известие из Мессины, что и на сем фрегате служащие требованиями своими великий делают беспорядок. Из сего Ваше Превосходительство можете видеть, что судов в Сиракузе теперь нет, и служащие на фрегатах ненадежны, а особливо в таком случае, о котором вопрошаете»¹.

Соответствующего послания И.А. Заборовского в бумагах С.С. Гибса нет, но судя по упомянутому выше рапорту, генерал-поручик в очередной раз предлагал ему сформировать и выслать в море каперскую флотилию, прибавив к имеющимся судам еще один фрегат, который намеревался купить в Ливорно. Очевидно, отвечая на вопрос, что он сам сделал во исполнение прежних распоряжений, председатель Призовой комиссии признавался: «Что принадлежит до принятия в службу, я никого не принимал и принимать не имел намерения, освобождаясь с трудностью и [от] тех, кои сюда были присланы и неотступно просили о помощи»².

Спустя неделю, в рапорте И.А. Заборовскому, от 11/22 октября 1788 г., С.С. Гибс писал: «По получении же предписания Вашего октября 3/14 дня, присланного с поручиком Палатином, между прочим о оставлении командиром на фрегате капитана графа Войновича, соответствуя желанию Вашему моим на то согласием, прошу о лейтенанте Телесническом...»³ Что именно ответил ему И.А. Заборовский, неизвестно, однако на момент написания процитированного рапорта С.М. Телеснический находился в Неаполе, на борту фрегата «Ла Перфет Аллианс», которым командовал именно Г.В. Войнович⁴. Других же вакансий на тот момент не вырисовывалось.

Распорядившись на втором фрегате, «Л'Абонданс», С.Я. Дешаплету с И. Николичем, С.С. Гибс, как сказано в его рапорте С.К. Грейгу, от 22 ноября 1788 г., предписал, чтобы «не трата в таковом случае напрасно времени, отправились в крейсерство для поиска шведских судов к помянутому острову, а оттуда обратно в

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 82 об. – 83.

² Там же. Л. 83 об.

³ Там же. Л. 86.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 438.

Сиракузу», однако «тогда служители, нанятые г[осподином] бригадиром Псаром, приступили ко мне кучею и с великим роптанием требовали своего жалованья, объявляя о себе сверх того, что они наняты не ради крейсирования, но ради провоза только провизии из одного порта в другой. Сие вынуждает меня теперь, удовольствовав их, набирать других, способных и готовых служить во всякое время и на всякий случай. Для сих фрегатов потребны еще как корабельные припасы, так и воинские некоторые орудия; потребны деньги на раздачу служителям для их исправления, потребна для их и провизия, кроме сухарей и сорочинской крупы...»¹

Таким образом, попытка использовать хотя бы один фрегат для действий против неприятельского, в данном случае шведского, сухоходства не имела успеха. Посланный на Мальту «Л'Абонданс» возвратился в Сиракузы 19 ноября, а 22-го пришел и «Ла Перфет Аллианс». Последнее вызвало у С.С. Гибса недоумение, и он в рапорте И.А. Заборовскому, от 22 ноября 1788 г., удивлялся, что «господин бригадир и кавалер Псаро, не приказав дожидаться (генерал-поручика в Неаполе. — *Р.К.*), отправил сей фрегат в Сиракузу»². Судя по документам Призовой комиссии, И. Николич в начале декабря (до 20-го числа) оставил службу, возможно, не желая рисковать, и 26 декабря в должности командира «Л'Абонданса» был утвержден С.М. Телесницкий, вскоре отправившийся на Мальту для вооружения корабля «и набрания вольных людей в нашу службу»³.

Что за «вольные люди» вербовались в команду как этого, так и второго фрегата на Мальте, нетрудно догадаться: мальтийские пираты и авантюристы разных наций (судя по фамилиям, преимущественно итальянцы, корсиканцы, уроженцы славянских областей Адриатики, греки и даже русский «солдат Алексей Михайлов», которого «выкупили из службы неаполитанской»⁴).

В таком состоянии находились корабли, спустя несколько месяцев составившие казенную флотилию. Между тем, Л. Кацонис, в первой половине мая 1788 г. покинувший Занте, подобно Х. Сапунцоглу и почти одновременно с ним, направился к восточным берегам Средиземного моря, теперь уже во главе небольшой флотилии. Приложенная к его донесению С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г., «Нота как называются нижеписанные суда и кто на оных в

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 103 об.

² Там же. Л. 106, 107.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4. Л. 12; Ф. 406. Оп. 7. Д. 40. Л. 316 об – 317.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об.

характере капитанов» позволяет нам уточнить полный состав флотилии. Помимо «Минервы Северной», в нее входили еще девять судов: кирлангич «Великий Князь Александр», под командованием Константина Папа, кирлангич «Великий Князь Константин», которым командовал Дмитрий Мустаки, кирлангич «Великая Княжна Александра», под командованием отставного корнета Михаила Калоса (Кало), кирлангич «Князь Потемкин-Таврический», под командованием Пандели Николаева (Николаки), по поводу которого особо указывалось, что он вступил в службу добровольно со своим судном, тартана «Иосиф Второй», под командованием Диаманди Кацари, тартана «Граф Безбородко», под командованием Дмитрия Алексопуло, тартана «Иван Ганнибал», под командованием Мануила Марзенаки, тартана «Александр Мордвинов», под командованием Константина Свакиоти, шамбек «Князь Дмитрий Голицын», под командованием Марино Франгопуло, который владел этим судном на паях с Диаманди Кацари и вступил в службу добровольно¹.

Сведений о том, какие именно из перечисленных капитанов отправлялись тогда в поход с Л. Кацонисом, у нас нет. Заметим, что ко времени написания рапорта М. Кало и П. Николаки уже лишились патентов и были из состава флотилии. Все эти обстоятельства заставляют считать упомянутый выше документ списком судов, командирам которых Л. Кацонис на протяжении 1788 г. выдавал патенты. Очевидно, в указанном выше полном составе соединение никогда не действовало, причем, часть каперов покинула его еще летом, о чем будет сказано далее.

Впрочем, возможно также, что перечисленными судами флотилия не ограничивалась. Как утверждал позднее Н. Верготи: «В июне месяце того ж (1788. – *Р.К.*) года на острове Цериго реченный Качиони дал мне команду над вооруженным судном “С[вято]го Спиридона”»². Правда, в известных списках легкой флотилии Л. Кацониса на 1788–1789 гг. «Святой Спиридон», под командованием Н. Верготи, не значится. Вместе с тем, согласно представленному В.С. Томара в «Комиссию для свидетельства счетов...» 2 июня 1794 г. списку, к 1791 г. в соединении уже появилась саития «Святой Спиридон», с капитаном М. Микониоти³. Когда именно судно попало во флотилию, документ не уточняет, но принимая в расчет данные других источников, мы не имеем оснований ни слепо дове-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 62 – 62 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 377.

рять всем утверждениям Н. Верготи, ни отвергать их полностью.

Хорошую возможность оценить достоверность составленного Л. Кацонисом списка судов его флотилии дает рапорт С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 22 ноября 1788 г., в котором говорится: «О господине майоре Ламбро Кацциони с его флотилиею... получил ныне подтвердительное тому известие. Господин Розетти, отписав ко мне о сем, уведомляет, что с фрегатом, коим командует сам г. Ламбро Кацциони, вошли в Триест 7 судов корсарских и что прибытия еще четырех судов туда ежедневно ожидают»¹.

Далее приводится перечень «Пришедшие суда в Триест октября 26 дня». Событие в данном случае датировано по новому стилю, т. е. «господин Розетти» писал о каперах, прибывших 15/26 октября. Данные сведены нами в таблицу.

№ п/п	Судно	Командир	Численность экипажа	Примечания
1	Фрегат «Минерва Северная»	Ламброс Кацонис	130 человек	
2	Тартана «Князь Потемкин»	Пандели Николаки	40 человек	3 пленных турка
3	Шебека «Князь Голицын»	Марино Франгопуло	36 человек	
4	Тартана «Константин»	Дмитрий Мустаки	52 человека	6 пленных турок
5	Поляка «Ганнибал»	Манולי Молиссинаки	41 человек	
6	Поляка	Константин Петеракки	29 человек	приз
7	Поляка «Святой Лука»	Дмитрий Алексопуло	35 человек	приз

Из каких источников брал сведения «господин Розетти», неизвестно. Однако во флорентийской «Gazzetta Universale» от 8 ноября (н. ст.) 1788 г. была опубликована корреспонденция из Триеста от 18/29 октября, в которой говорилось о прибытии утром 15/26 числа «5 судов под российским флагом и 2 добычи» (5 bastimenti con bandiera Russa,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 105 об.

е 2 prede)¹.

Судя по приводимым сведениям, все пять каперов, действительно, могли в разное время входить в состав флотилии Л. Кацониса. Заходила ли она весной 1788 г. на Церигу, пока не установлено, хотя такое весьма возможно – принадлежавший Венецианской республике остров являлся, по сути дела, последним нейтральным пристанищем на пути в Архипелаг. О том же, как именно майор проложил оттуда курс своих судов, мы можем только предполагать. С большой долей вероятности – мимо северного побережья о. Крит, где располагается несколько сравнительно крупных портов, через которые проходили оживленные морские торговые пути, а стало быть, всегда можно было рассчитывать на приз². В пользу этого предположения говорит донесение Л. Кацониса Г.А. Потемкину, от 27 июня 1788 г., в котором говорится о погоне за рагузским судном до порта Кандия (Канея), который расположен именно на северном побережье Крита. Затем флотилия повернула к северо-востоку.

Наметить ее дальнейший путь позволяет упомянутое донесение от 27 июня 1788 г., в котором сказано, что «близ острова Парос два французских военных фрегата на прошедших днях поручили мне выписку из капитуляций», т.е. соглашения между Парижем и Петербургом о том, будто французские «купеческие суда свободно имеют провозить турецкие товары и турков». Видимо, речь шла о торговом договоре 1786 г., на который Екатерина II возлагала определенные надежды, рассчитывая на дружественный нейтралитет французов в войне³. Однако майор, с этим документом не знакомый, просил министра в Венеции, А.С. Мордвинова, разъяснить ему «онные капитуляции, ибо я теперь почти ежедневно сыскиваю французские суда с турками и ихними товарами, однако же, как прежде, так и поныне, не трогаю, а только осматриваю, не имеют ли военных припасов. Чрезвычайно теперь интересуются господа французы, ибо турки всю свою коммерцию обратили на французские суда»⁴.

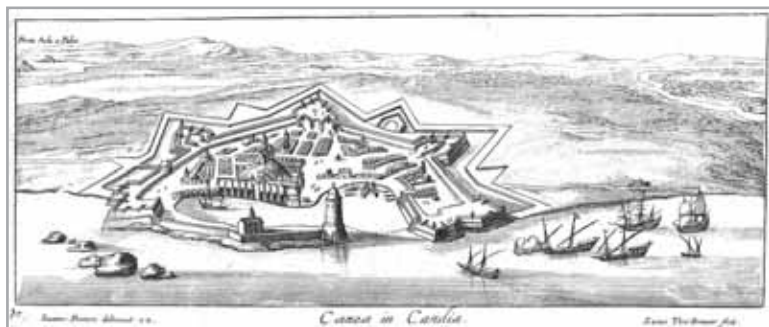
Заслуживают внимания последние слова, подтверждающие вполне естественную тенденцию перехода турецкой морской тор-

¹ Gazzetta Universale. 1788. Novembre 8.

² О путях морской торговли от Ионических островов к о. Крит, Кипр и берегам Сирии см.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М., 2002. С. 196.

³ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй... С. 438.

⁴ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788 гг. СПб, 1893. С. 329.

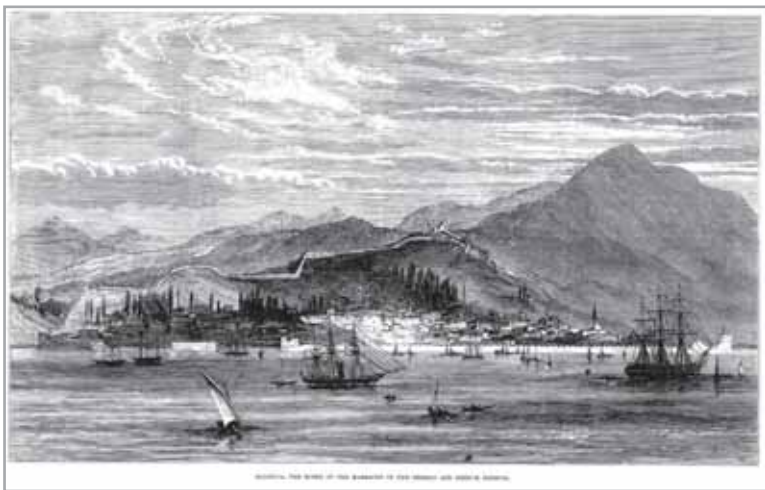
Кандия (Канея)

говли под нейтральный флаг, а также указание Л. Кацониса на то, что он лишь осматривает французов, тогда как, по его мнению, они легко могут «провозить военные припасы нашим неприятелям, да уже и слышны таковые предлоги». Но не одни только французы, по словам майора, решались на провоз военной контрабанды. Как он утверждал: «По прибытии моем в остров Парос объявили мне греки, что того ж дня, когда я прибыл, отправились из Пароса неизвестно куда нагруженные военными снарядами два судна: одно французское, другое рагузинское; также и сие совершенно узнал я, что господа французы доставляют туркам пшеницу, а более в те места, где крепости, но всего удивительнее, что рагузейцы начали торговать таковыми подлогами. На прошедших днях была учинена мною погоня за одним рагузейским судном, которое, как я точно узнал, было нагружено военными турецкими припасами. Великое счастье сего судна, что успело, приближаясь, войти в Кандию, в порт под крепость. Все мои меры употреблю сыскать таковой фальшь и тем довести, чтоб вновь рагузейцы попали под наши призывы»¹.

Кроме того, как отмечал Л. Кацонис, «островов Идры и Спеччио и области морейской греки чрезвычайно угрюмы, они стараются отменно защищать турков; в доказательство сего все те упомянутых мест греки, которые по взятии мною кирлагии следовали в Константинополь в турецкий флот, о чем я прежде доносил, оставшиеся в нашей службе ныне разбежались к туркам в разных местах»².

¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788 гг. СПб, 1893. С. 329.

² Там же.

Салоники

Писал Л. Кацонис и о том, что «в Салониках находились три судна купеческие английские, нагруженные военными припасами для Бошни (т. е. Боснии — *Р.К.*), так как и Его Превосходительство господин министр Мордвинов изволил писать мне, чтоб встретить их, не малое время все мои меры прилагал и все нужные дороги были заняты моими судами, но они, по-видимому, приметили оное, и как я точно узнал, оставили таковое свое предприятие и военные припасы выгрузили в Салониках...»¹

Исходя из сказанного можно предположить, что получив письмо А.С. Мордвинова, возможно, на Занте, Л. Кацонис отправился исполнять поручение. По пути, преследуя рагузское судно, он дошел до северного берега о. Кандии (Крита), а именно к порту Канея, но затем повернул на северо-восток, к о. Парос. Оттуда, минуя о. Микonos, Тинос, Андрос, Негропонт (Эвбея) на северо-запад, к Салоникам, где находился некоторое время. На обратном пути, двигаясь на юго-восток, вокруг южной оконечности о. Родос, прошел к о. Кастелоризо (Мегисти) у берегов Анатолии (Антальи).

Судя по тому, что в конце июня в составе флотилии числилось уже 13 судов, во время крейсерства она брала призы. В связи с этим

¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788 гг. СПб, 1893. С. 329.

Кастель Россо

не исключено, что слухи о захвате Л. Кацонисом какого-то судна «о четырех пушках», нагруженного «дровами», у о. Цериги в мае 1788 г., пересказанные Г.А. Гребенщиковой со слов, как можно понять, Д. Загурисского, имеют основание¹. Впрочем, не исключено, что этот захват только приписан Л. Кацонису.

На острове Кастелоризо, куда он направлялся, располагалась небольшая турецкая крепость — бывший замок рыцарей-иоаннитов, возведенный в XIV в. на холме у входа в бух-

ту. Эта «крепостьца» называлась Кастель Россо (Castello Rosso — ит. Красный Замок). Она не раз упоминалась в литературе. Например, А.Н. Муравьев в 1830-е гг. писал: «...Маленький островок Кастель Россо... ветхий замок венчает вершину его отвесных скал и быть может по цвету своему дал ему название красного. Замок сей принадлежал некогда рыцарям Родоса и защищает узкий вход в малую, но тихую гавань...»²

В 1772 г. «крепостьца» уже захватывалась российскими каперами. По одним данным, это сделал майор граф И.В. Войнович, командовавший фрегатом «Св. Николай», по другим — Николето Кужевич, командовавший шебекой «Забияка»³. Тогда дело решила военная хитрость — капер устрасил турок ложным известием о скором прибытии всей российской эскадры, так что они бежали с острова. На этот раз не обошлось без стрельбы.

Как сказано в упоминавшемся выше донесении Л. Кацониса Г.А. Потемкину, от 27 июня 1788 г., он в течение 24 июня атаковал «состоящую в Кастелорзо турецкую крепость», причем, боевые дей-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 115.

² Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Изд. 4-е. Ч. 2. СПб., 1840. С. 292.

³ Веселаго Ф.Ф. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб., 1871. С. 27; Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852. С. 151; Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье... С. 169, 180–181.

ствия «происходили несколько часов», после чего гарнизон, состоявший из «230 человек, а с фамилиями (семьями — *Р.К.*)... до 500 душ», через «греческого митрополита» вручил ему ключи¹. Заметим, что в письме Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., начало боевых действий под Кастель Россо датировано 23 июня и отмечается, что они продолжались «несколько времени», а количество пленных оказывается меньшим — «с фамилиями было душ до четырехсот»².

Несколько иная картина вырисовывается из «Объяснения», представленного А. Зеном в «Комиссию для свидетельства счетов...» 2 июня 1794 г., где сказано: «Августа 6 числа дав мне реченой полковник Ламбро Качони в команду 250 человек, приказал, посадя оных на четырех судах, отправиться к крепости Кастелло Россо, куда прибыв, оную осадил, и хотя гарнизон тамо противился, однако по нескольких днях оная сдалась на договор. Вступая я во оную, сколько нашел амуниции и провизии, взял, к тому же и двадцать восемь пушек, из коих двадцать, положи на судах, отправил к команде, а прочие восемь, по неспособности и величине оных, заколотив, бросил в море»³.

Заметим, что сам Л. Качонис писал то о 28, то о 27 пушках, «из которых годные брошены в море». Так, в аттестате, выданном им А. Зену 9/20 апреля 1791 г. в Триесте, говорится о 20 8-фунтовых пушках и 8 36-фунтовых⁴. Такая артиллерия, при грамотном использовании, могла нанести нападавшим серьезный урон.

Примечательно, что датировка этого события А. Зеном заметно отличается от датировок его другими источниками, однако она перекликается со сведениями корреспонденции из Триеста, от 12/23 сентября 1788 г., опубликованной в «Gazzetta Universale»: «4 августа русский майор господин Ламбро окружил своей флотилией из 22 парусов (т.е. судов. — *Р.К.*) Кастель Россо и начал сильную бомбардировку. Турки не выдержали огня этой флотилии, вскоре спустили флаг замка и передали ключи от него через греческого архиепископа, там находившегося» (Il di 4 agosto il maggiore russo Sig Lambro circonda con la sua flottiglia di 22 vele questo castel Rosso, e comincio un forte bombardimento. I turchi non potendo sostenere il fuoco di detta flotiglia, calarono poco dopo la bandiera del

¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788 гг. СПб, 1893. С. 328; МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 275.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 463.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 5.

Родос, вид порта

castello e si arresero consegnandone le chiavi all' Arcivescovo Greco cola residente)¹.

Таким образом, итальянское издание, опираясь на сведения своих корреспондентов, датирует бомбардировку Кастель Россо 24 июля / 4 августа 1788 г., т.е. месяцем позднее, нежели Л. Кацонис. Определить, в чем причина такого анахронизма, мы затрудняемся, особенно учитывая существование других датировок падения крепости. Так, согласно «формулярному списку» Л. Зигури «при взятии Кастель Россо» он был 5 июля, а из письма самого Л. Кацониса «Комиссии для свидетельства счетов...», от 6 июня 1797 г., следует, что крепость покорилась ему 10 (или 13 — значение последней цифры вызывает сомнения) июня. В обоих случаях на ум приходит мысль о двух календарных стилях. Кроме того, в последнем и число пленных указано существенно большее — 1143 человека².

Однако при всех расхождениях в датировке, факт захвата Кастель Россо моряками флотилии подтверждается. Равно как данные А. Зена и Л. Кацониса об артиллерии крепости косвенно подтверж-

¹ Gazzetta Universale. 1788. Ottobre 4.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об – 54; Д. 34. Л. 1049.

дают и численность гарнизона — даже если предположить, что не для всех 28 (или 27) орудий имелись расчеты, то при 8-фунтовом калибре большинства пушек и 36-фунтовом почти трети таковых, только артиллеристов на батареях должно было насчитываться до двух сотен человек.

О болезненности для турок нанесенного флотилией Л. Кацониса удара говорит и цитируемое Г.А. Гребенщиковой сообщение неких «осведомителей из Константинополя»: «Жители Родоса прислали к султану представителя с просьбой. Сообщая, что российские корсары взяли остров Кастель Росо и опасаясь такой же участи, требуют помощи. Порта приказала скоро погрузить два судна с амунициею и туда отправить»¹.

То обстоятельство, что спустя всего четыре месяца после выхода из Триеста Л. Кацонису удалось отвлечь Порту и заставить ее тратить ограниченные ресурсы не на Черном, а на Средиземном море, заслуживает внимания. Недаром вопрос о взятии крепости неоднократно обсуждался в Петербурге. На заседании Государственного Совета 2 октября 1888 г., среди прочих, была зачитана депеша «из Триеста, что корсер майор Ламбро-Кациони овладел Красным островом, в 80 верстах от Кипра лежащим». Автором этой депеши, надо полагать, был С. Варука. Разумеется, местоположение Кастелоризо здесь определено неточно — он примерно втрое дальше от Кипра, но расположен фактически в том же районе Средиземного моря. Позднее, 30 октября, Совет заслушал реляцию Г.А. Потемкина, от 12 октября, «о разъезжающем в Архипелаге российском арматоре секунд-майоре Ламбро Канцони, который, составив уже нарочитую флотилию, овладел крепостцою Кастель-Россо и вообще с успехом производит свои поиски»².

Примечательно, что по определению Государственного Совета Л. Кацонис в октябре 1788 г. являлся «российским арматором», что лишний раз подтверждает сведения об отмене Екатериной II своего повеления о лишении его патента. Заметим также, что сведения о взятии Кастель Россо поступали в Совет из нескольких источников. В данном случае речь идет о донесении из Триеста и реляции Г.А. Потемкина, но вполне возможно, что в расчет принимались и сообщения других лиц, прежде всего, дипломатических представителей в регионе.

О том, куда направилась флотилия Л. Кацониса от берегов Ка-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 127.

² Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб, 1869. Ч. 1. Отд. историческое. Стлб 614, 629.

стелоризо, можно судить как по словам самого Л. Кацониса, так и по отрывочным сведениям из бумаг моряков его флотилии. В частности, из письма майора Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., следует, что он 8 июля был «близ берегов острова Кипра, там же военною рукою взял одну тартану», но ввиду плохого состояния сжег ее. Очевидно, о другом призе рассказывал Н. Верготи, утверждавший в мае 1794 г., что «между прочими пойманными турецкими товарами особливо взял противу острова Кипроса саитию акрско-го паши, на которой было десять трехфунтовых пушек и двадцать семь человек турков»¹. Заметим, что захват этого судна упомянут и Л. Кацонисом, в письме от 6 июня 1797 г., но уже как овладение кирлангичем «райза Сейда Гушейна», принадлежавшего «Джезаир-паше», т. е. Ахмед-паше Джеззару, произошедшее 27 июня 1788 г.² Эта датировка представляется неточной, разумеется, если не считать, что судно было взято без участия «Минервы Северной». Однако от Каstellоризо до тех мест, где можно было встретить саитию (или кирлангич) «акрского паши» совсем недалеко, а стало быть, действительная дата события может отличаться от указанной лишь незначительно.

Насколько можно понять, вскоре после овладения Каstell Росо и действий у Кипра флотилия распалась. Как сказано в рапорте Л. Кацониса С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г.: «...Капитаны помянутых моих армаментов изменили мне. Они, вышед из повелений моих, без мала три месяца бродили одни, оставя меня». Причиной тому, очевидно, были неблагоприятные ветра. Л. Кацонис писал далее: «Производя корс мой в водах, омывающих берега Карамании (область Малой Азии, побережье которой охватывает о. Кипр. — *Р.К.*) и островов Родоса, Кипра и других, все мои меры прилагал, как бы возвратиться поскорее в Зант или в какой ни есть другой дружественный порт, но по причине противных ветров никак не было возможно»³.

Логично предположить, что непогода стала для командиров каперских судов флотилии, если не причиной, то поводом отделиться от Л. Кацониса, который остался практически в одиночестве: при «Минерве Северной» находилось только один небольшой приз (далее в пересказываемом документе, а также в письме Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., фигурируют два приза). 20 августа у о. Скарпанто они встретили турецкую эскадру из 8 судов, в том чис-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 45. Л. 49–49 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1049.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 – 64 об.

ле одного линейного корабля, одного фрегата и шести кирлангичей. В завязавшейся перестрелке небольшой отряд Л. Кацониса рассеялся — призы увлекли за собой три неприятельских кирлангича. С остальными пятью кораблями майору и его людям пришлось сражаться «от 11 с полночи до 9 пополудни непрерывно»¹.

Об этих же событиях говорится и в цитировавшемся прошении Н. Вергоги, от 30 мая 1794 г. Как утверждал прапорщик, 15 августа Л. Кацонис «мне по искусству моему как в мореплавании, так и на строение кораблей, препоручил поиманное нами большое турецкое купеческое судно с разными товарами, чтоб на нем отправиться в Триест и там, продав все товары, оное вооружить. Почему и вознамерившись под своим прикрытием проводить меня до острова Цериго. 20-го числа того ж м[еся]ца встретились мы на пути с неприятельским флотом против островов Скарпантос и Родос, и имели сражение, где помянутое судно, будучи совсем безоруженное и от груза действовать неспособное, по всевозможном супротивлении против атаковавших меня двух турецких кораблей, взято наконец неприятелями, а я, будучи ранен, отправлен был в Константинополь военнопленным...»²

Наконец, на страницах номера «Gazzetta Universale» от 8 ноября (н. ст.) 1788 г. была помещена реляция Л. Кацониса о бое 20 августа. Надо полагать, воспроизводимый там документ датирован тем же стилем, какой указан его автором, т.е. старым. В публикации говорится, что 20 августа, находясь в 14 милях от о. Скарпанто, были замечены приближающиеся «с ветром в парусах» 8 турецких судов: каравелла, фрегат, шебека, саития и 4 кирлангича (che erano 8 legni turchi, cioè una caravella, una fregata, uno sciabecco, una saettia, e 4 kirlanghits). Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что в числе противников «Минервы Северной» фигурирует не «линейный корабль», а «каравелла», т.е. крупное вооруженное торговое судно, что отчасти объясняет, почему Л. Кацонис вышел из боя без существенного ущерба.

О действиях судов флотилии Л. Кацониса можно судить и по другим источникам. Если обратиться к формулярному списку Лефтери Зигури, то там указано, что 22 июля он находился «при бомбардировании Лимасоля при о-ве Кипре, где сожжены два турецкие судна», а 20 августа «в сражении с одним фрегатом против пяти ту-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 463–464; РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 63 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

рецких судов под островом Скарпанто»¹. Об этом сражении писал и П. Кассими, командовавший тогда полякой «Святой Спиридон». По его словам, 20 августа флотилия целый день сражалась с неприятелем, а ночью «спаслись каждый как лучше мог бегством». Уходя от преследования, П. Кассими 6 сентября «у о. Кипрос» остановил небольшое греческое судно, перебрался на него со всей командой, свою же поляку сжег². Спустя некоторое время Пасхале приплыл к о. Цериги, куда прибыл и Л. Кацонис, вместе с которым он отправился, по его словам, в Триест. Наконец, А. Зен 2 июня 1794 г. объяснял «Комиссии для свидетельства счетов ...», что «20-го того ж августа, находясь всегда на том же фрегате («на «Минерве Северной», – *Р.К.*), близ островов Скарпанто и Родос, имели сражение с неприятельским флотом, в которое время полковник Ламбро Качони, дав мне в команду 50 человек, со оными я отвратил abordaj, коим неприятель три раза потщился было на нас учинить»³.

Как нам представляется, все источники вполне согласуются, поэтому можно говорить о том, что двигаясь от Каstellоризо к Кипру и далее, флотилия повернула, вновь прошла через Архипелаг, хотя и разрозненно, причем, как минимум два ее судна — «Минерва Северная» и «Святой Спиридон» — были вынуждены сражаться с неприятельскими кораблями. К сожалению, сведений о том, посылалась ли турецкая эскадра на поиск каперского соединения Л. Кацониса или же выполняла иную задачу и лишь случайно встретила с ним, в нашем распоряжении нет. Тем не менее, именно после этих боев у командования турецким флотом появился серьезный повод обратить внимание на каперскую угрозу.

Отбившись от превосходящих сил неприятеля, «Минерва Северная» вскоре вновь отличилась. Спустя несколько лет, 6 июня 1797 г., Л. Кацонис писал о том, что 13 октября (скорее, все же, в сентябре) 1788 г. «на острове Нио» сжег 24-пушечный кирлангич «райза Галилия Агмеда» и пленил 119 человек⁴. В пользу сентябрьской датировки говорит то обстоятельство, что фрегат 20 сентября пришел на Занте. Там Л. Кацониса ожидал курьер министра при Тосканском дворе, графа Д. Моцениго, капитан Снурчевский.

К рапорту С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г., Л. Кацонис прило-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об – 54.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 – 2 об.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1049 об.

жил копию письма Снурчевского, от 21 сентября 1788 г., в котором говорилось: «...Вы было впали в неблаговоление Ея Императорского Величества за взятые деньги и экипаж с под флага нейтральной республики Рагузейской капитана Вакетти». Далее же пересказывалось содержание депеши Д. Моцениго, от 12/23 августа, полученной Снурчевским 13/24 сентября 1788 г., где сообщалось, что Екатерина II, «в рассуждении храбрых ваших (Л. Кацониса. — *Р.К.*) поступков соблаговолила высочайшею своею грамотою от 22 числа прошедшего июня последовавшею к Его Сиятельству (графу Д. Моцениго. — *Р.К.*) всемилостивейше вам простить...»¹

К слову, И.А. Заборовский в ордере Л. Кацонису, подписанном в Пизе 23 октября / 3 ноября 1788 г., также отмечал: «Храбрые ваши поступки приобрели уже вам отличное благоволение Ее Императорского Величества, всемилостивейшее изъявленное в высочайшем прощении, дарованном вам за подлежащее присвоение рагузского судна»². Между тем, к 22 июня, когда Екатериной II была подписана «грамота» с прощением, в Петербурге, надо полагать, через А.С. Мордвинова, могли узнать лишь об одном «храбром поступке» майора — уничтожении пиратского судна.

Мы не беремся судить, действительно ли императрице доложили об этом, и что она принимала в расчет, взявшись за перо — победу Л. Кацониса над пиратом или необходимость сохранить в Средиземном море отважного капера, более того, начальника флотилии, ввиду отмены предполагавшейся экспедиции балтийской эскадры. Во всяком случае, продолжавшаяся всего пять недель операция с майора была снята.

Как выяснилось впоследствии, этот шаг оказался вполне разумным. К тому же Л. Кацонис, хоть и с запозданием, искупил свой промах. В рапорте от 18 октября 1788 г. майор докладывал С.С. Гибсу, что «на сей раз случился быть в Занте помянутого рагузейского судна капитан Вакетти, которому, как скоро только было мне объявлено вышеписанное, вдруг, хоть с немалою трудностью, заплатил долг восемьсот червонцев и в том получил расписку»³.

Аналогичные сведения Л. Кацонис сообщал и в опубликованном письме Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., где говорилось, что «один нашей службы капитан (Снурчевский. — *Р.К.*) объявил

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 69.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 26–28.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 69, 70.

мне, что я впал было в неблаговоление Ея Императорского Величества за то, что в марте месяце взял с одного рагузейского судна в призу 800 червонцев, не зная, что Республика Рагузейская теперь с нами нейтральная, а думая, что, как во время прежде бывшей войны, рагузейцы были взимаемы нами в призы... и что, между тем, всемилостивейшее прощен я, так как сей капитан особливо уведомлен от... графа Моцениго». Далее майор прибавил: «В то ж самое время случился быть в Занте капитан того рагузейского судна, которому, как скоро было объявлено мне вышеписанное, вдруг (т. е. в один прием. — *Р.К.*) заплатил долг мой 800 червонцев и в том получил расписку»¹.

Следует отметить, что С.С. Гибс о последнем обстоятельстве уже знал со слов министра в Венеции, как это следует из его донесения С.К. Грейгу, от 16 августа 1788 г., в котором отмечалось: «...Александр Семенович (А.С. Мордвинов. — *Р.К.*) похвалял мне г[осподина] Ламбро, что он ограбленное им самим рагузское судно, за что от сей республики принесена была и жалоба, удовольствовал возвращением оному судну и денег, и вещей, и привел себя у сих жителей в совершенную доверенность...»²

Между прочим, в письме Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., Л. Кацонис сетовал: «Что я, как выше значит, впал было в несчастье, причина главная греки, греки! И из оных г. Псаро и Моцениго. Сии искали всегда поглотить меня, и за что? Единственно по ненависти, что я, не имея ни одной казенной копейки, сделал таковые дела, как выше значит, а они, употребляя немалые тысячи казенных денег на вооружение судов, ничего не сделали и в Архипелаге и поныне не были»³.

Подтвердить или опровергнуть подозрение Л. Кацониса можно было бы только изучением дипломатической переписки. На данный же момент есть основания считать, что вызвавшая опалу жалоба рагузского судовладельца попала в Петербург через консула в Триесте С. Варуку. Однако майор был прав, упоминая имя А.К. Псаро. Об активности последнего в передаче различных нареканий на Л. Кацониса свидетельствует переписка С.С. Гибса. Так, в рапорте С.К. Грейгу, от 22 ноября 1788 г., генерал-майор писал: «Кроме сих жалоб представлены на него от г[осподина] бригадира и кавалера Псаро в том, что он под видом неприятель-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 465.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 47.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 465–466.

ских турецких судов брал и отнимал суда у идриотов и других греков...»¹

Здесь следует в очередной раз отметить, что репрессии по отношению к идриотам, как пособникам турок, вскоре будут предписаны И.А. Заборовским всем каперам. Что касается «других греков», то из доступных нам документов достоверно известно о реквизиции судов у турецких подданных, причем, убедительных доказательств того, что они не были причастны к перевозкам в интересах Османской Порты, в этих бумагах нет. Поэтому в данном случае можно считать, что А.К. Псаро действовал против Л. Кацониса, исходя не из государственных интересов России, а из своих личных, но к этому вопросу мы вернемся позднее. Заметим только, что Л. Кацонис, конечно, упрощал причины негативного отношения к нему некоторых персон — тут играли немалую роль как зависть, вызванная успехами майора, так и стремление последнего к самостоятельности, а с другой стороны вспыльчивость, готовность прямо высказывать свои мысли, и даже некоторая самонадеянность и склонность к бахвальству.

Что именно настраивало то или иное должностное лицо против Л. Кацониса, едва ли удастся установить. Во всяком случае, есть документы, указывающие на конфликт их интересов. В Петербурге эти документы появились позднее, однако и в 1788 г., после опалы, насколько известно, наказать командующего флотилией по первой же жалобе на него более не стремились. Разумеется, сам Л. Кацонис об этом не знал и был вынужден принимать в расчет возможность новых репрессий, что, как надо понимать, сказалось на его поведении.

Помимо прочего, майору пришлось выслушать нарекания со стороны адмирала А. Эмо. Произошло это на Занте, где к «Минерве Северной» присоединилась часть судов флотилии. Как сказано в рапорте Л. Кацониса С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г.: «...20-го прошедшего сентября прибыл в Зант, где сыскал мои армаменты; узнал, что из оных некоторые венецианский адмирал, господин кавалер Эмо, вместе с собою препроводил из Цериго в Зант, за то, что на венецианских купеческих судах взяли турков... те мои капитаны суть главною причиною, что я и ныне из Занта, поколе кончилось владение турецкое, препровожден двумя венецианскими военными судами по приказанию господина кавалера Эмо»². Далее Л. Кацо-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 104.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 об.

нис указывал, что «в Занте... пополнил господину кавалеру Эмо некоторую часть убытков, причиненных моими арментами при взятии на венецианских купеческих судах турков...»¹

Об «арментах», доставивших ему лишние хлопоты, майор писал С.С. Гибсу особо, но того же 18 октября: «Капитаны Марино Франгопуло и Диаманди Кацари, бродя без меня близ острова Кипра, взяли в приз на венецианском купеческом судне девять турков с ихними вещами. После того прибыли они в порт острова Цериги, где случился с своим флотом венецианский адмирал господин кавалер Эмо, и оное венецианское купеческое судно... на основании инструкции о наших корсарах волонтерах отобрал тогда ж [от] упомянутых Франгопуло и Кацари... При сем отборе не явилось турецких денег тысяча шесть[сот] пиастров. Франгопуло и Кацари дали свое обязательство господину кавалеру Эмо заплатить те деньги по прибытии в Зант чрез одиннадцать дней и в том заложили шамбек, ибо сие судно имеют пополам»².

Видимо, все же М. Франгопуло и Д. Кацари поспешили сослаться на Л. Кацониса, как на их начальника, потому что по прибытии последнего на Занте, А. Эмо предъявил претензии уже ему и потребовал принять меры к уплате 1600 пиастров. Майор такой суммой не располагал, и должен был выпрашивать у венецианского адмирала разрешение произвести расчет в Триесте, подписав вексель на соответствующую сумму. Исход этой истории нам неизвестен. Можно лишь предположить, что Л. Кацонис занял денег и расплатился с венецианцами. Во всяком случае, в дальнейшем у него серьезных трений с А. Эмо не возникало.

Примечательно, что несмотря на донесения Л. Кацониса, С.С. Гибс в своем рапорте И.А. Заборовскому, от 8 ноября 1788 г., писал: «На сих днях приехала в Сиракузу мальтийская галиота, хозяин которой объявил, что майора Ламбро, арестованного, венецианский адмирал приказал отправить со всею его флотилиею, состоящую из 13 судов, в Триест, под конвоем одного венецианского фрегата». Заметим, что слова «хозяина мальтийской галиоты» весьма неточны. А. Эмо, несомненно, принял меры к тому, чтобы обеспечить уплату Л. Кацонисом денег за товары, реквизированные М. Франгопуло и Д. Кацари с венецианского судна, и озаботился тем, чтобы он по пути в Триест не совершал захватов, противоречивших интересам Венецианской республики, однако

¹ Там же. Л. 65 об. – 66.

² Там же. Л. 68.

об аресте майора в буквальном смысле говорить не приходится. Как можно предположить, С.С. Гибс счел возможным пересказать этот слух потому, что получил официальным путем ряд документов с претензиями к Л. Кацонису: «От того же хозяина галиоты, чрез мальтийского консула представлена мне на майора Ламбро жалоба, с которой копию при сем случае к Вашему Превосходительству препровождаю. Кроме сея, жалобы представлены на него от г[осподина] бригадира и кавалера Псаро... подана мне жалоба на него в Неаполе от советника посольства г[осподина] Италинского; представлена еще на него же из Занта, от тамошнего консула, и прислана мне еще одна от Его Превосходительства Ивана Александровича Заборовского»¹.

Значительная часть жалоб поступила от греков. Однако греческие земли, за исключением Ионических островов, находились под властью Османской империи, поэтому греческие судовладельцы, с формальной точки зрения, являлись турецкими подданными, и как уже указывалось выше, согласно высочайше утвержденных «Правил для партикулярных корсеров», каперам разрешалось «греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами... взять за добрый приз». Разумеется, судовладельцы, особенно те, которые процветали при турецкой власти, в том числе идриоты, не могли смириться с потерей собственности и утверждали, будто не перевозили грузы для турок, более того — что они симпатизируют России.

Вопрос в том, почему А.К. Псаро и С.С. Гибс предпочли встать на их сторону, хотя это подрывало замысел каперской войны с неприятельским судоходством, которая ведется не только захватом торговых кораблей, но и устрашением купцов и судовладельцев, сильно поднимающим стоимость перевозки товаров и в связи с этим цены на них. В апреле 1790 г. ответ на него предложила группа греческих депутатов — Панос Кирис, Христос Лазотис, Николаос Пангалос, подавших прошение, в котором говорилось: «...Мы узнали, что курьер Псарос, человек проревный грекам — до сих пор беспутствует. Обманывая министров Вашего Величества, он уверил их в своих огромных успехах, которыми никогда не отличался. Этот самый человек выдает себя и теперь за начальника и руководителя нашего отечества, хвалясь, что мы сами ждем его правления на нашей земле — чтобы мы выбрали

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 100 об.

его своим главнокомандующим — но это все его бахвальство на бумаге, а на деле ничего»¹.

Другими словами, А.К. Псаро, надо полагать, стремился обеспечить себе симпатии богатых греков-судовладельцев, чтобы создать видимость, будто он возглавляет антитурецкое движение, и тем повысить свой статус в глазах Петербурга. Как показали дальнейшие события, действительное руководство его не прельщало. Однако помехой на избранном пути для него стал Л. Кацонис, причем, главным образом потому, что он в своих донесениях Г.А. Потемкину, А.С. и Н.С. Мордвиновым и другим сановникам рисовал картину, не выгодную для А.К. Псаро и С.С. Гибса, т. к. сумел собрать нескольких каперов, чего им не удавалось сделать, и перейти к вооруженной борьбе с неприятелем.

Заслуживает внимания, что в рапорте от 8 ноября С.С. Гибс передал И.А. Заборовскому рассказ «хозяина галиоты» об аресте Л. Кацониса и отправке его в Триест «под конвоем одного венецианского фрегата», хотя сам командующий флотилией в своем рапорте от 18 октября откровенно писал генерал-майору, что был «препровожден двумя венецианскими военными судами по приказанию господина кавалера Эмо». Очевидно, последний документ к тому времени еще не дошел до С.С. Гибса.

В пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что спустя две недели, в рапорте С.К. Грейгу, от 22 ноября 1788 г., генерал-майор, еще не знавший о смерти адмирала (15 октября), повторил те же слова «хозяина галиоты», никак не обнаруживая знакомства с рапортом Л. Кацониса. Более того, цитировавшийся выше отрывок из рапорта С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 22 же ноября, со словами «господина Розетти», перечислявшего прибывшие в Триест каперские суда, лишний раз показывает незнакомство генерал-майора со списком таковых, составленным Л. Кацонисом.

Некоторый отзвук сказанного в рапорте Л. Кацониса, от 18 октября 1788 г., можно найти лишь в бумагах С.С. Гибса, составленных почти девять месяцев спустя. Жалуясь в письме министру в Париже, барону И.М. Симолину, от 2 июля 1789 г., на то, что французы «прошлого года поймав одно судно от флотилии майора Лам-

¹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1912. Л. 4. Прошение Паноса Кириса, Христоса Лазотиса, Николаоса Пангалоса на греческом языке с французским и английским переводами опубликовано: *Eton W. A survey of the Turkish Empire ...* L., 1809. P. 344–350. Английский текст помещен также в книге: *Comstock J.L. History of the Greek Revolution ...* N-Y., 1828. P. 81–83.

бро, сожгли оное в Смирне», он, возможно, пересказывал слова из рапорта командующего флотилией о том, что французский фрегат сжег в Смирне один из ее кирлагичей¹.

Об этом событии в упомянутом рапорте говорилось так: «Одна кирлагича, вооруженная мною о девятнадцати пушках, была поручена в командование одному из Мани греку, Николаю Мавромихале, который с приведенными нам людьми был принят в нашу службу... единственно потому, что он, Мавромихайли, в Мани из первой греческой фамилии, и что родственники его во время прежде бывшей войны служили в нашем флоте верно, и поныне родной его дядя находится в нашей службе секунд-майором. Ему, Мавромихайле, не был дан патент из числа тех, кои поручены мне на раздачу корсарам, а на время, поколь долженствовало быть узнато его состояние, дал ему пашпорт за подписом моим, чтоб он, как и словесно было приказано, всегда следовал при моем фрегате безотлучно. Но он, Мавромихайли, вместо того отлучился, нашел в порте острова Аржентера (Аржентьера. — *Р.К.*) одно французское купеческое судно, на котором были турки с товаром.

В то самое время находился я в порте Трио при острове Паросе, куда тогда ж прибыли два фрегата французские и поручили мне копию с трактата, заключенного между дворами нашим и французским, что французам дозволено отправлять вольно с турками коммерцию. В самое то время, когда рассматриваны сии артикулы, было получено мною чрез нарочного из острова Аржентера, от оного маниота, письмо, взять или нет оных турков с товаром с французского купеческого судна, ибо ему сделать вышеписанное. Два фрегата французские могут засвидетельствовать, что я вдруг (сразу. — *Р.К.*) отправил того нарочного обратно в остров Аржентеру с моим письмом, чтоб он, маниоти, отнюдь не трогал на том французском судне турков и товар, и чтоб оставя, старался в само скорейшем времени прибыть ко мне.

Но он, маниоти, не дождавшись того моего письма, взял французское купеческое судно, привел в Маню, в Мани турков отпустил, а товар выгрузил, потом и французского капитана отправил. После того спустя мало, прибыл в Маню французский фрегат, где сыскал оного маниоти с кирлагичею, напал на него как уже на бандита, военною рукою. Маниоти оборонялся, однако же наконец бежал с своими людьми в Маню. Фрегат французский взял кирлагичу и, как

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 об. – 65 об., 185 об.

ныне слышно, сжег в Смирне»¹. Заметим, что этот случай, видимо, послужил питательной почвой для слухов о том, будто Л. Кацонис напал на французские суда.

На наш взгляд, высока вероятность того, что действия М. Франгопуло и Д. Кацари, Н. Мавромихали и других капитанов флотилии Л. Кацониса, приписанные молвой ее командующему, в совокупности с жалобами судовладельцев и купцов, поступавшими в Призовую комиссию, в том числе, через А.К. Псаро, с осени 1788 г. настраивали С.С. Гибса против майора, тем более, что рапорт последнего не был ему еще известен, а стало быть, картина происходящего вырисовывалась однобоко.

Не в пользу Л. Кацониса оказался и случай, описанный Г.А. Гребенщиковой со ссылкой на документы АВПРИ: якобы по пути в Триест Л. Кацонис «напал в Адриатике на судно, принадлежавшее мальтийскому подданному П. Целлалиху, и ограбил его», взяв в приз 130 кип листового табака². В такой интерпретации поступок майора, действительно, выглядит насилием над мирным торговцем. Между тем, как следует из донесения С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 17 июня 1790 г.: «Податель сего славянин Петр Зелалик, мальтийский корсар, просивший Комиссию (Призовую. — Р.К.) возвратить ему взятый им в приз от турецких мореходцев табак с судном, которое майор Ламбро, встретив, перегрузил табак с оного в свое судно и принудил Зелалика отправить оный приз в Мальту на рассмотрение к находящемуся там нашему министру для решения бывших у них о том споров. Во время пути судно с табаком, разлучившись с Зелаликом и встретившись опять с майором Ламбром, отправлено от него в Триест»³.

Из этого, несколько путаного изложения можно сделать вывод, что мальтийский пират П. Зелалик (Целлалих) лишился своего приза после встречи с Л. Кацонисом. Почему последний решил отобрать табак у мальтийца, нам не известно. Видимо, майор, все средства вкладывавший в увеличение своей флотилии, нуждался в деньгах для выплаты содержания своим офицерам и матросам, покупки провизии и т. п. Примечательно, что речь идет о встрече Л. Кацониса с П. Зелаликом «в Адриатике». К сожалению, в доступных нам документах она не датирована, но возникает вопрос, где и когда именно майор «встретил и отправил в Триест» судно с

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 об. — 65 об.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 171.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 318.

табаком, если от Занте его сопровождали два венецианских фрегата? Очевидно, дело происходило еще до прибытия «Минервы Северной» на остров. Судя по используемым С.С. Гибсом выражениям, он принял сторону П. Зелалика, как можно понять, не без участия консула на Мальте А.К. Псаро.

В конечном счете, у С.С. Гибса сформировалось неприязненное отношение к Л. Кацонису, тем более, что генерал-майор предвидел возможные затруднения при попытке использовать достигнутое последним в своих целях. Так, в рапорте И.А. Заборовскому, от 22 ноября 1788 г., он писал: «...Известно, что г. майор Ламбро Кацциони, имея сам от Светлейшего Князя Потемкина корсерский патент, раздавал патенты и прочим корсарам, а потому предпочтет, может быть, все те суда к своей флотилии, которую по прежнему предписанию Вашему надлежит ему препоручить, а как при разделении на предписанные мне флотилии окажется непременно нужно из числа судов, его флотилию составляющих, присовокупить несколько к другой флотилии, то я предпринял и о сем к Вашему Превосходительству представить и ожидаю наставления, так и повеления о требовании у них патентов корсарских и вместо оных как давать им виды и кому по предписанию быть имеющими флотилиями командовать»¹.

Другими словами, С.С. Гибс намеревался сформировать еще одну флотилию, отделив несколько судов от соединения Л. Кацониса. Более того, он, как можно понять, не исключал возможности смещения майора с поста командующего и запрашивал на этот счет распоряжения И.А. Заборовского. В пользу такого предположения говорит более поздний рапорт С.С. Гибса, от 17 декабря 1788 г., судя по всему, поданный им генерал-поручику уже после их встречи в Неаполе: «Известно, что на г. майора Ламбро представлены многие жалобы, а оказавшихся (т. е. избобличенных. — *Р.К.*) в причинении обид предписано мне содержать под арестом до прибытия в Средиземное море главнокомандующего над флотом, он, уповательно, о том известен, что приказано вверить ему флотилию, и ежели послан будет, то быть может, что не захочет подчиниться другим и потребует позволения иттить со своею флотилиею туда, куда он заблагорассудит, имея на то и патент»².

Здесь явно просматривается опасение, что Л. Кацонис не придет в Сиракузы и не захочет подчиниться С.С. Гибсу, а стало быть,

¹ Там же. Л. 105 об., 106.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 116 об.

ему не удастся его арестовать и воспользоваться судами флотилии для формирования других, уже казенных соединений. Судя по всему, ответ И.А. Заборовского исключал такую возможность, однако вне зависимости от его содержания, свои мысли С.С. Гибс мог сообщить бригадиру князю В.Н. Мещерскому, с которым начал переписываться еще в сентябре¹. Князя, вскоре отправившегося в Триест для наблюдения за снаряжением флотилии Л. Кацониса в новое плавание и оказания ему помощи в этом деле, о чем мы скажем далее, в соображениях С.С. Гибса мог посвятить также кто-то из служивших при нем или И.А. Заборовском лиц.

Но до того, как все упомянутые события произошли, Л. Кацонису предстояло урегулировать все вопросы с А. Эмо и покинуть Занте. Когда именно это произошло, в доступных нам документах не уточняется, можно лишь сказать, что спустя несколько дней после 20 сентября «Минерва Северная», а с нею четыре каперских судна и два приза вышли в море и 15/26 октября 1788 г., как указывалось выше, прибыли в Триест. Остальные суда собирались там до 24-го числа. В рапорте С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г., Л. Кацонис отмечал, что «два небольших судна», взятые в приз, и два «армamenta», «Великая Княжна Александра» и «Иосиф Второй», ушли с Занте после него². Что касается последних, то речь, судя по всему, шла о судах под командованием М. Кало и Д. Кацари, первый из которых еще в начале сентября заходил в Сиракузы, где оставил свой патент, поэтому к составу флотилии уже не относился.

В рапорте С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 22 ноября 1788 г. говорится о прибытии в Триест «на следующий день» после первой группы, т.е. 16/27 октября, тартане с экипажем из 44 человек, под командованием Нестора Михали: «Сия тартана взята в приз прошлого апреля 29 дня и была нагружена хлебом, назначенным для перевозу в Триест. Сие судно сделано потом корсарским, и патент дан от г[осподина] майора Ламбро Кацциони»³. По сути те же сведения дает и номер «Gazzetta Universale» от 8 ноября 1788 г., где в корреспонденции из Триеста, от 18/29 октября упомянуто прибытие «из Занте тартаны «Александр» с российским флагом, 16 пушками и экипажем из 44 человек. Ею командовал капитан Нестор Михели, спечиот, зависящий от майора Ламбро» (*procedente dal Zante la tartan l' Alessandro con bandiera russa montata con 16 cannoni e 44 per sone*

¹ Там же. Л. 80 об. – 81.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 67.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 105 об. – 106.

di equipaggio. E comandata dal capitano Nestore Michelli speciotto, ed e dipendente dal maggiore Lambro)¹. Разумеется, речь в данном случае идет о судне Г. Пангалиса «Великий Князь Александр», которым после Н. Камбури поочередно командовали разные моряки.

Цитировавшийся выше рапорт С.С. Гибса И.А. Заборовскому показывает, что «господин Розетти» продолжал посылать ему известия о запоздавших каперах. В нем упомянуты также прибывшие в Триест 2 ноября «два судна, из коих одно саика, на которой 20 человек, и с ней призное судно. Другое судно тартана, имеет 28 человек»². Таким образом, к концу ноября генерал-майор уже знал о появлении в Триесте 8 «армаментов» и трех призов. Однако из переписки В.Н. Мещерского следует, что всего той осенью их пришло в Триест четырнадцать. Об этом говорит и «Gazzetta Universale» от 6 декабря (н. ст.) 1788 г., где помещена корреспонденция из Триеста от 19 ноября: «Русская флотилия, которая находится здесь, в числе 14 кораблей, вооружается в крейсерство под командованием майора Ламбро Каццони и снова готовится к отплытию, увеличившись на десять других кораблей» (*La flottiglia Russa, che qui trovasi in numero di 14 legni armati in corso comandata dal maggiore Lambro Cazzioni si va allestendo per porsi nuovamente alla vela, aumentata di altri dieci bastimenti*)³.

В том, что флотилия возросла до 24 судов, с полным основанием можно усомниться — сведений об этом в других источниках не найдено. Более того, из переписки В.Н. Мещерского известно, что он, наоборот, приложил усилия к сокращению числа каперов. Возможно, речь в данном случае идет о призах. Зато наличие в порту 14 каперских парусников, включая и бывшие призы, сомнений не вызывает.

Принимая в расчет данные о судах, отправленных в Триест С.С. Гибсом, можно предположить, что флотилия Л. Кацониса в середине октября достоверно состояла из пяти боевых единиц: «Минервы Северной», «Великого Князя Константина», «Ивана Ганнибала», «Князя Дмитрия Голицына» и «Великого Князя Александра». Командир еще одного из пришедших 15 октября судов — Михаил Кало, уже лишился патента и подчинился С.С. Гибсу. Среди прибывших в Триест к 24 октября / 4 ноября, надо полагать, были «Князь Потемкин-Таврический» Пандели Николаки и «Святой Иоанн» Спиро Калиги, оба без патентов, но с аттестатами С.С. Гиб-

¹ Gazzetta Universale. 1788. Novembre 8.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 107.

³ Gazzetta Universale. 1788. Dicembre 6.

Схема предполагаемого плавания флотилии Л. Каюниса в кампанию 1788 г.

са. Об остальных шести судах остается гадать. Учитывая, что на следующий год в крейсерство с Л. Кацонисом вышли еще пять парусников, не входивших в состав прежней флотилии, включая, как минимум, один из призов – «Святого Луку», можно предположить, что среди остальных были «Ахилес Славный», «Великая Княжна Мария», «Великий Князь Павел».

Таким образом, флотилия Л. Кацониса к началу кампании 1789 г. обновилась более чем наполовину, судя по всему, за счет вооружения призов. Нам известно, что «Великая Княжна Александра» М. Кало и «Князь Потемкин-Таврический» П. Николаки фактически перешли в подчинение С.С. Гибсу, М. Франгопуло, командовавший «Князем Дмитрием Голицыным», на пару с Д. Кацари, были изобличены в реквизиции турецкого груза у венецианского перевозчика, т.е. нарушении статуса нейтрального судна, и в дальнейшем подчиняться Л. Кацонису не желали. Неизвестна судьба «Графа Безбородко», «Александра Мордвинова» и «Ивана Ганнибала». Быть может, когда Л. Кацонис писал 27 июня 1788 г. Г.А. Потемкину об идриотах, из которых «оставшиеся в нашей службе ныне разбежались к туркам в разных местах», он имел в виду кого-то из командиров перечисленных судов. Однако каких-либо документов, проясняющих данный вопрос, нами не найдено. Примечательно, что по прибытии Л. Кацонис направил И.А. Заборовскому некое донесение, датированное 14 октября, о котором говорится в письме генерал-поручика майору, от 23 октября / 3 ноября 1788 г., из Пизы. Было ли это донесение аналогичным рапорту С.С. Гибсу, от 18 октября, или нет, и содержатся ли в нем необходимые ответы, мы не знаем.

Таким образом, подводя итоги кампании 1788 г. Л. Кацонис был неточен, когда писал 30 октября Г.А. Потемкину из Триеста: «... Производя корс мой с девятью вооруженными судами совершенно воспрепятствовал Порте обратить военные силы из островов Архипелажских в Черное море и столько произвел в Левонте военного шума, что Порта Оттоманская принуждена была вооружить и отправить из Константинополя в Архипелаг против меня восемнадцать великих и малых судов и от одного понесли немалые убытки... Напоследок долженствовал с моими армаментами, укомплектованными с лишком 500-ми мною набранными волонтерами, прибыть сюда и, по выдержании карантина, имею исполнить, что мне будет приказано»¹.

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 272. Практически теми же словами и Н.С. Мордвинову в письме от 31 октября. Там же. С. 275. Равно как и в донесении С.С. Гибсу от 18 октября.

Скорее всего, следовало бы говорить о том, что флотилия, причем, едва ли действительно в составе всех девяти судов, прошла от Ионических островов через Архипелаг до Кастелоризо и Кипра, после чего рассыпалась и частично собралась вновь лишь на Занте, уже в конце кампании. В какой мере она воспрепятствовала Порте перебрасывать силы в Черное море, судить трудно, для этого требуется особое исследование. Однако несомненно то, что боевые корабли, участвовавшие в бою с «Минервой Северной» 20 августа у Скарпанто, остались в Архипелаге именно для борьбы с каперами, и прежде всего, с флотилией Л. Кацониса, получившей наибольшую известность, вплоть до публикаций в периодической печати.

Отметим также, что в донесении от 30 октября Л. Кацонис высказывается отнюдь не как арматор, снаряженный частной компанией Н.С. Мордвинова. Достаточно вспомнить, на что рассчитывала компания, по словам адмирала из его позднейшего письма А.А. Безбородко, от 30 ноября 1792 г.: «А как великие суммы получены были, то оными содержали мы столь знатную эскадру и ласкали себя неложною надеждою дальнейшими поисками при берегах Египта и Сирии приумножить богатство. План наш был, чтобы суда не совокупно, но раздельно нападения чинили, и только на купецкие суда, по обыкновению всех крейсеров, для меньшей (точнее, большей. — Р.К.) безопасности и вернейшей удачи»¹.

Собственно, об этом несоответствии писал в рапорте С.С. Гибсу, от 18 октября 1788 г., и сам Л. Кацонис: «В Занте узнал, что многие думают и единогласно утверждают, что я этим моим корсом приобрел немалые сокровища, и что для того только и прибыл сюда. Напрасно занимаются таковые ломать свои головы подобными вымыслами. Ежели бы я искал обогатиться, на что бы мне стараться вооружить столько судов, для чего большую часть времени употребил, нежели корсировал, и в немалые долги взошел, полагая, что те мои армaments будут приняты в казенное ведомство, с заплатаю моих издержек, чтоб я мог расплатиться с долгами. Но хотя бы я и хотел обогатиться, то и в таком разе пусть рассудят, было ль возможно, ибо теперь совсем не так, как во время прежде, то есть, по взятию крепостцы Кастель-росо, конечно, немалые тысячи получил бы, но я, как выше объявил, всех турков, со всем их имением, нимало не трогая, отпустил в Анадолию. Следственно, не есть ли

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 529–530.

оное ясным доказательством, что я корсировал не для приобретения богатства, а для распространения бессмертной Ея Императорского Величества славы. Касательно греков, то я сих, яко турецких подданных, как и во время прежде бывшей войны, брал в призы, но только и то редко, а при том с уважением, и что от них брал, тем содержал столько времени людей моих, коих находилось при мне до тысячи душ»¹.

Прибавим, что располагая патентом за подписью Г.А. Потемкина и поддержкой А.С. и Н.С. Мордвиновых, Л. Кацонис мог бы действовать относительно самостоятельно, однако он предпочел подчиниться И.А. Заборовскому, что противоречило интересам снарядившей его компании, но отвечало потребностям вооруженной борьбы России с Турцией. Тем самым майор создал себе самому немало проблем, которые скажутся спустя десятилетие. Между тем, для генерал-поручика флотилии Л. Кацониса, как бы ни менялся ее состав, стала весьма полезным приобретением, позволявшим компенсировать отсутствие морских сил, оставшихся на Балтике из-за войны со Швецией. Недаром во всеподданнейшем донесении И.А. Заборовского от 1 июня 1789 г. сказано: «... Получил известие, что греки и славяне, услыша о войне шведской, начали колебаться в расположении своем к принятию оружия против Порты, усумнясь о прибытии флота в Средиземное море. Во отвращение сего послал во все места письма мои с уверением о скором прибытии флота, утверждая помянутые народы в прежнем их намерении. Между тем, употребляя что возможно было к умножению корсаров и видя себя безуспешным в том, предположил на мере обратить в море майора Ламбро-Качони, прибывшего тогда с судами своими в Триест из Архипелага, и для того послал к нему бригадира князя Мещерского с суммою для починки его судов...»²

В цитировавшемся выше ордере Л. Кацонису, от 23 октября / 3 ноября 1788 г., И.А. Заборовский подчеркивал, что майору даровано прощение «за подлежащее присвоение рагузского судна» и сообщал о командировании в Триест «бригадира и кавалера князя Мещерского». Далее генерал-поручик указывал, что даст знать С.С. Гибсу и другим, «что все суда, приобретенные вами, поручены мною в ваше начальство, что оные составляют легкую флотилию, по именному Ея Величества повелению, и что вы уже не называетесь корсаром, ни арматером, но начальником российской флотилии.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 65 об. – 66.

² МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 526.

Несмотря, однакож, на сие, не отъемлется у вас право, причиняя вред неприятелям, брать в призы суда их и товары на основании корсарских правил»¹.

Такие условия, несомненно, были весьма выгодными для Л. Кацониса: его «по высочайшему повелению» утверждали в должности начальника флотилии и сохраняли возможность брать призы в соответствии с «Правилами для партикулярных корсеров», что позволяло исполнить обязательства перед компанией Н.С. Мордвинова. Как представляется, И.А. Заборовский в данном случае лишь согласился на требования майора, возможно, выдвинутые в упоминавшемся выше донесении от 14 октября, т. к. был заинтересован в сохранении созданного им каперского соединения.

В то же самое время генерал-поручик, письмом от 27 октября 1788 г. из Ливорно, сообщал А.А. Безбородко: «Донеся всеподданнейше Ее И[мператорскому] В[еличеству] о прибытии в Триест корсировавшего в Архипелаге майора Ламбро Качони с девятью судами, приобретенными им в приз, желал бы я скрыть причину, побудившую его в сей порт приехать, но не могу утаить от В[ашего] С[иятельства], что сие произошло от неосмотрительности генерал-майора Гибса, который, приняв за основание данное от неаполитанского двора запрещение впускать наших арматоров в Сицилийские порты, предписал им, не сказавши мне, собираться в Триесте...² Стараясь исправить сию ошибку, отправил я бригадира Мещерского в Триест, чтобы сократить, сколько можно, карантин и как наискорее майора Ламбро выпроводить опять в Архипелаг, где уже он довольный страх посеял в турках, взяв, сверх многих призов, небольшую крепость, называемую Кастель Россо. Слух о его храбрых поступках достиг уже до Порты, и побудил оную выслать на него линейный корабль с тремя малыми судами, с коими он имел сражение... Употребя все то, что приобретено было им в призы, на вооружение судов, просит он меня снабдить его провиантом... Приказал я выдать ему на 2 месяца провизии из казенного в Триесте магазина. Теперь поспешаю я в Сицилию, куда и ему приказал спешить, дабы умножить его флотилию другими судами, там находящимися, для нанесения вящего вреда неприятелям»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 26–28.

² Примечательно, что в письме Л. Кацониса Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г., говорится о самом И.А. Заборовском: «По его повелению и я с моими арментами прибыл в Триест 15-го октября». См.: Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 466.

³ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 394–395.

Заметим, что в Сицилии И.А. Заборовский так и не побывал. Однако он проехал через Ливорно до Неаполя, откуда 26 декабря 1788 г. писал Г.А. Потемкину о прибывшей в Триест флотилии Л. Кацониса, которая по окончании ремонта «отправится в Сиракузы, где приготовлено также несколько казенных судов, дабы присоединя оные к вышеупомянутым, составить флотилию и отправиться в Архипелаг. Распорядя все нужное относительно до сего предмета обще с... г[осподином] Гибсом и отправя его в Сиракузы для исполнения, возвращаюся отсюда в Тоскану...»¹ Примечательно, что при публикации письмо датировано 16 декабря, хотя в архивном документе приведена двойная датировка — 16 декабря / 6 января 1788/1789 г., что наводит на мысль об описке, видимо, следует читать 26 декабря².

Судя по этому донесению, И.А. Заборовский в конце декабря предполагал поставить Л. Кацониса во главе усиленной казенными судами флотилии, что, на наш взгляд, вполне отвечало обстановке — майор успел показать себя как неплохим организатором, начальником соединения, так и отважным бойцом. Это намерение генерал-поручик выразил уже в ответе на упоминавшийся выше рапорт С.С. Гибса, от 17 декабря, о чем свидетельствует рапорт последнего от 7 февраля 1789 г., в котором выражена готовность пополнить флотилию двумя парусниками. Однако к тому времени координация действий между различными руководящими органами осложнилась — С.С. Гибс возвратился в Сиракузы, а И.А. Заборовский направился в обратную сторону, 29 января и 15 февраля 1789 г. он отправлял свои донесения в Россию из Рима, а начиная с 9 марта — из Флоренции.

Тем не менее, основные вопросы предстоявших в следующую кампанию действий были согласованы. Как нам представляется, мы можем констатировать, что начиная с октября 1788 г. ни сам Л. Кацонис, ни И.А. Заборовский или С.С. Гибс не рассматривали сформированную майором флотилию в качестве некой вольницы. Генерал-поручик нуждался в помощи Л. Кацониса, которая позволяла создать хотя бы видимость присутствия в Архипелаге российских морских сил и тем подтолкнуть греков к выступлению против Османской империи, формировавшему в тылу последней очаг напряженности, что могло заставить Порту согласиться на выгодный для России мир.

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 403.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 52. Л. 36–36 об. Письмо публиковалось также и Ю.Д. Пряхиным, но с неполной датировкой.

Определенные выгоды от подчинения И.А. Заборовскому и С.С. Гибсу получал и Л. Кацонис, о чем мы скажем далее. Но вместе с тем он попадал в зависимость от людей, которых вовсе не заботили интересы как частной компании Н.С. Мордвинова, перед которой майор должен был в итоге отчитаться, так и его самого. Помимо прочего, то обстоятельство, что Л. Кацонис вкладывал в снабжение и вооружение судов своей флотилии те деньги, которые требовались для расчета с компанией и которые могли быть потеряны с гибелью этих судов, из-за чего возникало противоречие между частными и государственными интересами, позднее вызвавшее ряд недоразумений.

Заметим также, что в кампанию 1788 г. Л. Кацонису, насколько можно понять, вопреки его намерениям не удалось закрепиться на Зеа, более того, в доступных нам документах нет упоминаний о том, что он там бывал, а стало быть, письма к грекам с призывом собираться на этом острове едва ли сыграли какую-либо роль в организации вооруженных выступлений против Османской империи.

Вместе с тем, майор сумел создать корабельное соединение, добившееся некоторых успехов, показать Порте, что появилась осязаемая угроза ее морским коммуникациям и береговым укреплениям в Архипелаге, и тем побудить ее к снаряжению для борьбы с каперами довольно сильного отряда кораблей.

Глава 2.

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Когда под конец 1788 г. И.А. Заборовский встретился в столице Неаполитанского королевства с приехавшим туда С.С. Гибсом, обоим уже было известно, что экспедиция Балтийского флота в Средиземное море отменена, в связи с этим войска не будут ни посылаться из России, ни формироваться на месте, поэтому единственным доступным средством как-то вредить неприятелю остается каперство. Незадолго перед тем, 2 декабря 1788 г., генерал-поручик сообщил в Петербург, что при содействии «неаполитанского двора» получил разрешение «мальтийского грессмейстера ... чтоб возвращающиеся из Архипелага суда и составляемая по Высочайшей воле Ее Императорского Величества флотилия могли иметь карантин в портах мальтийских»¹.

Вид на Неаполь с дороги в Позилито. Худ. С.Ф. Щедрин, 1829 г.

¹ Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 662.

Однако едва ли эта новость порадовала С.С. Гибса, скептически относившегося к Сиракузам как резиденции Призовой комиссии и базе каперских флотилий. Тем не менее, насколько можно понять из документов, И.А. Заборовский настаивал на соблюдении первоначальных планов, и этот порт по-прежнему рассматривался в качестве пункта сбора каперов. 26 декабря генерал-поручик писал Г.А. Потемкину: «Майор Ламбро Качони, корсировавший в водах Архипелага, привел недавно в Триест девять небольших судов, которые приобрел в призы, и восемь человек пленных турок. Сии суда во время плаванья сражались ... повреждены были от выстрелов, почему и не умедлил я отправить в Триест одного бригадира с некоторою суммою денег, в коей господин Ламбро имел недостаток для поправки оных и для снабжения всем нужным к мореплаванию. Жестокая зима, продолжающаяся в Триесте, умедлила несколько сию работу; ныне, однакож, имею я известие, что она приведена уже к окончанию...»¹

Строго говоря, как указывалось выше, в Триест пришло 14 судов, из которых 5 ранее входили в состав флотилии Л. Кацониса, 3 имели аттестаты С.С. Гибса, статус же остальных 6 на момент их появления в этом порту вызывает вопросы. Разумеется, к середине декабря положение должно было измениться, так что И.А. Заборовский, видимо, имел все основания рассчитывать на выход в море достаточно большого соединения, особенно учитывая его намерение усилить флотилию «несколькими казенными судами», находившимися в подчинении С.С. Гибса. Ввиду появления в Архипелаге турецкой эскадры, этот шаг имел смысл, но возникал вопрос о том, будут ли подкрепления переданы в полное подчинение Л. Кацонису или получают отдельного командующего.

На эту роль в начале 1789 г. мог претендовать опытный моряк Г. Лоренцо, о котором генерал-майор, рапортом от 18 января, сообщал И.А. Заборовскому, что тот «мундир надел», хотя и отмечал недостаток людей на его фрегате, так как мальтийцы «от него отошли», а греков оставалось всего два десятка. Впрочем, матросов не хватало и на фрегатах С.М. Телесницкого и Г.В. Войновича. К тому же, у последнего они бунтовали, и в письме А.Я. Италинскому, от 31 января 1789 г., С.С. Гибс сетовал: «...Без меня оказались неудовольствия, так что Войновичу показывали непристойные части тела...»² К тому же, фрегат Г. Лоренцо «Ла Фама» нуждался в осно-

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 403.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 120 об., 121 об., 122, 124.

Триест. Худ. К.Д. Куvas. 1870 г.

вательном ремонте – его требовалось килевать и поменять гнилую бизань-мачту. О двух других фрегатах, посланных в Мессину и на Мальту, генерал-майор и вовсе не имел сведений¹.

Между тем, как говорилось в рапорте С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 7 февраля 1789 г.: «...О майоре Ламбро слышал, что он с судами своими находится уже в море, для впуску его флотилии губернатор здешний получил повеление, как скоро он с флотилией прибудет, и хотя фрегаты наши к тому времени не успеют, не премину, однакоже, постараться отправить его в скором времени и посылаю с ним еще два судна, в готовности к походу находящиеся, то есть пакетбот «Российский Орел», на котором командир первого ранга шкипер Христофор Сапунцогли, и поляку, называемую «Святой Павел», коею командует офицер Теодор Лай, препоручив оба сии судна в команду лейтенанту Дешаплету»².

В постскриптуме этого рапорта генерал-майор прибавлял, что в Сиракузы прибыло судно «Минерва», под управлением «Жакомо Сентонара» (Джакомо Чентинаро), доставившее корсиканцев. После войны Д. Чентинаро жаловался, что судно было у него «отнято

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 120 об., 125 об., 137.

² Там же. Л. 125 об.

коварством» консула И. Каламаи, а затем перепродано И.А. Заборовскому втридорога. По его словам, он вместе со своими офицерами пытался протестовать, но безуспешно¹. Заметим, что С.С. Гибс об этих, несомненно известных ему обстоятельствах в своей переписке старался не распространяться.

Таким образом, в начале февраля 1789 г. генерал-майор предполагал тремя судами. Формируя отряд, он ордером от 3 февраля вверил поляку и пакетбот, ставший флагманским судном, С.Я. Дешаплету. Позднее, в письме И.А. Заборовскому, от 8/19 мая 1789 г., председатель Призовой комиссии оправдывался: «Успех мой в приуготовлении прежде высланной флотилии под командою лейтенанта Дешаплета и приписанная мне за то от Вашего Превосходительства благодарность произвели новый комплот (сговор — *Р.К.*), члены которого в противность намерению моему разглашают, что я спешил отправить оную флотилию более для своего племянника, и тем сделал остановку вооружения фрегатов, в Мессине бывших. Из рапортов моих, к Вашему Превосходительству посланных, ясно видны труды и намерения мои, употребленные не для Шаплета, но в пользу службы»².

Из этих слов видно, что вокруг Призовой комиссии плелись интриги, правда, кем именно, непонятно. Одна из этих интриг строилась на обвинении генерал-майора в nepoтuзмe. Нам оно представляется надуманным. Сравнивая карьеру С.Я. Дешаплета и С.М. Телесниченко легко заметить, что последний уже с капитан-лейтенантского чина подвизался в береговой должности капитана над Одесским портом, после чего был переведен в статскую службу. Первый же в течение многих лет командовал различными кораблями, вплоть до линейных, хотя и вышел в отставку раньше. Судя по всему, С.С. Гибс поставил своего племянника во главе отряда потому, что тот проявлял больше способностей к морской службе, и как вскоре выяснилось, не ошибся. Но демонстрировать свои таланты С.Я. Дешаплету пришлось самостоятельно, а не в составе флотилии Л. Кацониса — 12/23 февраля из Триеста в Сиракузы пришел рапорт В.Н. Мещерского, заставивший С.С. Гибса пересмотреть прежние планы. В нем бригадир сообщал об аресте майора, сорвавшем выход его каперского соединения в море.

Случившееся оказалось неожиданным для всех, и о предпосылках этого инцидента стоит поговорить подробнее. Однако пре-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–4, 6 об.

² Там же. Л. 166 об. – 167.

жде всего заметим, что примерно месяцем ранее, 8 января 1789 г., Г.А. Потемкин ордером предписал Л. Кацонису: «Для получения нужных от меня повелений касательно возлагаемой на вас экспедиции, имеете вы немедленно сюда отправиться и поспешить вашим приездом, сделав потребные на случай отсутствия вашего распоряжения о судах ваших»¹.

Как видно из этих слов, светлейший князь не отзывал Л. Кацониса насовсем, т. к. предписывал ему не передать командование флотилией и завершить все дела, с нею связанные, а только распорядиться на случай отсутствия для «получения нужных повелений». Очевидно, светлейший князь вызывал майора к себе не из-за обеспокоенности «жалобами и протестами, доносами на Ламброса Кацониса», как полагает Ю.Д. Пряхин² – ведь незадолго перед тем И.А. Заборовский отметил «отличное благоволение» к майору самой императрицы, сколько ввиду перспектив, открывавшихся перед каперами после создания достаточно крупной флотилии.

Едва ли Г.А. Потемкин получил к тому времени письмо И.А. Заборовского из Неаполя, от 26 декабря 1788 г., но письмо от 30 октября до него, весьма вероятно, успело дойти. Не исключено, что о замыслах укрупнить каперское соединение светлейшему князю писал и А.А. Безбородко. Впрочем, и без такого письма было понятно, что даже девять каперов, под единым командованием, представляют собой заметную силу, способную серьезно повлиять на турецкое судоходство в Архипелаге. Если вспомнить, что к началу 1789 г. ни Л. Кацонис, ни снаряжавшиеся на казенные средства суда не имели определенных указаний, где именно им действовать и к какой цели стремиться, а «Правила для партикулярных корсеров» содержали лишь общие положения, ориентируя каперов на то, чтобы неприятеля «атаковать, захватывать или истреблять везде, где только случай к тому представится», то становится понятным, что в новых условиях назрела необходимость в конкретной инструкции.

Какую же цель могла ставить перед каперами такая инструкция? Надо полагать, отчасти она совпадала с той главной целью, которая ставилась перед российскими крейсерами во время Архипелагской экспедиции – нарушить снабжение Константинополя, прежде всего, продовольствием, для чего следовало контролировать подступы к Дарданеллам. Сверх того, не исключено, что подразумевалась и организация восстания греков против турецкого

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 489.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 61.

владычества. Видимо, в этом и должны были заключаться упомянутые Г.А. Потемкиным в ордере Л. Кацонису «повеления касательно возлагаемой на вас экспедиции».

Однако выехать в Россию майору не удалось. Еще до того, как ордер светлейшего князя был доставлен в Триест (а произошло это «в конце февраля»¹), Л. Кацонис получил ордер В.Н. Мещерского, от 14/25 января 1789 г., которым ему предписывалось: «Как уже все суда арматоров, российский флаг имеющих, прибывшие сюда как под ведением вашим, так и после, починкою исправлены и приведены в надлежащее состояние, того ради в исполнение... генерал-поручика Заборовского повеления, немедленно выйти вам из сего порта и следовать прямо в Сиракузы, со всеми судами под российским флагом, находящимися здесь под званием легкой российской флотилии, и явиться там по прибытии вашем у генерал-майора Гибса...»²

Из последнего ордера видно, что И.А. Заборовский в очередной раз назвал сформированное Л. Кацонисом соединение «легкой российской флотилией», а майора — ее начальником. Поэтому В.Н. Мещерский, подчеркивая, что «отсюда отправляются суда сии не яко корсары, но как российская легкая флотилия под командою вашею», требовал по пути в Сиракузы «наблюдать честь и славу российского флага, и потому держаться во всем учреждения о корсарах Ее И[мператорского] В[еличества] изданного и не отступать от оного нимало; всякое встретившееся с вами нейтральный флаг носящее судно нимало не беспокоить...», и подчеркивал, что Л. Кацонис, «как начальник сей флотилии», будет отвечать «за всякое упущение по должности» и должен «оправдать выбор начальников ваших, которые избрали вас к предводительству сей флотилии»³. Последние слова В.Н. Мещерского относятся, надо полагать, не только к И.А. Заборовскому, но и к Г.А. Потемкину.

Заслуживает внимания требование «держаться во всем учреждения о корсарах» и вместе с тем «нимало не беспокоить» нейтральных судов, хотя последнее и не отвечало букве третьего пункта «Правил для партикулярных корсеров». Бросается в глаза и высокомерный тон ордера, едва ли уместный по отношению к чело- веку, фактически создавшему ту самую флотилию, командующим которой его якобы «избрали» начальники.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1049 об.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 69. Л. 40–41. Ордер опубликован, хотя и с неполной датировкой: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 278.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 279.

Как нам представляется, отчасти этот тон, а главным образом требование идти в Сиракузы, теряя время на изрядный крюк в сторону от Архипелага и рискуя столкнуться с различными неудобствами и даже неприятностями, слухи о которых могли дойти до Л. Кацониса, вызвали у него негативную реакцию. Судя по всему, он стал оспаривать приказание, что, в свою очередь, возмутило В.Н. Мещерского. Как сказано в дошедшем до нас не датированном документе из фонда Канцелярии Г.А. Потемкина по управлению Черноморским флотом (возможно, копии прошения офицеров, посланных Л. Кацонисом в Россию, на высочайшее имя, от 20 июня 1790 г.): «Князь Мещерский отвечал, что естли не может ехать, то он найдет кому отдать ево команду, таковой ответ разгорячил майора, который увидел в оном советы и старания полковника Войновича, ищущего себе присвоить команду флота. Он узнал оное справедливо, из ежечасных уведомлений консула Варуки, что всем состояли желания полковника Войновича, и увидел, что слава, которою он искал приобрести кровию, была в опасности». Далее говорится, что А. Андрианопуло «узнал от князя самого, что майор командиром только в Триесте, но что приехавши в Сиракузы на ево месте был бы другой. Он (Андрианопуло. — *Р.К.*) сказал оное и имел смелость подтвердить пред господином бригадиром, консулом Варукою и графом Войновичем...»¹ Кроме того, и Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на не датированное ею послание В.Н. Мещерского И.А. Остерману, пишет, будто «Кацони заявил Варуке, что Мещерский, якобы, пригрозил ему, что отнимет у него, Кацони, его флотилию, поэтому он, Кацони, Мещерскому подчиняться отказывается и в Сиракузы не пойдет»².

Учитывая соображения, высказанные С.С. Гибсом в цитированных выше рапортах И.А. Заборовскому, от 22 ноября и 17 декабря 1788 г., хотя и не получившие одобрения последнего, но, скорее всего, отнюдь не потерявшие актуальность для генерал-майора, можно считать, что опасения Л. Кацониса вовсе не были лишены оснований.

Надо сказать, что существование планов смены Л. Кацониса на посту командующего подтверждал и В.С. Томара, писавший спустя несколько лет по окончании войны: «Неизвестно мне, по каким причинам начальствующие тогда в Средиземном море рассудили дать оную вольную флотилию в управление графу Войновичу, бывшему

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 64. Л. 242 об.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 212.

консулом в Архипелаге...»¹ «Граф Войнович, бывший консулом в Архипелаге» – это тот самый И.В. Войнович, на которого Л. Кацонис жаловался в цитировавшемся выше письме Г.А. Потемкину, от 28 февраля 1788 г., как на своего недруга, чинившего серьезные помехи вооружению «Минервы Северной». Едва ли В.С. Томара, человек отнюдь не наивный, да к тому же после войны находившийся далеко не в лучших отношениях с Л. Кацонисом, стал бы повторять без оговорок слова, прозвучавшие из уст последнего, видимо, он пользовался различными источниками информации.

Исходя из упомянутых свидетельств, можно прийти к выводу, что в донесениях непосредственному начальству В.Н. Мещерский не был столь откровенен, как с И.А. Остерманом, и утаивал причину последующих поступков Л. Кацониса. Так, в рапорте С.С. Гибсу, от 22 января / 2 февраля 1789 г. князь писал: «...Находился я в Триесте ради исправления и отправления потом в Сиракузу флотилии майора Ламбро Качиони и всех судов, в порте сем под российским флагом находящихся, но когда уже все его суда починкою были исправлены, приведены в доброе состояние и вышли на рейд; и когда уже я дал повеление означенному майору Ламбро Качиони, препоручив ему под команду всю его флотилию по повелению Его Превосходительства господина генерал-поручика и кавалера Ивана Александровича Заборовского, сняться с якоря и следовать в Сиракузу, то майор Ламбро Качиони, не только что явился ослушным команде, объявля консулу и мне самому, что повеления моего не слушает и в Сиракузу не едет, производил самые неистовые дела, сказав губернатору и командующему генералу, что он не русский, а грек и ничем российской императрице не должен, что находится в вольном порте и никакому российскому начальству не повинует, и сверх того не только сам, но и всех людей своих подвиг к бунту, которые по наущению его также отказали повиноваться. За таковой его поступок, помощь, требуемой мною от военной здесь команды, я его, арестовав, отдал под стражу...»²

Другими словами, спровоцировав Л. Кацониса на возмущение, В.Н. Мещерский посадил его в тюрьму. Однако бригадир не учел того, что команды судов флотилии откажутся повиноваться кому-либо, кроме своего начальника. Более того, по словам Г.Л. Арша: «Бывший генеральный консул России в Смирне (Измир) П.А. Фериери, оказавшийся в этот момент в Триесте, сообщал в своем

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 370.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 555.

донесении от 23 января (3 февраля) 1789 г.: «Здесь все греческое население прилагает все усилия для того, чтобы ободрить майора Ламбро и помочь ему»¹.

Примечательно, что судя по той последовательности событий, которую предлагает читателям Г.А. Гребенщикова, Л. Кацонис поначалу пытался добиться справедливости, обратившись к консулу С. Варуке и, видимо, рассчитывая, что его жалоба на В.Н. Мещерского с дипломатической почтой будет отправлена И.А. Заборовскому, а также в Петербург, однако князь не собирался дожидаться решения вышестоящего начальства и своими действиями подтолкнул майора к открытому протесту. Возможно, его ввела в заблуждение позиция трех капитанов, державшихся независимо от Л. Кацониса – Спиро Калиги, Диаманди Кацари (очевидно, на пару с Марино Франгопуло) и Пандели Николаки. Эти трое, действительно, отправились в Сиракузы по приказанию В.Н. Мещерского, однако остальные воспротивились и доставили немало хлопот триестским властям.

Надо полагать, столкновение Л. Кацониса с В.Н. Мещерским имело место при попытке оспорить ордер последнего от 14 января; и рапорт бригадира С.С. Гибсу, которому, заметим, князь напрямую не подчинялся, будучи командирован непосредственно И.А. Заборовским, составлялся уже после того, как соответствующее донесение было отправлено, хотя еще и не дошло до генерал-поручика. Во всяком случае, 23 января / 3 февраля 1789 г. И.А. Заборовский в Риме подписал ордер на имя Л. Кацониса, в котором говорилось: «...Бригадир князь Мещерский доносит мне ныне с нарочным, что по приведении помянутых судов в состояние выступить в море, вы объявили себя противником службы Ея Императорского Величества, не желая идти в Сиракузу и ища покровительства у господина губернатора графа Бриджю. Толь неожиданное происшествие не могло быть без особенной причины, и я весьма склонен к тому, чтоб поверить, что оную подало вам строгое и не соответствующее предписаниям моим поведение помянутого бригадира князя Мещерского, и разглашение, будто по прибытии вашем в Сиракузу, суда, приобретенные вашей храбростию, будут у вас отняты, и команда над ними препоручится другому. По крайней мере, сии две причины изъясняете вы к консулу Варуке, с которого мне доставлена копия»².

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 80.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 24–24 об. Частично цитируется: Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 213, 215.

*Новый Рим. Замок Святого Ангела.
Худ. С.Ф. Щедрин. 1823–1825 гг.*

Как мы видим, И.А. Заборовский еще не получил донесения В.Н. Мещерского, ориентируется на жалобу Л. Кацониса и не знает, что тот уже арестован князем и находится в заключении, поэтому далее приказывает майору «принять препорученное мною вам начальство над флотилиею, из судов ваших составленною, и следовать в Сиракузу, где получа секретные наставления от господина капитана флота генерал-майорского ранга, кавалера Гибса... по утвержденному плану для действий флотилии вашей отправлены будете немедленно в море для усугубления страха, рассеянного уже вами в водах Архипелага»¹.

Судя по всему, положение не изменилось и спустя неделю, 29 января / 9 февраля 1789 г., когда генерал-поручик написал в Риме письмо Л. Кацонису, в котором пытался увещевать бунтаря: «Не могу посему верить, чтобы замешательство, в которое вы приведены ныне, последовало от побуждений толь маловажных, каковые изъяснены в полученных мною рапортах и в ордере моем к вам, сего самого числа отправленном. Я думаю, что сие произошло от

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 25–25 об.

других причин, которые мне неизвестны, по отдалению моему от порта, в котором вы находитесь. И для того спешу вам изъяснить чрез сие, дабы отправились немедленно ко мне сухим путем в Рим, где я ожидаю вас для личных со мною объяснений. Мне весьма было жаль оставить вас в заблуждении, только вредном пользе службы в нынешних обстоятельствах и пагубном для вас, в которое вы можете быть ввергнуты силою ухищрений неприятелей Отечества нашего или ваших собственных... Отвратите от себя толь пагубные удары поспешным прибытием ко мне, препоруча начальство над флотилиею кому-нибудь из капитанов ваших, по собственному вашему благоусмотрению. Я предписываю господину Мещерскому отправить оную в сем виде в Сиракузу, для предупреждения останова и потери времени... а господину генерал-майору Гибсу даю ордер мой ныне же, чтобы удержал у себя суда сии до вашего туда прибытия»¹.

То обстоятельство, что И.А. Заборовский до конца января не получил рапорта В.Н. Мещерского, а потому не мог оценить серьезности сложившегося положения и, как видно из письма, отправил свой ордер от 23 января только 29-го, вероятно, дипломатической почтой вместе с письмом, сыграло свою негативную роль в дальнейшем развитии ситуации. Надо полагать, ожидая указаний от своего начальника, В.Н. Мещерский продолжал держать Л. Кацониса в тюрьме, между тем, флотилия постепенно приходила в расстройство. Как писал в своем прошении на имя Екатерины II, от 25 ноября 1792 г., Ж.Ф. Брие: «От сего происшествия пришло все в беспорядок», большая часть людей, «оставив службу, перешла к Римскому (австрийскому. — Р.К.) Императору, набравшему тогда мореходное войско для отсылки на Дунай»².

Пока флотилия разваливалась, В.Н. Мещерский поспешно рассылал бумаги, в которых оправдывал свои действия. Кроме С.С. Гибса, князь писал и в Петербург, руководству Коллегии иностранных дел. Разумеется, в этих письмах вина за происшедшее возлагалась на Л. Кацониса. Так, в цитируемом Г.А. Гребенщиковой письме В.Н. Мещерского И.А. Остерману майор представляется в весьма невыгодном свете. Прежде всего, бригадир указывает на недобросовестный, якобы, ремонт судов: «Я принужден вседневно сам быть при работе, и к сожалению, видал, что только там и работали, где я присутствовал. Неоднократно прибегал к губерна-

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 280–281.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 89. Л. 19 об.

тору, прося его о побуждении корабельного мастера, мастеровым и рабочим давал деньги. Майор Кациони представлял мне различные затруднения, я все старался преодолевать, давал ему деньги, когда требовал, познакомился с теми, кои ему прежде способствовали в вооружении его фрегата и коим еще не заплатил долги. Наконец, когда все было готово и суда вышли на рейд, ожидая первого способного ветра, майор Ламбро пришел к консулу нашему Варуке и сказал, что он знает, что ему все изменяют»¹.

Практически о том же говорится в письме В.Н. Мещерского «сиятельному графу», возможно, А.А. Безбородко, от 24 января / 4 февраля 1789 г., где говорится: «Первое старание мое было о прекращении карантина, который по [убедительной] просьбе моей, благосклонностью губернатора, уменьшен был третьею частью время. Потом дал повеление майору Ламбро Кацони с корабельным мастером осмотреть все неисправности кораблей, коих было всех числом четырнадцать, и которые были много повреждены и не в состоянии выйти в море без починок». Учитывая, что бригадир располагал лишь «3000 червонных», а корабельный мастер насчитал большую сумму, В.Н. Мещерский приказал, «оставя лишнее, исправить только самое необходимое» и четыре судна, находившиеся в самом плохом состоянии, «разснастить». Он подчеркивал, что нашел дела Л. Кацониса «в большом беспорядке. Консулы французский, венецианский, неаполитанский и рагузский приступали ко мне с разными на него требованиями, и требовали как от консула нашего, так и от правительства здешнего, чтобы заарестовать в здешнем порте и не выпускать до удовлетворения их требований» суда флотилии. Далее рассказывалось о том, как Л. Кацонис пытался отдаться под покровительство триестского губернатора².

Между тем, С.С. Гибс, 12/23 февраля получивший рапорт В.Н. Мещерского, от 22 января / 2 февраля, поспешил отозваться письмом от 14 февраля 1789 г., при котором отправил в Триест «требования идриота Антония Дирига, Анагности Коломоняти, Нестора Яни, Лацаро Мустаки и Яни Стати Хаджинико, кои просят возвращения судов своих из флотилии майора Ламбро Качиони», прибавив: «Вы имеете случай рассмотреть их требования и, сообразуясь с повелениями, кои имеете или получите от Его Превосходительства Ивана Александровича Заборовского о флотилии май-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 212.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 93–94.

ора Ламбро, увидите себя в состоянии возратить сим просителям суда их или нет»¹.

В этих словах можно увидеть стремление генерал-майора как получить оправдание на случай упреков в неисполнении инструкций и высочайших повелений, обязывавших его устранять недовольство нейтральных судовладельцев, к числу которых он, судя по всему, оглядываясь на высочайший манифест от 17/28 февраля 1788 г., относил всех греков без разбора, так и отослать назойливых просителей в Триест. Примечательно, что С.С. Гибс поспешил разнести весть о «бунте» Л. Кацониса, отправив 14 февраля письмо с пересказом соответствующего места из рапорта В.Н. Мещерского П.М. Скаврону².

По замечанию Г.А. Гребенщиковой, майор не оставался в долгу и «сидя под арестом», писал жалобы, в которых «обвинял князя в присвоении казенных денег, в том, что он не уважает его как майора», указывал на то, что требует денег от В.Н. Мещерского, который «в том отказывает, а по сему дела флотилии упали», утверждал, будто князь «очень холоден к грекам, а потому и дела флотилии расстроились»³. Надо сказать, что жалобу Л. Кацониса Г.А. Гребенщикова не датирует, между тем как из немногих процитированных выражений можно сделать вывод, что составлена она еще до ареста, а не после, когда Л. Кацонис находился в тюрьме и заботился главным образом об освобождении либо, еще позднее, когда уже изложил свои претензии лично И.А. Заборовскому⁴.

Насколько можно судить, характерная черта жалобы — неоднократно повторяемые слова о том, что князь отказывает в деньгах, отчего «дела флотилии расстроились». Эта фраза лишний раз заставляет думать о том, что майор сам действовал вразрез с интересами компании Н.С. Мордвинова и тратил деньги на увеличение своего соединения за счет, если не всех, то многих взятых призов. Он вооружал эти суда и содержал их команды, почему и не имел свободных сумм, а по приходу в Триест согласился подчиниться И.А. Заборовскому и рассчитывал получить от его эmissара,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 128 об.

² Там же. С. 130.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 215.

⁴ Известно, что выйдя из темницы, Л. Кацонис послал к Г.А. Потемкину Ивана Зараханова, который должен был посвятить светлейшего князя в детали происшедшего, разумеется, с позиций майора, снабдив посланца письмом от 1 апреля 1789 г. См.: РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 69. Л. 42.

В.Н. Мещерского, средства на содержание флотилии, однако тот их в должном объеме не предоставил.

Сравнивая затем письма В.Н. Мещерского, легко заметить, что он, будучи послан И.А. Заборовским в Триест около 23 октября 1788 г., утверждает, будто ремонт судов флотилии завершился лишь незадолго до «бунта» Л. Кацониса, т. е. к середине января 1789 г., хотя, как указывалось выше, о его окончании и готовности судов к отплытию говорилось еще в письме генерал-поручика Г.А. Потемкину, от 26 декабря 1788 / 6 января 1789 г.¹ Учитывая, что самому В.Н. Мещерскому требовалось некоторое время на дорогу из Ливорно до Триеста, Л. Кацонис же прибыл в этот порт 15 октября, хотя некоторые суда, как указывалось выше, позднее, уменьшить срок карантина всех судов «третьею частью» Василию Никитичу было бы трудно. Ведь в письме Л. Кацониса Н.С. Мордвинову, от 31 октября 1788 г. сказано: «Сей день вышел я из карантина и сей же час отправляюсь в Венецию сухопутно к Его Превосходительству Александру Семеновичу (Мордвинову. — *Р.К.*) по письму его, вчерашнего дня полученному из Венеции»². Отсюда следует, что речь, скорее всего, шла об отбытом двухнедельном карантине³, а не о части полного 40-дневного срока. Остается предположить, что карантин, если и уменьшался, то лишь для некоторых судов и уже после отъезда майора. На то же, чтобы договориться о ремонте «много поврежденных» 9 или даже 14 судов, а затем контролировать работу мастеровых до ее успешного завершения у В.Н. Мещерского оставалось около полутора месяцев. Разумеется, если не предполагать, что бригадир вводил И.А. Заборовского в заблуждение ложными докладами.

Во всяком случае, с конца декабря в течение почти месяца изготовившаяся к плаванию флотилия не выходила в море, как поступили бы частные арматоры, заботящиеся о своих доходах, а ожидала конкретных указаний, что ей следует делать. Какова была причина этой паузы, неизвестно. У нас нет оснований предполагать, что она являлась частью интриги, направленной против Л. Кацониса, и должна была спровоцировать недовольство чинов флотилии, которые все это время бедствовали, оставаясь без жалования, и подорвать авторитет прежнего начальника, чтобы подготовить

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 52. Л. 36–36 об.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 466.

³ Двухнедельный карантин в Триесте известен, например, по итальянскому путешествию художника А.Е. Егорова в 1807 г.

его замену графом И.В. Войновичем. Равно как нет повода подозревать В.Н. Мещерского в сговоре с кредиторами Л. Кацониса, хотя позднее, 15 сентября 1794 г., Н.С. Мордвинов и писал графу П.А. Зубову: «...Долги его (Л. Кацониса. — *Р.К.*) равнялись ли цене судов? Кредит его и дела нам известны были, а потому отвечаю я, предварительно, что нет. Притом вопрошаю я: когда вознамерились тайными ухищрениями отнять начальство флотилии у Ламбро-Кацони и посадили его в тюрьму в Триесте, то ложные векселя, им подписанные в тюрьме, должны ли, по совести, на счет наш поставлены быть? Долги истинные, как известно нам, весьма были малые и составляли малую часть цены, что стоила флотилия»¹. А В.С. Томара указывал, что после ареста Л. Кацониса «кредиторы майора Ламбро заарестовали в пристани все его суда»².

Как представляется, в данном случае речь все же идет не о целенаправленных мерах дезорганизации, а о нерадивости, формализме и недостаточном внимании В.Н. Мещерского к подлинным нуждам флотилии, чем ловко воспользовались упомянутые кредиторы – триестские банкиры и купцы. Впрочем, полностью исключить попытку сознательного устранения Л. Кацониса со сцены, в угоду И.В. Войновичу, также нельзя. Но что бы там ни было, длительная задержка негативно сказалась и на рядовых моряках, и на капитанах, и на Л. Кацонисе, вызывая его раздражение и заставляя подозревать В.Н. Мещерского в различных происках.

Возможно, несмотря на то, что И.А. Заборовский, еще 27 октября 1788 г. писавший А.А. Безбородко о своем намерении послать Л. Кацониса «в Сицилию», должен был посвятить в свои замыслы В.Н. Мещерского, бригадир опасался ответственности за инициативу и ждал прямых указаний начальника. Очевидно, так же он поступил и посадив майора в тюрьму – доложил и ожидал распоряжений. Но надо думать, что об этой «мере обуздания» строптивого грека князь сообщил И.А. Заборовскому, лишь получив от него почту, отправленную 29 января, т.е. в начале февраля.

В ответ последовали распоряжения генерал-поручика, отменявшие арест. Такого обращения с Л. Кацонисом не позволяла, прежде всего, сложившаяся обстановка. Как указывалось выше, ввиду отмены экспедиции Балтийского флота в Средиземное море из-за войны со Швецией, И.А. Заборовский нуждался хотя бы в паллиативных морских силах, без которых он едва ли мог подтолкнуть

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 577.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 370.

греков к действиям против турок, что, собственно, являлось одной из важнейших его задач.

Между тем, упорное стремление С.С. Гибса вести дело в рамках «Правил для партикулярных корсеров» к весне 1789 г. фактически свело на нет сам замысел создания крупных каперских сил. Об этом говорится и в цитируемых Г.А. Гребенщиковой более поздних документах. Так, в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 23 апреля 1789 г. сказано: «Я приведен в крайнее прискорбие и замешательство, видя тщетными все мои усилия в составлении флотилии из арматоров, которые будучи ограничены изданными о корсарах правилами, вместо того, чтоб являться вновь для получения патентов, приносят и возвращают полученные ими». А в его же всеподданнейшем донесении, которое автор датирует 24 апреля 1789 г., отмечается: «Всемиловитейше утвержденные от Вашего Императорского Величества постановления о корсарах, ограничили суда, плавающие в Средиземном море, уменьшили число оных столь ощутительно, что все старания мои о составлении из арматоров легкой флотилии были безуспешны. Чтоб не оставить свободного плавания неприятельским судам в водах Архипелага, я видел необходимость обратить паки в море майора Ламбро Качони»¹.

Поэтому генерал-поручик, еще находясь в Риме, поспешил отменить распоряжения В.Н. Мещерского и 15/26 февраля 1789 г. написал Л. Кацонису: «Из прежних моих к вам предписаний вы ясно видеть можете, что я не только не желал, но и не думал, чтоб с вами поступлено было так, как теперь вижу. Поспешаю объявить вам, что вы свободны, и нетерпеливо желаю видеть вас лично, дабы отдать вам всю справедливость, которая не меньше меня интересуется, как и польза службы, сопряженная с вашею храбростию. При отправлении вашем ко мне весьма желал бы я, чтоб вы флотилию вашу отправили в Сиракузу, где она вас, по данному от меня ордеру, ожидать будет, ежели вы оную не предупредите там... Буде же, паче чаяния, встретится непреодолимое препятствие отправить ваши суда, то оставя оные в Триесте, спешите отправиться ко мне во Флоренцию, не теряя ни минуты времени. С господином Мещерским вы не имеете теперь никакого уже дела. Сноситься во всем нужном с консулом нашим господином Варукою»².

Итак, с того момента, как И.А. Заборовский поставил точку в письме от 15/26 февраля, Л. Кацонис выходил из подчинения

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 220.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 281–282.

В.Н. Мещерскому и должен был следовать указаниям только генерал-поручика. Спустя несколько дней майор получил свободу. По данным Г.Л. Арша, в тюрьме он провел с 17/29 января по 25 февраля / 8 марта 1789 г.¹ Между тем, И.А. Заборовский хотел увидаться с Л. Кацонисом лично, при этом предоставив ему решать: отправить ли флотилию в Сиракузы или оставить в Триесте. Разумеется, после всего происшедшего ранее майор предпочел второе.

Когда именно он встретился с И.А. Заборовским остается неизвестным, но в ордере от 20 марта (очевидно, ст. ст.) 1789 г., отправленном уже из Флоренции, генерал-поручик указывал надворному советнику Мельникову: «Господина майора Ламбро снабдил я предписанием, дабы по возвращении в Триест как наискорее выступил в море с флотилиею» и предписывал, чтобы тот имел «старание поспешествовать ему незадержно выйти из сего порта. Его кредиторы потеряли к нему доверие по причине известного поступка, сделанного с ним в Триесте. Уверьте их, что сие последовало против воли моей и к моему неудовольствию, что я имею надлежащее к майору Ламбру уважение, что препоручаю ему не только флотилию, но и важнейшие еще дела в Архипелаге...»² Со своей стороны В.Н. Мещерский 21 марта / 1 апреля 1789 г. писал С.С. Гибсу: «...По повелению... Ивана Александровича Заборовского майор Ламбро Кациони от ареста освобожден и получил прямо от Его Превосходительства, а не через меня, свои наставления. Ламбро ездил во Флоренцию к Его Превосходительству, и по возвращении своем, снабжен будучи средствами, готовится к выступлению отсюда...»³

Возможно, встреча состоялась в тот же день, 9/20 марта 1789 г., когда был подписан ряд бумаг, имевших отношение к Л. Кацонису и его флотилии, надо полагать, включая и цитировавшийся выше ордер И.А. Заборовского. Последние его слова, о «важнейших еще делах», можно расценивать как намек на поручение майору разжечь восстание на греческой территории. По крайней мере, сам генерал-поручик уже получил такое предписание от Екатерины II. Еще 15 июля 1788 г. А.В. Храповицкий отметил в своем дневнике, что писано было «Заборовскому, что хотя Шведская война задержала здесь флот, в Средиземное море назначенный, но, для

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 80.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 135. Ордер частично цитируется в брошюре: Гертсос А., Николопулос И., Прякин Ю.Д. Ради установления истины... С. 39.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 547 об.

Утро во Флоренции. Худ. К. Хелмайер

диверсии туркам, отправятся из армии войска чрез австрийские земли к Адриатическому морю и Черным Горам, и чтоб он старался возбудить греков и албанцев к принятию оружия». И далее: «Подписывая указы, сказали, что будет туркам диверсия в Химаре (греческие земли в окрестностях Валлоны, ныне на территории Албании. — Р.К.). Заборовскому велено относиться по сим делам к кн[язю] Потемкину-Таврическому, и кажется, что это проект его»¹.

Не исключено, что с таким замыслом связано было и прощение, дарованное Л. Кацонису «за неподлежащее присвоение рагузского судна». Но слова А.В. Храповицкого заставляют задуматься также над тем, что мысль о вооруженном выступлении греков могла изначально принадлежать самому Л. Кацонису, который и поделился ею с Г.А. Потемкиным 18 декабря 1787 г. в Елисаветграде, перед отъездом на средиземноморский театр военных действий. Правда, для «диверсии в Химаре» флотилии удобнее было бы опираться на северную часть Ионического архипелага, если же речь шла о действиях на юге Пелопоннеса, в районе Мани, требовался опорный пункт на Цериго или Кикладских островах. Возможно именно поэтому майор уже весной 1788 г. рассылал письма, призывавшие греков собираться на Зеа. Очевидно, актуальность плана в глазах

¹ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 79, 80.

российского правительства возросла с началом войны со Швецией, когда собственные войска оказались вовлечены в боевые действия на балтийских берегах и в Грецию посланы быть не могли, отчего повысилось значение Л. Кацониса.

В пользу предположения о роли майора в готовившемся восстании говорят другие документы, подписанные генерал-поручиком 9/20 марта 1789 г. Однако прежде, чем мы перейдем к ним, следует отметить, что поначалу, как можно понять, И.А. Заборовский предполагал настоять на исполнении своего прежнего плана. Так, в ордере С. Варуке, от 9/20 марта, он указывал: «Господин майор Ламбро Кациони отправляется с флотилиею своею из Триеста в Сиракузу, дабы явиться в Комиссию, учрежденную там... и дать в оной отчет в делах своих по принесенным жалобам от подданных нейтральных держав». Консулу поручалось «освидетельствовать лично, сколько людей отправится на судах сих и по числу оных отпустите г. Ламбро провизии на два месяца»¹. О дате выхода, количестве людей и отпущенном провианте генерал-поручик предписывал немедленно уведомить его.

В тот же день, 9/20 марта 1789 г., в отмену предыдущих своих распоряжений, он предписал самому Л. Кацониусу: «1. Выступя из Триеста с возможною поспешностью, следуйте прямо в Архипелаг, не заходя в Сиракузу, дабы не упустить время, которым можно воспользоваться». Далее говорилось:

«2. Достигши Дарданельского залива, займите сию линию чрез Афонскую Гору, Лемнос, Тенедос и прочая, дабы пресечь сею дорогою привоз съестных припасов из Египта, Наталии (Анатолии. – Р.К.), Архипелага и Ромелии в Константинополь. Суда, которые будут вашею добычею в сем месте, так как и во всем вашем плаваннии, оставляются в пользу вашу и вашей флотилии; почему все то, что нужно из добычи сей употребить на содержание экипажа, или для умножения сил ваших, распоряжайте по собственному вашему усмотрению; прочее же, дабы не обременить себя тем, что не нужно, можете отсылать... в комиссию, учрежденную в Сиракузах...

3. Председательствующий в сей комиссии господин генерал-майор и кавалер Гибс... вооружает несколько казенных судов с сим же самым намерением, которое есть предмет ваших действий. Они составят другую флотилию, под командою Гвилелмо Лоренца, и, отправясь из Сиракуз, поплывут также прямо к Дарданельскому за-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 119. Л. 11. На документе стоит помета С. Варуки «17/28 марта», видимо, дата получения ордера.

ливу, дабы соединиться с вами. Я не обяываю вас всегда действовать с ним, ни его с вами; и как никто из вас не подчинен друг другу, то и соединение ваше зависит от единой пользы службе...

4. Во время плавания вашего все неприятельские суда, как турецкие, так и шведские, должны быть вашею добычею. В рассуждении же держав, не участвующих в настоящей войне, да будет одним из главнейших ваших правил строгое... наблюдение высочайше утвержденного установления о корсерах, которое здесь в копии на итальянском и греческом языке прилагаю. Употребите все внимание, дабы... суда, плавающие под флагом нейтральных держав, отнюдь не были визитированы, как только в таком случае, когда есть прямое доказательство или, по крайней мере, сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары, запрещенные трактатами...

5. Все христианские народы, подданные Порты, суть наши единоверцы и друзья. Относитесь к ним во всех местах с тем расположением, какое требуют единоверие и дружба, испрашивая от них пособия, нужного для вас в поспешествовании оружию Ее Величества...

7. ...предписываю, напротив, упорнопреданных Порте считать за неприятеля... несовместно бы было с здравым рассудком щадить людей, враждующих против державы, ополченной за их пользы.

8. Идучи к Дарданеллам, вы будете проходить около острова Валлоны (точнее, бухта Авлона, район современного порта Влёра — Р.К.), где дульциниоты обыкновенно плавают с судами своими. Не оставьте испытать силу вашей храбрости против сих неприятелей...

9. Вы также будете проходить недалеко от идриотов; остров сей населен греками, преданными Порте, и слышно, что они готовят знатное число судов в Черное море. Если найдете, что слух сей справедлив, употребите ваше мужество против врагов сих...¹

Далее И.А. Заборовский наставлял Л. Кацониса оказывать содействие в снабжении казенной флотилии, а также предписывал после «всякого военного действия» отправлять в Сиракузы судно с рапортом С.С. Гибсу. Кроме того, на майора возлагалось поручение раздавать «христианским народам» манифест Екатерины II (очевидно, от 17/28 февраля 1788 г.), на основании которого он мог «требовать от них преданности и верности Ее Величеству и в до-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 489–493.

казательство оных принимать от них людей в службу, суда и прочие принадлежности». А чтобы удостоверить подлинность манифеста, генерал-поручик снабдил Л. Кацониса «особенным листом», за своей подписью и печатью.

Как нам представляется, этот ордер шел вразрез с планами, которые лелеяла компания Н.С. Мордвинова. Недаром в письме старшему брату, А.С. Мордвинову, от 17 мая 1792 г., контр-адмирал изобразил свои расчеты так: «... Успехи первого судна призами не употребляли мы в настоящую нашу пользу, а обращали весь прибыток на распространение флотилии, дабы с вящею пользою приобрести способы к заплате долгов и к приумножению богатства нашего, что несомненно и воспоследовало бы, если б те суда употреблены были как корсары, и не соединено, а в различных странах поиски свои делали около торговых мест. Но спекуляция наша остановлена была и пресечена не по желанию нашему, и в то время, когда еще мы сделали великие издержки, для произведения в действо намерения нашего»¹.

Заметим, что утверждение Н.С. Мордвинова, будто «они» «обращали весь прибыток на распространение флотилии» вызывает серьезные сомнения. В дошедших до нашего времени документах практически нет следов переписки контр-адмирала с Л. Кацонисом по вопросу о судьбе призов. Так как предполагаемый ответ на донесение майора от 31 октября 1788 г. уже никак не мог воздействовать на его действия в течение предшествующей кампании, то остается предположить, что последний и прежде получал от Н.С. Мордвинова какие-то, не сохранившиеся послания, возможно, связанные с письмом от 23 апреля, но и они едва ли оказывали влияние на решения, принимавшиеся на борту «Минервы Северной».

Собственно, кампанию 1789 г. Л. Кацонис начинал уже как командующий флотилией, действовавшей в интересах государства, а не коммерческого предприятия Н.С. Мордвинова. Ему поручалось, во взаимодействии с другой, снаряженной на казенные средства флотилией, затруднить подвоз продовольствия к Константинополю, а также разжечь восстание греков, распространяя высочайший манифест. В доказательство подлинности этой бумаги И.А. Заборовский 9/20 марта 1789 г. подписал манифест от своего имени, в котором сообщал, что императрица благоволила «препоручить мне командование» над частью сил, направляемых в Средиземное море.

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 513.

Далее говорилось: «Во исполнение сей Высочайшей воли всемилостивейшей Государыни моей отряжаю я в Архипелаг Императорскую флотилию под командою одного из храбрых греков находящегося в российской службе, майора Ламбро Качони... приглашая каждого и всех к подъятию оружия вместе с сею Императорскою флотилиею, в отмщение врагу за вероломство и наглость и в защищение себя от сего тиранства»¹.

Как нам представляется, генерал-поручик вполне отдавал себе отчет в том, кого он характеризует как «одного из храбрых греков находящегося в российской службе», и такие слова едва ли появились бы в манифесте, если бы местное население в массе своей относилось к Л. Кацонису негативно. Примечательно, что И.А. Заборовский сделал свой выбор в пользу майора, вопреки стараниям В.Н. Мещерского и С.С. Гибса опорочить его, казалось бы, подкрепляемым многочисленными жалобами, поступавшими от дипломатических представителей, и даже несмотря на недавний «бунт». Надо полагать, генерал-поручик сумел разобраться в произошедшем.

Отправляя Л. Кацониса в Архипелаг, И.А. Заборовский подумал и о налаживании отношений с сирийским наместником Ахмед-пашой, вручив майору еще один ордер, от того же 9/20 марта 1789 г., которым указывал использовать доставленных в Триест пленных турок на работах, а затем отослать «с письмом моим, которое здесь прилагаю к Агмет Паше Жезаиру. Вы можете также подарить ему и судно, если случится отнять оное у турков. Употребите при сем ваше с ним знакомство и его к нам расположение в пользу службы нашей, и какой ответ от него получите, дайте мне знать незамедлительно»². Заметим, что Ахмед-паша Джеззар, хотя и стремился к самовластному правлению, едва ли собирался вступать в серьезные отношения с российскими эмиссарами, тем не менее, как писал после войны, 7/18 октября 1794 г., В.С. Томара графу П.А. Зубову о Л. Кацонисе: «...Подарил он из своих судов саиту «Луку», вооруженную 20-ю пушками, по предписанию генерал-поручика Заборовского дзегаир-паше Бейрутскому...»³ К сожалению, доступные нам документы не позволяют установить, когда произошло это событие и при каких обстоятельствах.

Возвратившись из Флоренции, майор должен был приложить

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 282–283.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 287–288.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 429.

усилия, прежде всего, к восстановлению боеспособности кораблей флотилии – нанять людей взамен разбежавшихся, пока он находился в заключении, пополнить запасы израсходованного продовольствия. Кроме того, он отправил в Россию Ивана Зараханова, чтобы тот лично доложил о событиях последних месяцев Г.А. Потемкину. Посланцу, по сути дела, предстояло объяснить, почему Л. Кацонис сам не прибыл к светлейшему князю. Отчасти такое объяснение содержалось и в письме от 1 апреля 1789 г., которое было вручено И. Зараханову. Там говорилось: «Я же за скорым моим отсюда отъездом в Белое море (Эгейское. — Р.К.) с флотилиею, для пользы службе Ее Императорского Величества Всемиловитвейшей монархине, по повелению Его Высокопревосходительства Ивана Александровича Заборовского, не успеваю больше, как только всенижайше просить о продолжении Вашей ко мне отеческой милости...»¹

Таким образом, Л. Кацонис открыто писал светлейшему князю, что не может прибыть по его вызову, так как получил иное приказание от И.А. Заборовского. Заметим, что этот ответ удовлетворил Г.А. Потемкина, более того, вскоре он поощрил майора производством в подполковники². Такая снисходительность представляется маловероятной в случае, если бы главнокомандующий, отнюдь не страдавший излишней мягкотелостью, намеревался совершенно отозвать Л. Кацониса из Средиземноморья.

Известно также, что И.А. Заборовский, уже по возвращении в Россию, во всеподданнейшем донесении от 1 июня 1789 г., объясняясь по поводу Л. Кацониса, писал что «повеление В[ашего] И[мператорского] В[еличества] об отправлении его сюда я имел счастье получить в то время, когда он выступил уже в море с флотилиею, которою командует»³. Так как майора вызвали после «дарованного» ему императрицей прощения и еще до очередного выхода флотилии в море из Триеста, версия «наказания за пиратство», предлагаемая некоторыми современными авторами, представляется необоснованной. Скорее можно предположить, что в Петербурге откликнулись на донесение В.Н. Мещерского, с обвинениями Л. Кацониса в «бунте». Впрочем, возможно речь шла и об инструктаже по тому же вопросу, который заботил Г.А. Потемкина – ор-

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 69. Л. 42–42 об.

² Л. Кацонис был произведен в подполковники 24 июля 1789 г. См.: Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 218.

³ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 525.

ганизации восстания. Видимо, так как соответствующие указания уже были даны в ордере И.А. Заборовского от 9/20 марта, дополнительный инструктаж уже не требовался. В пользу такой версии говорит то обстоятельство, что в дальнейшем Г.А. Потемкин не раз поощрял Л. Кацониса, а императрица все его представления о награждении и повышении грека в чинах неизменно утверждала.

Перед самым отплытием из Триеста, 7/18 апреля 1789 г., майор писал Г.А. Потемкину: «Светлейший князь!.. не могу преминуть, чтобы не донести В[ашей] С[ветлости] о одолжениях, сделанных мне от господина Николая Жоржио в критических обстоятельствах дел моих... По прибытии моем с флотилиею в Триест, для нужного исправления оной, он делал мне величайшее во всем вспоможение...», ходатайствуя о награждении благодетеля, который, по его словам, «один был моею защитою пред всеми», когда его «посадили в замок» и оставили даже «дражайшие друзья»¹. В тот же день Л. Кацонис отправил Н. Жоржио и Ж.Б. Брие во Флоренцию, к И.А. Заборовскому за деньгами для покупки и вооружения новых судов, о чем будет сказано ниже.

Кроме этих двух офицеров, особое поручение получил от майора и А. Зен, позднее писавший: «...Послан я был опять в Венецию, чтоб еще тамо закупить ружьев и других военных снарядов, но венецианский Сенат, будучи уже известен о прежнем моем поступке и узнав, что я их подданный, несмотря на то, что я уже был офицером в российской службе, велел меня взять и заключить в тюрьму, из которой по четырехмесячном содержании отправил меня в Корфу, к адмиралу Эмо, который потом отослал меня к вице-адмиралу Томасу Гондулиеру, который содержал меня на своем корабле в железзах...»² Заметим, что эта, явно недружественная по отношению к России акция была далеко не последней из предпринятых Венецианской республикой. Вполне оправдывалась характеристика из «Инструкции генерал-поручику Заборовскому...», от 7 марта 1788 г.: «...Республика Венецианская. В прошедшей войне мнимый ее нейтралитет, во многих случаях не выгодный для интересов наших и с угнетением и гонением подданных ее, в службе нашей бывших сопряженный, похож был более на крайнее ко врагу нашему пристрастие...»³ Весной же 1789 г. венецианцы сорвали

¹ Там же. Л. 38. С некоторыми мелкими отличиями в тексте и неполной датировкой опубликовано: Прякин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 289.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 об. Речь, видимо, идет об адмирале Condulmero.

³ Русский архив. 1866. Вып. 10. Стлб. 1388.

Вид на мост Риальто. Худ. Ф. Гварди

покупку Л. Кацонисом партии оружия и оставили его без хорошего боевого офицера.

В то время как майор готовил свою флотилию к выходу в море, аналогичные работы производились в Мессине и Сиракузах. Последний порт, где снаряжались «Российский Орел» и «Святой Павел» Ф. Лая, переименованный в «Святую Екатерину», в феврале принял также «Минерву» Г. Шмита (Джорджа Смита) и прибывших из Триеста, от В.Н. Мещерского, «Святого Николая» Д. Кацари, «Святого Георгия» П. Николаки и «Святого Иоанна» С. Калиги. Заметим, что ранее Д. Кацари командовал «Иосифом Вторым», а П. Николаки «Князем Потемкиным-Таврическим», и нам неизвестно, привели они в Сиракузы те же, но переименованные суда, или другие.

В рапорте И.А. Заборовскому, от 5/16 марта 1789 г., С.С. Гибс писал: «Присланные из Триеста от бригадира князя Мещерского три судна, хотя там исправлены были, но по прибытии в Сиракузу представлено было мне, что поляка, называемая «С. Жуан» («Святой Иоанн». — *Р.К.*), коею командует Спиро Калига, имеет великую течь, и потому принужден был исправить оную вновь, и дабы умножить флотилию, то прибывшее с корсами (корсиканцами. — *Р.К.*) из

Ливорно судно («Минерва». — *Р.К.*), о коем хотя не получал Вашей резолюции, здесь килевал, пушки переменил и сколько возможно было исправил, благодаря за особенные труды в том англичанину Георгию Шмиту, которому позволил и надеть мундир офицерский Морских батальонов, и определил его командиром на сем судне. Транспортное судно, бывшее без пушек, исправил и привел в такое состояние, что оное отправил в море с пушками. Хозяин сего судна грек Теодор Лай, явясь добровольно в службу нашу до моего еще приезде в Сиракузу, во ожидании флота перевозил провизию из одного места в другое, содержал людей и солдат 37 человек, в нашей службе находившихся, на своем иждивении и наконец издержался так, что ни судна, ни людей содержать не был уже в состоянии, почему и причислил его к судам флотилии за усердие его. Позволил я ему надеть мундир офицерский, как и Шмиту.

Хозяева прибывших из Триеста трех судов подали мне требование свое на майора Ламбро Качиони, первый на 10 000, другой на 12 000, а третий и более пиастров, и объявили со слезами, что майор Ламбро разорил их совсем, и что наконец решатся они, сняв пушки, сжечь свои суда, ежели им не сделана будет помощь, ибо им явиться домой не можно; купить судов их здесь некому. Сии причины, и потому, что для их в Триесте истрачена уже некоторая сумма денег, принудили меня суда их исправлять и дать, как и на прочие суда, на 4 месяца провизии, приказав недостающую купить в Архипелаге, которая там и дешевле. Из них на Калигу и Кацари, вместе с Франгопуло, имел я жалобы, кои рассматриваемы были Комиссиею, и нашлось, что они во всем не только правы, но сверх того, о поступках своих и правоте имеют весьма похвальные аттестаты от адмирала Эмо и от командующего французскою эскадрою шефа Марки де С. Феликса¹, ибо они в то время, когда еще не имели инструкции, брали призы с тем, чтоб оные возратить, ежели найдутся призы сии несправедливыми, из чего заключить должно, что жалобы на них и требования несправедливы.

Когда снабжены были к походу всем и сделан был мною... смотр, на другой день увидел я множество матрозов, самовольно съезжавших с судов своих, кои объявили, что не пойдут прежде в море, пока не будет им дано жалованья за два месяца. Принужден

¹ Возможно, С.С. Гибс пишет о маркизе Армане Филиппе Жермене де Сен-Феликсе (Armand Phillipe Germain de St Felix), в тот период командовавшем эскадрой в Леванте (chef de division). Французским Флотом Леванта в 1784–1792 гг. командовал адмирал Луи-Арман-Константин де Роган, принц де Монбазон.

был согласиться и на сие и выдал за один месяц на всю команду, с тем, что сии деньги получают в море их командиры от лейтенанта Дешаплетта, дав и то малое число денег, кои определены командующим на внезапные случаи. Купил для всех судов тайным образом пороху в Сиракузе 20, да в Мессине 20 контарей (всего 100 пудов или 1,64 т. — *Р.К.*), свинцу для пуль, солдатам сделаны брюки и камзолы для работы на судне, куплены для них башмаки, чулки и сшиты рубахи, а последним, пришедшим из Ливорны и отправившимся в море, выдал жалованье. На исправление сих нужд истратил я не только все деньги, которые имел в приходе, полученные от г. Манзо, но сверх того и задолжал довольно...

Лейтенант Дешаплетт, которому вверена сия флотилия, во все время исправления судов старался довольно, я сам при том трудясь, выходил из терпения от наглости и своевольтва нагих и босых матросов, и видя их в один день при работе много, а в другой совсем нет, и дабы избавиться от беспокойств сея сволочи, от которой ежедневно ожидать надобно было наивящих бед, удовольствовал сколько возможно было и отправил в море, не дожидаясь трех наших фрегатов». В этом же рапорте говорилось: «К отправлению сея флотилии в море немалою причиною было и то, что матрозы, на судах находящиеся, не упоминая о том, что в порте стоя, едят напрасно провизию, неотступно просят денег и делают иногда в городе беспокойство»¹.

Цитируемый документ показывает, что флотилия под командованием С.Я. Дешаплетта, в состав которой вошли и два судна из флотилии Л. Кацониса, не имела принципиальных отличий от последней, ни в кораблях, ни в людях. И все те проблемы, которые вынужден был решать в Триесте майор, имели место в Сиракузах — недостаток средств, далеко не лучшие суда, недисциплинированные матросы. С трудом удалось С.С. Гибсу оплатить ремонт и снаряжение парусников, выдать жалованье морякам, во избежание волнений среди которых он и выслал флотилию в море прежде, чем были готовы фрегаты, включая и самый сильный, флагманский корабль «Ла Фама». На этом фоне не слишком убедительно выглядит описание жалоб командиров «прибывших из Триеста трех судов», якобы, разоренных Л. Кацонисом, тем более, что один из этой тройки, С. Калига, в состав его соединения не входил, а Д. Кацари (вместе с М. Фангопуло), как указывалось выше, был изобличен

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 137 об. — 139 об.

адмиралом А. Эмо в захвате на «венецианском купеческом судне» турок «с вещами», и ущерб в 1600 пиастров, насколько можно понять, покрывал за него Л. Кацонис. Не исключено, что его меры по возмещению истраченных денег и стали причиной сетований провинившихся командиров.

При всех затруднениях, в начале марта к выходу в море из Сиракуз снарядили шесть судов. В приложенном к донесению С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа, 1789 г. списке, а также в финансовых документах Призовой комиссии фигурируют: 24-пушечный пакетбот «Российский Орел» Х. Сапунцоглу, оказавшегося на собственном судне шкипером при С.Я. Дешаплете, 16-пушечные шебеки «Святая Екатерина» Ф. Лая, «Святой Николай» Д. Кацари, 8-пушечная шебека «Минерва» Г. Шмита, 16-пушечная поляка «Святой Иоанн» С. Калиги и 14-пушечный кирлангич (по другим документам — шебека) «Святой Георгий» П. Николаки¹.

Некоторое представление об этом отряде дает сохранившаяся в делах «Комиссии для свидетельства счетов...» справка «Сведения о судах, вышедших 2 марта 1789 г.»²

№ п/п	Судно	Командир	Численность экипажа	Количество пушек
1	Пакетбот «Российский Орел»	С.Я. Дешаплет и Х. Сапунцоглу	36 человек и военная команда из 1 офицера и 14 нижних чинов	24
2	Шебека «Святая Екатерина»	Ф. Лай	26 человек и военная команда из 5 человек	16
3	Шебека «Минерва»	Г. Шмит	12 человек и военная команда из 5 человек	8

¹ МИРФ. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 570; РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–21, 73, 74, 212–214.

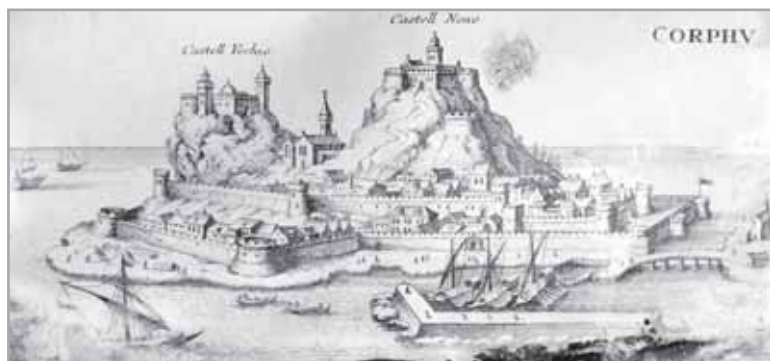
² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 474–475.

4	Шебека «Святой Николай»	Владелец Илия Да- нилович, управляет Д. Кацари	30 человек	16
5	Поляка «Святой Ио- анн»	Корнет М. Кало, управляет С. Калига	30 человек	16
6	Кирлангич «Святой Георгий»	Капитан П. Але- визипуло, управляет П. Нико- лаки	34 человека	14
Итого			193	94

Орденом от 1 марта 1789 г. С.С. Гибс предписал С.Я. Дешаплету принять командование над перечисленными шестью судами, подняв флаг на «Российском Орле», и готовиться «при первом благополучном ветре» отправиться в Архипелаг. Как самого командующего, так и командиров судов генерал-майор снабдил соответствующими аттестатами, удостоверявшими, что они находятся на службе российской императрицы и отправлены «для действия против неприятелей» Лейтенант также получил секретный ордер с указанием пути¹.

О последнем можно судить по рапорту С.С. Гибса И.А. Заборовскому, от 5/16 марта 1789 г., в котором сказано, что 2/13 марта флотилия С.Я. Дешаплета отправлена в море с тем, чтобы зайти на Корфу, где принять на борт от консула П. Бичили 100 человек, «но если противный ветер будет в Корфу, то итти к острову Идре, там должен он осведомиться о обстоятельствах в Архипелаге, и ежели будет иметь случай, то набрав до 50 человек матрозов, прислать для фрегата Гульельма Лоренца... потом обойти и осмотреть места Воло, Мурзина и Карагачи, из коих возят в Константинополь провизию; после сего пуститься в канал Пароский, куда к тому времени, по моему счислению, прибыть могут и три наши фрегата,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 131 об., 133–136.

Корфу, крепость

к начальнику коих явится он для исполнения данной начальнику диспозиции»¹.

Заметим, что хотя ранее сведения о предписанном С.Я. Дешаплету плане действий не публиковались, но самое общее представление о них исследователи получали из донесений С.С. Гибса, в частности, адресованного А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., в котором говорилось: «Не упущая времени и случай для исполнения воли Ее И[мператорского] В[еличества] и не видя охотников в получении корсарских патентов, на основании высочайше изданных правил для арматоров, согласно ордера генерала Заборовского, присовкупил к двум казенным судам, прибывшим в порт Сиракузу, еще 4 явившихся из Триеста греческие судна, принятые на казенное содержание, и сии 6 судов, вооружив, составил из оных флотилию, вверив оную лейтенанту Дешаплету, отправил в Архипелаг марта 2 дня, предписав место для собрания, дабы 3 фрегата, казне принадлежащие, по выходе своем могли оную найти и устремиться к главному предмету своих действий»².

Правда, эти три фрегата явно запаздывали. Два из них оставались в Мессине и продолжали ремонт, сроки окончания которого еще не определились. Более того, постоянно возникали все новые проблемы с личным составом и трения в отношениях между командирами. Так, в рапорте И.А. Заборовскому, от 5/16 марта 1789 г., С.С. Гибс писал: «...С пакетбота «Российского Орла», которым командует шкипер Сапунцогли, служители, взяв жалованье свое,

¹ Там же. Л. 137 об.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 567–568.

некоторые согласились прежде иттить на фрегат к Телесническому, а после отrekliсь и все, кроме весьма малого числа, оставили службу». В ордере же генерал-майора капитану Г.В. Войновичу, от 10 марта 1789 г., говорилось: «Отправляя вас и лейтенанта Телесницкого в Мессину, дал вам приказание явиться там к г[осподину] Гулгелму, командующему фрегатом «Ла Фама», и поелику как сей фрегат, так и вверенный вам находятся под одинаковым российским флагом, то само собою уже разумеется, что один для другого обязан столько стараться оказывать помощь, сколько и для себя. Из присылаемых от г[осподина] Гулгелма рапортов не вижу я сего, и некоторым образом известен, что вместо дружелюбия сказывается ненависть и препятствия»¹.

Следующим рапортом генерал-поручику, от 21 марта 1789 г., С.С. Гибс докладывал: «...Получил я из Мессины известие, что два фрегата скоро будут готовы, но недостаток в людях воспрепятствует их выходу, почему принужден я был заблаговременно позволить г[осподину] Анжелу (Франчески. — *Р.К.*) ехать из Мессины в Мальту для приискания там людей на свой фрегат и на фрегат Телесницкого, а как Манзо отказался помогать деньгами, то г[осподин] Анжело из особенного усердия своего к службе нашей, предлагает мне свой капитал...»²

Спустя полтора месяца, в цитировавшемся выше письме И.А. Заборовскому, от 8/19 мая 1789 г., С.С. Гибс, к тому времени уже ставший контр-адмиралом³, жаловался: «Причиною медлительности вооружению оных фрегатов был сам Манзо, выдавая Гулгелму и Войновичу деньги прерывно и понескольку, и может быть, имел он от других наставление продлить сколько возможно долго исправление фрегатов»⁴.

Примечательно, что речь в данном случае, насколько можно понять, идет о мессинском купце, греке Анастасии Манзо, который высочайшим указом от 21 февраля 1788 г. был назначен в помощь А.К. Псаро⁵. Мы не беремся судить о том, насколько обоснованны подозрения С.С. Гибса в том, что А. Манзо сознательно задерживал ремонт и снаряжение фрегатов. Весьма вероятно, что контр-адмирал тогда просто излил накопившуюся горечь, тем более, что известны

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 138, 142 об.

² Там же. Л. 143 об.

³ С.С. Гибс произведен в контр-адмиралы 14 апреля 1789 г. См.: МИРФ. Ч. XIII. СПб, 1890. С. 508.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 166 об. – 167.

⁵ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 249.

его вполне доброжелательные отзывы об этом купце. Однако нельзя не заметить, что процитированное письмо лишний раз показывает как наличие серьезных проблем в подготовке отряда фрегатов к выходу в море, сложное финансовое положение Призовой комиссии, так и склонность С.С. Гибса к драматизации событий.

Между тем, пока в Мессине Г. Лоренцо, ссорившийся с Г.В. Войновичем, видимо, не желавшим подчиняться вчерашнему пирату, едва справлялся с поставленной ему задачей, возникло очередное затруднение, о котором С.С. Гибс сообщил И.А. Заборовскому письмом от 28 марта 1789 г., где описывалось «унижение» А. Франчески мальтийскими властями, не позволившими ему съехать на берег и даже не разрешившими взять провизии на обратный путь¹. В результате план вербовки матросов на Мальте был сорван.

На этом неприятности не закончились. В очередном рапорте генерал-поручику, от 1 апреля 1789 г., председатель Призовой комиссии писал, что 29 марта получил донесение С.Я. Дешаплета, 5 марта добравшегося с флотилией до о. Паксо и оттуда пославшего на Корфу лодку с посыльным, чтобы доставить бумаги С.С. Гибса, адресованные консулу в Химаре, подполковнику Пано Бечилли, но его, однако, на месте не оказалось. Убедившись, что исполнить поручение невозможно, лейтенант решил продолжить свой путь, а перед тем принял на службу 29 человек, часть из которых сразу дезертировала. Спустя же два дня после упомянутой бумаги, 31 марта в Сиракузы из Мессины пришел рапорт Г. Лоренцо, что один из его матросов убил на берегу местного жителя. Это еще более осложняло положение каперов².

Пожалуй, лишь С.М. Телесницкий порадовал свежеиспеченного контр-адмирала, когда 15/26 апреля привел с Мальты третий фрегат, вполне отремонтированный, несмотря на серьезные повреждения, полученные им ранее во время бури. К тому времени С.С. Гибс уже отправил в Мессину приказание Г. Лоренцо и Г.В. Войновичу — спешно заканчивать починку и отправляться в Сиракузы, а купцу А. Манзо — выдать командующему отрядом все положенные средства.

Получив 13/24 апреля 1789 г. письма И.А. Заборовского, в которых сообщалось о выходе из Триеста флотилии Л. Кацониса и «данных ему предписаниях», контр-адмирал 21 апреля ответил: «Весьма нужно видеть флотилию майора Ламбро в Архипелаг вы-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 147 об.

² Там же. Л. 149–150.

шедшую, которая, при разнесшейся нынешней молве о сильном вооружении неприятельских судов, послужит подпорою вышедшей нашей флотилии, которая теперь, уповаю, находится в назначенном ей месте и без всякого, может быть, действия, ибо командующему оною от меня предписано по прошествии месяца плавания быть в канале Пароском и дожидаться там трех наших фрегатов, о коих думал я, что по прошествии одного месяца совершенно выйдут в Архипелаг»¹.

Примечательно, что спустя несколько месяцев С.С. Гибс не упрекает Л. Кацониса в том, что тот не явился к нему в Сиракузы, совершенно забыв о своих же словах из письма от 13/24 апреля, где высказывалась надежда видеть флотилию майора в Архипелаге, о чем, собственно, и должна была идти речь в посланиях И.А. Заборовского.

К началу мая, с месячным опозданием против ранее предполагавшегося срока, все три казенных фрегата собрались в Сиракузах, и С.С. Гибс озаботился их подготовкой к походу. Ордером от 3/14 мая 1789 г. контр-адмирал инструктировал Г. Лоренцо: «...Препоручаются в начальство ваше все казенные суда, из коих три находятся здесь, а прочие в море, под командою лейтенанта Дешаплета. Соответственно сему предписано от меня капитанам оных судов, дабы имели к вам то повиновение и уважение, коих требует польза службы Ея Императорского Величества и законы морского воинского устава...

1. ...Да будет одним из главнейших пунктов строжайшее подтверждение, чтоб высочайше утвержденные установления о корсерах и принятые во оных за основание правила нейтральной системы были сохранены без малейшего упущения во всем их пространстве, и чтоб суда, плавающие под флагом нейтральных держав, отнюдь не были осматриваемы, как только в таком случае, когда есть прямое доказательство или сильное и явное подозрение в том, что на оных везутся товары, запрещенные трактатами, а чтоб начальники судов, флотилию составляющих, не отзывались неведением в случае преступления правил, для сего снабжены они уставом о корсерах в копиях за моим подписанием».

Далее говорилось, что отряд фрегатов выслан для усиления флотилии под командованием С.Я. Дешаплета, «которую сыскав там, примите в свое начальство и сею вам вверенною флотилию

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 156–157.

усугубите силы майора Ламбра и подкрепите флотилию, им командуемую, которая, по мнению моему, находится уже в Архипелаге или скоро туда явится».

«4. Вам уже известен план действий флотилии; главный предмет оныя есть пресечь обыкновенный привоз съестных припасов чрез Дарданеллы в Константинополь и тем нанести вящщий вред неприятелю, чиня между тем нападение на суда, как сего, так и другого неприятеля.

5. Приобретенные флотилиею майора Ламбра, на основании предписанных правил, призы предоставляются в пользу майора Ламбра, который обязан из своих приобретений возвратить казне те издержки, кои на вооружение судов его употреблены ... взятые же призы судами казенными подлежат распоряжению комиссии, которая предоставляет служителям 1/3, а в казну 2/3 от всего.

6. Когда встретятся на майора Ламбро или на подчиненных его или от подчиненных ему жалобы, то вам не только не вмешиваться в оные, предоставляя рассмотрение оных самому Ламбру, но в случае надобно командующих судами, флотилию его составляющих, обязать строгим и неупустительным повиновением к нему, яко начальнику флотилии, поставленному по Высочайшему благоволению Ея Императорского Величества, и удостоверить их, что в противном случае не избежит никто строгости морского воинского устава. Ему предписано, не заходя из Триеста в Сиракузу, следовать прямо в Архипелаг для действий по принятому плану, и будучи в пути, зайти к острову Валлону, где корсируют дульциниоты, а потом к идриотам, которые готовят знатное количество судов в Черное море для пособия Порте, наконец, итти к Дарданелльскому проливу, где предписано ему соединиться с казенными нашими судами, ежели на пути с ними не встретится...

7. Вы и г[осподин] Ламбро, яко начальники флотилий, составляете одно, и предмет ваш есть один интерес службы казенной, а для того стараться быть с ним в согласии и дружбе, ибо от сего будут зависеть успехи действия».

«9. Судя по изрядному флотилий вооружению и немалых издержек стоящему для казны, недостаточно бы было заниматься одним только нападением на малые суда неприятельские. Чтоб нанести вящщий вред Порте, надобно дать почувствовать силу сей флотилии столичному городу.

10. Для достижения до сего предмета ничего нет полезнее, как занять линию у Дарданелльского пролива чрез Афонскую гору,

Лемнос, Тенедос и проч. Сим способом все суда, отправляемые в Константинополь с съестными припасами из Египта, Натоллии (Анатолии. — *Р.К.*), Архипелага и Румелии (в данном случае — с земель Балканского полуострова. — *Р.К.*) должны неминуемо быть добычею нашей флотилии. Сие пресечет обильный привоз жизненных припасов в столицу и необходимо долженствует привлечь на себя внимание Дивана (фактически, турецкого правительства. — *Р.К.*).

11. Весьма легко быть может, что Порта против флотилии нашей вышлет также морские вооружения. Что при таких обстоятельствах должно предпринять, само по себе разумеется. Ежели неприятель будет в превосходных силах, нет нужды ввергаться в явную опасность, в противном же случае, для чего с ним не сразиться?

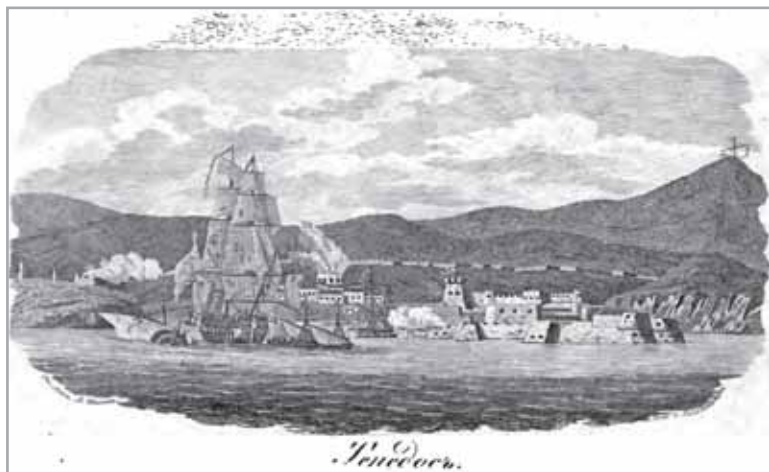
12. Во всех островах и портах турецкого владения, где бы только случилось быть судам нашим, право их есть право оружия. Но не должно при сем пренебречь того, чтоб не подвергнуть опасности христиан, или чтоб не огорчить их другим каким-нибудь образом...

14. Когда соединитесь с флотилиею майора Ламбро и взят будет тогда какой-нибудь приз, оный должен быть по уставу морскому общим, а вы обязаны представить мне щет двух третей от всего приобретенного»¹.

Сопоставление текстов этого ордера и ордера И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 9/20 марта 1789 г., показывает, что С.С. Гибс иначе ориентировал Г. Лоренцо, что неизбежно должно было привести к недоразумениям. Например, в то время как генерал-поручик в 3 пункте своего ордера указывал, что не обязывает Л. Кацониса «всегда действовать с ним, ни его с вами» и что никто из них «не подчинен друг другу», С.С. Гибс в 7 пункте утверждал, будто оба начальника флотилий «составляют одно», тем самым создавая ложное представление об обязательности совместных действий.

Требование соблюдать неприкосновенность нейтральных судов, а его формулировка в обоих случаях была идентичной, у С.С. Гибса выходило на первый план, тогда как И.А. Заборовский поставил его на четвертое место. Между тем, ордер генерал-поручика главной задачей ставил достижение линии «чрез Афонскую Гору, Лемнос, Тенедос», чтобы «пресечь сею дорогою привоз съестных припасов» в Константинополь, а у контр-адмирала эта задача оказывалась всего лишь «самой полезной», что оставляло простор для трактовок, особенно ввиду 11 пункта, позволявшего уклонять-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 161–163 об.

Тенедос

ся от превосходящих сил противника, чего в ордере И.А. Заборовского не было вовсе.

В ордере С.С. Гибса каперам разрешалось «во всех островах и портах турецкого владения» действовать по праву оружия, т.е. реквизировать у местного населения все, что потребуется, но при этом рекомендовалось «не огорчать» христиан, т. е. главным образом греков. И.А. Заборовский также указывал, что христианские народы «единоверцы и друзья», у которых следует «испрашивать пособия», однако оговаривался, что следует «упорнопреданных Порте считать за неприятеля», а к ним, по смыслу его ордера, относились, например, те самые идриоты, на содействие которых рассчитывал С.С. Гибс.

Наконец, серьезнее всего, пожалуй, различались инструкции двух начальников в отношении к призам. В то время как И.А. Заборовский обещал Л. Кацонису, что суда, которые «будут добычею», как на указанной выше линии перед Дарданеллами, так и «во всем вашем плавании, оставляются в пользу вашу и вашей флотилии», С.С. Гибс наставлял Г. Лоренцо, что после соединения двух флотилий любой приз «должен быть по уставу морскому общим», причем, две трети следовало отчислять в пользу казны, а фактически – Призовой комиссии. Как нам представляется, впоследствии именно это требование и усугубило разногласия между Л. Кацонисом и Г. Лоренцо, ведь, строго говоря, первый хотя и был при-

знан «начальником российской флотилии», но никакого казенного содержания не получал, в отличие от второго, и на условиях С.С. Гибса просто не мог сохранить свое соединение. Не исключено, что этого контр-адмирал и желал добиться, однако все подводные камни его ордера от 3/14 мая 1789 г. обнаружались позднее. Получив же таковой в день подписания, Г. Лоренцо немедленно вывел свой отряд в море.

Спустя три дня, 6/17 мая, в Сиракузы привезли рапорт С.Я. Дешаплетта, от 6/17 апреля 1789 г. Месячной давности бумага сообщала, что лейтенант «апреля 1/12 дня до полудни в 7 часов, проходя с флотилиею своею находящееся на Морее турецкого владения местечко, называемое Капо Исидора, усмотрел там совсем готовую уже к спуску в море новую шамбеку и около 300 собравшихся турок, конницы и пехоты. В намерении сделать на сие местечко нападение, приблизился к оному в расстоянии на пушечный выстрел и построившись в линию начал производить на берег пальбу, которая продолжалась до 9 часов и принудила довольное число неприятелей к побегу. Сие подало ему случай сделать десант, для которого и отрядил своих 250 человек с капитаном Алевизопуло, Даниловичем и капитаном от корсов Микели. Сии овладев берегом, продолжали сражаться до 10 ½ часов, и наконец принудили неприятелей ... к побегу и оставить место, ими защищаемое, на котором находилась помянутая шамбека. По прогнании турок, капитан Алевизопуло и Данилович, взошед на шамбеку, зажгли оную, которая и сгорела до 2 часов пополудни. Одержавшие победу, возвратясь на суда, донесли, что на том месте нашли 15 турок убитых, кроме тех, коих могли обратившиеся в бегство увезти с собою. С нашей стороны легко раненых 12 человек»¹.

По словам С.Я. Дешаплетта, шебека имела 36 портов. Свидетелями боя стали моряки французского 20-пушечного корвета «La Belette», превратившегося под пером лейтенанта во фрегат, которым тогда командовал граф Ферье, увязавшийся за флотилией от острова Санта-Мавра, якобы, по пути в Наполи-ди-Романья, где стояла французская эскадра в Леванте².

Об этом несомненном успехе С.С. Гибс поспешил сообщить рапортом от 8/19 мая И.А. Заборовскому и письмом от 18 мая 1789 г. А.С. Мордвинову. Последний документ интересен и тем,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 165 об. – 166.

² В документах 1792 г. фигурирует как 28-пушечный. См.: Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 226.

что в нем контр-адмирал жаловался: «Случившееся Дешаплету, несомненно, обяжет Вас принять участие и употребить способы для воздержания венециан от оказания обид, подобных случившимся в Занте, когда Дешаплет с флотилиею своею хотел войти в сей порт, то зантиоты ни ему самому на берег, ни флотилии в порт войти не позволили...»¹

Причина, по которой венецианцы так обошлись с лейтенантом, в письме не указана. С.С. Гибс, как можно понять, объяснял их поступок последствиями прошлогодных действий Л. Кацониса. Так, в письме И.А. Заборовскому, от 15 мая 1789 г., контр-адмирал сетовал: «Приводит меня в затруднение майор Ламбро, тем, что я не знаю, по какому праву имеет он не только воинский флаг, но и брейд-вымпел, и быв прежде в море под таким же флагом, навел другим мнение думать и признавать выпровоженную флотилию, из казенных судов состоящую, за корсаров». Далее он спрашивал: «Ежели жалобы умножатся столько, что он не в состоянии будет удовлетворять деньгами обиженных, каким образом в таком случае поступить с ним?»²

Здесь мы видим настойчивое стремление С.С. Гибса устранить Л. Кацониса, которое еще очевиднее высказано в цитированном письме А.С. Мордвинову, где, после аналогичных вопросов о праве грека на брейд-вымпел, говорится: «...Долг имею запретить ему иметь воинский флаг». Вскоре тот же взгляд контр-адмирал высказал в письме А.А. Безбородко, от 23 мая 1789 г.: «Ежели майор Ламбро на основании, учрежденном для корсаров, то не имеет права не только иметь помянутые знаки воинские, но обязан положить в комиссию, учрежденную над арматорами, в залог за каждое судно 20 000 рублей, из коих удовлетворяются обиженные корсарами»³.

Примечательно, что С.С. Гибс, уже выказавший намерение лишить Л. Кацониса командования флотилией и даже готовность арестовать его, тем не менее, особой активности в этом отношении долгое время не проявлял, с мая же, видимо, после отъезда И.А. Заборовского в Россию, стал прощупывать почву для реализации своих намерений. Весьма показательно, что в своем стремлении убрать Л. Кацониса со сцены, контр-адмирал готов был пренебречь не только подписанным Г.А. Потемкиным патен-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 172 об.

² Там же. Л. 171 об.

³ Там же. С. 172 об., 174 об.

том, в котором прямо сказано — «дозволено ему поднять флаг российский»¹, но и нормами закона: ведь в первом пункте «Правил для партикулярных корсеров» говорилось: «Каждый хозяин, вооруживший судно не может получить патента, дозволяющего выставить на оном военный гюйс, не представив наперед в залог сумму 20 000 рублей или надежной поруки, которою суммою он будет отвечать...»²

Таким образом, о залоге за каждое судно не могло быть речи, тем не менее, С.С. Гибс погрешил против истины в этом, равно как и в том, что Л. Кацонис не имел права на флаг, т.к. оно было предоставлено ему патентом за подписью светлейшего князя. В течение нескольких недель подобные выпады против майора в переписке председателя Призовой комиссии повторялись едва ли не чаще, чем рассказ об успехах С.Я. Дешаплета. К слову, эписистолярная активность контр-адмирала, весьма вероятно, ставшая известной Г.А. Потемкину, вполне могла настроить последнего против С.С. Гибса, покушавшегося на пересмотр его решений.

Отчасти причину предпринимавшихся контр-адмиралом усилий поясняет письмо, адресованное им 12 июня 1789 г. министру в Вене князю Д.М. Голицыну, в котором говорится: «...Жалобы на майора Ламбро, в комиссию присылаемые и подаваемые, умножаются, из коих одна есть от командира на барке под гишпанским флагом, бывшего в Адриатическом море... Из всех жалоб, поданных по сие время на майора Ламбро, легко видеть можно, что для удовлетворения обиженных потребуется немалая сумма денег; комиссия, учрежденная над арматорами, не имея от него помянутого залога, удовлетворения сделать не в состоянии, и не прежде к решению жалоб приступить может, пока не явится в Сиракузу лично сам майор Ламбро. В великую пользу послужит, ежели чрез ходатайство Вашего Сиятельства получит правление Триестское повеление, не допускать касаться никого до присылаемых в Триест от майора Ламбро призов, пока комиссия рассмотрит документы и утвердит приз добрым. Сим способом у участников в его приобретениях отыщется случай к растащению приобретенного, удобнее можно будет возвратить казенные деньги, издержанные на исправ-

¹ Достаточно хорошо читаемая копия документа публиковалась в работах Ю.Д. Прякина и С.Д. Климовского. См.: *Климовский С.Д.* Корсар Ламбро Качони... // *Гангут*. № 59. СПб., 2010. С. 26.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 968.

ление его флотилии и получить принадлежащую по законам часть казне от всей добычи»¹.

Заметим, что последняя мера могла оставить флотилию без средств. Что касается «командира барки под гишпанским флагом», то среди тех 17 дел по жалобам на Л. Кацониса, которые содержались в делах Призовой комиссии и были впоследствии переданы В.С. Томара, принадлежность судов указана лишь в шести случаях и среди них испанские не значатся². Нам остается лишь гадать, кто из остальных шкиперов, с отнюдь не испанскими именами, мог командовать упомянутой баркой и что именно отобрал у него Л. Кацонис. Учитывая, что незадолго перед тем С.С. Гибс, видимо, располагал только пятью неудовлетворенными жалобами, пересланными ранее В.Н. Мещерскому, нельзя не отметить его пристрастного отношения к Л. Кацонису, по масштабам «корсарства» сильно уступавшему Х. Сапунцоглу, на действия которого контр-адмирал закрыл глаза.

Мы не беремся судить, что сильнее раздражало С.С. Гибса – очевидная независимость Л. Кацониса, действовавшего в рамках ордера И.А. Заборовского, который по ряду вопросов, прежде всего, касавшихся призов, расходился с требованиями контр-адмирала, слухи о нелицеприятных отзывах майора в его адрес, постоянные нарекания на Л. Кацониса со стороны судовладельцев или же то обстоятельство, что захваченные им суда не приносили Призовой комиссии денег. Однако в том, что сказывались все названные обстоятельства, сомневаться не приходится.

Особо следует отметить фактор плохого финансирования комиссии. Жалобы на нехватку средств красной нитью проходят сквозь всю переписку С.С. Гибса. Так, в его донесении вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу И.Г. Чернышеву, от 20 июня 1789 г., можно прочесть: «...Препятствия же заключают в себе недостаток в деньгах, который я и ныне претерпеваю, получив при отъезде в Петербург Его Превосходительства Ивана Александровича Заборовского на содержание флотилии и на прочие издержки только 3000 червонных и не снабжен будучи повелением, от кого оных в нужде требовать. Не могу удовлетворить заслуженным жалованьем присланных в комиссию и к другим должностям штаб и обер-офицеров с прочими служителями, выдавая оным в счет жалованья по несколько, не упоминая при сем ожидаемой нужды в деньгах, когда флотилия возвратится и потребует для команди-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 178–178 об.

² РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 108. Л. 5 об.

ров и служителей жалование и содержание. О сем представил уже я графу Александру Андреевичу Безбородку и ожидаю решения»¹.

Поэтому откровенное нежелание Л. Кацониса отказаться от права самостоятельно распоряжаться призами, предоставленного ему ордером И.А. Заборовского от 9/20 марта, должно было вызывать у С.С. Гибса негодование. Правда, в мае 1789 г., когда контр-адмирал вновь стал прощупывать почву для отстранения майора от командования его же флотилией, о новых призах говорить было рано. Как можно понять из бумаг С.С. Гибса, он долгое время не имел достоверных сведений о флотилиях не только Л. Кацониса, но и С.Я. Дешаплетта, поэтому питался лишь слухами. Судя по всему, пока в Сиракузы 25 июля не пришел парусник «Теодора Лаина» (Ф. Лая) «Святая Екатерина», доставивший бумаги от Г. Лоренцо, контр-адмирал имел о действиях даже подчиненных ему сил весьма приблизительное представление, и доходившие до него отрывочные и сомнительные известия, как видно, не внушали оптимизма.

Недаром С.С. Гибс 2 июля 1789 г. обратился к министру во Франции, барону И.М. Симолину с письмом, в котором говорилось: «Сию нашу флотилию преследуют всегда военные суда французские, и надзирая над оною, неотступно оказывают поступки, несогласные с правилами, на дружелюбии основанными. Не распространяя здесь длинно уже слышанного мною, что они явно возят порох и другие снаряды к туркам в Дураццо и поблизости оного, в Архипелаге, на румельские берега и в другие места, препровождают к Вашему Превосходительству копию с некоторых присланных ко мне уведомлений, заключающих в себе причиненные неудовольствия, из которых усмотрите недоброхотство их к нам и явное преступление нейтралитета. Они прошлого года, поймав одно судно от флотилии майора Ламбро, сожгли оное в Смирне, и хозяин в комиссии просил о удовлетворении в обиде, но я не вхожу еще в оное разбирательство, пока не увижусь с майором Ламбром...»²

Контр-адмирал просил барона, во избежание эксцессов, «открыть французскому начальству о власти, какую оказывают французские суда над нашими военными судами, и о непозволительной вольности, с какою служат неприятелю нашему». Однако эта просьба оказалась несвоевременной. Вскоре во Франции начались политические волнения, королевская власть зашаталась, и дела средиземноморские отошли там на второй план.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 180 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 185–185 об.

Между тем, получив, наконец, бумаги от Г. Лоренцо, видимо, включавшие описание действий всех кораблей или сопровождавшие соответствующие донесения младших начальников, С.С. Гибс подготовил всеподданнейший рапорт от 11 августа 1789 г., с несколькими приложениями. В первом из них (под литерой А) говорилось о действиях флотилии С.Я. Дешаплета, которая после сожжения шебеки у Капо Исидора двинулась в Архипелаг, где командующему, якобы, стало известно о появлении у о. Станчио (иначе Станко или Кос), расположенном в Додеканесском архипелаге, северо-западнее Родоса, трех линейных кораблей, пяти кирлангичей и двух галиотов.

«Соразмеряя силы свои с силами неприятельскими, пустился туда в намерении показаться только неприятелю, и крейсировав три дни в виду одного острова, оставил неприятеля в Станчио. Продолжая путь к острову Микони (т. е. двигаясь на северо-запад. — *Р.К.*), погнался за кандиотскою шамбекою, на которой успел только пальбою из пушек сломить верхнюю часть кормы, так что с оной свалились в воду две пушки, повредил мачту и ванты. При всем том сия шамбека о 20 пушках, по отменной скорости в ходу, успела войтить под крепость Хийскую. Отправясь от Хио, случившийся крепкий ветер принудил его с флотилиею зайти в порт на острове Зее, и имел случай видеть туда же вошедшего майора Ламбро Каццони с флотилиею, состоящею из девяти судов. По утишении ветра отправился Дешаплет к Негропонту и при порте Каристо увидел турецкий военный кирлангич о 20 пушках, тянувшийся (видимо, шедший на буксире своих шлюпок. — *Р.К.*) в залив. Флотилия, подошед к крепости на пушечный выстрел, сильно продолжавшеюся пальбою успела пустить на дно неприятельский кирлангич и в крепости, которую защищать бежалось около 4000 турок, причиня неприятелю чувствительный вред, отправилась в путь свой. После сделанного нападения один убежавший во флотилию грек, житель той крепости, объявил, что 160 турок убито. Во флотилии только один и 10 ранено. Июня 16 дня, лавируясь около Мореи, присоединился к отправленным из порта Сиракузы трем фрегатам под командою капитана Гульелма Лоренса»¹.

Надо сказать, что со временем рассказ С.С. Гибса менялся. Так, в донесении Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г., он писал,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 191–192.

Район порта Каристо на Негропонте

что «во время нападения в порте Каристо... побито турок до двухсот человек. Успех от действия флотилии под командою Дешаплета, по Архипелагу разнесшись, дошел до двора оттоманского, который неукоснил выслать напротив свое вооружение, состоящее из трех линейных кораблей и семи других военных судов. Дешаплет крейси-

ровал три дни в виду превосходящего силами неприятеля, от него потом удалился»¹.

Легко заметить, что на этот раз последовательность событий изменена — лавирование у Станчио представлено как более позднее, нежели обстрел Каристо, число «побитых турок» увеличилось со 160 до 200, а главное — появление неприятельской эскадры, причем, без уточнения места, где она находилась, преподнесено как следствие действий Дешаплета, хотя оно предшествовало им, т. к. «до двора оттоманского» к моменту отправки соединения едва ли дошел слух даже о сожжении шебеки у Капо Исидора.

Когда же свои подвиги в октябре 1793 г. описывал для «послужной сказки» сам С.Я. Дешаплет, возвратившийся в Россию, они приобрели следующий вид: «В 789 был на фрегате «Северном Орле» и с определенными под мое начальство семью разной величины военными судами отправлен от г-на генерал-майора и кавалера Гибса марта 4 числа первее в Архипелаг для поисков над неприятелем и начатия против оного военных действий... проходя находящийся при Морее мыс Св. Сидора, уведомлен будучи, что на оном находится совсем в готовности к спуску о 36 портах военная шанбека, почему взял путь свой

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 255 об. – 256. Донесение датируется 28 ноября в бумагах С.С. Гибса, в документах Г.А. Потемкина фигурирует 29 ноября. См.: РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 99 об. Датировка 29 ноября принята и в существующих публикациях. Выдержки из донесения см.: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность... С. 299–300. Аналогичные сведения содержит и рапорт С.С. Гибса от 11 августа 1789 г. В нем также говорится, что шебека была сожжена «у местечка Капо Исидора», а С.Я. Дешаплет «у о-ва Зеа видел эскадру Ламброкэчони из 9 судов». См. *МИРФ. Ч. XIII. СПб, 1890. С. 567–568.*

к оной и по долговременному сражению обратил ее в пепел и около 5000 турков, подоспевших защитить оную, обратил в бегство высаженным от меня десантом. В продолжение пути близ острова Хио погнался за кандиотскою шанбекою, на которой успел пушечными выстрелами только сделать чувствительный вред и которая по отменной скорости в ходу успела войти под крепость Хийскую и защитилась пушечными с оной выстрелами. Продолжая путь, приблизился к Дарданеллам и действиями своими против неприятеля побудил Порту к ускорению выслать в Архипелаг сильное вооружение; потом, в силу данной мне инструкции, по которой должен был соединиться в назначенном месте с тремя фрегатами, высланными из порта Сиракузы, отправился к Негропонту, а подходя к оному, усмотрел близ порта Каристо военное турецкое брандвахтенное о 28 пушках судно, которое, убегая от угрожавшего на него нападения, успело зашвартовиться к крепости, при всем том, что защищалось пушечными выстрелами с оной крепости из четырех батарей, непрерывною с эскадры стрельбою оное судно было разбито и пущено на дно»¹.

И в этом случае мы видим дальнейшую трансформацию рассказа. Теперь число турок, а скорее всего, служивших туркам местных жителей, увеличилось с 300 до 5000, кандиотская шебека не только ушла «под крепость Хийскую», но и была прикрыта там артиллерийским огнем, количество пушек на кирлангиче у порта Каристо также возросло с 20 до 28, лавирование у о. Станчио превратилось в «действия» у Дарданелл, причем, «побудившие Порту» к высылке в Архипелаг «сильного вооружения», т. е. эскадры, хотя она там уже находилась. Кроме того, в отличие от С.С. Гибса, датиовавшего выход флотилии С.Я. Дешаплета 2 марта, сам лейтенант перенес его на 4-е число. Утверждение же, будто турки весной 1789 г. отправили в Архипелаг три линейных корабля, представляется сомнительным: вероятнее всего, там действовали крупные купеческие суда турок, мобилизованные с началом войны. Выше нами уже указывалось, что в итальянской периодической печати помимо «линейных кораблей» (*nave di linea*) фигурировали и «каравеллы» (*caravella*).

Примечательно, что ни в одном из источников большинство событий не датировано. Однако сохранившиеся счета издержек ко-

¹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 39. Л. 750 об – 751 об.

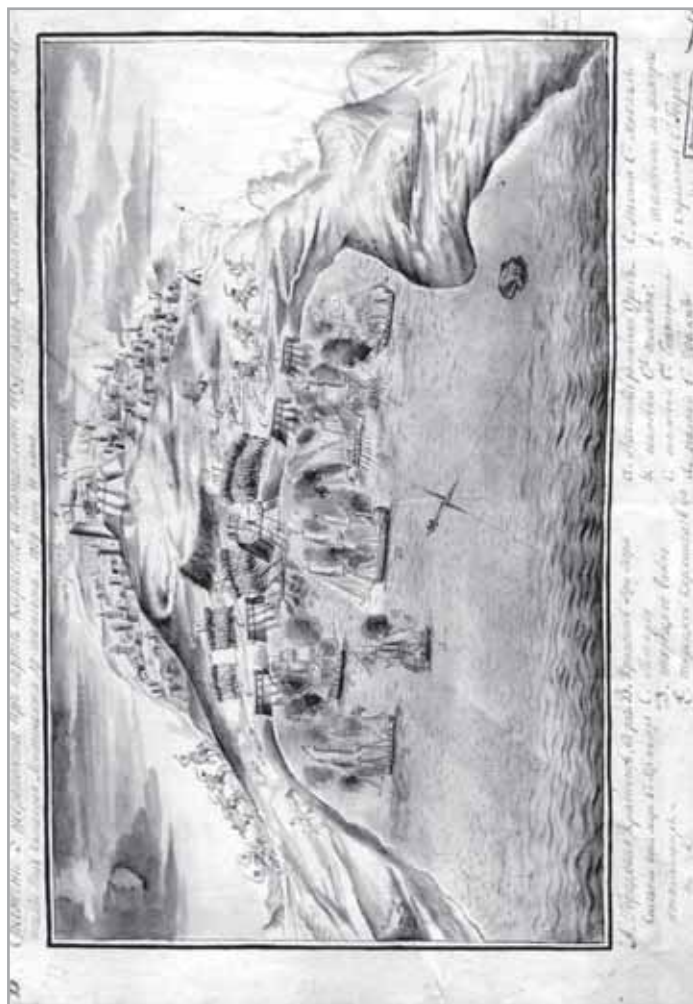
мандиров флотилии позволяют определить, что С. Калига производил платежи 2/13 марта на о. Корфу, 9/20 марта на о. Паксо, 15/26 марта на о. Санта Мавра, 19/30 марта, 23 марта / 2 апреля и 29 марта / 8 апреля (в Порто Кери) – на о. Занте, 8/19 и 16/27 мая на о. Тинос, 29 мая / 9 июня и 6/17 июня на о. Зеа. Шебека «Князь Голицын» («Святой Николай»), под командованием Д. Кацари, 19/30 марта на Занте, 8/19 мая в Тиносе, 29 мая / 9 июня на Зеа¹.

Есть еще один источник, позволяющий представить себе перемещения флотилии С.Я. Дешаплетта – бумаги капитана Г. Каравия. Судя по его утверждениям, он «в 1789 году апреля 24-го дня» вступил в службу «под начальством господина Самуила де Шаплетта». Правда, в другом документе он же утверждал, будто «3-го числа мая поехал на остров Парос и, приехав туда, явился к командующему первому дивизиею местной флотилии, отправленной из Сиракузы от г-на вице-адмирала Гипса, г-ну флота лейтенанту Самуилу Дешаплет, который принял меня в службу». Заметим, что разницу в датировках можно объяснить изложением событий по памяти или использованием разных календарных стилей, причем, во втором случае Г. Каравия явно описался, указав 1790 г., хотя из текста легко понять, что речь идет о 1789 г. Далее капитан утверждал, что «в последних числах того же месяца (мая — *Р.К.*) прибыли мы с тою дивизиею в гавань острова Зеа... потом, по нескольких днях, прибыл в ту же гавань Ламбро Качони»².

Так как перечисленные выше суда флотилии С.Я. Дешаплетта, насколько известно, держались вместе и в промежутках между платежами на указанных островах далеко от них уйти не могли, то учитывая все доступные источники, мы можем предположить, что до начала апреля они перемещались между Ионическими островами, затем обошли Морею, двинулись к о. Тинос, у которого оказались в начале мая, во второй половине месяца направились к Станчио, оттуда пошли в сторону Микони, но по пути увлеклись погоней за критской шебекой и подошли к Хиосу, затем, ввиду неблагоприятных ветров, отошли к Зеа, где провели конец мая — начало июня, переждав непогоду, двинулись к Порто-Каристо, на южной оконечности Негропонта, 14 июня обстреляли его, потопив кирлангич, и возвратились к ближайшему берегу Мореи. Как следует из слов

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об – 137 об, 159 об – 160; Д. 12. Л. 196, 212, 214. При переводе документов с итальянского языка, в русском тексте осталась датировка по новому стилю.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14, 64.

Карта «Сражение у Негропонта при порте Каристо и потопление турецкого кирлангича от Российской флотилии под командою лейтенанта Де Шанпета. 1789 года 14 июня» (irbis-nbuv.gov.ua/fond/sk/show/show_001/IMG/00156.jpg)

С.Я. Дешаплета, 16 июня 1789 г. он соединился с фрегатами Г. Лоренцо, видимо, в районе о. Идра, о чем мы скажем далее.

В каком составе была на тот момент флотилия С.Я. Дешаплета, неизвестно, однако согласно рукописной карте, озаглавленной «Сражение у Негропонта при порте Каристо и потопление турецкого кирлангича от Российской флотилии под командою лейтенанта Де Шаплета. 1789 года 14 июня», хранящейся в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского, на тот момент в нее входили: пакетбот «Российский Орел», шебеки «Святой Николай», «Святая Екатерина», «Ла Минерва», поляки «Святой Иоанн», «Святой Михаил», кирлангич «Святой Георгий». Таким образом, можно предполагать, что к тем шести парусникам, которые вышли из Сиракуз, позднее присоединилась поляка «Святой Михаил», что объясняет фигурирующие в «послужной сказке» С.Я. Дешаплета «семь разной величины военных судов».

Возвращаясь к вопросу о том, могли эти суда своим лавированием у Станчио, выдаваемым за появление у Дарданелл, «побудить Порту к ускорению выслать в Архипелаг сильное вооружение», как утверждал во всеподданнейшем рапорте от 11 августа 1789 г. С.С. Гибс, или же нет, заметим, что «молва о сильном вооружении неприятельских судов» упоминается контр-адмиралом уже в цитированном выше донесении И.А. Заборовскому, от 21 апреля. Учитывая же, что флотилия С.Я. Дешаплета, судя по финансовым документам, к тому времени еще только направлялась от Занте к Тиносу, связь между ее действиями и появлением в Архипелаге турецкой эскадры не прослеживается.

Заметим, что лейтенант, вопреки предписанию С.С. Гибса, для встречи с Г. Лоренцо пошел не в «канал Пароский», под которым, видимо, понимался пролив между островами Парос и Антипарос, т. е. фактически на рейд порта Парикия, а к берегам Мореи. Надо полагать, причиной тому было заметное опоздание отряда фрегатов — около месяца против первоначальных сроков.

О том, указал ли контр-адмирал, инструктируя Г. Лоренцо, прежнее место randevu обеих частей флотилии, неизвестно. Однако сохранилось письмо С.С. Гибса П.М. Скавронскому, от 30 мая 1789 г., в котором сказано: «...Отправляя г[осподина] Гульелма в Архипелаг, приказал ему дойти до назначенного места, и показав себя у пределов неприятельских во всей силе вооружения, поспешить потом известным ему способом разведать точность дел, о которых уведомляет Бичили и Сотири, и когда за нужное найдет, чтоб

снабдил некоторым количеством пороху и другими припасами и меня обстоятельно уведомил, а я, между тем, буду стараться приготовить требуемые припасы и при удобном случае оные переслать»¹.

Речь в данном случае идет о поступавших через дипломатических и военных представителей сообщениях о готовности греков выступить против Порты. Заметим, что в начале мая контр-адмиралу довелось говорить с «греком Александром Царламба», прибывшим от «капитана Андруццо, управляющего областью от Лепанта до Тебы, Негропонта и Воло», якобы готового повести против турок 5000 своих подчиненных².

Видимо, перспектива разжечь восстание и заслужить тем поощрение Петербурга заставила С.С. Гибса изменить прежнюю инструкцию Г. Лоренцо. Теперь ему предписывалось лишь показаться в виду противника, как можно понять – на той самой линии от Афона до Тенедоса, крейсерство на которой ранее являлось главной задачей, после чего следовало идти к берегам континентальной Греции, очевидно, в район «Негропонта и Воло», и выяснить, насколько справедливы донесения о готовности местного населения к вооруженной борьбе с турками. Вероятнее всего, предполагалось, что в дальнейшем он вернется к поимке торговых судов, однако на практике вышло иначе.

Как указывала Г.А. Гребенщикова, ссылаясь, насколько можно понять из ее слов, на некое «всеподданнейшее донесение» С.С. Гибса, от 22 августа 1789 г.: «13-го мая генерал Гибс обратился «к приматам острова Идры»: скоро в Архипелаг прибудет «господин Гулиермо Лоренцо, главнокомандующий над всей в Архипелаге флотилиею», и просил приматов оказать этому офицеру посильную помощь...»³ Так как в сохранившейся переписке контр-адмирала такого «всеподданнейшего донесения» не найдено, то речь, скорее всего, идет о рапорте от 11/22 августа, однако в его копии обращения к идриотам нет. Впрочем, вне зависимости от того, какой именно документ на самом деле содержит цитируемые слова, сами они вызывают вопросы. Прежде всего, почему С.С. Гибс адресуется к тем самым идриотам, на борьбу с которыми Г. Лоренцо, как и Л. Кацониса, ориентировал ордер И.А. Заборовского, от 9/20 марта, квалифицировавший жителей острова как «преданных Порте» и

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 176.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 166 об.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 223.

«врагов»¹. Такая характеристика созвучна словам французского дипломата и торговца Ж. Лазалья, подтверждавшего, что идриоты «ревностно служили туркам и проявили себя врагами греко-русских»².

Примечательно, что к тому моменту, когда С.С. Гибс отправлял свое послание «приматам острова Идры», И.А. Заборовский формально оставался его начальником, хотя фактически генерал-поручик, насколько можно понять, уже выехал в Россию. Когда именно об отъезде узнал С.С. Гибс, нам не известно. Во всяком случае, до Сиракуз это известие дошло некоторое время спустя, как и подписанный позднее, в сентябре, высочайший указ, подчинивший ему обе флотилии. Но с ордером от 9/20 марта контр-адмирал был знаком. Поэтому цитируемые Г.А. Гребенщиковой строки наводят на мысль о своеволии С.С. Гибса, распоряжавшегося вопреки указаниям начальства.

В связи с этим нельзя не задуматься о последствиях послания идриотам. Хотя между действиями судов С.Я. Дешаплета и снаряжением турецкой эскадры, как указывалось выше, связи быть не может – турки, вероятнее всего, озаботились этим в ответ на прошлогодние действия каперов, и главным образом, флотилии Л. Кацониса, но вот выслать свои корабли к Кикладским островам они могли, получив известие от «приматов острова Идры», которых, судя по словам Г.А. Гребенщиковой, мог весьма своевременно оповестить контр-адмирал.

К тому же, его призыв к «преданным Порте» идриотам «оказывать посильную помощь» Г. Лоренцо выглядит весьма странно ввиду сказанного им же в 12 пункте ордера мальтийцу: «Во всех островах и портах турецкого владения, где бы только случилось быть судам нашим, право их есть право оружия». Невольно возникает вопрос о причинах особого отношения контр-адмирала к идриотам, для которых делалось исключение, а вместе с тем и об отношении к Л. Кацонису, за которым «право оружия» С.С. Гибсом явно не признавалось. Впрочем, до уточнения датировки и авторства обсуждаемого документа все эти вопросы не получают подобных ответов.

Покинув в начале мая Сиракузы, фрегаты под командой Г. Лоренцо первым делом отправились на Занте и 14 мая бросили якоря

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 492–493.

² Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 86.

в Порто Кери (на юге острова)¹. Согласно сохранившейся финансовой отчетности командующего отрядом, державшего флаг на «Ла Фама», он производил платежи в Мессине по 25 апреля / 6 мая 1789 г., затем с 27 апреля / 8 мая по 4/15 мая в Сиракузах, с 14/25 мая по 8/19 июня на Занте, и 14/25 — 15/26 июня на Идре. Г.В. Войнович, командовавший фрегатом «Ла Перфет Аллианс», по меньшей мере, до 12/23 апреля 1789 г. находился в Мессине, в дальнейшем расплачивался за различные предметы снабжения — 15/26 мая на о. Корфу, 3/14 июня на Итаке, а затем на Идре².

К сожалению, документов, которые разъясняли бы порядок платежей, нами не найдено. Вероятнее всего, в тревожное военное время поставщики, исключая, быть может, российских вице-консулов, принимали в оплату наличные деньги и выписывали счета при совершении сделки. Едва ли бумаги сразу двух фрегатов были оформлены или переписаны с ошибками в датировке. Поэтому можно предположить, что в море из Сиракуз отряд вышел не 3 мая, а 4-го, направился к Ионическим островам, у которых оставался около месяца, и затем отправился к о. Идра, недалеко от которого и объединился с флотилией С.Я. Дешаплетта.

Как сказано во всеподданнейшем рапорте С.С. Гибса, от 11 августа 1789 г., встретившись 16 июня с кораблями лейтенанта, Г. Лоренцо послал к Л. Кацониусу судно, призывая его идти на соединение с ним. Заметим, что согласно ордеру И.А. Заборовского оба командующих признавались равноправными, а стало быть, каждый мог решать, является ли та или иная мера «полезной для службы» и своевременной. Кроме того, ни в одном документе не указано точно, когда именно и откуда Г. Лоренцо отправил упомянутое судно, поэтому мы не можем установить, сколько времени требовалось, чтобы Л. Кацонис получил послание.

Упомянутый рапорт С.С. Гибса говорит о Г. Лоренцо: «Продолжая путь к острову Зеа, где находился с флотилиею Ламбро Кацциони, зашел ради противного ветра к острову Паросу и получил тут известие, что турецкая эскадра находится в проливе Тина и Микони»³. То есть, о турках мальтиец узнал только на Паросе, а значит, до того никакой нужды торопиться им навстречу не было, и он мог бы сам прийти к Зеа, чтобы убедиться в наличии и боеготовности кораблей

¹ На наш взгляд, именно так следует понимать сведения, изложенные В.Д. Овчинниковым. См.: *Овчинников В.Д. Федор Ушаков...* С. 155.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об — 137 об, 159 об — 160; Д. 12. Л. 313 об — 315 об, 439—440.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 192.

флотилии Л. Кацониса и решить все возникающие вопросы. Но он этого не сделал. Такой поступок заставляет подозревать, что Г. Лоренцо в действительности не думал идти на соединение с Л. Кацонисом, а вызвал его к себе, чтобы тем самым, вопреки ордеру И.А. Заборовского, заявить претензию на руководство действиями майора. Причем, Г. Лоренцо должен был сознавать, что встречный ветер, мешавший кораблям казенной флотилии, задержит и посланное судно, которому придется усиленно лавировать, что удлинит путь и отсрочит прибытие на Зеа, а следовательно, и последующий выход оттуда флотилии Л. Кацониса. Примечательно, что в донесении Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г., С.С. Гибс на встречном ветре по пути к Зеа внимание светлейшего князя не акцентировал, хотя упомянул попытку Г. Лоренцо выиграть ветер у турок при встрече с ними¹.

Сказано об этом и во всеподданнейшем рапорте С.С. Гибса от 11 августа: «Июня 21 дня (Г. Лоренцо. — *Р.К.*) пошел от Пароса, чтоб приближаться к неприятелю, в уповании, что майор Ламбро Каццони поспешит присовокупиться для нападения общими силами на неприятеля. На третий день открылась у острова Сира неприятельская эскадра, состоящая из трех линейных кораблей о 64 пушках, из четырех фрегатов о 40 пушках, из пяти кирлангичей о 20 пушках и из двух полугалер, и при ветре N спускалась на флотилию. Гульелмо Лоренцо старался выиграть у неприятеля ветер, и между тем с обеих сторон производилась пальба изредка весь тот день и следующую ночь.

Июня 24 дня Гульелмо Лоренцо, видя себя не в состоянии выиграть у неприятеля ветер, лег в линию баталии и приближавшемуся неприятелю сопротивляясь сильно около трех часов, увидел, наконец, что неприятель начал отступать. В сем случае весьма нужно было послушание майора Ламбра Каццони, который противными своими мнениями подвергал малосильную флотилию опасности, и упустя соединиться, дал неприятелю случай избежать от того удара, какой ему был готовлен. Из флотилии некоторые суда повреждены в снастях, парусах и некоторые в самом корпусе; убитых из рядовых два и раненых пять человек»².

Процитированный документ полон противоречий и выдает истинное отношение С.С. Гибса к Л. Кацонису: контр-адмиралу было хорошо известно, что Г. Лоренцо не мог требовать от майора «послушания», т. к. согласно ордеру И.А. Заборовского командующие фло-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 256 об.; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 99 об. – 100.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 192 об. – 193.

тиями были равноправны. Причем, кроме этого ордера Л. Кацонис иных указаний от начальства не имел, а потому именно им и руководствовался. Более того, посланное мальтийцем еще до того, как он узнал о появлении турок, судно могло доставить на Зеа весть не об этом событии, а лишь о необходимости идти к Паросу, ввиду чего майор, если и слышал о неприятеле, то не мог знать намерений Г. Лоренцо, почему имел полное право решать, как поступить – пригласить самого мальтийца на Зеа или последовать его призыву, и когда именно отправиться. Выше мы отметили, что в бумагах председателя Призовой комиссии отправка посыльного Г. Лоренцо не датирована, поэтому нам приходится гадать, достиг ли тот своей цели до того, как казенная флотилия вышла навстречу туркам или уже после. Тем не менее, С.С. Гибс пытается очернить Л. Кацониса, приписав ему «противные мнения», никак на тот момент еще не проявившиеся, и выставляя главным виновником «слабого удара» по неприятелю.

Удар же, действительно, не мог быть сильным: если верить словам Г. Лоренцо, неприятельское соединение, без учета полугалер, располагало 298 орудиями, флотилия же самого мальтийца, даже до того, как одно из ее судов ушло к о. Зеа, имела всего 184 пушки и 36 фалконетов. Какого калибра орудия были у обеих сторон, неизвестно, поэтому оценить соотношение сил можно лишь приблизительно, но во всяком случае, турки по числу стволов как минимум на четверть превосходили своих противников, а по числу собственно пушек – примерно на треть.

Заметим, что в перечне судов казенной флотилии, приложенном к рапорту С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., нет поляки «Святой Михаил», фигурирующей на рисунке, изображающем обстрел порта Каристо¹. Возможно, контр-адмирал просто не учел ее, т.к. представил сведения только о тех судах, которые ранее входили в состав соединения, а поляка, возможно, уже отделилась от него.

№ п/п	Судно	Командир	Численность экипажа	Количество пушек/фалконетов
1	Фрегат «Ла Фама»	Г. Лоренцо	250 человек	50/12

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 199 об.

2	Фрегат «Л'Абонданс»	С.М. Телеснический	120 человек	20/–
3	Фрегат «Ла Перфет Аллианс»	Г.В. Войнович	100 человек	20/–
4	Пакетбот «Российский Орел»	С.Я. Дешаплет и Х. Сапунцоглу	90 человек	24/–
5	Шебека «Святая Екатерина»	Ф. Лаин	50 человек	16/–
6	Шебека «Святой Николай»	Д. Кацари	50 человек	16/4
7	Шебека «Минерва»	Г. Шмит	40 человек	8/12
8	Поляка «Святой Иоанн»	С. Калига	50 человек	16/8
9	Кирлангич «Святой Николай»	П. Николаки	50 человек	14/–
Итого			700	184/36

Надо сказать, что о том ущербе, который был причинен туркам именно казенной флотилией, никаких сведений нет. Разумеется, каждый участник перестрелки пытался приписать решающее значение своим действиям. Так, Л. Кацонис, в цитируемом Г.А. Гребенщиковой письме Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г., как можно понять, заявил, что именно после обстрела судами его флотилии у неприятеля были «сбиты мачты, повреждены снасти, словом, падают оттомане, а командующий флотом ранен и через три дня помре»¹. Так это или нет, мы судить не беремся. Представляется очевидным лишь то, что мизерные потери, понесенные кораблями Г. Лоренцо, говорят не в его пользу – вероятнее всего, в первой фазе боя огонь велся с больших дистанций, и турки едва ли от него пострадали намного серьезнее своего противника.

Косвенным подтверждением такой оценки может служить «аттестат» С.М. Телесницкого, выданный им капитану С. Калиге в Сиракузах 10 сентября 1789 г. В нем говорится, что «в случившемся сражении между российскою императорскою флотилиею и не-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 223.

приятельским турецким флотом 24-го июня у Синфанта Кантистра <Так!>, когда флотилия ретировалась, а я, находясь с фрегатом, мною управляемым, именуемым «Абонданс», посреди неприятельских сил, по причине медленного хода означенного фрегата, и я защищаясь тогда сколько мог более мужественно и упорно, то в таком обстоятельстве господин капитан Спиро Калига, командовавший полякою «Св. Иоанна Патмекий», из дивизии и команды подполковника Гульельма, прибыл ко мне для подмоги и поддержал сражение ... потом, после сильного сопротивления против неприятеля, мы ретировались сохранным и без всякого для нас вреда...»¹

Заметим, что этот источник вполне определенно говорит о том, что флотилия Г. Лоренцо «ретировалась», т. е. отступала перед турками. Собственно, это же имеется в виду и С.С. Гибсом, писавшим во всеподданнейшем рапорте о том, что турки «спускались» на казенную флотилию, а ее командующий «старался выиграть ветер», т. е. отступал перед надвигавшимся неприятелем, лавируя, чтобы занять наветренное положение, насколько это позволяло пространство между островами Сира, Парос, Серфия и Сифанто, и двигаясь в сторону последнего. Скорее всего, соединение отходило безо всякого строя, и утверждение, будто Г. Лоренцо затем выстроил не имевшие должной выучки и опыта совместного маневрирования суда «в линию баталии», выглядит сомнительным.

Очевидно, время от времени суда, оказывавшиеся на том или ином галсе в выгодном положении относительно противника, выпускали по нему с большой дистанции несколько ядер. Самый тихоходный фрегат «Л'Абонданс» отстал, его с двух сторон обходили турецкие корабли, и в этой сложной ситуации на помощь С.М. Телесницкому пришел со своей полякой (по другим данным, шебекой) «Святой Иоанн ди Патмос» С. Калига. Учитывая, что в ходе боя с «Л'Абонданса» на поляку без особых затруднений передавалась, по словам лейтенанта, какая-то «амуниция» (надо полагать, боеприпасы или снасти), а в итоге оба судна «ретировались сохранным и без всякого вреда», даже они вплотную с неприятелем не сближались.

Существует несколько красочных описаний самого «сражения». Так, В.Д. Овчинников, а за ним и Г.А. Гребенщикова, в своих книгах цитировали донесение консула на Занте Д. Загуриского, к сожалению, не датируя его и не указывая, откуда взяты приводимые им сведения. Между тем, колоритные подробности, вроде рас-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

сказа об обещанных «Телефнеским», как В.Д. Овчинников именовал С.М. Телесницкого, «лучшему своему артиллеристу Маринию Скурдули», либо, по словам Г.А. Гребенщиковой, Г. Лоренцо своим канонирам 50 червонцах за сбитый неприятельский флаг, можно найти в корреспонденциях периодической печати. В частности, «Gazzetta Universale», в номере от 18/29 августа 1789 г., поместила описание сражения казенной флотилии с турками 24 июня / 4 июля, в котором фигурировало и упомянутое обещание, правда, сделанное самим «начальником артиллерии Марином Скурдали», заплатить за флаг, сбитый с адмиральского корабля неприятеля (Artiglieri Sig Marin Scurdali, e gli promise 50 zecchini di oro se con una cannonata gettasse abbasso la bandiera della Nave comandante nemica...)¹.

Учитывая, что незадолго перед тем, в номере от 11/22 августа, «Gazzetta Universale» опубликовала корреспонденцию от 1/12 августа, основанную на сведениях из письма Г.В. Войновича, от 25 июня / 5 июля (Da una lettera scritta dal conte Giorgio Woinovich in data de 5 luglio da bordo della sua fregata la «Perfetta Alleanza»), можно предположить, что и детали, сообщавшиеся в номере от 18/29 августа, также взяты из того же письма. Видимо, прежде чем попасть в редакцию этого издания, письмо прошло через руки Д. Загурисского, либо консул почерпнул все подробности уже на страницах «Gazzetta Universale» или иного органа печати. Учитывая, что трудившиеся на благо России дипломаты XVIII в., да, впрочем, и более позднего времени, источник вдохновения для своих донесений нередко находили в статьях доступных им газет и журналов, которые сильно упрощали жизнь, избавляя от хлопотных поисков источников информации, подобный поступок Д. Загурисского выглядел бы вполне естественным. Впрочем, судя по тому, что в августе командиры судов казенной флотилии производили закупки на Занте (например, Д. Кацари 1/12 августа, С. Калига 3/14 августа, а Г.В. Войнович и Г. Лоренцо (в Порто Кери) 22 августа / 2 сентября), рассказы о «сражении» Д. Загурисский мог услышать и непосредственно из их уст.

К сожалению, нам не известны описания этого события турецкой стороной, поэтому сколько-нибудь правдоподобная его реконструкция пока не представляется возможной. Ясно лишь, что после трех часов «решительной» перестрелки турки стали отходить. Причина этого маневра непонятна. Один из возможных ответов дает цитируемое В.Д. Овчинниковым донесение французского ге-

¹ Овчинников В.Д. Федор Ушаков... С. 155; Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 226; Gazzetta Universale. 1789. Agosto 29.

нерального консула в Морее, который писал, что у турок, «между великим множеством побитых считается тоже и командовавший адмирал», и они «от ужаса и страха приведены были в великое замешательство, отчего стремглав обратились в бегство и ретировались в порт Хио»¹. Конечно, «великое множество побитых» образовалось в итоге, уже после столкновения с обеими флотилиями, но адмирала, а точнее – капитан-пашу, могли убить и в начале схватки.

Но если гибель турецкого начальника подтверждается и периодикой того времени – об этом пишет «Gazzetta Universale» в корреспонденции из Триеста от 8/19 августа (*attesa la perdita del commandante ammiraglio*)². То о правдоподобности «бегства стремглав» можно судить по тому же всеподданнейшему рапорту С.С. Гибса от 11 августа, в котором описываются дальнейшие действия Г. Лоренцо: «Июля 6 дня, исправясь и пустясь вслед за неприятелем к острову Тину, услышал вдали пальбу, и признав сие за сражение неприятеля с флотилиею майора Ламбра Кацциони, умножил парусов, однакоже тихий ветер не позволил достигнуть того места. Чрез несколько часов пришло во флотилию одно судно, за которым гнался неприятель, оторвав оное от флотилии майора Ламбра, и уверило, что слышанная пальба происходила, действительно, с флотилии майора Ламбра по проходящим мимо его неприятельским судам, коих скрыла наступившая ночь»³.

Этот отрывок вызывает серьезные сомнения в достоверности описания: подозрительной кажется способность турок «бежать стремглав» при том же самом «тихом ветре», который не давал казенной флотилии сблизиться с ними, а также погоня неприятеля, «проходившего мимо» судов Л. Кацониса, за одним из них, причем, в сторону соединения Г. Лоренцо, с риском оказаться между двумя огнями, особенно если учесть, что ни число, ни дальнейшие действия гнавшихся не упоминаются. Сомнительна также и датировка событий. Как бы тихо не двигались турецкие корабли, с 24 июня по 6 июля они могли уйти настолько далеко, что утрачивался сам смысл погони за ними. Однако если обратиться к донесению С.С. Гибса И.Г. Чернышеву, от того же 11/22 августа 1789 г., то там можно прочитать: «Июня 25 дня Гульелмо Лоренсо, исправясь и пустясь за неприятелем, услышал вдали пальбу...»⁴

¹ Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 156.

² Gazzetta Universale. 1789. Settembre 1.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 193.

⁴ Там же. Л. 203 об.

Последняя дата выглядит куда более правдоподобно: потратив несколько часов на починку такелажа и замену парусов, казенная флотилия, или ее часть, вполне могла двинуться, но действительно ли вслед за турками, или в другом направлении, еще следует выяснить. В пользу такой датировки говорит и та версия текста всеподданнейшего рапорта С.С. Гибса, которая была опубликована в «Материалах для истории русского флота»¹. Там говорится, что противника Г. Лоренцо обнаружил у о. Сиро 23 июля, а «25 июля слышна была пальба, и пришло судно от эскадры Ламбро-Качони». Заметим, кстати, что копия документа, сохранившаяся в бумагах С.С. Гибса, и опубликованный вариант рапорта местами существенно различаются. Складывается впечатление, что при публикации текст существенно редактировался, и смещение по времени на месяц оказывается не единственным серьезным изменением². Однако именно то, что действие, хотя и отнесено на месяц позже, продолжается в течение всего трех дней, позволяет предполагать, что в действительности оно имело место 23 – 25 июня.

Чтобы выяснить, насколько обосновано наше предположение, обратимся к другим документам, в частности, послужным спискам участников перестрелки. Так, в списке С.М. Телесницкого, от 1793 г., сказано, что по соединении с отрядом Г. Лоренцо, казенная флотилия встретила неприятельскую эскадру из 14 судов, и «под островом Тино начали от них ретироваться... 24 июня пополудни с 9 ½ часов 1789 году против острова Сифанто был атакован турецкою эскадрой», но сумел отбиться³. «Послужная сказка» С.Я. Дешаплетта свидетельствует, что после соединения 16 июня 1789 г. с Г. Лоренцо, он «находился 4 и 5 числа июля в сражении противу неприятельского флота, состоящей <Так!> из 18 разной величины судов, под командою капитан-паши». Далее сказано, что после сражения турки отошли к Самосу, а они сами – к Паросу⁴. В последнем

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 568.

² Например архивный документ гласит: «Продолжая путь к острову Зеа, где находился с флотилиею Ламбро Кацони, зашел ради противного ветра к острову Паросу и получил тут известие, что турецкая эскадра находится в проливе Тина и Микони. Июня 21 дня пошел от Пароса, чтоб приблизиться к неприятелю...» (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 192). Тогда как текст МИРФ: «Соединясь с эскадрою Дешанлета (Так!) Лоренц дал знать Ламбро-Качони о необходимости соединиться, затем пошел к острову Зеа; узнав что турецкая эскадра находится в проливе Тино и Микони, пошел к ней. 23 июля у о-ва Сиро увидел турецкую эскадру...» (МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 568). Здесь мы явно имеем дело с выборочным пересказом документа.

³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 40. Л. 316 об – 317.

⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 39. Л. 751 об.

случае, очевидно, мы имеем дело с датировкой по новому стилю, т. е. С.Я. Дешаплет говорил о происходившем 23–24 июня / 4–5 июля. Еще один вариант датировки предлагает аттестат Г. Лоренцо, выданный Ф. Лаю 14 апреля 1790 г., в котором сказано, что командир шебеки «Святая Екатерина» служил под его начальством в Архипелаге и был в сражении 5 июня 1789 г. с оттоманской эскадрой¹. Здесь столкновение явно смещено на месяц назад.

Дополнительные сведения, также позволяющие судить о датировке упомянутого события, содержатся в финансовых документах. Так, Д. Кацари последний платеж на о. Зеа произвел 29 мая / 9 июня, а 10/21 июня уже платил за поставки в «Паркии» (Parchia), 2/13 июля на Тиносе. С. Калига производил платежи на о. Зеа до 6/17 июня, затем 10/21 июня и 23 июня / 3 июля в «Парикии» (Parichia), 2/13 июля на Тиносе. С.Я. Дешаплет на «Российском Орле» 2/13 июля в порте Святого Николая на Тиносе. Иную картину и динамику перемещений демонстрируют платежи Г. Лоренцо: 14–15 / 25–26 июня он производит платежи на о. Идра, 21 июня / 1 июля на Паросе. В то же время Г.В. Войнович 3/14 июня отметился на Итаке, затем на Идре и 11/22 (или 12/23) июля на Тиносе². Судя по всему, под названиями «Паркии» и «Парикии» в документах фигурирует главный порт о. Парос – Парикия (Parikia, Paroikia).

Учитывая описание дальнейших событий в различных документах, можно с высокой вероятностью предполагать, что отряд фрегатов Г. Лоренцо не позднее 21 июня вместе с флотилией С.Я. Дешаплета пришел на Парос и, судя по всему, именно 23–24 числа сражался с турками, а 25-го слышал звуки боя с ними флотилии Л. Кацониса.

Казалось бы, пытавшийся, по его словам, преследовать неприятеля Г. Лоренцо должен был продолжать движение на выстрелы, чтобы помочь Л. Кацонису, однако этого не произошло. Как сказано в рапорте мальтийца, доставленном в Сиракузы Ф. Лаем 25 июля 1789 г., спустя некоторое время Г. Лоренцо уже находился у острова Идра, «во ожидании соединиться с флотилией майора Ламбро Каццони для нападения общими силами на неприятеля»³. Как нам представляется, при слабом ветре переход не в сторону о. Сира или Тинос, куда отходила турецкая эскадра и откуда раздавалась кано-

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 29. Л. 179.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об – 137 об, 159 об – 160, 178; Д. 12. Л. 212, 214, 315 об – 316, 440.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 193 об.

нада, и даже не на Зеа, где перед тем стояла флотилия Л. Кацониса, а на Идру, расположенную втрое дальше – примерно в 60 милях от Сифанто, говорит отнюдь не о стремлении Г. Лоренцо продолжить бой, но о настойчивом желании продиктовать майору свою волю, вопреки как ордеру И.А. Заборовского, ориентировавшему командующих на равноправное сотрудничество, так и основанному на нем ордеру С.С. Гибса – мальтиец последовательно «призывал» грека к себе, но не шел к нему сам. Трудно отделаться от подозрения, что отправляя Г. Лоренцо в Архипелаг, контр-адмирал устно предписал ему именно такой образ действий.

Заметим, кстати, что в номерах «Gazzetta Universale» за 1789 г. можно найти корреспонденции из Триеста, от 8/19 августа, с указанием, что российские флотилии после сражения находились на Идре и Зеа (*I russi sono attualmente dietro a Zia, ed Idra*), и от 29 августа / 9 сентября, с упоминанием, что Г. Лоренцо «обстрелял город Идра за предоставленную туркам помощь» (*colonnello Guglielmo Lorenzi ha leggermente cannoneggiata la Città d’Idra per aver dato soccorso ai turchi*)¹.

Однако из сохранившихся бумаг С.С. Гибса трудно понять, почему командующий казенной флотилией был уверен, что Л. Кацонис найдет его на Идре. Можно лишь предположить, что Г. Лоренцо отправил к нему с известием то самое судно, которое встретил 25 июня. Если дело было так, то нам остается лишний раз отметить, что пообщавшись с командиром этого судна, мальтиец все же не пошел к Зеа, служившему базой соединения Л. Кацониса, хотя «противный ветер» на этот раз не упоминается. Столь упорное нежелание Г. Лоренцо заглянуть на Зеа трудно объяснить, тем более, что в этот период его отношения с майором еще не обострились. Тем не менее, он старательно избегал этого острова.

Надо сказать, что сведений о том, когда именно на Зеа появилась флотилия Л. Кацониса, практически нет, начало же ее плаванья освещено гораздо лучше. Так, в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 12/23 апреля 1789 г., из Флоренции сказано: «По высочайшему Ее И[мператорского] В[еличества] повелению составленная на основании корсаров из 10 судов, принадлежащих грекам, легкая флотилия отправлена из Триеста в море сего апреля 8 числа под командою майора Ламбро Качони». Далее говорится: «Из Сиракуз вышли также другие 6 судов, а за ними скоро

¹ Gazzetta Universale. 1789. Settembre 1, Settembre 22.

последуют еще 3 фрегата, казне принадлежащие, под начальством принятого в службу нашу мальтийского морского капитана Гвильгельма Лоренца. Обе сии флотилии, соединясь в море, поплывут к Дарданельскому заливу, дабы занять линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос, и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь из Архипелага, Египта, [А]натолии и Румелии. Но прежде, нежели достигнут к помянутому месту, зайдут в остров Воллону для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам противу Его Вел[ичества] Императора (австрийского. — Р.К.) в Банате, а потом к идриотам, дабы воспрепятствовать жителям сего острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты»¹.

Легко заметить, что И.А. Заборовский вкратце излагал А.А. Безбородко основные положения своего ордера Л. Кацонису, от 9/20 марта 1789 г. Как выше было показано, казенная флотилия из Сиракуз и Мессины частями переходила к о. Корфу, который мог служить базой для действий у побережья Дульциньо (ныне Ульцинь), но о каких-либо ее попытках атаковать дульциниотов, во исполнение ордера, доступные нам источники не сообщают. Заметим также, что и назначенной в ордере линии казенная флотилия не заняла, хотя ее часть, под командованием С.Я. Дешаплетта, ненадолго появилась на дальних подступах — в районе о. Станчио. Между тем, корабли под командованием лейтенанта совершили незапланированный обстрел порта Каристо, о чем стоит сказать несколько слов.

В своей книге Г.А. Гребенщикова сообщает о предложенном Л. Кацонисом И.А. Заборовскому плане «атаковать и взять на первый случай остров Негропонт»². К сожалению, цитируемое письмо не датируется. Остается только предполагать, что написано оно было после ордера от 9/20 марта и по этой причине замысел майора никак не отражен в нем. Во всяком случае, можно отметить, что такая идея вполне стыкуется с изложенным в письме от 16 апреля 1788 г. призывом — всем готовым вступить в борьбу с турками собираться на о. Зеа, так как оттуда можно было двинуться и на Негропонт. Смысл нападения заключался в том, что последний остров, насыщенный турецкими войсками и вооруженными кораблями,

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 508. Датировка и адресат письма проверены по: РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 63. Л. 168–168 об. Заметим, что адресат в копии письма не указан, но И.А. Заборовский обращается к нему «сиятельныйший граф», тогда как в переписке с Г.А. Потемкиным, как и полагалось, фигурирует «светлейший князь». Например: РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 52. Л. 36.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 220.

для которых он служил опорным пунктом, оказывался в тылу у российских флотилий, занимающих «линию чрез Афонскую Гору, Лемнос, Тенедос», и чтобы не оказаться в неприятельском кольце, требовалось, как минимум, сократить или даже рассеять эти силы.

Конечно, нападение кораблей С.Я. Дешаплета на одинокий кирлангич у берегов Негропонта отнюдь не могло иметь серьезно-го значения, но примечательно, что произошло оно уже после того, как, по словам Г. Каравия, они «виделись» на о. Зеа с флотилией Л. Кацониса. Едва ли их командующие общались тогда – сведений об этом не найдено. Поэтому маловероятно, что С.Я. Дешаплет знал о предложениях Л. Кацониса. Но успешный бой флотилии лейтенанта под пушками береговых батарей порта Каристо показывает, что замысел майора витал в воздухе и содержал рациональное зерно – уничтожение турецких кораблей в данном случае оказывалось важнее овладения крепостями.

Между тем, флотилия самого Л. Кацониса к тому времени не успела еще побывать восточнее Негропонта. Хронология ее перемещений выглядит так. По словам П. Кассими, писавшего об этом 26 мая 1794 г., он покинул Триест со своей полякой «Принц Павел» («Великий Князь Павел») 7 апреля 1789 г.¹ Между тем, И.А. Заборовский, как указывалось выше, 12/23 апреля рапортовал, что флотилия Л. Кацониса вышла в море 8 апреля. Ту же дату мы видим и в докладе Ж.Ф. Брие С.С. Гибсу, от 5/16 сентября 1789 г. Заметим, кстати, что доклад этот интересен описанием некоторых событий, важных для понимания последующих действий командующего флотилией. В нем, между прочим, говорится: «Господин Ламбро, привезший из Флоренции (т. е. от И.А. Заборовского. — *Р.К.*) 25 тысяч талеров, купил вдобавок для флотилии два корвета...» По утверждению Ж.Ф. Брие, один из этих кораблей, получивший имя «Великая княжна Мария», был вверен ему. Далее же сказано: «Апреля 8/19 дня флотилия выехала из Триеста; пред тем господин Ламбро мне объявил, чтоб я оставил свое судно и вооружил еще два, с которыми я бы к нему приехал...»²

Перед уходом Л. Кацонис вручил Ж.Ф. Брие письмо к И.А. Заборовскому во Флоренцию, от 7/18 апреля 1789 г., в котором упоминалось присоединение к флотилии, в общей сложности, четырех кораблей. Капитан, вместе с Николаем Жиоржи (Жоржио), отправился по назначению и 30 апреля передал послание генерал-пору-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 89. Л. 37.

чику. Последний же, снабдив Ж.Ф. Брие письмами к российским дипломатическим представителям и пообещав оплатить все расходы по снаряжению судов, в итоге необходимых средств так и не предоставил. Спустя четыре месяца, 16/27 августа 1789 г. «приехало в Триест венецианское судно, отправленное из Зеи господином Ламбром», на котором прибыл офицер легкой флотилии Лефтери Зигури с матросами. Он привез 20 000 пиастров, предназначавшихся на окончательное вооружение судов, и фактически отстранил от дела Ж.Ф. Брие, после чего тот, по совету полномочного министра в Вене князя Д.М. Голицына, отправился в Сиракузы к С.С. Гибсу¹.

Таким образом, флотилия Л. Кацониса пополнялась не только призами, но и покупкой судов, так что весной – летом 1789 г. ее корабли находились, по меньшей мере, в двух портах – на Зеа и в Триесте. Последние, однако, снаряжены были только под конец кампании. Основная же, боеспособная часть соединения, покинув Триест, двинулась на юг практически тем же путем, каким шла в 1788 г. Как гласит справка, датированная 11/22 апреля 1789 г.: «Ламбровых судов было всего 9...»²

**Состав флотилии Л. Кацониса,
согласно справке от 11/22 апреля 1789 г.**

№ п/п	Классификация	Имя	Количество пушек	Численность экипажа, чел.
1	фрегат	«Минерва Северная»	32	102
2	кирлангич	«Великий Князь Константин»	26	50
3	поляка	«Ахилес Славный»	20	50
4	поляка	«Святой Иоанн Патмоский»	20	49
5	кирлангич	«Великий Князь Александр»	26	54

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 89. Л. 20, 33, 37–39.

² РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 26. Л. 1. С незначительными погрешностями опубликовано: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность... С. 139. Г.Л. Арш, ссылаясь на греческую литературу, дает другие, хотя весьма близкие цифры: 210 орудий, 557 человек экипажа. См.: *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции... С. 80.

Вид Триеста. 1888 г.

6	поляка	«Великая Княжна Мария»	20	49
7	поляка	«Святой Лука»	20	50
8	поляка	«Иосиф II»	26	42
9	поляка	«Великий Князь Павел»	28	82
Итого			218	528

Здесь уместно сделать несколько замечаний. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что по сравнению с 1788 г. состав флотилии, если не учитывать возможных переименований судов, обновился более чем наполовину: от прежнего остались только «Минерва Северная», «Великий Князь Александр», «Великий Князь Константин», «Иосиф Второй», причем, последний числился уже не тартаной, а полякой. Фигурирует в таблице и «корвет «Великая княжна Мария»», из числа пополнений, снаряжавшихся Ж.Ф. Брие, в данном случае именуемый полякой. Учитывая сказанное самим Жаном Франсуа, можно усомниться в том, что все перечисленные суда вышли из Триеста в море 8 апреля.

Оказавшаяся в списке последней поляка «Великий Князь Павел», возможно, является той самой «полякою, называемою «Па-

Фрегат «Минерва Северная».

Архив П. Стаму

вел»», которой командовал Ф. Лай, позднее, 9 июня 1790 г., писавший, что он в августе 1788 г. занимался грузовыми перевозками по поручению С.С. Гибса, позднее был отправлен им в Триест, «к Ламбро», но тот оставил его от службы «без удовольствования», после чего Ф. Лай командовал 16-пушечной шебекой

«Святая Екатерина» в составе казенной флотилии¹. Несомненно, подобные обстоятельства не способствовали дружественным отношениям между личным составом обеих флотилий.

Наконец, фигурирующая в списке 20-пушечная поляка «Святой Иоанн Патмоский», возможно, лишь названием схожа с 16-пушечной полякой «Святой Иоанн ди Патмос» С. Калиги, входившей в состав отряда, под командованием лейтенанта С.Я. Дешаплетта. Однако такое сходство наводит на определенные размышления: не включил ли составитель справки в число «Ламбровых судов» все те, которые снаряжались в Триесте. Во всяком случае, можно полагать, что документ отражает общий состав легкой флотилии, а не перечень кораблей, покинувших порт в апреле 1789 г.

Прибавим, что в итальянской периодике того времени встречается приукрашенное описание обеих флотилий. Так, «Gazzetta Universale» за 21 апреля / 2 мая 1789 г.

Валлона

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 29. Л. 175 об. – 179.

Каттаро

в корреспонденции от 14/25 апреля сообщала, что флотилия под командованием майора русской службы Л. Кацониса (*maggiore al servizio di Russia*), в составе 10 судов, вооруженных 250 пушками разного калибра, направляется в Левант. Далее говорилось, что из Сиракуз вышла и движется туда же другая российская флотилия, во главе с капитаном 2 ранга Гульельмо Лоренцо, состоящая из пяти фрегатов и десяти небольших кораблей, с вооружением из 300 орудий¹.

Спустя несколько дней после выхода в море соединение Л. Кацониса исполнило восьмой пункт цитировавшегося выше ордера И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., гласивший: «Идучи к Дарданеллам, вы будете проходить около острова Валлоны, где дульциниоты обыкновенно плавают с судами своими. Не оставьте испытать силу вашей храбрости против сих неприятелей». Случилось так, что Л. Кацонис сделал то, чего ожидал от него генерал-поручик, раньше предполагаемого срока.

Во всяком случае, Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на не датированное ею сообщение С. Варуки, пишет: «Капитан Константин Левадита команды майора Ламбро Кациони, находясь с судном своим в рагузских водах, напал на одно дульциниотское и убив пять человек, принудил других спастись бегством... Сам майор, быв в Бокках (Бокка Которская – залив, юго-восточнее территории Рагузской республики, в 25 милях от Рагузы, контролировался городом-портом Каттаро, находившимся под венецианским влиянием. — *Р.К.*) и услышав там, что неподалеку находились семь дульциниотских судов, пустился за ними и преследовал до самого Дульцина»². К

¹ *Gazzetta Universale*. 1789. Maggio 2.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 221.

Бокка Которская

сожалению, из цитаты трудно понять, идет ли речь об одной «Минерве Северной» или же о нескольких кораблях флотилии, но по словам консула, некое дульциниотское судно преследовали и «догнали», после чего на нем было убито 50 человек.

Примечательно, что дульциниотов нашли севернее их собственных вод, близ границ якобы нейтральной Рагузы и примерно в 125 милях от Валлоны. Возможно, они занимались перевозками в

интересах турецких войск, действовавших в Банате – на сербских землях, прилегающих к границам Австрийской империи, не испытывая помех со стороны отряда С.Я. Дешаплетта, корабли которого в начале апреля оставались на Ионических островах.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что фигурирующий в депеше С. Варуки «капитан Константин Левадити», судя по всему, командовал тем самым кирлангичем «Великий Князь Александр», прежний капитан и совладелец которого, Н. Камбури, поступил на службу к Л. Кацонису, побудив тем самым второго совладельца, неаполитанского вице-консула на о. Зеа Г. Пангалиса подать жалобу на командующего легкой флотилией.

Продвинувшись из вод Бокки Которской к юго-востоку, флотилия Л. Кацониса, видимо, догнала бежавшие дульциниотские суда, возможно, получившие какое-то подкрепление, и сильно потрепала их. Сведения о таких действиях есть в документе, опубликованном «Одесским обществом истории и древностей» среди всеподданнейших докладов Г.А. Потемкина, очевидно, за январь 1791 г.: «В начале 1789 года... нашел в окрестностях острова Занте дульциниотские суда, разбил их, и одно о 24-х пушках сжег...»¹ Нечто похожее мы находим и в рукописи статьи П.А. Апостолиди,

¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 219

основанной на тексте книги К. Сафаса «История Греции под турецким владычеством» (1869 г.): «...15 числа того ж месяца (апреля 1789 г. — *Р.К.*) встретил ожидавший его турецкий флот около Деррахии (дульциниотского порта Дураццо или Дурреса. — *Р.К.*). Ламбро с радостью принял вызов, напал на врага и обратил его в постыдное бегство...»¹

Судя по всему, события в статье датируются старым стилем. Далее П.А. Апостолиди описал бомбардировку Дураццо на следующий день, в результате которой были разрушены батареи и потоплены укрывшиеся в порту неприятельские суда. 17 апреля флотилия Л. Кацониса продолжила свой путь вокруг Мореи, миновала острова Идра, Китнос (Кифнос)². Как указывалось выше, по словам Г. Каравия, в конце мая соединение прибыло к о. Зеа. Спустя пять лет этот капитан в «объяснении» «Комиссии для свидетельства счетов...», писал: «В 1789-м году... 1-го июня того же года прибыв в Зею, перешел я в команду господина Ламбра Качиони на фрегат «Северная Минерва»...»³ Сам же Л. Кацонис 6 июня 1797 г. утверждал: «...17-го апреля 1789-го года занял я остров Зеа, порт которого при вступлении в Архипелаг есть лучшая из всех прочих островов для учинения могущественного сопротивления...»⁴

Очевидно, датировка этого события Л. Кацонисом неверна. Хотя добраться из Триеста на Зеа за 9 дней при попутном ветре вполне возможно, но из-за потери времени на борьбу с неприятелем, лавирование при неизбежных неблагоприятных ветрах, останковки в портах для пополнения запасов, особенно пресной воды, наконец, на упомянутый П.А. Апостолиди, хотя и не подтверждаемый известными нам источниками, рейд «до Геллеспонта», якобы, предшествовавший появлению флотилии на Зеа, скорее следует предположить, что таковое случилось в начале мая.

Сведений о захвате Л. Кацонисом и его подчиненными призов по пути к Зеа практически нет, кроме утверждения того же П.А. Апостолиди о семи плененных турецких судах, требующего проверки — не исключено, что фактически речь идет о кораблях флотилии. О боевых действиях, помимо нападения на дульциниотские суда и обстрела порта Дураццо, известно мало. Лишь в послужном списке Ф.Д. Ревелиоти упоминается, что он был «мая

¹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1912. Л. 16.

² Прякин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 63–65.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 64.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1050.

6-го в сражении с турецким флотом под островом Тино»¹. Однако возможно, что мы имеем дело с ошибочной датировкой события. После прибытия на Зеа, флотилия, видимо, оставалась там, и ее личный состав занимался обустройством и постройкой импровизированных укреплений. Как отмечает в своей книге и Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на письмо Л. Кацониса князю Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г.: «Кацони начал с того, что на острове Зеа намеревался создать маневренную базу – по примеру порта Ауза на острове Паросе в первую войну с турками» (1768–1774 гг. — *Р.К.*)².

Надо сказать, что пребывание каперов Л. Кацониса на острове омрачилось жалобами, в частности, упоминавшегося выше вице-консула Неаполитанского короля Г. Пангалиса, позднее сетовавшего, что майор безвозмездно пользовался его скотом для пропитания подчиненных. Последний же, в октябре 1795 г. объяснял это «Комиссии для свидетельства счетов...» так: «...По праву войны снабжались суда флотилии, мне вверенной, в острове сем, яко неприятельской земле, от родственников его, Пангала, турецких подданных, несших равную тягость с прочими того острова жителями, а при том, что смею донести, что и сам он, г-н Пангало, так как тамошний житель и подданный турецкий, то одному только званию его вице-консула Обеих Сицилий не подлежал, кажется, в таком случае исключению...»³ Но Г. Пангалиса, вполне благополучно жившего при турецком владычестве, беспокоило, разумеется, только его имущество, а не интересы флотилии.

Как нам представляется, именно жалобы Г. Пангалиса и легли в основание слухов о том, будто Л. Кацонис «разорял жителей» о. Зеа, а возможно, и всех рассказов о «разорении греков». Конечно, по смыслу пятого пункта цитировавшегося выше ордера И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., майор должен был относиться к христианским подданным Порты «с тем расположением, какое требуют единоверие и дружба, испрашивая от них пособия, нужного для вас в поспешествовании оружию Ее Величества». Однако командуя флотилией, доставившей на остров несколько сотен вооруженных греков и албанцев, собиравшихся бороться с турками, едва ли стал бы в буквальном смысле «испрашивать пособия» даже у «христианских подданных Порты», а потребовал от них этого, к

¹ Пинчук С.А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX века // Архивы Украины. 2013. № 1. С. 188–189.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 223.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 85. Л. 56 об.

слову, вполне в духе 12 пункта ордера С.С. Гибса Г. Лоренцо, от 3/14 мая 1789 г., но внезапно свалившаяся на головы местного населения повинность была для последнего довольно тягостна. Выигрывали в такой ситуации российская казна, экономившая средства на содержание каперов, а также И.А. Заборовский, отчитавшийся о появлении флотилии Л. Кацониса в Архипелаге.

Однако командующий ею расставлял приоритеты иначе, нежели генерал-поручик. Трудно сказать, знал ли майор, что И.А. Заборовский уже выехал из Флоренции в Россию, но приблизительно месяц спустя после прибытия на Зеа, 20 июня / 1 июля 1789 г., он писал ему: «Предприятия мои, повторю, не иные другие, как только пробудить Грецию и припомнить ей, что она под игом турецким уже столько лет и из всего того вывести следствие, подобные государствам славившимся, упавшим и вновь возвысившимся, и что для сего не было и не будет подобного времени и случая как ныне, то есть: 1-е, относительно покровительства августейшего всероссийского двора для рода греческого, и что 2-е, в какой ныне расстройке и бедствии оттомане»¹.

Это письмо дает основания предполагать, что Л. Кацонис изначально действовал не в интересах компании Н.С. Мордвинова. Возможно, он и согласился на предложение контр-адмирала, намереваясь при его помощи реализовать свои собственные планы. Движимый не корыстью, а жаждой возмездия туркам, стремлением освободить свое отечество и, разумеется, отличиться, естественным для всякого воина, майор воспользовался предоставившейся ему возможностью получить не только финансовую, но и административную помощь братьев Мордвиновых, а главное – каперский патент, подписанный самим Г.А. Потемкиным, что придавало его словам особый вес, чтобы привлечь на службу как можно большее число людей, готовых с оружием в руках выступить против Османской империи.

Такое выступление, в соответствии с логикой национально-освободительной борьбы, должно было подорвать сами основы иноземного владычества, и прежде всего положение тех соотечественников, которые сотрудничали с турками, – правящей верхушки, включая назначенных турками представителей местной администрации, купцов, судовладельцев, зачастую выступавших в одном лице. На наш взгляд, Л. Кацонис пытался воспользоваться момен-

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 81.

по всему, в сторону о. Парос. О том, что произошло далее, повествует цитируемое Г.А. Гребенщиковой письмо Л. Кацониса князю Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г. В нем говорится: «25-го дня июня имел я случай сражаться с турецким флотом. Сие сражение происходило меж островов Тино, Наро и Серфо. Началось в семь часов пополудни, кончилось в шесть часов пополудни. Турецкий флот состоял из трех кораблей линейных, четырех фрегатов, пяти кирлангичей и двух галиотов. Моя же флотилия состояла всего из шести судов, ибо прочие были в разных посылках». Само описание боя Г.А. Гребенщикова опускает, но приводит заключительные слова Л. Кацониса о том, что Г. Лоренцо «первым бежал со своим фрегатом», а за ним и Г.В. Войнович¹.

Заметим, что судя по указаниям майора, его флотилия вступила в перестрелку с турками примерно в том же районе, где ранее состоялась встреча последних с казенной флотилией, к тому моменту сместившейся южнее. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют уточнить местоположение всех кораблей, однако если учесть, что расстояние от Сиро до Сифанто, куда отходило соединение Г. Лоренцо, составляет примерно 23 мили, а от порта Зеа – около 20, надо полагать, казенная флотилия, 25 июня все еще оставалась практически там же, куда ее ранее отогнали турки, а то и вовсе двигалась в другом направлении, иначе с кораблей не только слышали бы канонаду, но и видели как турок, так и корабли Л. Кацониса – наблюдатель на мачте, высотой в дюжину метров, способен различить паруса судов, удаленных на полтора десятка миль.

Упоминание Л. Кацонисом бегства судов казенной флотилии хорошо согласуются с цитировавшимися выше «аттестатом» и послужным списком С.М. Телесницкого, в которых говорится, что «флотилия ретировалась», а он со своим тихоходным фрегатом остался «посреди неприятельских сил», другими словами, отстал от ушедших вперед кораблей, в том числе фрегатов Г. Лоренцо и Г.В. Войновича. Разумеется, сам Л. Кацонис, подошедший позднее, видеть этого не мог, но к моменту написания своего письма, несомненно, успел узнать о деталях перестрелки от ее участников. О причинах, заставивших майора взяться за перо, мы скажем далее, а пока отметим, что после боя, как сказано во всеподданнейшем донесении С.С. Гибса (как и его донесении А.А. Безбородко от 11 августа 1789 г.), – согласно второму рапорту Г. Лоренцо, достав-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 223.

Остров Тинос

ленному в Сиракузы 30 июля, Л. Кацонис «прибыл к нему в остров Идру с пятью судами из вверенной ему флотилии, и соединясь, отправились вместе к острову Тину, где получили достоверное известие, что неприятельская эскадра умножена четырьмя фрегатами и двумя шамбеками и находится на рейде при острове Самосе, куда она после сделанной от флотилии первой встречи удалилась для исправления поврежденного и для подкрепления себя помянутыми судами»¹.

Подчеркнем, что С.С. Гибс приписывает «удаление» турецкой эскадры к Самосу результатам «встречи» только с флотилией Г. Лоренцо, хотя его перестрелка с неприятелем продолжалась три часа, тогда как суда Л. Кацониса, по словам последнего, вели огонь около 12 часов. Естественно, такая продолжительность говорит не в пользу интенсивности, но дает основания предполагать, что воздействие на турок они оказали не меньшее, чем казенная флотилия. Писал ли об этом Г. Лоренцо, общавшийся с Л. Кацонисом, неизвестно, но С.С. Гибс, судя по сохранившимся бумагам, таким вопросом и не интересовался.

Внимания заслуживает и то обстоятельство, что Л. Кацонис повел в бой всего шесть судов, которые уступали казенной фло-

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 568; РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 193 об.

тилии в совокупной мощи артиллерийского огня. Об этом можно говорить с уверенностью, даже не уточняя состава соединения на тот момент, так как предположив, что Г. Лоренцо действовал 23–24 июня без второго по числу пушек корабля, пакетбота «Российский Орел», хотя это маловероятно, находим, что он мог располагать 160 пушками, не считая фалконетов, а шесть сильнейших по вооружению кораблей Л. Кацониса имели всего 138 пушек, между тем как действительный их состав, надо думать, отличался в худшую сторону.

Важно отметить, что контр-адмирал официально признает – Л. Кацонис пришел к Г. Лоренцо на Идру и они вместе отправились к Тиносу. Таким образом, говорить об «отказе его соединиться с флотилиею, вверенною Лоренцу», как гласит опубликованный текст донесения С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., нет оснований. Примечательно, что в сохранившейся копии этого донесения фигурирует «отзыв его соединиться с флотилиею»¹. Идет ли речь об описке канцеляриста или же фраза действительно имеет иной смысл, мы судить не беремся. Важно лишь, что первым шаг навстречу сделал Л. Кацонис.

Что же произошло далее? Основываясь на рапортах Г. Лоренцо, С.С. Гибс писал о том, что на Тиносе мальтиец собрал военный совет «как на неприятеля напасть или уклониться», но Л. Кацонис «никаких советов не принял» и т. д. Примечательно, что опубликованный в «Материалах для истории русского флота» текст рапорта контр-адмирала от 11 августа 1789 г., адресованного А.А. Безбородко, существенно отредактирован и сокращен, между тем как соответствующее место в сохранившейся копии этого документа выглядит так: «Когда в Совете начали говорить о сигналах, эволюциях и других распоряжениях, на то отвечив Ламбро Кацони, что он ничего того знать не хочет и ни от кого никаких советов принимать не будет, хотя бы такие предложения были от самого графа Орлова, объявив о себе, что он прислан на море начальствовать, и он есть единый комендант здешних стран»².

В таком изложении становится очевидным, что на Тиносе Г. Лоренцо предпринял еще одну попытку подчинить себе Л. Кацониса, навязав ему, как можно понять, свои требования по взаимодействию, которые ставили последнего в зависимое положение. Примечательно, что во всеподданнейшем рапорте, формулировки

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 567; РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 194 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 198 об.

которого, видимо, и попали в публикацию МИРФ, такого уточнения нет, и у читателя, не располагающего доступом к архивным материалам, может сложиться превратное представление о поведении Л. Кацониса на этом военном совете. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что С.С. Гибс не касался самого плана действий, обсуждавшегося на Тиносе, и отношения к нему майора. Надо думать, план основывался на положениях ордера И.А. Заборовского, от 9/20 марта, во всяком случае, контр-адмирал отметил бы покушение Л. Кацониса на их пересмотр, однако ничего подобного в его переписке нет.

Продолжая жаловаться на Л. Кацониса, С.С. Гибс 11 августа писал А.А. Безбородко: «Вместо того, что он его превосходительству Ивану Александровичу Заборовскому со уверением обещал казенной флотилии помогать провизиею, доставлением людей и всего, что нужно, равным образом обещал делать помощь деньгами из той суммы, какую должен казне за исправление судов его в Триесте, выдает приказы по многим островам Архипелажским, угрожая чрез оные разорить до основания всех, кои без ведома его казенной эскадре сделает помощь, разорив уже обывателей довольно число прежде. Начал переманивать из казенной эскадры в свою людей, из коих обольщены быв великими обещаниями, многие к нему перешли. Такой беспорядок, оказываемый ежедневно от майора Ламбра, принудил Гульелма Лоренца выйти из порта Тина, и пошел к местам, где находился неприятель, в намерении узнать о силе его эскадры. В пути случившийся сильный ветер принудил его стать на якорь на рейде порта Трио в острове Паросе, мимо которого несколько времени спустя прошел с флотилиею своею майор Ламбро Кацони, держа путь к острову Микони»¹.

И в этом случае нельзя не отметить, что опубликованный в МИРФ текст существенно отредактирован, а потому дает лишь частичное представление о происходившем. Архивный же документ позволяет предположить, что эти, несомненно, наиболее серьезные претензии к Л. Кацонису, частично взятые из рапорта Г. Лоренцо, доставленного 30 июля, характеризуют ситуацию, сложившуюся после размолвки на военном совете и дальнейших событий. Как можно понять, конфликт развивался в течение нескольких дней: после споров на совете майор, видимо, обратился к морякам кораблей, ранее входивших в его флотилию, обещая дележку средств от вы-

¹ Там же. Л. 198 об. Ср.: МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 568.

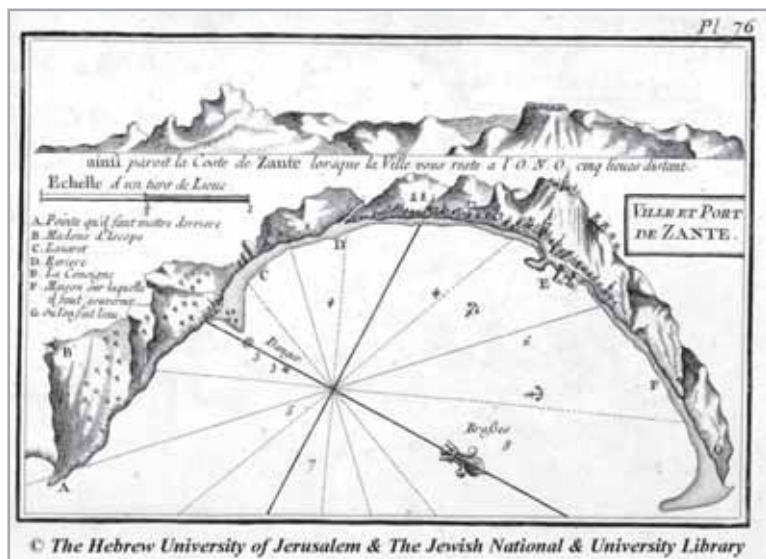
ручки за призы согласно ордеру И.А. Заборовского, а не С.С. Гибса. Его слова, несомненно, произвели впечатление и на личный состав других казенных судов, испытывавший постоянную нужду в деньгах. Когда же их экипажи стали сокращаться, Г. Лоренцо увел свое соединение с Тиноса. Это был разрыв отношений. Только тогда у Л. Кацониса мог появиться весомый повод к рассылке приказов «по многим островам Архипелажским», с требованием не оказывать помощи казенной флотилии.

Здесь налицо борьба за доминирование между равноправными начальниками, немало примеров которой можно найти в истории как отечественного, так и зарубежных флотов. Победу в ней одержал Л. Кацонис, но распря пошла во вред каперским силам, ослабив их, что негативно отразилось и на перспективах достижения цели, поставленной И.А. Заборовским.

Заметим, что со временем С.С. Гибс существенно изменил описание произошедшего. В донесении Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г., он совершенно опускает переход Г. Лоренцо на Идру и прибытие туда Л. Кацониса. Вместо этого, сразу после рассказа о звуках «пальбы с флотилии» майора по проходившим туркам, контр-адмирал пишет: «Чтоб преследовать неприятеля с лучшею противу прежнего пользою, спешил капитан, Гульелмо соединиться с майором Ламбро и когда показался с флотилиею у острова Зеа, тогда майор Ламбро выслал к нему объявить, чтобы он с флотилиею в порт не проходил, в противном случае будет он по судам палить. В таком случае капитан Гульелмо поехал сам на шлюпке к майору Ламбро, который праздновал тогда свое бракосочетание и, наконец, условился с ним итти вместе против неприятеля. На пути к острову Тино получили достоверное известие, что неприятельская эскадра умножена четырьмя фрегатами и двумя шамбеками и находится на рейде при острове Самосе, куда она после сделанной от флотилий первой встречи удалилась для исправления поврежденного и для подкрепления себя помянутыми судами»¹.

К сожалению, независимых источников, позволяющих уточнить последовательность событий, нами не найдено. Однако можно допустить, что в действительности имел место как поход казенной флотилии на Идру и появление там соединения Л. Кацониса, так и

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 256 об. – 257; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 100.

Остров Занте

возвращение последнего на Зеа и прибытие туда Г. Лоренцо¹. Если такое предположение верно, то получается, что майор дважды продемонстрировал мальтийцу готовность к совместным действиям, не состоявшимся из-за возникших на Тиносе разногласий.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что оба предлагаемых С.С. Гибсом описания действий обеих флотилий после боя не согласуются со словами С.Я. Дешаплетта, в «послужной сказке» которого утверждается, будто после боя он сразу направился к Паросу – ни переход к Идре или Зеа, ни плавание к Тиносу им не упоминаются. Если еще раз обратиться к финансовым документам, то легко заметить, что они в большинстве случаев не фиксируют появления судов Г. Лоренцо ни у Идры, ни у Зеа. В частности, С.Я. Дешаплетт 2/13 июля находился в порту Святого Николая на Тиносе, 6/17 июля в порте Трио на Паросе, 8/19 июля в Барике (Varicha), 12/12 августа в Порто Кери на Занте. Д. Кацари 10/21 июня, т.е. до боя, был на Паросе, 2/13 июля на Тиносе, а 1/12 августа на Занте.

¹ А.Г. Сацкий нарисовал картину, во многом опирающуюся на донесение С.С. Гибса Г.А. Потемкину, от 29 ноября 1789 г. См.: Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6.

С. Калига производил платежи на Паросе 10/21 июня, в Барике 24 июня / 3 июля, на Идре 3/14 июля, на Тиносе 12/23 июля, на Занте 3/14 августа. Г. Лоренцо, 14/25 – 15/26 июня производивший платежи на Идре, 20 июня / 1 июля отмечен на Паросе, 12/23 июля на Тиносе, 5/16 августа на Санторине, 22 августа / 2 сентября на Занте. В то же время Г.В. Войнович 3/14 июня платил за поставки на Итаке, затем на Идре и 11/22 июля на Тиносе, в первых числах августа на Санторине, 22 августа / 2 сентября на Занте¹.

Разумеется, не в каждом порту суда пополняли свои запасы и делали это не синхронно. Тем не менее, возникает подозрение, что казенная флотилия перемещалась не полным составом, а разрозненно, и после упоминавшегося военного совета, переходя от острова к острову, все время удалялась от Тиноса в сторону Адриатики. Несомненно, доступные нам официальные реляции рисуют далеко не полную картину событий, и в отношении казенной флотилии она, судя по всему, выглядит менее привлекательной, чем рисовал ее С.С. Гибс. Возможно, после перестрелки соединение Г. Лоренцо частично рассеялось и постепенно собиралось, но все ли его суда переходили от Идры к Зеа, затем к Тиносу, Паросу, Санторину, Занте, нам не известно.

Возвращаясь к военному совету на Тиносе, еще раз заметим, что С.С. Гибс, подчеркивающий «непослушание» Л. Кацониса, в цитировавшихся выше донесениях от 11 августа и 29 ноября не уточняет, каким именно был предлагаемый план. Не говорится об этом и во многих других доступных нам документах. Однако В.Д. Овчинников, к сожалению, не указывая, откуда именно взяты сведения, пишет: «Лоренцо считал, что противник приведен в великий страх, и надеялся “произвести новую Чесму”»². Насколько можно понять, мальтиец собирался направиться к Хиосу, чтобы напасть на неприятеля у места его стоянки. Заметим, что если даже и не учитывать почти двукратного усиления турецкой эскадры, о котором каперы узнали на Тиносе, для малых каперских судов такой план был весьма рискованным.

Но мог ли грек Л. Кацонис пойти на такой риск в компании Г. Лоренцо, о котором Р.К. Скаловский писал: «Ненависть его к грекам простиралась до того, что в прошлую войну по приказанию графа Орлова он был пойман и содержался в цепях за пиратство

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об – 137 об, 159 об – 160, 178; Д. 12. Л. 212, 214, 315 об – 316, 440.

² Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 157.

на греческих водах»?¹ Заметим, такое поведение, ввиду наложенного Орденом запрета грабить христианских торговцев, весьма показательно. Надо полагать, что для Л. Кацониса, как участника той самой «прошлой войны» 1768–1774 гг., деяния и взгляды мальтийского пирата Г. Лоренцо не составляли секрета. К тому же, майор не имел оснований к перемене мнения о последнем. Напротив, оказавшись по вызову мальтийца 25 июня «меж островов Тино, Наро и Серфо», он нашел там неприятеля, но так и не дождался появления судов казенной флотилии. Наконец, среди капитанов этого соединения был Г.В. Войнович, о котором Л. Кацонис, в цитирувавшемся выше письме Г.А. Потемкину, писал 28 февраля 1788 г., что тот, наряду с И.В. Войновичем, «все меры прилагал... приостановить меня, чтоб я не отправился в корс». Наученный горьким опытом, майор никак не мог положиться на таких «товарищей по оружию».

В пользу этой версии говорит и отмечавшийся позднее, в рапорте В.С. Томара Г.А. Потемкину, от 12 августа 1791 г., «раздор двух флотилий и презрение к грекам, вкоренившееся так глубоко в служащих в первой флотилии, что живучи здесь с ними и употребив все меры к приведению их в согласие, должен был, наконец, почесть оное невозможным»². Конечно, к моменту появления В.С. Томара на Средиземном море, трения между личным составом обоих соединений усугубились, по сравнению с тем положением, которое существовало летом 1789 г., но и тогда, видимо, помимо личных разногласий их начальников, сказывалась еще неприязнь между офицерами и рядовыми моряками двух флотилий.

Усиливалась также и неприязнь С.С. Гибса к Л. Кацонису. Насколько можно понять, в своих рапортах Г. Лоренцо не забывал рассказывать о непочтительном отношении Л. Кацониса к председателю Призовой комиссии, чем вновь пробудил у С.С. Гибса горячее желание разделаться с майором. Контр-адмирал жаловался на строптивого грека во всеподданнейшем рапорте от 11/22 августа 1789 г., в рапортах от того же числа на имя А.А. Безбородко, И.Г. Чернышева. В последнем, помимо прочего, говорилось: «Прошу Ваше графское сиятельство о повелении на удержание майора Ламбра от таковых его дел, чрез кои наносит нареkanie и умножает ежевременно на себя жалобы. По данной мне инструкции посту-

¹ Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб, 1856. С. 82.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 159 об. Документ опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 339–342.

пить с ним, яко с корсаром, не осмеливаюсь, дабы не причинить опаснейшего, сверх того, и насилия употребить не могу, ибо его флотилия под военным флагом превосходит силами флотилию Гульелма Лоренса»¹.

Выше мы приводили данные по обоим флотилиям, из которых следует, что между ними, как по числу судов, так и по составу артиллерийского вооружения, существенной разницы не было. Если же учесть, что к моменту столкновения с турками и после него соединение Л. Кацониса насчитывало 5–6 боевых единиц, то опасения контр-адмирала теряют убедительность. Тем не менее, С.С. Гибс не решился использовать силу.

Видимо, его угнетало сознание неспособности изменить ситуацию в свою пользу, и он продолжал жаловаться на Л. Кацониса в очередном рапорте А.А. Безбородко, от 30 августа 1789 г. Этот документ, на наш взгляд, указывает на причины раздражения контр-адмирала. Там сказано: «Майор Ламбро Кацциони продолжал упрямство свое соединить флотилию свою с вверенною кап[итану] Гуль[елму] Лоренсу, сказал на посланный ему от меня ордер, что он одного из таковых, как я, выжил уже из здешних стран. О сем получив уведомления от прибывшего начальника флотилии, не преминув донести при сем и Вашему графскому сиятельству»².

Учитывая, что казенная флотилия прибыла в Сиракузы лишь накануне, быстрый отклик С.С. Гибса на рассказ Г. Лоренцо о Л. Кацонисе показывает, насколько это задевало контр-адмирала. Надо полагать, мерой достоверности слов мальтийца председатель Призовой комиссии не интересовался – ему нужен был повод для еще одной жалобы.

Примечательно, что о переписке по поводу Л. Кацониса С.С. Гибс подробно сообщал в письме капитану генерал-майорского ранга А.К. Псаро³, от 21 августа 1789 г.: «...Описал непослушание м[айора] Ламбра, презрение его к письменным и словесным повелениям и слова его, коими он называет себя начальником ни от кого не зависящим и комендантом всего Архипелага, и что россияне в руки свои другой раз его не достанут. Упомянул, что он весь Архипелаг разоряя, угрожает до корня разорить тех, кои осмелятся помогать Гульелмовой флотилии, присовокупил к тому, что

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 205.

² Там же. Л. 219.

³ А.К. Псаро произведен в этот чин 14 апреля 1789 г. См.: Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 620.

жалобы ежевременно на него умножаются, из коих прислана ныне вторично от Актона (первого неаполитанского министра Д. Актона. — *Р.К.*) именем королевским, упомянул, что насилия с ним употребить нельзя, ибо его флотилия под военным флагом и сильнее Гульелмовой, а более всего, дабы не подать неприятелю знаков неустойства, приложил к тому многие письменные свидетельства, кои его во всем обличают, и наконец, просил о повелении и о способах его укротить»¹.

Зачем председатель Призовой комиссии обращался к лицу, мало того, что подчиненному, но не имевшему тогда непосредственного отношения к делам флотилий — считалось, что А.К. Псаро, будучи консулом на Мальте, одновременно отвечает за создание продовольственных запасов, — со столь пространном изложением своих шагов по дискредитации Л. Кацониса, доступные нам документы не говорят. Однако такое послание наводит на мысль о вовлеченности генерал-майора в этот процесс. Выше мы уже отмечали, что Л. Кацонис объективно мешал А.К. Псаро, и тому было выгодно убрать его со сцены, лишив командования флотилией. Весьма вероятно, что генерал-майор, пользуясь своей дипломатической должностью, нашел общий язык с Г. Лоренцо, поддерживая его стремление, по сути дела, подчинить себе Л. Кацониса, вызывавшее у последнего решительное сопротивление.

Результаты очередной, предпринятой на Тиносе попытки поднять майора оказались разочаровывающими: мало того, что она провалилась, да к тому же и спровоцировала Л. Кацониса на ответные шаги. Заметим, что описывая произошедшее в нескольких августовских рапортах, С.С. Гибс ставит события с ног на голову — утверждает, будто соединиться отказался Л. Кацонис, но тут же рассказывает о том, что первым остров покинул Г. Лоренцо. Признать, что мальтиец не сумел навязать майору свою волю и ретировался, так как не пожелал действовать, исходя из сложившегося положения, контр-адмирал не мог, надо полагать, отчасти потому, что условия, делавшие службу на казенной флотилии менее привлекательной для моряков, были установлены им самим.

Сведений о том, что после размолвки с Г. Лоренцо предпринял Л. Кацонис, в нашем распоряжении нет. По цитировавшимся выше словам С.С. Гибса, в доставленном 30 июля донесении Г. Лоренцо сообщал, что стоя на рейде Паросского порта Трио, видел прошед-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 210 об. — 211.

Залив Воло

шую мимо «эскадру Ламбро-Качони», направлявшуюся к Микони. Из финансовых же документов следует, что Г. Лоренцо производил платежи 12/23 июля на Тиносе, а затем 22 июля / 2 августа 1789 г. в Трио¹. Значит, высока вероятность того, что в последних числах июля флотилия Л. Кацониса, действительно, прошла в пределах видимости наблюдателей из Трио (т. е. Парикии, на западном берегу Пароса) в сторону

Микони. Никаких соображений о дальнейшем ее пути Г. Лоренцо не высказал. Видимо, она направилась в пролив между Тиносом и Микони, где ее паруса скрылись за береговыми возвышенностями.

Куда же затем мог направиться Л. Кацонис? Судя по цитируемому Г.А. Гребенщиковой донесению Д. Загурисского, от 22 мая 1790 г., годом ранее «албанец капитан Андруц» потерял своего брата «в Трикере (последний мыс в заливе Волло)»². Залив этот находится в Эгейском море, на побережье Фессалии, а поселение Трикери на полуострове, вытянувшемся параллельно северной оконечности Негропонта. Надо сказать, что именно из этих мест в Константинополь поступала часть продовольствия. Во всяком случае, В.С. Томара в донесении Г.А. Потемкину, от 21 февраля / 4 марта 1791 г., писал о судах с хлебом, «которые в настоящее время еще плавают чрез залив Воло к Цареграду»³.

Что касается капитана, то речь, видимо, шла об Андруццо Ливадити. Надо думать, это был тот самый «управляющий областью от Лепанта до Тебы, Негропонта и Воло», о котором говорилось выше, а не клефт Андреас Андруцос. Л. Кацонис привлекал его «для предприятий на сухом пути» и позднее утверждал, что под

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 12. Л. 316.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 311.

³ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 191 об.

командой А. Ливадити «состояло 3000 человек»¹. Те же цифры фигурируют в донесении В.С. Томара Г.А. Потемкину, от 5 июля 1791 г., где говорится: «...Капитан Андруци, служивший с начала войны на флотилии полковника и кавалера Ламбро Кацония и ныне в оной считающийся, имеет в команде своей до 3000 человек, собранных (из албанцев, с ведома Али-паши Янинского. — *Р.К.*) будто для усмирения мятежников и употребленных в самом деле для притеснения турков, коим паша не верит»².

Впрочем, все эти сведения относятся к более позднему времени. Между тем, в цитировавшемся выше рапорте Л. Кацониса И.А. Заборовскому, от 20 июня / 1 июля 1789 г., говорится: «На этих днях должен прибыть ко мне из Румелии один известный греческий воин, капитан Андруццо, с 500 греками, также и сие поощрит приводить мои предприятия к желаемому успеху»³.

Когда именно А. Ливадити появился на Зеа, нам не известно, видимо, уже после столкновения флотилии с турецкой эскадрой. Но в архивных фондах сохранилось дело майора Михали Ливадити, указывавшего, что он вступил в службу под команду Л. Кацониса в 1789 г. и во время военных действий потерял брата⁴. Это дает основания предполагать, что в конце июня – начале июля 1789 г. несколько братьев Ливадити с отрядом воинов усилили флотилию. Не исключено, что на борту ее кораблей они отправились в тот самый район, который примыкал к землям, подконтрольным А. Ливадити и откуда выходили суда с хлебом. К слову, попасть в Трикери по суше, учитывая его местоположение, затруднительно, поэтому морской путь предпочтительнее.

Подобный рейд, учитывая плавание флотилии к Салоникам в 1788 г., представляется вполне исполнимым в период с конца июля до начала августа 1789 г. По крайней мере, чтобы добраться от Микони до Трикери, даже при умеренном ветре, требовалось около двух суток. Не исключено, что Л. Кацонис, во исполнение ордера от 9/20 марта и других указаний И.А. Заборовского, мог попытаться решить одновременно две задачи – прервать поставки продовольствия в столицу Османской империи и поднять восстание, тем более, что в том самом рапорте И.А. Заборовскому, от 20

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 155.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 173 об – 174. С некоторыми неточностями в тексте документ опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 330–334. Нельзя исключить, что А. Ливадити и А. Андруцос – одно лицо.

³ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 81.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

июня / 1 июля, где упоминался «капитан Андруццо», говорилось о намерении «пробудить Грецию». Заметим, что Г. Лоренцо, имевший схожие наставления, так их и не исполнил.

То обстоятельство, что на следующий год понадобилась особая экспедиция, чтобы отомстить за смерть брата А. Ливадити, наводит на мысль, что флотилия, если она была у Трикери в 1789 г., действовала не в полном составе. Причем, так как речь идет о репрессиях против горожан, очевидно, брат капитана погиб на берегу, от рук сотрудничавших с турками местных жителей или по их вине. Отложить возмездие, вероятно, заставила угроза со стороны неприятельских кораблей, вынудивших суда флотилии отступить. Однако все сказанное выше остается догадкой.

Судя по всему, к июльским дням относится и захват «людьми Кацонис», «в нейтральных водах», судна, принадлежавшего «французским подданным», как сказано в упоминаемом Г.А. Гребенщицкой «протесте вице-канцлеру И.А. Остерману», поданом в августе 1789 г. «французским посланником Сегюром»¹. Видимо, именно об этом случае писал позднее В.С. Томара: «Приз сей французское судно, военными снарядами нагруженное, следовавшее к туркам, взято до моего приезде капитаном Анаржиро... Он возвратил оное французскому фрегату по повелению начальника эскадры венецкой (возможно, адмирала А. Эмо или Т. Кондулмеро. — *Р.К.*); ко мне о сем ни от кого никогда жалобы не вступало»².

Такие формулировки свидетельствуют в пользу предположения о разделении легкой флотилии, часть судов которой могла находиться в Адриатике, чем логичнее всего было бы объяснить и ее последующее поражение от алжирских кораблей. Что же касается захвата французского парусника, то, как указывалось выше, с началом боевых действий морская торговля Турции стала переходить на нейтральные, прежде всего французские суда, о чем Л. Кацонис знал, но с чем, в силу фактического запрета на осмотр таких перевозчиков, не имел возможности открыто бороться.

К слову, во времена Архипелагской экспедиции суда российского регулярного флота поначалу не церемонились с французами. В частности, С.П. Хметевский 25 мая 1772 г. записал в дневник: «Французское судно взято в приз, на котором турецкий муфтий... со всюю своею семьею и офицерами ехал в остров Кандию, всех семьдесят пять человек...» Два месяца спустя, 21 июля, он заме-

¹ Гребенщицкова Г.А. Указ. соч. С. 226.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 381.

тил: «Во все время моего пребывания браны были в плен турки с их судами и товарами, греческие и разных наций суда с непозволительными товарами также взяты были в приз и отсылаемы в порт Аузу, к адмиралу Спиридову»¹. Между тем, летом 1789 г. появился веский повод переменить отношение к французскому судоходству — после восстания в Париже 2–3 / 13–14 июля положение легитимной власти во Франции пошатнулось, и хотя король сохранил за собой престол, было ясно, что страна постепенно погружается в пучину политического хаоса. Впрочем, Л. Кацонис, конечно же, об этом в то время не знал и такими соображениями не руководствовался.

Сталкивался ли он в данный период с боевыми кораблями турок, к сожалению, неизвестно. Отсутствие указаний на этот счет в его переписке и других доступных нам документах мало о чем говорит — там отражены далеко не все действия флотилии. Между тем, Ф.В. Булгариным в 1820-е гг. был записан рассказ некоего грека, поделившегося во время перехода из Петербурга в Кронштадт на пароходе своими воспоминаниями о событиях войны 1787–1791 гг. По его словам: «Сильный турецкий флот вошел в Архипелаг и угрожал островитянам разорением. Ламбро-Качиони не мог прямо напасть на него с своими малыми судами. Турки разбили бы нас в щепы. Мы вились за флотом, как ласточки за коршуном; нападали на отстававшие суда, беспокоили флот на якорных местах, искали удобного случая сжечь его, и в ожидании держали его в страхе. На высоте Самоса застигла нас буря, в самую темную ночь. Адмирал (т. е. Л. Кацонис. — *Р.К.*) подал сигнал, чтоб малые наши суда старались перебраться на подветренную сторону острова и там ожидали дальнейших приказаний. Но ветер командовал сильнее адмирала: флот наш разнесло как пух во все стороны. Я был тогда на адмиральском бриге, в числе его паликаров или гвардейцев: мне было 18 лет от роду; я был крепок, свеж и кипел желанием порезаться с турками. Всю ночь нас носило по волнам; двадцать раз были в опасности разбиться о подводные камни или о берег; но сам Ламбро-Качиони правил судном, а он знал море, как будто родился на дне его.

К рассвету ветер утих, и мы очутились на выстрел от турецкого фрегата, который, подобно нам, отстал от своего флота. Что делать? Неприятель был у нас на ветре; спастись невозможно. В одну минуту он поподчивал нас залпом с целого борта. Этот зав-

¹ Журнал Степана Петрова сына Хметевского... // Современник. 1855. № 2. С. 115, 124.

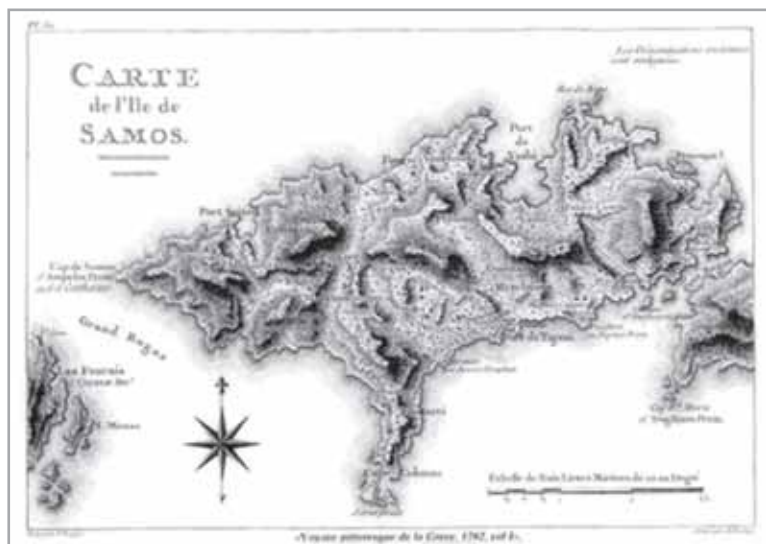
трак пришел нам не по вкусу. Наши паруса и снасти полетели, как перья с подстреленной чайки. Но к счастью, турецкие пушки любят считать звезды: вреда большого не было¹; несколько храбрых молдцев отправились на тот свет; несколько снастей перековеркало, и только. Ламбро не потерял духу. Пока неуклюжий турецкий фрегат заряжал пушки, чтоб снова пугнуть нас ядрами и после того спуститься на нас, как ястреб на зайца, Ламбро успел выбраться на ветер и на остальных парусах полетел вихрем на фрегат. Мы держались в тишине; только один Ламбро кричал громовым голосом: «Заряжай картечью пушки; выноси мушкетоны и топоры; приготавливай крючья; готовься к абордажу»!

В одну минуту он сбросил с себя мундир и появился на палубе в одной красной рубашке с засученными рукавами до плеч, босоногий, с поднятыми по колена шароварами. Голова его повязана была красным шелковым платком; за поясом пара пистолетов, в левой руке ятаган, в правой топор. Мне сделалось страшно, когда я взглянул на него, но я вскоре ободрился, разделся по его примеру, ожидал приказаний. «Ко мне, храбрые мои паликары!», – воскликнул он, и нас человек двадцать окружило его: мы все поместились на носу брига или на баке.

Подходя к самому фрегату, мы выдержали его огонь: он пересчитал нам зубы картечью, много переломал, перебил, перетопил, но не потопил брига. Турки после этого оставили свои пушки и собрались на палубе. Ужасно было взглянуть на этих полуобнаженных варваров с самыми зверскими рожами. Негры, арабы, мулаты, арнауты и всякая разноцветная сволочь, с проклятиями и криком ожидали нас, потрясая саблями и ятаганами. Вдруг мы брызнули картечью в это стадо, и мертвая тишина настала на несколько минут.

С шумом, треском и криком мы сцепились с фрегатом: все переборки в брига затрещали, и все жилки наши потряслися. «Пали!», – закричал Ламбро, и мушкетонные картечи посыпались вслед за пушечными. Турки подались толпою назад. «Умрем или победим, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!», – воскликнул Ламбро. «Аминь!», – повторили мы единогласно. «За мной!», – сказал он, схватил в зубы кинжал, первый соскочил с бушприта на неприятельский фрегат и стал рубить топором направо и налево. Вслед

¹ С.П. Хметевский писал о турецких артиллеристах: «...Палят не часто и не горизонтально и больше бьют по стенам, нежели в корпус корабля...» См.: Журнал Степана Петрова сына Хметевского... // Современник. 1855. № 1. С. 56.

Остров Самос

за ним бросились и мы, как голодные волки на добычу – и пошла потеха.

Ну, господа, я вам никак не могу рассказать, что было с нами в эту пору. Несколько раз турки одолевали нас числом, но всякий раз, как наши подавались назад, Ламбро появлялся в середине и снова обращал нас на неприятеля, становясь сам наперед и очищая путь своим окровавленным топором. Нам ужасно вредили янычары, которые, засевши на марсе и на реях, стреляли в нас из ружей и пистолетов. «Руби мачты!», – закричал Ламбро: топоры застучали по вантам, и чрез несколько минут грот с фоком повалились в море вместе с турками, как ветхое дерево с гнилыми плодами. Вопль отчаянья раздался в волнах... на палубе неприятельской раздался крик; с одной стороны: «Аминь!», а с другой: «Победа!», – наши одолели...»¹

Разумеется, пересказанный Ф.В. Булгариным случай нельзя рассматривать как источник сведений о действиях флотилии Л. Качониса, однако едва ли стоит совершенно исключать возможность того, что в нем отражена схватка «Минервы Северной» с неким ту-

¹ Булгарин Ф.В. Сочинения. Т. 1. СПб, 1827. С. 40–47.

рецким или же алжирским судном, возможно, и не принадлежавшим к составу вошедшей в Архипелаг эскадры, на пути от Трикери к Зеа. Впрочем, с равной вероятностью процитированное описание подходит и ко многим другим случаям борьбы каперов с неприятельскими судами.

Шансы столкнуться с турецкой эскадрой, отошедшей после боя 25 июня к Хиосу или Самосу, в водах «на высоте» последнего острова были у флотилии достаточно высокими. Однако даже если запечатленная пером Ф.В. Булгарина победа Л. Кацониса над «турецким фрегатом» имела место в июле, вскоре ситуация радикально изменилась. Об этом свидетельствует письмо С.С. Гибса П.М. Скавронскому, от 29 августа 1789 г., в котором, со ссылкой на рассказ возвратившегося из Архипелага Г. Лоренцо, говорится: «Прибавил слышанное им, что м[айор] Ламбро принужден был оставить свой укрепленный остров Зеа по причине показавшейся силы неприятельской, и отправясь вскорости, оставил там пушки и несколько людей, и был принужден сжечь одно из своих судно, дабы не оставить его в добычу неприятелю»¹.

Этому известию вторят документы, цитируемые, хотя и без точной датировки, Г.А. Гребенщиковой, в частности, «сентябрьское донесение» министра в Вене, Д.М. Голицына, который писал: «Вооруженные алжирские суда, соединясь с турецкою беломорскою эскадрою, атаковали флотилию российских корсаров» на о. Зеа, а также министра в Неаполе П.М. Скавронского, в том же сентябре сообщавшего о «скоростижном» уходе Л. Кацониса с Зеа².

Судя по всему, оба министра составляли свои бумаги на основе, прежде всего, писем и донесений С.С. Гибса, но возможно, с учетом сведений из других источников, например, консульских донесений. Кроме того, известия об изгнании Л. Кацониса с Зеа попадали и в периодическую печать. Так, «Gazzetta Universale», в номере за 10 октября (н. ст.) 1789 г. поместила корреспонденцию из Константинополя, от 28 августа / 8 сентября, в которой говорилось о «рассеянии врагов», т.е. российских флотилий, и разрушении батарей на Зеа (Isola di Zea, e demolite dai turchi le batterie che vi avevano piantate I nemici)³.

Заметим, что В.Д. Овчинников, а позднее Г.А. Гребенщикова, ссылаясь, очевидно, на донесения Д. Загурисского, писали, будто

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 216 об.

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 227–228.

³ Gazzetta Universale. 1789. Ottobre 10.

Л. Кацонис, покидая Зеа, «разорил сделанные там укрепления»¹. Однако учитывая ту спешку, в которой легкая флотилия ретировалась с острова, оставив на нем даже столь нужные ей пушки, «разорять» примитивные укрепления, – видимо, валы для защиты установленных на берегу орудий, которые моряки только и могли успеть насыпать ранее, – у них не было времени. Возможно, в данном случае речь идет о том, что командующий приказал поджечь не только поврежденное судно, но и какие-то береговые постройки, использовавшиеся как склады или казармы. А вот у турок, напротив, хватало и времени, и возможностей, чтобы заставить местное население скрыть остатки батарей.

Утверждения о «разорении укреплений» Л. Кацонисом противоречат и донесению С.С. Гибса Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г., в котором говорилось, что Г. Лоренцо «объявил слышанное им, что майор Ламбро, по причине появившейся неприятельской, столь превосходной силы, принужден был в самой скорости отойти от острова Зеа, на котором укрепился он четырью только пушками, а по словам его четырью батареями, не успел взять с собою флага, пушек и некоторое число людей и был принужден сжечь одно из флотилии своей судно, подвергшееся в добычу неприятеля»².

Примечательно, что в большинстве известных нам источников о занятии турками Зеа с боем не говорится, равно как и о боях, непосредственно предшествовавших этому событию. Лишь в упоминавшейся выше рукописи статьи П.А. Апостолиди сказано, что 3 августа, узнав, что шесть алжирских судов показалось у Идры, Л. Кацонис вышел навстречу и между островами Зеа и Макронисос опрокинул неприятеля и гнал до Навплии (т.е. на юго-запад). Возвратившись же к Зеа, 7 августа подполковник, будто бы, получил известия о приближающемся турецком флоте и хотел с ним сразиться, но враг «не принял вызова»³.

Разумеется, эта версия событий явно исходит от заинтересованной стороны, противоречит ряду других источников, содержит множество неточностей и преувеличений, наконец, не объясняет, почему Л. Кацонис покинул Зеа, но она заставляет нас задуматься о том, вполне ли достоверны иные версии, изложенные людьми, непосредственно в происходившем не участвовавшими и полагававшимися на чужие слова. В данном же случае мы можем предпо-

¹ Овчинников В.Д. Федор Ушаков... С. 157; Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 227.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 258; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 101–101 об.

³ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1912. Л. 20–21.

ложить, что флотилия Л. Кацониса не была разгромлена в бою, однако сильно потрепана и вытеснена с Зеа превосходящими силами противника, разорившего укрепления и склады, из-за чего моряки лишились всех запасов.

Насколько можно понять, Г.А. Гребенщикова полагает, что Л. Кацонис и его люди, спасшиеся во время нападения турецко-алжирской эскадры на остров Зеа, сразу направились на Цериго. О том, когда именно это случилось, в цитируемых ею материалах не говорится. Однако В.Д. Овчинников, также опиравшийся на сведения из документов АВПРИ, отмечает, что столкнувшись в бою с алжирцами 3 августа (по некоторым данным, у о. Макронисос (Элени), расположенном у берегов Аттики, к северо-западу от Зеа, календарный стиль, которым датированы события, не указан), и потеряв два судна, легкая флотилия отступила, затем уклонилась от боя с турецкой эскадрой из 21 корабля, зашла на Зеа, и приняв на борт какую-то часть людей и имущества, покинула остров. Когда именно это произошло, не указывается, датировано лишь прибытие на Цериго 29 августа¹. Заметим, что расстояние от Зеа до Цериго не столь велико, чтобы на его преодоление ушло 26 дней – достаточно было бы и двух. Если мы имеем дело не с разными календарными стилями, то флотилия в промежутке между указанными датами, несомненно, передвигалась по Архипелагу. Не исключено, что описанные выше действия (поход к Трикери, захват французского судна) относятся именно к этому периоду.

В то же самое время, когда Л. Кацонис двигался к Цериго, на запад уходил и Г. Лоренцо. Причем, в данном случае известно, что казенная флотилия покидала Архипелаг частями. Так, в письме А.К. Псаро, от 23 августа 1789 г., С.С. Гибс указывал, что «на днях» в Сиракузы, якобы, для пополнения запасов провианта, прибыли суда под командованием Г. Шмита, Д. Кацари и С. Калига. По словам контр-адмирала, одно из них, шебека «Минерва», уже настолько обветшало, что больше служить не могло².

Спустя неделю, в письме П.М. Скавронскому, от 29 августа 1789 г., С.С. Гибс сообщал: «В то время, когда пришли в Сиракузу три судна, присланные от г[осподина] Гульелма за провизией, сиракузское правление уведомило меня, что им ни в Сиракузе, ни в ином сицилийском порте карантина выстаивать не позволят, и поэтому принужден был послать в Мальту все три судна, из коих два,

¹ Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 157.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 212.

нагрузив провиантом и прочими материалами, отправить обратно во флотилию, а третье судно, ради худости своей, по выдержании карантина, прислать велел в Сиракузу. Ныне пришел в Сиракузу со всею флотилиею сам Гульелмо, от которого желал я потребовать о причине его приезда сведения в самое скорейшее время, для того, чтоб отправить о сем рапорт мой ко двору...», однако и этому помешал карантин. Далее председатель Призовой комиссии указывал: «Гульелмо принужден был сюда возвратиться по недостатку в провизии, и дал мне знать, что вооружение неприятельское умножено до 36 разной величины судов, между коими пять алжирских, семь кандиотских, два из Наполи ди Романия и остальные из Константинополя»¹.

На следующий день, в донесении А.А. Безбородко, от 30 августа 1789 г., контр-адмирал уже оправдывал своего подчиненного: «Сего августа 29 дня прибыл из Архипелага в Сиракузу кап[итан] Гульелмо Лоренсо со всею вверенною ему флотилиею и чрез рапорт объявил, что он принужден был из Архипелага выйти ради недостатка провизии и в других воинских снарядах, весьма нужных на продолжение кампании, и для того, чтоб не подвергнуть всю флотилию на жертву неприятелю, которого вооружение усмотрел умножено, после сделанной ему диверсии, до 36 разной величины судов, между коими пришедших на помощь пять алжирских, семь кандиотских, два из Наполи ди Романия, а остальные из Константинополя... из пришедшей флотилии некоторые суда должно исправить починкою, переменить или вновь сделать многие разбитые во время сражения снасти и паруса, снабдить порохом, ядрами и другими воинскими снарядами, удовлетворить на несколько месяцев провизию, которой от бывшего заготовления не осталось ничего более, кроме весьма малого числа сухарей, а прочая по повелению уже продана... Сия флотилия наша, когда отправлена была в Архипелаг, между прочими повелениями от господина генерал-поручика и разных орденов кавалера Ивана Александровича Заборовского не предписано было времени, на какое она отправляется, и потому на представления мои о том получил сумму денег для приготовления и снабжения флотилии на первый случай только чтоб показать действия силы нашей в Архипелаге»².

Другими словами, С.С. Гибс, по сути дела, признавал, что снаряжавшаяся на казенные средства флотилия изначально не

¹ Там же. Л. 215, 216 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 217–218.

была способна действовать самостоятельно сколько-нибудь продолжительное время. То есть, речь шла о привычной для российских бюрократов, не исключая и военных, «показухе». Здесь уместно вспомнить о том, что во время перестрелки с турками 24 июня фрегат С.М. Телесницкого стал испытывать нужду в некой «амуниции», которая вполне может объясняться не только повышенным расходом, но и недостаточным запасом, о чем бы ни шла речь. Таким образом, скудное снабжение стало одной из причин, вынудивших всю флотилию в последних числах августа покинуть Архипелаг, так и не выполнив главной задачи – пресечь подвоз продовольствия в Константинополь.

Заметим, что сохранившаяся в фондах РГАВМФ книга «отпусков», т. е. копий отосланных документов председателя Призовой комиссии не позволяет утверждать, что та или иная бумага действительно была отправлена адресату. Во всяком случае, в публикацию «Материалов для истории русского флота» цитировавшееся выше донесение С.С. Гибса А.А. Безбородко от 30 августа не попало. Зато там оказалась небольшая выписка из найденного, видимо, Н.А. Коргуевым, в делах Московского архива МИД практически того же донесения контр-адмирала, но датированного 5 сентября 1789 г. Документ фигурирует и в книге «отпусков», однако текст публикации существенно отличается от соответствующих фрагментов копии исходного текста. В нем скомкана аргументация контр-адмирала, опущены обычные его сетования на недостаток средств, но фигурирует абзац, в котором сказано: «Майор Ламбро Качони, продолжая упрямство свое соединить флотилию свою с вверенною капитану Лоренцу, сказал на посланный ему от меня с капитан-лейтенантом Франческом ордер так: Анжело! Я тебе сказываю, что одного генерала, т.е. Заборовского, выжил из здешних мест, а другого уже ничего не стоит». Примечательно, что в рапорте от 30 августа это место выглядит так: «Майор Ламбро Каццони, продолжая упрямство свое соединить флотилию свою с вверенною кап[итану] Гуль[елму] Лоренцу, сказал на посланный ему от меня ордер, что он одного из таковых, как я, выжил уже из здешних стран. О сем получив уведомления от прибывшего начальника флотилии, не преминувал донести при сем и Вашему графскому сиятельству»¹.

В результате редактирования текста исследователи получили в свое распоряжение усеченные сведения, искажающие картину со-

¹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 602; РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 219.

бытий. Причем, более всего затушеванной оказалась зависимость казенной флотилии от соединения Л. Кацониса. Примечательно, что полный текст донесения С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 30 августа, вместе с рядом предшествующих документов, дает об этом достаточно ясное представление. Причем, выпады против подполковника (о производстве которого в этот чин в Сиракузах еще не знали) в таком контексте обретают свой истинный смысл, а в ином теряют его, создавая впечатление, будто Л. Кацонис стал чуть ли не помехой на победоносном пути казенной флотилии, своим упрямством срывая планы ее усиления. В такой интерпретации замалчиваются неизбежные проблемы снабжения объединенных сил, учитывая фактический запрет на захват судов большинства турецких подданных – греков и требование отчислять в пользу казны, т.е. комиссии С.С. Гибса, две трети стоимости призов, что сильно било по интересам подчиненных Л. Кацониса и с высокой вероятностью привело бы к развалу его флотилии.

Заслуживает внимания и вопрос об источниках сведений о последней, в частности, описания ее бегства с Зеа. Надо полагать, что дипломаты, в частности, П.М. Скавронский и Д.М. Голицын, в своих донесениях использовали информацию, предоставленную им С.С. Гибсом, а тот, судя по его переписке, во многом зависел от рапортов Г. Лоренцо и рассказов его подчиненных. Но и они далеко не все видели собственными глазами, зачастую питаюсь слухами. Источником же последних, в отношении событий на Зеа, скорее всего, являлась переписка неаполитанского вице-консула на этом острове Г. Пангалиса (который с мая 1788 г. жаловался на Л. Кацониса) с другими консулами, в том числе на Ионических островах, или своими торговыми партнерами. Если это предположение верно, то мы имеем дело с заведомо пристрастным подходом. Едва ли ближе к истине и слухи, распространявшиеся моряками купеческих судов. Но не исключено, что какие-то сведения исходили от экипажей судов флотилии Л. Кацониса.

Надо сказать, что, несмотря на прибытие в Сиракузы «на днях» перед 23 августа Г. Шмита, Д. Кацари и С. Калиги, упоминания о том, при каких обстоятельствах Л. Кацонис покинул Зеа, в переписке С.С. Гибса до 29-го числа не появлялось. Если же обратиться к финансовой документации, то можно установить, что Д. Кацари со «Святым Николаем» 2/13 июля был на Тиносе, а 1/12 августа производил платежи на Занте, тогда как «Святой Иоанн» С. Калиги на Тиносе отмечен 19/30 июля, а на Занте – 3/14 августа. Другими сло-

вами, они покинули Архипелаг прежде, чем произошли события на Зеа. Между тем, Г. Лоренцо, 12/23 июля плативший за поставки на Тиносе, 22 июля / 2 августа занимался этим в Трио на Паросе, 5/16 августа на Санторине, 22 августа / 2 сентября в Порто Кери на Занте, откуда, как можно понять, и направился в Сиракузы. Возможно, отдельно от него, но в том же направлении совершал переходы Г.В. Войнович, который отмечен 22 июля / 2 августа в Наксии, 17/28 августа в Порто Кери и 5/16 сентября в Сиракузах¹.

Таким образом, есть вероятность, что о судьбе флотилии Л. Кацониса начальник казенной узнал уже во второй половине августа на Занте, куда заходили торговые суда или даже кто-то из каперов. Учитывая, что побывавший на Занте Г. Лоренцо лишь «объявил слышанное им» о произошедшем на Зеа, но ничего конкретного о соединении Л. Кацониса, включая местонахождение его судов, не говорил, тогда как, согласно донесению С.С. Гибса Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г., о Л. Кацонисе сказано: «Чрез присланной ко мне после сего (т.е. доклада Г. Лоренцо об уходе легкой флотилии с Зеа. — *Р.К.*) рапорт уведомляет, что он находится в Занте, имея поврежденную на судне своем грот-мачту...», можно предположить, что мальтиец покинул Занте до того, как туда пришла «Минерва Северная»². В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что 29 августа (в данном случае не имеет существенного значения, какого стиля), как указывалось выше, командующий легкой флотилией находился на Цериго и до Занте, очевидно, еще не добрался.

Из процитированных выше слов С.С. Гибса мы видим также, что Л. Кацонис все-таки соблюдал, по крайней мере, внешние формы подчинения начальству – хоть изредка, но извещал его рапортами о своих действиях и перемещениях. Однако контр-адмиралу этого было мало. Не говоря уже об отказе подполковника делиться призами или возвращать их судовладельцам, до председателя Призовой комиссии доходило множество слухов, которым он, несомненно, верил и которые все более и более настраивали его против Л. Кацониса. В частности, одна из таких сплетен пересказана в упомянутом выше донесении С.С. Гибса светлейшему князю, в связи с жалобой греков, просивших вернуть им реквизированные суда. По словам контр-адмирала, он послал жалобщиков «с ордером к нему, рассмотрев прежде комиссию противу их жалобы. Но май-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об – 137 об, 159 об – 160; Д. 12. Л. 196, 212, 214, 316–316 об, 440 – 440 об.; Д. 7а. Л. 19 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 258; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 101 об.

ор Ламбро, вместо удовлетворения, высек двух из оных нещадно и отпустил, сказав публично: “Вот сколько я повинуюсь повелениям адмирала Гиббса”»¹. Где и когда именно произошла описываемая экзекуция, С.С. Гибс не уточнил, равно как не сообщил, кто поведал о ней. Вместе с тем, если источником информации служили сами пострадавшие или упоминавшийся выше Г. Пангалис, то в достоверности рассказа, ввиду несомненной пристрастности этих лиц, с полным правом можно усомниться.

Здесь следует вернуться к письму Л. Кацониса Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г. Как представляется, различные слухи, распространявшиеся на его счет, доходили и до самого подполковника. Неизвестно, знал ли он об августовских донесениях С.С. Гибса, но вполне мог испытывать потребность донести до высшего начальства свой взгляд на происходящее и сделал это, видимо, сразу по прибытии на Занте.

О том, что такой шаг был предпринят не без веских причин, говорит дошедшее до нас, хотя и более позднее свидетельство предпринимавшихся тогда попыток запугать и переманить на свою сторону подчиненных строптивного подполковника – письмо Д. Ламбро, адресованное 29 октября 1789 г. А. Лихардопуло, в котором говорилось: «Я получил письмо ваше от 23 сего месяца из Фискады и понял все, что вы хотели в оном изъяснить. Касательно до вас, я должен вас уведомить тайным образом, что в силу наставлений, полученных от господина генерала и кавалера Жибса (С.С. Гибса. — *Р.К.*) из Сиракузы через господина Бенаки, повелено сказать под тайною всем капитанам, находящимся в эскадре майора Ламбро, что если он не поедет нынешнего года в Сиракузу, то он будет нещастлив вместе в теми, которые будут держаться его мнения. Итак, я предупреждаю тебя, как друг, чтобы ты для пользы твоей не отлагал более сего путешествия, о чем я изустно объяснился с капитаном Кристо, который также тебе о сем расскажет между прочими делами. Равномерно вы можете уведомить всех ваших приятелей... Еще вас уведомляю, что если вы обыкновенно носите морской мундир и подымаете флаг святого Андрея с Х[рестом], то не должны более так одеваться и подымать сего флага, когда вы будете в Сиракузе, ибо сие весьма противно господину контр-адмиралу Жибсу»².

В архивном деле этот документ предваряется пояснением:

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 100 об.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 298. При публикации документа неточно указан адресат.

«Копия письма, переведенного с греческого языка, посланного 29 октября из Превезы Дмитрием Ламбро к капитану Андрею Лихардопуло, командующему одним судном под российским флагом, принадлежащим к флотилии г. подполковника Качони»¹. Что касается адресата, сведения о нем можно найти в представлении В.С. Томара в «Комиссию для свидетельства счетов...», от 2 июня 1794 г., где перечислены некоторые командиры судов «эскадры господина Ламбро Коцциони», в том числе Андрей Ликиардопуло, начальствовавший на галере «Беллона»². Кем и при каких обстоятельствах прислана в канцелярию Г.А. Потемкина эта копия, не указывается, как не уточняется и то, каким стилем датирован документ. Однако нет оснований сомневаться в том, что он отражает закулисную борьбу между группами, сложившимися к тому времени среди российских офицеров на Средиземном море.

Наряду с другими бумагами, письмо Д. Ламбро служит доказательством активных попыток устранить Л. Кацониса со сцены, предпринимавшихся в Сиракузах. Как не раз было показано выше, негативные отзывы о нем С.С. Гибс направлял по разным адресам с конца 1788 г., очередную атаку предпринял в связи с доставленным 30 июля донесением Г. Лоренцо, о котором рапортовал в Петербург, начиная с 11 августа. Надо полагать, поступившее в Коллегию иностранных дел, по словам Г.А. Гребенщиковой, «в конце лета» послание А. Пангалло, с критикой действий Г. Лоренцо³, стало одной из попыток Л. Кацониса донести до Петербурга свое видение событий. Разумеется, будучи вынужден противостоять целой группе лиц, подполковник искал каналы передачи своей корреспонденции, не зависевшие от влияния С.С. Гибса, равно как А.К. Псаро, И.В. Войновича. Вероятно, подобными соображениями и объясняется появление письма Л. Кацониса Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г.

Между тем, С.С. Гибс, после непродолжительной паузы, продолжал настойчиво чернить Л. Кацониса. Так, в письме А.С. Мордвинову, от 3/14 октября 1789 г., он повторил содержание своего всеподданнейшего рапорта от 11 августа, прибавив: «Я не понимаю привязанности его (Л. Кацониса. — *Р.К.*) к грекам, кои служат у него с своими судами и коих лишает он чинов, и жалую опять офицерами, позволяет носить мундир белый, быв во время сражения с турками при двух случаях от них отставлен и принужден защи-

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 99. Л. 28.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 378.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 222.

щаться от неприятеля один. Соединение его с флотилиею казенною послужило бы на помянутый случай в великую пользу общую и его собственную»¹.

Здесь мы видим несколько иной подход контр-адмирала: видимо, надеясь использовать влияние А.С. Мордвинова на Л. Кацониса, С.С. Гибс пытался внушить министру мысль о необходимости подчинения подполковника командованию казенной флотилии. Заметим, что в письме нет и намека на обратную возможность, всерьез рассматривавшуюся при И.А. Заборовском – передачи казенных судов в ведение Л. Кацониса. Более того, стремясь дискредитировать подполковника, председатель Призовой комиссии так поведал А.С. Мордвинову случай с домогавшимися возврата своего имущества судовладельцами: «...Ламбро, вместо того, чтоб отдать суда, высек их нещадно и отпустил обратно, сказав публично: «Вот сколько я повинуюсь повелениям адмирала Гибса», и обратил ордер мой к такому месту, про которое и упоминать стыжусь». Далее говорилось: «Он проговаривал еще, что одного генерала выжил уже из здешних стран, а другого выжить стоит мало труда. Судя по предприятиям м[айора] Ламбра, кажется, нет надежды, чтоб он удовольствовал просителей в обиде и чтоб уплатил казне истраченные на исправление судов его в Триесте деньги, а особливо когда о себе он говорит, что россияне другой раз в руки себе его уже не достанут. В случае неудачи открыл уже он и место своего убежища к некоторому паше в Асее находящемуся или в Св[ятые] Горы»².

Насколько можно понять, С.С. Гибс знал, что А.С. Мордвинов должен будет сообщить о полученном письме в Петербург, пересказав при этом его жалобы. Одновременно, контр-адмирал попробовал уточнить полномочия Л. Кацониса, сетуя министру: «По данной мне инструкции поступить с ним не предпринял, дабы не подать неприятелю знаков неустройства и чрез то не причинить еще опаснейшего. Сверх того, и насилия употребить не могу, ибо флотилия его силами превосходит флотилию Гульельмову, притом, уважаю и то, что он имеет патент от Князя Светлейшего, а прочие за рукою Николая Семеновича (Н.С. Мордвинова. — Р.К.), хотя бы и мог найти другие средства привести его к повиновению и должности. На требования мои о секретных его ордерах, коими он

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 234. Слова о «непонимании привязанности» повторяются в письме контр-адмирала П.М. Скавронскому, от 3/14 октября 1789 г. См.: Там же. Л. 240.

² Там же. Л. 235–235 об.

хвалится, и почему на судах своих имеет воинский флаг, не дает никакого ответа»¹.

Отклика на это письмо председателю Призовой комиссии пришлось ждать до конца года – 30 декабря старого стиля, но прежде, 26 октября, «грек Пангала» доставил ему ответ А.С. Мордвинова на предыдущее послание контр-адмирала, видимо, от 18 мая, датированный 31 августа (корреспонденция запаздывала на 2 – 3 месяца). О содержании этих бумаг можно судить по очередному письму С.С. Гибса А.С. Мордвинову, от 2 января 1790 г., где сказано: «...В первом из сих упоминаете Вы, что майор Ламбро, в рассуждении данной ему от Ивана Александровича инструкции, никак капитану Гульелму не подчинен, а должен только, в случае надобности, содействовать с ним вместе против неприятеля. Капитан Гульелмо, по данной ему инструкции, написанной сходно с мнением Ивана Александровича, иного искать и не старался, хотя по законам нашим всякое имел право требовать сего, не взирая, что вступил в службу нашу позже майора Ламбро...»²

Разумеется, такое заявление С.С. Гибса не соответствовало действительности, и это видно из его же собственного изложения действий мальтийца – практически во всех рапортах, начиная со всеподданнейшего, от 11 августа, как было показано выше, Г. Лоренцо настойчиво «призывал» Л. Кацониса к себе, пытаясь навязать ему свою волю. Но последний, хотя дважды и последовал призывам, подчиняться не желал. Настаивая на версии «отказа» Л. Кацониса соединиться с мальтийцем, контр-адмирал откровенно демонстрировал нежелание примириться с его самостоятельностью.

Получил ли А.С. Мордвинов до 31 августа описание действий Г. Лоренцо, или нет, нам неизвестно, однако в своем письме С.С. Гибсу министр считал необходимым подчеркнуть независимость Л. Кацониса. Контр-адмирал же, надо полагать, сознавая слабость своих аргументов, в своем письме, как и ранее, усердно чернил подполковника: «... Не пустить к себе капитана Гульелмо, угрожать палить по нем из пушек, ежели он осмелится войтить в порт, письменные мои приказания публично и хуже, нежели с пренебрежением, поступил. Не знаю, сделал ли бы и тот, кто в службе и гораздо более майора Ламбро. Сей, имея только два собственные свои судна, а прочие суда, флотилию его составляющие, взяты на силу у греков, кои ныне неотступно просят комиссию о возвращении оных;

¹ Там же. Л. 236.

² Там же. Л. 275.

будет стоить дорого отечеству нашему за услуги, показанные, как говорят, на собственный его счет, быв исправлен и всеми снабден на немалую уже сумму денег из казенного иждивения. Прочие приобретенные, кои именуются также собственным его коштом, суть наглость, с какою он захватывал все, что ни попадетсЯ, не взирая ни на что, даже и на самые установления нейтралитета»¹.

И в данном случае нам приходится обращать внимание на характерную черту бумаг С.С. Гибса – они практически не дают представления о действительном положении дел, а в ряде случаев противоречат сведениям из других сохранившихся документов. Прежде всего, заметим, что контр-адмирал старательно замалчивает причины поступков Л. Кацониса, диктовавшихся, в частности, его недоверием к известному, по словам Р.К. Скаловского, «ненавистью к грекам» мальтийскому пирату Г. Лоренцо. Примечательно, что С.С. Гибс признает собственностью Л. Кацониса не одну «Минерву Северную», а два судна, не уточняя каких, остальные же называет «взятыми на силу у греков». Между тем, в число последних, как указывалось выше, контр-адмирал относил и судно Г. Пангалиса, однако история перехода шкипера Н. Камбури на службу к подполковнику заставляет сомневаться в справедливости такого определения.

Одновременно с письмом А.С. Мордвинову, 3/14 октября 1789 г., С.С. Гибс жаловался на Л. Кацониса в письме к П.М. Скавронскому, а затем повторил и даже усугубил свои нарекания в донесении Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г. Учитывая, что светлейший князь, судя по всему, не только доверял подполковнику, но и возлагал на него определенные надежды, видимо, не совпадавшие с намерениями контр-адмирала, это послание оказало иное действие, нежели рассчитывал последний: рассказам о том, насколько своеволен Л. Кацонис, Г.А. Потемкин особого значения не придал, а вот на требование С.С. Гибсом денег внимание обратил.

К сожалению, нам не известно действительное отношение светлейшего князя к жалобам на Л. Кацониса. Об этом можно судить только по косвенным признакам, в частности, по быстрому карьерному росту грека, наградам и одобрительным отзывам о нем в переписке. Равно как нет в нашем распоряжении прямых указаний на отношение Г.А. Потемкина к Г. Лоренцо, но можно предположить, что зная о пиратском прошлом мальтийца, он не питал на его

¹ Там же. Л. 275–275 об.

счет иллюзий. Кроме того, нельзя исключать, что светлейший князь был в курсе тех гонений, которым тогда подвергался командующий казенной флотилией на Мальте.

В переписке С.С. Гибса сохранились упоминания о судебном преследовании Г. Лоренцо мальтийцами. Так, в письме контр-адмирала к А.К. Псаро, от 15 августа 1789 г., сказано: «Я уведомлен, что дело Гульелмо хотят начать опять, и может быть определят положить на имение его секвестр. Я вас прошу не допускать до того, ибо грессмейстер обещал уже мне верно оставить дело до прибытия Гульелмова, уважая то, что он находится в службе нашей». Спустя неделю, 23 августа, С.С. Гибс писал тому же адресату: «Что принадлежит до дела Гульелмова, я весьма удивляюсь, что при нынешнем случае открылась отсрочка оному на три месяца, быв прежде... уведомлен и уверен, что грессмейстер приказал дело и суд оставить, не определив, до какого времени, в чем уверил я и Гульелма. Я прошу вас вступить и не допустить никого, кто бы возобновить оное не предпринял. При сем открываю вам, что грек, который за делом сим стряпает, есть бездельник, который и в Сиракузе греческого священника требовал в трибунал, и довел до того, что збиры (судейские приставы. — *Р.К.*) взять его готовы были, ежели бы я не воспрепятствовал»¹.

То обстоятельство, что грессмейстер обещал приостановить дело «из уважения» к российской службе Г. Лоренцо и упоминание грека, возбудившего дело против мальтийца, дают основание считать, что преследование было связано с прежними пиратскими похождениями последнего. Как нам представляется, и на российскую службу Г. Лоренцо переходил, помимо прочего, желая заручиться сильной поддержкой в этом конфликте. Его отношения с местной властью испортились настолько, что по словам Грегори Десмонда, спустя десятилетие, в январе 1799 г. он «предпринял неудачную попытку захватить Валлетту через государственный переворот. Живя в Мальте, когда вторглись французы и началось мальтийское восстание, Лоренцо стал военным советником мальтийского лидера, Каруана (Ф. Каруана, клирик, член правительства Мальты, один из руководителей антифранцузского восстания. — *Р.К.*); узнав, что российский флот собирается войти в Средиземноморье, он решил попробовать взять Мальту для Царя. После того как заговор потерпел неудачу, и Лоренцо и другие были казнены, узнали, что он плани-

¹ Там же. Л. 211 об.

ровал, если переворот окажется успешным, поднять российский флаг над Валлеттой... жители Мальты были... столь рассержены заговором Лоренцо и последующей казнью множества их смелых сограждан, что не могли терпеть ничего русского»¹.

На тех же страницах книги Г. Десмонда говорится, что Мальтийский орден был настолько встревожен поведением Г. Лоренцо на острове во время войны 1787–1791 гг., что великий магистр Э. де Роан «попросил Короля Неаполя прислать отряд в 1500 человек, чтобы противостоять возможному российскому перевороту». Очевидно, этой встревоженностью отчасти объясняются те проблемы, которые возникали на Мальте у российских каперов, особенно у А. Франчески. Надо полагать, что обеспокоенность владела не только мальтийскими, но и сицилийскими властями, и хотя в своей переписке С.С. Гибс нередко хвалил местных губернаторов, но не мог скрыть досады по поводу неизменно возникавших осложнений.

Так, в письме П.М. Скавронскому, от 29 августа 1789 г., контр-адмирал жаловался на порядок карантина в Сиракузах и выражал желание выехать оттуда, «дабы избавиться сицилийских ослов, лукавцев и подлецов. Услуги свои показали и мне тем, что пришедшее российское купеческое судно из Корфу, с рапортом от Гульельма, заставили выдерживать в Сиракузе карантин 42 дня, по повелению, присланному на представление их о том из Палермы, и вытасили у меня на разные карантинные издержки более 17 унцов»². А в донесении А.А. Безбородко, от 30 августа 1789 г., С.С. Гибс подчеркивал, что в Сиракузах нет «карантинного дома», места для починки судов, не хватает необходимых запасов, и высказывался в пользу переезда в Ливорно³.

Учитывая, что аналогичные планы председатель Призовой комиссии лелеял с первых же дней пребывания в Сиракузах, можно предположить, что за прошедший с того времени год ему так и не удалось обеспечить сколько-нибудь сносные условия пребывания в этом порту как себе самому, так и своим подчиненным. Разумеется, одной из важнейших причин тому был постоянный недостаток средств.

Жалуясь на безденежье, С.С. Гибс 11/22 августа 1789 г. доносил И.Г. Чернышеву, что «находясь без денег, не в состоянии снаб-

¹ *Desmond G. Malta, Britain and the European Powers, 1793–1815. Associated University Press, 1996. P. 109–110.*

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 216.

³ Там же. Л. 218 об.

дить флотилию ни воинскими, ни съестными припасами». В адресованном А.А. Безбородко рапорте, от 30 августа 1789 г., сказано: «...Пришел уже в немалый долг, и теперь не нахожу средств не только удовлетворять требования их (капитанов флотилии. — *Р.К.*), но и к доставлению нужного на пропитание пути не имею...» Те же сетования высказаны в очередном донесении И.Г. Чернышеву, от 11 сентября 1789 г., где также говорилось о намерении распустить часть флотилии¹.

Эта мысль уже излагалась С.С. Гибсом в письмах к А.К. Псаро. Впервые она прозвучала в постскрипуме письма от 1 сентября 1789 г. Видимо, контр-адмирал не сразу решился поделиться ею с генерал-майором, но в итоге все же заметил: «...Быв при том в таком состоянии, что и наличного числа судов и людей ни снабдить, ни содержать средств и приказаний не имею. Намерение мое ныне есть отпустить и прежде принятые в службу суда, оставя одни принадлежащие казне». Дальнейшее развитие замысла мы видим в письме от 4 сентября, где говорится: «...Подтверждая вышеписанное мое намерение, как о принятии в службу судов, так и о продаже, и о том, что я намерен ныне находящиеся в службе нашей неказенные суда распустить, кроме, может быть, одного Калиги, который отлично себя показал, прошу вас не позволять им килеваться или вновь делать многое. Мое намерение было исправить их только тем, без чего обойтись не могут².

Заметим, что отношения С.С. Гибса с А.К. Псаро, хотя и были доверительными, но не столь уж равными, как могло бы показаться. Так, в письме от 10 сентября 1789 г. контр-адмирал обратился к нему со словами: «Я весьма удивлен, что вы приписываете воле своей то, что вы исполнить обязаны должностию по службе. Шесть тысяч червонных велено мне дать до первого случая на приуготовление флотилии, и впредь давать, как скоро нужду представлю, о чем приказано было от генерала Заборовского самому Манзу, который сам на то вызвался³.

Причиной недовольства, судя по всему, были проблемы, возникавшие у трех кораблей флотилии, отправленных в карантин на Мальту, из-за чего там, в итоге, осталось только одно, а также весьма неудовлетворительное кредитование Призовой комиссии купцом А. Манзо. Ввиду того, что 10 сентября С.С. Гибс обратил-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 205, 218, 225 об. – 226.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 220, 221.

³ Там же. Л. 224 об.

ся с просьбой о выделении средств к П.М. Скавронскому, 11-го к И.Г. Чернышеву, 12-го к А.А. Безбородко и Д.М. Голицыну, можно предположить, что финансовое положение контр-адмирала, и ранее оставившее желать много лучшего, со времени возвращения из Архипелага соединения Г. Лоренцо заметно обострилось.

Как сказано в донесении С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 26 сентября 1789 г.: «...Служители, неотступно требуя заслуженного своего жалованья, наконец к начальнику флотилии капитану Гульельму Лоренсу с такою наглостью приступили, что он с прочими офицерами принужден был взяться за оружие для оборонения себя от бунтующих. Других средств для укрощения их не оставалось, как самое сильное уверение в том, что они по выдержании карантина жалованьем непременно удовлетворены будут...»¹

Разумеется, С.С. Гибс уже в конце августа сознавал, что его возможности крайне ограничены, поэтому понятно, почему он не сдержал обещания, прозвучавшего в письме А.А. Безбородко, от 5 сентября 1789 г.: «Буду употреблять всевозможные старания к доставлению самонужнейшего для флотилии и выпроводить оную обратно в Архипелаг»². Прошло два месяца, и контр-адмирал признался в донесении Г.А. Потемкину, от 28 ноября 1789 г.: «Что принадлежит до казенной флотилии, возвратившейся из Архипелага в Сиракузу, не получив я ни с которой стороны на требования мои помощи деньгами, не нахожу себя в состоянии не только вновь оную вооружить, но не нахожу средств и содержать оную в порте. В таковых обстоятельствах находясь, занял с великим трудом столько денег, что мог отпустить некоторые суда и служителей от службы, и чрез то уменьшил чрезвычайно великие расходы»³.

Собственно, уже в конце сентября остатки флотилии были разосланы по портам. В цитировавшемся выше донесении А.А. Безбородко, от 26 сентября, С.С. Гибс писал: «...Отправил с великою нуждою некоторые суда из флотилии в Мессину, а некоторые в Триест, прося чрез письмо в Триест находящихся [там] купцов Розетти, Белети и полковника и кавалера графа Войновича, чтоб они при таковой нужде склонились снабдить деньгами на уплату жалованья служителям, в Триест отправленным. Между тем отправил письмо в Вену, к полномочному послу нашему князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, прося его о помощи, как в сем случае, так и в про-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 231 об.

² МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 602.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 259; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 102.

Схема предполагаемого плавания казенной флотилии в кампанию 1789 г.

чих. По пути приказал кап[итану] Гульельму заехать в республику Рагузу и отдать оной, чрез находящегося там генерального консула нашего Джика по секрету написанное от меня письмо, чрез которое прошу сию республику о одолжении некоторою суммою денег, в возвращении коих не могут они ни малейшего иметь сомнения. В Мессину отправленным на судах служителям, склонил просьбою тамошнего купца Манзу помогать им, на карантинное только время, недостающею провизиею. Генерал-майор и кавалер Псаро в помощи деньгами совершенно отказал, объявив, что денег в сборе за продаваемую провизию еще нет, да хотя и получит, то сумма оная весьма будет недостаточна на требующиеся для флотилии нужды. Остаюсь теперь в неведении, что предпринять тогда, когда по прошествии карантинного срока придут обратно в Сиракузу суда, и ежели просьбам моим о деньгах, в разные места посланным, никакого удовлетворения не сделают»¹.

Вскоре стало ясно, что надежда на пополнение бюджета Комиссии местными средствами не оправдалась. Как сказано в донесении С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 28 ноября 1789 г., на посланное П.М. Скавронскому письмо и четыре векселя пришел отрицательный ответ. Равно и рагузцы сообщили, что «они одолжения сделать не отваживаются», т.к. опасаются мести турок. Сверх того, Г. Лоренцо потребовал выплатить ему договорную цену за «Ла Фама» – 50 000 мальтийских скудо, а еще 8300 скудо разных издержек. Примечательно, что фрегат к тому моменту нуждался в тимберовке, также довольно дорогостоящей. Однако у контр-адмирала на все это не было денег².

К ноябрю уже, в основном, определилось местоположение судов казенной флотилии. Из финансовой документации известно, что Г. Лоренцо на «Ла Фама» менее чем через месяц после выхода из Сиракуз добрался до Триеста и производил там платежи 20 октября / 1 ноября 1789 г. С ним был отправлен и Г.В. Войнович, «Ла Перфет Аллианс» которого побывал в Рагузе (7/18 октября) и Канале Каламото (Новая Рагуза, 13/24 октября), а в Триесте осуществлял закупки 5/16 ноября 1789 г. Судя по донесению С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 26 сентября, «третье, с кап[итаном] Гульельмом отправленное неказенное судно, отпустит он от службы, как скоро будет в состоянии заплатить служителям на оном судне заслуженное жалованье»³.

¹ Там же. Л. 231 об. – 232.

² Там же. Л. 259 об. – 260 об.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 7а. Л. 19 об.; Д. 12. Л. 316 об., 440 об.; Д. 97. Л. 232 об.

В Мессину ушли С.М. Телесницкий на «Л'Абондансе» и С.Я. Дешаплет на «Российском Орле», получившие приказание сократить команду, на первом до 29, а на втором до 28 человек. Еще одно судно, очевидно, «Святой Георгий» П. Николаки, находилось на Мальте¹.

Казалось, перспектив у казенной флотилии нет – из-за отсутствия средств она в обозримом будущем едва ли выйдет в море. Но неожиданно ситуация резко изменилась. С.С. Гибс 5 декабря получил два высочайших повеления и кредитив на 22 846 сицилийских унцов. Тогда же, возможно, именно в связи с появлением денег, А.К. Псаро, к середине октября прибывший в Сиракузы, сделал контр-адмиралу заманчивое предложение, оформленное в виде «прошения» от 19 декабря 1789 г. В нем говорилось: «Вашему Превосходительству известно множество жалоб, в Комиссию поданных, на майора Ламбро Качони от разных нейтральных народов, а более от греков, коих он, разоряя своими <нрзб> привел всех в страх и отчаяние пользоваться более покровительством всемилоостивейшия наша Государыни. Поступками своими довел до того, что некоторые оскорбленные греки просили уже себе защищения против его у врагов наших и рода христианского»².

Генерал-майор готов был «принять на себя» должность начальника казенной флотилии и отправиться в Архипелаг, чтобы успокоить греков, доказать им, что притеснения последовали вопреки воле императрицы, а Л. Кацониса найти и «обратить к пользе службы». При этом А.К. Псаро указывал, что противник располагает 37 судами, российская же флотилия слаба – в ней 4 казенных судна и 2 принадлежащих Л. Кацонису, остальные он числил «отнятыми у греков» и, судя по его дальнейшим действиям, намеревался вернуть хозяевам.

Видимо, С.С. Гибса соблазнило обещание генерал-майора взять ответственность за возможные «неуспехи» на себя. К тому же А.К. Псаро изложил определенный план дальнейших действий: «Успокоя и удовлетворив всех греков и нейтральные народы, в Средиземном море плавающие, и приведя в послушание майора Ламбро Качони, буду стараться удержать турецкий флот в Архипелаге. Как скоро увижу, что турецкий флот в Архипелаге разделен будет, покушусь напасть на часть оного, ежели же пребудет соединен, и я нападения сделать буду не в состоянии, то держась около Мореи,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 233, 244.

² Там же. Л. 272–272 об.

разошло суда свои по разным неприятельским местам, из коих неприятель готовится вывести или в оные привести провиант и другие припасы, и воспрепятствуя ему, сделать хотя таковой неприятелю вред. Известие о сих случаях, при которых можно неприятелю подобный причинить вред, надеюсь я получить из разных по Архипелагу известных мне мест и от известных корреспондентов»¹.

Легко заметить сходство определений, которыми оперировал А.К. Псаро, с аналогичными определениями С.С. Гибса, при обсуждении вопросов, касавшихся Л. Кацониса. На наш взгляд, это свидетельствует о зависимости контр-адмирала от сведений, доставлявшихся генерал-майором. Затем, бросается в глаза, что в отличие от ордера И.А. Заборовского, который ориентировал каперские флотилии на конкретные действия – нападение на дульциниотов, идриотов, выход на «линию чрез Афонскую Гору, Лемнос, Тенедос», чтобы пресечь «привоз съестных припасов из Египта, Наталии, Архипелага и Ромелии в Константинополь», намерения А.К. Псаро лишены определенности во всем, кроме одного – «приведения в послушание» Л. Кацониса.

Надо полагать, этот элемент плана также пришелся по сердцу С.С. Гибсу, особенно ввиду того, что бумаги от высочайшего имени содержали положительную оценку деятельности Л. Кацониса, мешавшую устранить его силой. В рапорте А.А. Безбородко, от 19 декабря 1789 г., контр-адмирал докладывал: «Я не укоснил дать знать майору Ламбро Качони о благоволении Ея Величества к нему и к другим начальникам судов и подтвердить о послушании»². Поставив начальником казенной флотилии генерал-майора, С.С. Гибс, видимо, рассчитывал, что Л. Кацонис не осмелится оспаривать претензии старшего в чине на руководство обеими флотилиями, тем более, что Екатерина II официально вверяла контр-адмиралу общее командование всеми российскими морскими силами в Архипелаге.

Всеподданнейшим рапортом от того же 19 декабря С.С. Гибс донес, что готовит суда казенной флотилии к очередной кампании, отправив в Триест, помимо двух фрегатов, еще один фрегат и пакетбот для ремонта и вооружения. Далее говорилось: «Рассмотрев предложение господина генерал-майора Псаро и уверен будучи о подробном его сведениях о свойстве народов, его единоплеменников, в Архипелаге и о положении тамошних мест, за полезное признал

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 273–273 об.

² Там же. Л. 269 об.

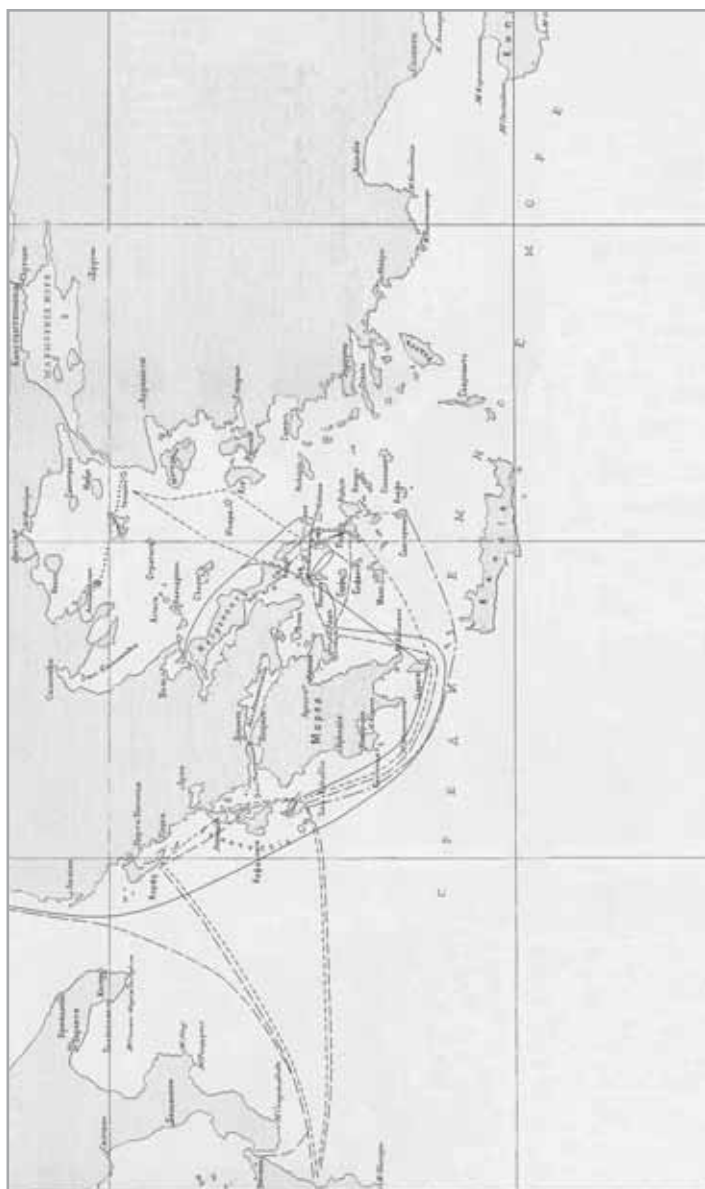

Схема предполагаемого плавания флотилии Л. Кацониса в кампанию 1789 г.

вверить ему начальство над эскадрою, готовящеюся для поисков над неприятелем. Он представил мне на таковой случай и копию с имянного Вашего Величества повеления, данного адмиралу и разных орденов кавалеру Грейгу, в котором подписано употребить его после исправления возложенной на [него] должности и в другой комиссии по рассмотрению, где он по связи с одноземцами его и по знанию тамошних мест нужен будет»¹.

В этом же рапорте, видимо, чтобы укрепить императрицу в мысли о целесообразности и своевременности подчинения Л. Кацониси его власти, С.С. Гибс писал: «Что принадлежит до флотилии майора Ламбро Качони, во оной почитаю я только два ему принадлежащих фрегата, купеческого строения судна, прочие, малое число судов, его флотилию составляющих, принадлежит грекам, кои, нестерпя его насилия и оставя собственные свои судна поневоле во власть ему, имели случай убежать и прибыли с прошениями своими в учрежденную комиссию. По рассмотрении сих прошений, в коих представляют, что они всегда служить Вашему [Величеству] готовы, только чтоб не лишать их командования собственными судами, так, как поступил уже с ними майор Ламбро Качони, принудив их к службе, поставляет на суда начальниками кого заблагорассудит и позволяет им носить белый мундир...»²

Далее повествовалось о жестоком наказании греков-просителей, посланных С.С. Гибсом к Л. Кацонису, о том, что Г. Лоренцо «с одною вверенною ему флотилиею сделал сопротивление неожиданное и возвратился без урону в порт Сиракузу». Учитывая, что ранее контр-адмирал признавал в своих рапортах, включая всеподданнейший от 11 августа, участие в перестрелках 24–25 июня и флотилии Л. Кацониса, его предвзятость явно бросалась в глаза. Примечательно, что С.С. Гибс продолжал именовать подполковника майором и утверждал, будто известий о его флотилии не имеет.

Между тем, как указывалось выше, всего тремя неделями ранее, 28 ноября 1789 г. контр-адмирал доносил Г.А. Потемкину, что Л. Кацонис находится на Занте, «имея поврежденную на судне своем грот-мачту, а прочие суда отпустил в крейсерство промышлять по их воле и не взирая ни на какой флаг». При этом контр-адмирал опасался, что «распущенные сии по своевольству своему коснутся флага и египетского», поэтому «дал майору Ламбро и другим о том

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 267–267 об.

² Там же. Л. 266 об.

Западное побережье острова Тасос. Современное фото

знать секретно, хотя я и сам на сих только днях от графа Моцениго получил известие о сем флаге секретно же»¹.

Разумеется, за прошедшие дни положение могло измениться – сама по себе замена, особенно грот-мачты на трехмачтовом судне, не требовала большого времени, хотя все зависело от наличия подходящего рангоута в порту. Тем не менее, то обстоятельство, что С.С. Гибс умолчал об известных ему сведениях, рапортуя императрице, показательно – в противном случае ему пришлось бы признать, что все суда казенной флотилии находятся вне Архипелага, тогда как подчиненные Л. Кацониса продолжают там действовать.

Оговоримся, что Г.А. Гребенщикова, ссылаясь на документы АВПРИ, цитирует некое донесение С.С. Гибса Екатерине II, от 22 августа 1789 г., отсутствующее в книге отпусков бумаг контр-адмирала, сохранившейся в фондах РГАВМФ². Если документ атрибутирован верно, то в нем упоминаются репрессии Л. Кацониса по отношению к «очень богатому примату» на о. Термия, южнее Зеа, как можно понять, имевшие место после отхода флотилии к Цериги.

В цитировавшемся выше послужном списке Ф.Д. Ревелиоти упоминается, что он был «октября 12-го в сражении с двумя ту-

¹ Там же. Л. 258; Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 101 об.

² Гребенщикова Г.А. Указ соч. С. 228.

рецкими эскадрами под островом Тасом»¹. Надо сказать, что неточность датировки ряда событий в указанном документе, наряду с сохранившимися свидетельствами о действиях судов флотилии Л. Кацониса около о. Тасос в начале 1790 г., заставляют сомневаться и в датировке данного боя. Однако нельзя исключить, что как минимум одно из этих судов осенью 1789 г. побывало в районе дозорной линии, намеченной И.А. Заборовским.

Таким образом, к концу 1789 г., после нескольких нападений на турецкие и греческие военные и торговые суда, а затем перестрелки с оттоманской эскадрой, казенная флотилия покинула Архипелаг, так и не исполнив должным образом ордера И.А. Заборовского, равно как соответствующих приказаний С.С. Гибса. Между тем, соединение Л. Кацониса, хотя также не заняло предписанной И.А. Заборовским линии «от Афонской горы через Лемнос и Тенедос», однако, судя по некоторым источникам, сразилось с группой дульциниотских судов, дважды участвовало в перестрелках с турецко-алжирскими эскадрами, возможно, даже побывало в районе залива Воло, и хотя позднее было вынуждено отступить во владения Венецианской республики, но затем, по сути дела, частью сил возвратилось на торговые пути Османской империи.

¹ Пинчук С.А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX века // Архивы Украины. 2013. № 1. С. 189.

Глава 3.

ДРАМАТИЧНЫЙ 1790-й

Какие именно суда флотилии Л. Кацониса в сентябре 1789 г. отправилось «промышлять по их воле», установить пока не удалось. Сам же подполковник, судя по доступным документам, не покидал Ионических островов в течение нескольких месяцев – с конца августа 1789 г. до конца января 1790 г. Он лишь перебрался с Цериго на Занте, затем на Итаку. Как сказано в письме капитана Е. Палатино, отплывшего из Сиракуз в качестве курьера 4 февраля 1790 г. по распоряжению С.С. Гибса: «Судно, на котором я был отправлен, следовало до Цанта-Острова. Како неподалеко оттуда, в Тиаки-остров (на Итаке. – *Р.К.*) зимовал помянутый Ламбро, то Его Превосходительство почитал ту оказию за наилучшую, но Ламбро оттуда еще 28 генваря отправился в Архипелаг, а потому поехав я туда, его уже и не застал. По долгу моему я не упустил употребить всевозможные средства и 29 апреля сыскал его в острове Дзею (Зеа. – *Р.К.*), и подал я ему данный мне ко нему ордер»¹.

В данном случае капитан имел в виду ордер С.С. Гибса Л. Кацонису, от 2 февраля 1790 г., в котором говорилось: «С половины сего февраля месяца отправляюсь я вместе с Комиссиею в порт Ливорну, и потому о всех делах, кои имеете представлять оной Комиссии, впредь пересылать в Ливорну. Господин генерал-майор и кавалер Псаро, о котором представил уже я Ее Императорскому Величеству, отправится в скором времени в порт Триест, для принятия начальства над готовящеюся флотилиею, с которою оттуда отправится в Архипелаг для поисков над неприятелем и снабден будет от меня инструкциею. На сей конец предписываю и вам быть с судами, под вашею командою находящимися, к половине апреля месяца старого штиля в порт Ди Петала Драгометре или Скрофес, где от Его Превосходительства господина генерал-майора Псаро получите приказания, сходные с

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 309.

ской республики, а с ним, видимо, и часть его людей – прапорщика, сержанта, трех капралов и 27 солдат, получивших 27 сентября 1789 г. аттестаты о службе, а затем покинувших Сиракузы¹.

Надо сказать, что решение перейти к другому командующему Л. Алеандри принял вынужденно. Спустя пять лет, 7 декабря 1794 г., он писал: «...По окончании компании прибыли мы в порт Сиракузы, где капитаны Спиро Дима, Андрей Буа, Захарий Нина и я Алеандри, представили наши жалобы находившемуся там Его Превосходительству г-ну контр-адмиралу Гибсу по поводу претерпленных нами притеснений и обид от означенного нашего командира Гульелма Лоренци в противность заключенных с нами договоров и условий и в противность военного правила. Но к крайнему нашему удивлению помянутой г-н Лоренци со стороны Его Превосходительства Гибса объявил нам решение, что мы чрез всю зиму не должныствовали получать жалованья до будущей кампании; мы же слыша таковой неожиданный ответ и не зная, как себя содержать, принуждены были просить позволения ехать в свое отечество». Однако на родине Л. Алеандри ждал арест. По его словам: «...Будучи уведомлен от моих родителей о неизбежной мне опасности и нещастии на четвертую ночь моего ареста в отчаянии и с вооруженною рукою пробился сквозь стражу венецианских солдат 80 ч[елове]к окружавших меня и спасся бегством. Спустя несколько дней, узнав я о пребывании российско-императорской дивизии в Порте Теаки явился к начальнику оной г-ну полковнику Ламбро Качонию и был от одного принят вместе с набранными мною албанцами 90 ч[елове]к отборных воинов...»²

Случай с Л. Алеандри, наряду с описанными выше репрессиями по отношению к А. Зену, лишний раз показывает отношение Венецианской республики к интересам России. Примечательно, что в отличие, например, от весьма незначительных неудобств, доставленных венецианцами С.Я. Дешаплету, но вызвавших переписку С.С. Гибса с А.С. Мордвиновым, арест капитана, состоявшийся, несмотря на российские аттестаты о службе, не привлек внимания председателя Призовой комиссии. Такое равнодушие, видимо, лишь отчасти связано с отказом грека от службы из-за невыплаты жалованья, главным же образом вызывалось отсутствие потребности даже в таком профессионале военного дела, оставившим «в 1788-м году венецианскую службу, в которой был капитаном»,

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 60. Л. 300, 302, 304.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 43. Л. 54 об – 55.

и последовавшем призыву российской императрицы и выступить против турок, каким был Л. Алеандри¹.

То обстоятельство, что С.С. Гибс осенью 1789 г. фактически распустил пехотные подразделения из корсиканцев и албанцев, позволявшие казенной флотилии высаживать десанты, показывает, что он не рассчитывал впредь широко действовать на суше. Такой шаг выглядит логичным, как ввиду отказа российского правительства от посылки в Средиземное море балтийской эскадры, так и ввиду поражений, которые терпели австрийские войска в 1788 г. и малой их активности в 1789 г. Неудачи австрийцев уже вызвали массовый исход с территории Османской империи сербов, решившихся было выступить против турок. Об этом, в частности, писал в Петербург 5/16 июля 1788 г. Д.М. Голицын². Едва ли такой пример мог вдохновить греков, что, надо полагать, понимал и С.С. Гибс. Скорее всего, именно потому, что он считал мысль об организации восстания в Греции бесперспективной, контр-адмирал первыми сократил заведомо слабые сухопутные части, приданные казенной флотилии.

Заметим, что в фондах РГАВМФ сохранилось и дело по претензиям капитана Андрея Буа, упомянутого Л. Алеандри. Он также жаловался на невыплату жалованья, правда, за период до начала кампании 1789 г. Что касается времени пребывания на судах казенной флотилии, то о нем А. Буа позднее отозвался так: «...Получил я за четыре месяца жалованья». Конкретная сумма, 392 пиастра, указывалась в счете от 26 сентября 1789 г.³ Этот документ лишний раз подтверждает кратковременность плавания трех кораблей под командованием Г. Лоренцо – четыре месяца, с мая по конец августа 1789 г.

Насколько можно понять, той осенью служба А. Буа, на некоторое время – до 1791 г., прервалась. Л. Алеандри, напротив, продолжал ее на флотилии Л. Кацониса, и в аттестате, выданном последним 16 июля 1790 г. на Итаке, говорится об участии капитана во всех сражениях, включая схватку «с двумя неприятельскими флотами, а именно с турецким и алжирским, 6 и 7-го 1790 месяца мая»⁴. Последняя фигурирует во всех работах, посвященных Л. Кацонису, однако о предшествовавших действиях его флотилии в литературе говорится крайне мало.

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 43. Л. 2, 4, 54.

² Костяшков Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. С. 30.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 46. Л. 3, 32.

⁴ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 60. Л. 304.

Берега Румелии с г. Кавалло и о. Тасос

турецкие морские коммуникации. Как гласит этот документ: «В 1790 генваря 22 сжег турецкое судно при берегах Румелии в виду крепости Кавала. 24 генваря взял и сожег другое турецкое судно около острова Тасос. 25-го того же потопил в порте Карагичи два турецкие судна. 27 февраля того же года имел сражение с тремя турецкими судами под командою паши Гаманд Слоглу <Так!> между островами Тино и Микони»¹. Иначе говоря, уже в начале года одно из судов флотилии действовало даже несколько севернее фланга дозорной линии, намеченной для каперов еще И.А. Заборовским.

Вскоре юго-западнее этого района появился и флагманский фрегат. Как сказано в цитируемом Г.А. Гребенщиковой донесении Д. Загурисского, от 22 мая 1790 г.: «Во второй день Пасхи майор Кацони по учинении высадки в Трикере (последний мыс в заливе Волло) запер всех обывателей, находившихся в церкви и упражнявшихся в молитве, ограбил их и взял с них потом великую дань за то, что не сжег их дома. Он причинил им и другие обиды, и все сие делал, чтоб отомстить за одного албанца, капитана Андруца, потерявшего там в прошлом году своего брата»².

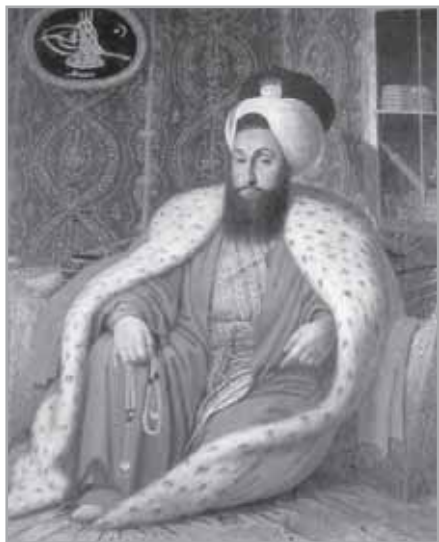
Так как Пасха в 1790 г. отмечалась 24 марта / 4 апреля, описанные консулом репрессии по отношению к жителям Трикери, разумеется, если верить его словам, имели место 25 марта, т.е. еще до прибытия Е. Палатино на Зеа. Объективно такая акция не ограничивалась мщением: действуя на подвластной туркам территории, в глубоком тылу османских войск, противостоявших тогда австрийцам в районе дунайских крепостей Орсово, Жур-

Как сказано в статье П.А. Апостолиди, в феврале 1790 г. подполковник с капитаном Андруццо и 800 воинами прибыл к Тенедосу, откуда выслал на «поиски» два отряда¹. Между тем, судя по формулярному списку Л. Зигури, соединение тогда предпринимало разрозненные набеги на

¹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1912. Л. 23.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об. – 54.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 311.

*Султан Селим III.
Худ. К. Капидогли, 1803 г.*

жа, города Калафат, и вблизи важных путей перевозки хлеба в Константинополь, подполковник дестабилизировал обстановку в этом районе, что, помимо прочего, могло отразиться и на снабжении турецкой столицы продовольствием, во всяком случае, на его ценах.

Рейд к берегам Румелии, даже если судить о нем по сведениям из немногих доступных нам документов, должен был вызвать резонанс, и одним из его результатов следует считать послание Л. Кацонису, написанное 1 февраля

1790 г. драгоманом Стефанати Маврогени от имени султана Селима III, с предложением перейти на турецкую службу и угрозами жестокой кары в случае отказа¹. Письмо нашло адресата, правда, когда именно, неизвестно, но ответа на него не последовало.

Из-за того же рейда сильно усложнилась задача Е. Палатино, в те самые дни пытавшегося отыскать Л. Кацониса, чтобы передать ему ордер от 2 февраля. Он фактически не имел шансов сделать это, по меньшей мере, до середины апреля. Между тем, когда С.С. Гибс составлял свои инструкции, он исходил из предположения, что Л. Кацонис все еще зимует на Итаке, возможно, поэтому и пункты randevu назначил поблизости от этого острова. Однако едва ли контр-адмирал рассчитывал, что поиски адресата затянутся на два месяца, и обстановка успеет существенно измениться, равно как, надо полагать, не предвидел и значительного опоздания А.К. Псаро.

Последнего не предвидел и Е. Палатино, который, согласно цитируемому выше письму В.С. Томара, от 16 ноября 1790 г., оказавшись на Зеа, «старался всячески» склонить Л. Кацониса «к

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 301–302.

послушанию», что, по словам капитана, оказалось делом трудным, так как И.А. Заборовский дал подполковнику «инструкцию, коею делал его полномочным в Архипелаге». Тем не менее, в итоге Л. Кацонис «пред всеми своими офицерами объявил мне, что он повинуется воле Ея Императорского Величества; а чтоб возвратиться в означенное ему место, никак не хотел, а коль скоро генерал Псаро поедет в Архипелаг, с надлежащим повиновением явится к нему во команду»¹. Из этих слов видно, что «непослушание» ограничивалось отказом вернуться к Ионическим островам.

«Уже май месяц, – писал далее Е. Палатино, – и со дня на день ожидать должно прибытие генерала Псаро в Архипелаг; то взяв с Ламбро ответ, как к контр-адмиралу, так и к генералу Псаро, при своем рапорте отправил с верным человеком в Цериги, куда генералу Псаро было не миновать, для известия о учиненном мною с Ламбром. Сам принужденным нашелся остаться с ним, стараясь между тем склонить его в послушание, но к несчастию моему, после 3-х дней противу всех моих стараний, чтобы он оставил всяко[е] с им предприятие, а шел на встречу генералу, узнав, что турецкая эскадра находилась в острове Сикро, вознамерился идти ее атаковать. 5 мая попалась она нам навстречу, число[м] 23 суд[на] разной конструкции; дрались с оною около 8 часов, и за ночным временем разошлись; и как не потерпели никакого урону от неприятеля, майор вознамерился наутро паки оную атаковать, несмотря на то, что мало стало у наших снарядов»².

Рассказ Е. Палатино дает основания полагать, что огонь турок, как часто бывало, не отличался точностью. И хотя они, судя по всему, также не понесли заметного урона от стрельбы кораблей флотилии Л. Кацониса, у подполковника оставалась надежда добиться хотя бы частичного успеха, продолжив бой. Однако «на утре, как только рассвело, увидели еще 11 судов неприятельских, кои нас и атаковали. Флотилия ж наша состояла в 7 маленьких судах. Дрались до обеда. Уже у наших почти снарядов не стало, что приметя, алжирцы пошли на abordаж; взяли 3 наши судна, два кирланкича наши ушли; майор сжег свой фрегат и ушел на кирланкиче»³.

Таким образом, исход боя решили 11 судов, подошедшие ночью и не замеченные моряками флотилии. Едва ли Л. Кацонис имел

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 309. Письмо Е. Палатино генерал-майору В.С. Томара, от 16 декабря 1790 г. публикуется по: РГАВМФ Ф. 197. Оп. 1. Д. 64. Л. 82–83.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 309–310.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 310.

кораблей. И с ними ... мы отступили с нашим храбрым командиром Ламбро, опасно раненным, к острову Цериго»¹.

Легко заметить, что в петиции фигурирует иное распределение неприятельских судов между турецкой и алжирской эскадрами – 19 и 13 против 23 и 11 у Е. Палатино, хотя общее их число в обоих источниках одинаково. Не совпадает указываемое количество кораблей флотилии – 9 против 7. Расходятся источники и в датировке событий. Если Е. Палатино пишет о боях 5–6 мая, то офицеры указывают на 6–7 мая.

В пользу второй датировки говорит ряд документов, исходящих от участников этих боев. Так, по словам командира кирлангича «Принц Александр», капитана Г. Каравия, писавшего в «Комиссию для свидетельства счетов...» 2 июня 1794 г.: «...В 1790 году имели сражение мая 6-го и 7-го числа между Кападаро и Андрос с флотами турецким и алжирским. Не токмо спас я командуемый мною кирлангич, но и самого г-на Ламбра при самой крайней опасности, со всем его экипажем, и людей спас, а его фрегат, дабы не достался в руки неприятельские, сам своими руками я сжег...»² Слова Г. Каравия подтверждаются П. Кассими, который в цитировавшемся выше прошении, от 26 мая 1794 г., писал: «Брат же мой (Н. Кассими. – Р.К.), находясь на фрегате «Минерва»... по причине худого весьма состояния оногo ... перешел с командою на кирлангич «Принц Александр»...»³

О сражении 6–7 мая говорится в «объяснении», данном 3 июля 1794 г. «Комиссии для свидетельства счетов...» прапорщиком Х. Валсамаки⁴. «Формулярный список» Л. Зигури гласит, что он «6 и 7-го мая при острове Андрос и Негропонт находился в несчастном сражении с флотами турецким и алжирским»⁵. Ф.Д. Ревелиоти также был «[1]790-го года в море мая 6-го и 7-го в сражении с турецким и алжирским флотами между островами Андрос и Исадора»⁶. О двухдневном сражении, начавшемся 6 мая, писал 6 июня 1797 г. сам Л. Кацонис⁷.

Ту же датировку, а также целый ряд существенных деталей, мы находим и в прошении П. Кассими от 26 мая 1794 г., где ска-

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 82–83.

² РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

³ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.

⁴ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 52. Л. 7.

⁵ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 53 об. – 54.

⁶ Пинчук С.А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX века // Архивы Украины. 2013. № 1. С. 189.

⁷ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1050 об.

зано: «Мая 6-го 1790-го года близ острова Андрос и Каводоро находился целый день в сражении с неприятельским флотом, хотя силы его были несравненно превосходнее наших, однако остались мы победителями, и естли б к ночи не сделался штиль, то неприятель обратился бы в бегство. И так в 7-е число алжирская эскадра, находившаяся близ острова Хиос, услышав сражение, подъехала; и окружа нас, били жестоко из пушек и из мелкого ружья, но не могли одолеть, сделали абордаж, и по троекратных атаках, которые я выдержал, потеряв более тридцати человек, на четвертый раз не мог уже более противиться...»¹ Из этих слов можно сделать вывод, что алжирское соединение действовало не по заранее намеченному плану, а в силу сложившихся обстоятельств, и предвидеть его появление утром 7 мая на месте боя едва ли было возможно.

Наконец, сведения, подтверждающие датировку сражения 6 – 7 мая можно найти в «Gazzetta Universale». Так, опубликованная в номере от 15/26 июня 1790 г. корреспонденция из Триеста, от 5/16 июня говорит о разгроме флотилии Л. Кацониса турецким флотом, который напал на нее 18–20 мая (di 18 ai 20 di maggio), после чего победившие алжирцы разрушили возведенные на Зеа укрепления (algerini vittoriosi presero tosto la rotta verso Zea per rovinare le fortificazioni state cola erette). А в номере от 21 июня / 2 июля уже говорилось о сражении 6/17 мая, в котором греки столкнулись сначала с 17 оттоманскими судами, а затем за счет подошедших «барбарейцев» (алжирцев) их число увеличилось до 33 (17 maggio, e per tutto quel giorno, e nel susseguente combatte valorosamente colla sua divisione contro 17 legni Ottomanni di forza assai maggiore; ma nel di 19 sopraggiunto un rinforzo di bastimenti barbereschi sino al numero di 33)².

Куда меньше сведений о численности российской флотилии. Так, в «Gazzetta Universale» от 25 мая / 5 июня можно найти упоминание посещения неким венецианским капитаном в конце апреля о. Зеа, где тот нашел 7 вооруженных судов флотилии подполковника Л. Кацониса с 800 служащими, в большинстве албанцами, часть коих занималась восстановлением береговых батарей (bastimento russe della flotiglia del tenente colonnello Lambro Cazoni, e che approdato nel ditto Porto vi trovo il Sig. Lambro con 7 legni armati, ed 800, e piu albanesi al suo servizio. Parte di essi erano distribuiti sulla

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.

² Gazzetta Universale. 1790. Giugno 26; Luglio 2.

flotta, e parte in terra a fermare delle barterie per porsi in buono stato di difesa)¹.

Однако в не датированном, но явно послевоенном письме одного из моряков «Минервы Северной», Ризо Андреева, Н.С. Мордвинову, сказано: «...В 1790 году мая 6-го и 7-го числа на том же корабле, находясь с ним, господином Ламбро Качони, с прочими под его предводительством 8-ю кораблями имели с турецким флотом между двух островов Кавадаро сражение, и по усилению их корабль «Минерва» весьма был изранен... и к вящему несчастью оный корабль погодою принесло к Ковадору, который там и тонуть начал. В сем случае каждый искал своего спасения...»²

Заметный разницей наблюдается в оценке потерь личного состава флотилии. Ориентируясь, видимо, на греческую литературу, Ю.Д. Пряхин дает цифры около 620 человек. Г.Л. Арш, ссылаясь на К. Сафаса, пишет о 565 убитых офицерах и рядовых моряках и 53 пленных³. Между тем, в корреспонденции из Триеста, от 10/21 июля 1790 г., опубликованной «Gazzetta Universale», говорится о поражении Л. Кацониса от превосходящих турецко-алжирских сил, при котором он потерял два судна попавшими в руки турок и три сжег сам, убыль же личного состава достигла 400 человек убитыми и пленными (che perde due bastimenti caduti nelle mani dei nemici, oltre tre incendiati da lui medesimo, e che ebbe 400 tra morti e prigionieri). Примечательно, что в номере от 21 июня / 2 июля говорилось о потере 6 судов⁴.

Если учесть, что экипажи большинства малых каперских судов, преобладавших во флотилии Л. Кацониса, не превышали полусотни человек, о чем свидетельствует и приводившаяся выше справка от 11/22 апреля 1789 г., то гибель даже пяти из них, причем, со всем личным составом, что маловероятно, едва ли дала бы потерю и 250 человек. Видимо, существенно большие цифры возможны только с учетом воинов, занимавших береговые укрепления.

О том, кто находился тогда на Зее, говорит, например, аттестат Л. Кацониса, выданный 19 октября 1796 г. «из албанцев капитану греку Фили Паскали», в котором упоминается, что этот офицер с 215 воинами сражался с неприятелем на острове, но вынужден был отступить, и сумел спастись с 13 подчиненными. Оговорим-

¹ Gazzetta Universale. 1790. Giugno 5.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 537 – 538.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 85; Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 83.

⁴ Gazzetta Universale. 1790. Luglio 31; Luglio 2.

ся, однако, что по словам подполковника, Ф. Паскали первоначально привел с собой 250 человек, сам же капитан 10 января 1797 г. утверждал, будто за пять лет войны из числа его албанцев было убито 27¹. Впрочем, это отнюдь не означает, что того же порядка оказались и потери на Зеа. Скорее всего, убыль личного состава сухопутных частей, сражавшихся на небольшом острове, была сопоставима с потерями моряков на судах.

Весть о поражении флотилии Л. Кацониса дошла до лиц, которых она непосредственно касалась, спустя несколько недель. С.С. Гибс донес об этом А.А. Безбородко 7 июня 1790 г. в таких словах: «Прибывший на сих днях из Смирны в Ливорну английский фрегат разнес о майоре Ламбре молву ... Таковое известие не совсем еще основательно, ибо вскоре после того пришедшее сюда в 14 дней из Миссалонги одно греческое судно ничего о том не объявляет. Ежели весть сия справедлива, то майор Ламбро должен был подвергнуться таковому нещастию, ибо по славолобию своему презрев общую пользу и желая всегда быть начальником, ни от кого не зависящим, старался отдаляться от соединения с казенною флотилиею, отчего и в прошлогоднюю кампанию действия против неприятеля не имели столь великих успехов, каких ожидать надлежало, ежели бы он присоединился».

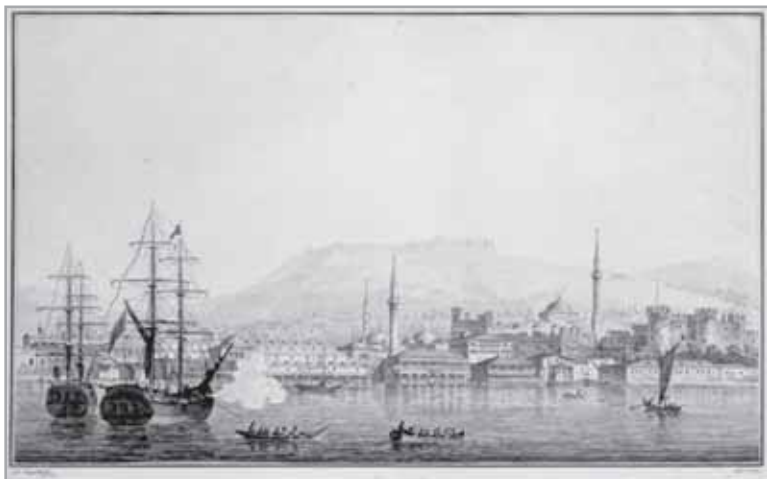
Далее контр-адмирал заметил, будто «видит из обстоятельств», «что он (Л. Кацонис. – Р.К.) по-прежнему для сборища своей республики определил остров Зею, с таковым же, может быть, намерением, чтоб не допускать к себе казенную флотилию, как во время прошлогодней кампании сделал. Славолубие его простирается так далеко, что он воображает начальствовать в Архипелаге независимо и после самого мира, и сие самое воображение принудило его не оставлять острова Зея (на котором, ежели весть справедлива, оставил несчастных албанцев) и нейтить для соединения с ген[ерал]-м[айором] и к[авалером] Псаром, как ему от меня предписано»².

Спустя три дня, 10 июня, С.С. Гибс вновь писал А.А. Безбородко, а также Д.М. Голицыну, сообщая им о полученном от консула на Занте, Д. Загурисского, письме с известием о «неудачном сражении, бывшем у майора Ламбра с неприятелем»³. И вновь председатель Призовой комиссии сетовал о «непослушании» и «славолубии» Л. Кацониса. Наконец, 17 июня 1790 г. он высказал те же

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 35. Л. 3, 4.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 313.

³ Там же. Л. 313 об.

*Смирна.
Худ. М.Н. Воробьев. 1820 г.*

упреки по адресу подполковника во всеподданнейшем рапорте. Но каково было действительное положение вещей?

Выше указывалось, что ордером от 2 февраля 1790 г. С.С. Гибс предписывал Л. Кацонису прибыть «к половине апреля месяца старого штиля в порт Ди Петала Драгометре или Скрофес», а также предупреждал его, что сам «с половины сего февраля» отправится в Ливорно. Перед тем, как покинуть Сиракузы, контр-адмирал сообщил всеподданнейшим рапортом от 6 февраля 1790 г., что к выходу в море готовится флотилия из 6 судов – по 3 в Ливорно и Триесте. Того же числа он отправил аналогичное донесение А.А. Безбородко¹.

Однако к середине месяца Комиссия собраться в дорогу не успела. В этот день С.С. Гибс лишь уволил от службы С. Калигу. Примечательно, что последний спустя полгода вновь оказался в составе, теперь уже флотилии под командованием Л. Кацониса². 17 февраля контр-адмиралом был подписан ордер, которым он приказывал А.К. Псаро принять в Триесте командование над «Ла Фама», «Ла Перфет Аллианс» и новым для флотилии судном «Брянчислав» после чего следовать к месту randevu, где соединить-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 279 об. – 281.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 27. Л. 13, 53; Д. 122. Л. 5.

Вид Неаполя.

Худ. С.Ф. Щедрин. 1826 г.

ся с «Российским Орлом», «Л'Абондансом» и «Святым Георгием», под командованием А. Франчески, а также с флотилией Л. Кацониса. В ордере говорилось: «Что принадлежит до майора Ламбро, оставляю также на ваше благорассуждение, когда и сколько нужно удержать его флотилии при себе или отправить в какое место, и об иных местах иметь всегда сведение на случай соединения». Другими словами – предполагалось фактически отстранить Л. Кацониса от командования. На усмотрение генерал-майора оставлялся и план действий. В этом отношении С.С. Гибс ограничился лишь одним указанием: «Находясь в Архипелаге, ежели сыщете безопасное и выгодное место для зимования, можете там остаться, и меня, как о прочем, так и о сем, уведомить»¹.

На этом сиракузский этап существования Призовой комиссии завершился. 20 февраля С.С. Гибс отплыл в Мессину, где провел несколько дней. Затем контр-адмирал отправился в Неаполь, откуда, судя по всему, 4/15 марта писал А.С. Мордвинову, предупреждая о своем переезде. Прежде чем пуститься в дальнейший путь, 13 марта С.С. Гибс отправил письмо П.М. Скавронскому, а на следую-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 286 – 286 об.

ший день, отказавшись от плавания из-за непрерывных встречных ветров, выехал сушей в Рим, куда и прибыл на третий день. Столицу Папской области контр-адмирал покинул 19 марта, в Ливорно же, по его собственным словам, приехал 22-го или 24-го числа. В порту он «нашел и три судна, из Сиракузы отправленные для исправления» еще 8 февраля, но прибывшие незадолго перед его приездом – 20 марта¹.

Учитывая, что встреча обеих флотилий намечалась в районе, прилегающем к острову Итака, около середины апреля, между тем как ремонт судов и в Ливорно, и в Триесте был далек от окончания – С.С. Гибс даже 19 апреля докладывал А.А. Безбородко, что Г. Лоренцо требует денег на разные работы – можно констатировать срыв ранее назначенных сроков сосредоточения соединений.

Несмотря на то, что контр-адмирал не мог еще получить каких-либо известий от Е. Палатино, отыскавшего Л. Кацониса только в конце апреля, он уже знал о том, что подполковник покинул Итаку. В донесении А.А. Безбородко, от 4/15 мая 1790 г., С.С. Гибс вновь упоминал жалобы греков-судовладельцев, в том числе и неаполитанского вице-консула на Зеа, Г. Пангалиса, который «писал ныне», что «майор Ламбро не только отнятого прежде ему не возвратил, но ныне вновь захватил его судно, нагруженное медом, и чрез то лишил его последнего имения». К числу недавних относилась и упомянутая контр-адмиралом жалоба идриота Лазаря Кокини, «ранее служившего флотилии Г. Лоренцо», что Л. Кацонис захватил его судно и 7512 пиастров. В свою очередь, С.С. Гибс вновь доносил о неповиновении последнего, подчеркивая, что тот, «хоть рапорты свои и присылает изредка, однакоже в оных ничего не упоминает ни о повелениях, ни о исполнениях по оным»².

Заметим, что не забывая обращать внимание петербургского начальства на «непослушание» Л. Кацониса, якобы «разорявшего греков», председатель Призовой комиссии умалчивал о далеко не идеальном поведении собственных подчиненных. Между тем, в сохранившемся среди отпусков бумаг С.С. Гибса его письме А.К. Псарю, от 17 мая 1790 г., говорится: «Припомните, что вы в Сиракузе о Телесницком сказывали. Я здесь сам нашел, что должно за ним присматривать, дабы рачил к должности, а более соблюдал бы интерес казенный. Христофановую (т. е. Сапунцоглу. – Р.К.) оплошностью пользуясь, боцман его бурбаши продал с судна один

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 292 об., 293, 295, 307.

² Там же. Л. 302 – 303.

бизань-парус и одну пушку, и один старый канат, а поелику Христофор представил мне о том рапортом, то потребуйте от Анжела (Франчески. – *Р.К.*), чтоб он нашел виноватого»¹.

Конечно, провинившихся моряков казенной флотилии можно понять – в условиях хронического безденежья они пытались изыскать средства к пропитанию, однако признать это контр-адмирал, на котором лежала изрядная часть вины за сложившееся положение, отказывался. Между тем, попытка содержать, пусть даже всего шесть судов, не располагая необходимыми средствами, неизбежно вызывала как описанные самим С.С. Гибсом выступления матросов против начальства, так и распродажу ими судового имущества.

Впрочем, несмотря на существовавшие проблемы, в Ливорно сумели подготовить к плаванию «Российский Орел», «Л'Абонданс» и «Святой Георгий». 12 мая А. Франчески вывел их в море. В порту осталась лишь окончательно обветшавшая «Минерва», как контр-адмирал заметил в письме 20 мая П.М. Скавронскому, «за фрегат Иваном Александровичем Заборовским купленная»². Заметим, что произошло это спустя почти неделю после разгрома флотилии Л. Кацониса и без малого месяцем позже назначенного С.С. Гибсом времени рандеву флотилий.

Причину позднего выхода упомянутого отряда контр-адмирал объяснил во всеподданнейшем рапорте от 15/24 мая 1790 г., в котором повествовалось об ожидании доставки с Мальты необходимых корабельных снастей, о неблагоприятных ветрах и бурях, вызвавших новые повреждения такелажа, так что плавание затянулось. Сообщал С.С. Гибс и о том, что по словам А.К. Псаро, ремонт судов в Триесте скоро завершится³.

Такая ссылка на обещание подчиненного оказалась весьма кстати – как и в целом ряде других случаев, вскоре выяснилось, что оптимистичные заверения не имеют под собой прочного основания. Спустя два месяца, во всеподданнейшем рапорте от 17 июля 1790 г., С.С. Гибсу вновь пришлось оправдывать, на этот раз задержку триестского отряда. Он писал, что А.К. Псаро должен был ждать готовности австрийских судов, которые генерал-майор взялся сопровождать «в Албанию»⁴.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 305.

² Там же. Л. 305 об.

³ Там же. Л. 306 об. – 307.

⁴ Там же. Л. 323 об. Всеподданнейший рапорт от 17 июля 1790 г. опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 303–304.

Сам А.К. Псаро об этом сообщил С.С. Гибсу донесением от «20/2 июля» 1790 г. – учитывая содержание документа, его следует датировать 20 июля / 2 августа. В донесении говорится: «По отбытии с вверенными мне судами из Триеста, в восемь дней прибыл я в Рагузу, в порт, называемый Санта Кроче, где нашел австрийские два кутаря и четыре «барке канонире», которые там меня дожидались. Сие мое прибытие и соединение с австрийцами, вдруг разнесшись, привело неприятелей, жительствующих в Албании, в очень немалый страх, а чрез то и последовал желанный диверсив, ибо скутарский паша, бывший уже в готовности отправиться с довольным количеством войска в армию, был принужден оставить таковое предприятие»¹.

Позднее, в донесении от 9 февраля 1791 г., А.К. Псаро признался, что «диверсия» состояла в том, что он послал Али-паше письмо с предложением помощи: учитывая, что албанский властитель не хотел уходить на войну, пообещал ему составить фальшивое послание греческим приматам, якобы с призывом готовиться к его прибытию с некими силами (войсками). Послание было отправлено напрямую Али-паше, который, будто бы, отослал бумагу в Константинополь, оправдывая свою неявку².

У нас нет веских оснований сомневаться в достоверности описанного случая, однако нельзя не заметить, что Скутарским властителем в то время являлся Махмуд-паша (Махмуд Бушати)³. Так как он с конца 1797 г. бунтовал против султана, в Петербурге и Вене рассчитывали на его содействие, но после убийства албанцами эмиссаров Иосифа II летом 1788 г. отношения, как Австрии, так и России с Махмудом-пашой прекратились⁴. Али-паша Янинский же против султана не выступал, хотя и не был верным его вассалом. Более того, он пытался покорить сулиотов – греков, живших в горах поблизости от Парги, которые пользовались поддержкой со стороны российского правительства. Тем не менее, в июне 1791 г. Али-паша послал делегацию к В.С. Томара на остров Каламо и в то же время вступил в переписку с Г.А. Потемкиным. Что касается вопроса о том, с каким именно пашой контактировал А.К. Псаро, то он требует отдельного исследования, тем более, что о неких связях с Али-пашой писал позднее и Л. Кацонис.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

² Там же. Л. 4, 13 – 13 об.

³ Аншаков Ю.П. Русско-черногорские отношения в XVIII в.: от Прутского похода Петра I до окончания русско-турецких войн // В интерьере Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 101.

⁴ Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 120.

Если сведения насчет переписки А.К. Псаро с Али-пашой верны, то подобная тактика, возможно, и отводила некоторую угрозу от русских сухопутных войск в Румелии, но сохраняла ее для войск австрийских. Вероятная угроза могла стимулировать желание нового австрийского императора, Леопольда II, заключить с турками мир. Выход же Австрии из войны высвобождал большие силы турок для действия против России. Кроме того, 20-тысячное албанское воинство, хотя и не состояло в безусловном повиновении туркам, нависало с севера над землями греков, изолируя последних, что едва ли помогало им решиться на восстание против владычества Порты.

Примечательно, что в донесении от «20/2 июля» А.К. Псаро ссылался на «желание» австрийского канцлера князя В.-А. Кауница, чтобы он «в водах, омывающих владение албанское, между проходов не делал нападения на неприятеля, дабы чрез то турецкие силы не предприняли намерения прийти из Архипелага в Адриатический залив»¹. Надо полагать, что это требование было вызвано новыми веяниями в австрийской политике, появившимися после смерти 9/20 февраля императора Иосифа II. Взошедший на престол Леопольд II, перед тем правивший великим герцогством Тосканским, обнаружил, что австрийская казна истощена, тогда как империя столкнулась с новыми угрозами – вспыхнуло восстание в австрийских Нидерландах, начались волнения в Венгрии и брожение в Галиции, прусский король Фридрих-Вильгельм II, 19/30 января 1790 г. подписавший соглашение с Портой, а 18/29 марта с Речью Посполитой, придвинул свои войска к границам.

В таких условиях австрийский император предпочел договориться с соседями, и прежде всего Пруссией. Как раз в начале июня обсуждался вопрос о созыве конгресса в Рейхенбахе (ныне польский Дзержонув), а затем предполагалось урегулирование отношений с Османской империей. Разумеется, это не означало прекращения боевых действий – договариваться всегда выгоднее с позиции силы, но флот Австрии в тот период был чрезвычайно слаб, так что В.-А. Кауниц, видимо, стремился избежать весьма вероятного столкновения с турками на море, чреватого поражением и ударом по престижу своего государства, а также угрозой его торговому судоходству в Адриатике.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 4 об.

Судя по всему, А.К. Псаро его желание уважил, «прибыл в воды Антиварские и Тулчинские, где показавшись неприятелю, как будто с намерением сделать нападение, в одну ночь те два кутаря отправил обратно, а с моими судами предпринял путь мой к назначенному предмету. Входя в канал, разделяющий Корфу от твердой земли, встретил три наши судна, отправленные из Ливорны под командою г[осподина] капитана лейтенанта Франчески, с которыми соединясь, прибыл в Корфу»¹.

Таким образом, до появления на Ионических островах, отряд под командованием А.К. Псаро в схватки с неприятелем не вступал. Примечательно, что свои действия генерал-майор фактически не датирует. О том, когда происходило описываемое им, говорит всеподданнейший рапорт С.С. Гибса, от 17 июля 1790 г., согласно которому выход отряда из Триеста состоялся 11 июня, очевидно, старого стиля². Таким образом, в Рагузе А.К. Псаро оказался 19 июня, а на Корфу – спустя еще несколько дней, ближе к концу месяца, т.е. с опозданием более чем на три месяца против сроков, обозначенных контр-адмиралом.

Именно это опоздание, на наш взгляд, и обесценивает все упреки С.С. Гибса в адрес Л. Кацониса, так как получается, что последнему ставится в вину «отказ соединиться» с казенной флотилией, которая сосредоточилась в месте randevu лишь спустя пару месяцев после поражения, нанесенного подполковнику турками. Получается, что контр-адмирал винит его в том, что он не очистил Архипелаг перед лицом превосходящего противника, а вступил с ним в бой. Если учесть упоминавшиеся выше планы С.С. Гибса и А.К. Псаро относительно возврата судов флотилии Л. Кацониса их хозяевам, к слову, впоследствии частично реализованные, то можно усомниться, что после соединения двух флотилий под командованием генерал-майора последовали бы какие-либо активные действия против доминировавшего неприятеля. Видимо, такого взгляда придерживался и Г.А. Потемкин, оценивший произошедшее совершенно иначе, чем С.С. Гибс.

О том, какими силами располагал А.К. Псаро к началу июля 1790 г., говорит таблица, приложенная к всеподданнейшему рапорту С.С. Гибса от 17 июля³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 4 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 323 об.

³ Там же. Л. 327.

№ п/п	Судно	Командир	Числен- ность экипажа	Количество пушек/ фалконетов
1	Фрегат «Ла Фама»	Г. Лоренцо	?	50/12
2	Фрегат «Ла Перфет Аллианс»	Г.В. Вой- нович	100 человек	20/–
3	Фрегат «Л'Абонданс»	С.М. Теле- сницкий	120 человек	20/–
4	Пакетбот «Российский Орел»	Х. Сапун- цогу	110 человек	24/–
5	Кирлангич «Святой Георгий»	П. Нико- лаки	75 человек	16/–
6	Пинка «Брянчислав»	М. ди Жовани	33 человека	8/–
Итого			Более 438	138/12

Как видим, согласно таблице, команда «Л'Абонданса», в августе 1789 г. составлявшая 120 человек, но осенью того же года сокращенная до 29, будто бы вновь увеличилась, а команда «Российского Орла», сократившаяся было с 90 до 28 человек, разрослась до 110. Учитывая сохранявшиеся проблемы с финансированием флотилии, мы позволим себе усомниться в приводимых цифрах. Видимо, указывая численность команд, писавший эту бумагу секретарь исходил из прежних данных. Если же предположить, что людей на судах было меньше, то обслуживать всю артиллерию они явно не могли. Но даже и без этого казенная флотилия заведомо уступала турецкой эскадре. Не меняло положения и присоединение к ней нескольких уцелевших судов флотилии Л. Кацониса, так как все они были из числа малых и слабо вооруженных. Значит, есть все основания считать, что А.К. Псаро, в полном соответствии с мыслями, высказанными им в «прошении» от 19 декабря 1789 г., изначально предполагал «держась около Мореи», разослать суда «по разным неприятельским местам». Вопрос лишь в том, сколько «корсеров» он готов был направить на неприятельские коммуникации. Как по-

казали его дальнейшие действия, за количеством он не гнался, довольствуясь видимостью активных действий.

Когда все шесть судов казенной флотилии оказались на Корфу, А.К. Псаро, по его словам, стал интересоваться «движениями неприятеля», однако «мало узнал» об этом, зато выяснил, что в «Феаках», т.е. на Итаке, находится Л. Кацонис, а в порте Каламо, северо-восточнее Итаки, три судна его флотилии: саития, якобы взятая в прошлом году с зерном, поляка с о. Скопели (в Северных Спорадах) и кирлангич идриота Лазаря Кокини, которым командовал Спиро Калига. В донесении от «20/2 июля» генерал-майор сообщил С.С. Гибсу, что вызвал Л. Кацониса письмом, но тот отказался приехать, сославшись на болезнь. Заметим, что в упоминавшейся выше петиции офицеров флотилии Екатерине II, от 18/29 сентября 1790 г., говорилось об опасном ранении подполковника. Видимо, именно последствия этого ранения и помешали Л. Кацонису явиться к старшему в чине. Во всяком случае, А.К. Псаро, отправившийся на «Ла Перфет Аллиансе» к подполковнику, не опровергал слов последнего о недомогании.

На Итаке генерал-майор объявил, что отнимет у Л. Кацониса два судна, как «неправильно» взятые в приз. С.С. Гибсу он донес: «Приказал ему, чтоб возвратил из крейсерства свои три кирлангича, и что ежели сии кирлангичи приведут призы, то чтоб таковые представил ко мне для должного разобранья; подтвердил, чтоб он более не притеснял греческую нацию и что о прочих его делах, порученных мне от Вашего Превосходительства, имею потребовать от него ответов и вступить в разбирательство после, когда буду иметь время свободное. Из ответов на сии мои предложения, как я тогда приметил, Ламбро был доволен и обязался все то выполнить, между таковым разговором показывал мне полученный им от Его Светлости князя Григория Александровича ордер, от 26 генваря сего года, состоящий в трех или четырех строках, чтоб он немедленно отправился к Его Светлости в Яссы...»¹

Учитывая, что Е. Палатино не упоминал ордер Г.А. Потемкина от 26 января, хотя о его наличии Л. Кацонис едва ли умолчал бы, этот документ передали ему уже по прибытии на Ионические острова, и скорее всего на Занте, т.е. незадолго перед встречей с А.К. Псаро. Видимо, ранение помешало подполковнику исполнить распоряжение светлейшего князя незамедлительно. Заметим,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–6.

что генерал-майор в донесении от «20/2 июля» писал С.С. Гибсу о том, что Л. Кацонис получил очередной чин, но эта бумага дошла до адресата только 1 сентября. Тем не менее, судя по донесению контр-адмирала Г.А. Потемкину, от 26 июля 1790 г., он уже именовал командующего флотилией подполковником, т.е. узнал о производстве, а стало быть, и об одобрении его деятельности высшим начальством, из дипломатических источников, хотя и продолжал всячески шельмовать. Правда, адресуясь к светлейшему князю, С.С. Гибс уже писал о нерешительном дневном сражении с турками и последующем нападении алжирских шебек, вышедших из засады, что было ближе к действительности, чем прежние его отзывы об этом событии¹.

Что касается А.К. Псаро, то по его словам, он взял с собой оба «неправильно взятых» судна и отправился на Занте, где передал их хозяевам. Сохранилась таблица, в которой указывается, что «возвращен от генерала Псаро идриотским турецким подданным» был 20-пушечный кирлангич «Святой Николай», под командованием Спиро Калиги, ранее служившего, на собственной поляке «Святой Иоанн», в казенной флотилии. Видимо, получив 15 февраля у С.С. Гибса аттестат, капитан примкнул к флотилии Л. Кацониса, но вот когда и при каких обстоятельствах под его командой оказался «кирлангич идриота Лазаря Кокини», ранее в составе соединения не числившийся, и какое отношение имеет к этой истории Л. Кацонис остается гадать. Второе судно, безоружную саитию «Дева Скопская», под командованием Франческо Патака, А.К. Псаро вернул «скопелиотским турецким подданным»².

Принимая в расчет предъявленное Л. Кацонису требование «возвратить из крейсерства» все три уцелевших кирлангича, можно говорить о попытке генерал-майора парализовать деятельность флотилии подполковника. Сам А.К. Псаро далее Ионических островов еще не ходил, но в донесении С.С. Гибсу старался представить дело так, будто узнав о его прибытии, командующий турецкими силами в Архипелаге отправился с 18 судами от Хиоса к Тиносу и Микони, а «комендант алжирский» с 12 судами появился у Цериго и берегов Мани. Между тем, логичнее выглядит предположение, что сделано это было по причине выхода в крейсерство остатков флотилии Л. Кацониса, имевшего место еще до появления А.К. Псаро на Ионических островах.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 339–340.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 377.

Явно выдавая желаемое за действительное, С.С. Гибс писал во всеподданнейшем рапорте от 6/17 сентября 1790 г.: «Господин Качиони, видя без успеха намерения свои, с какими при сем случае поступить хотел так, как прошлогодней кампании, согласен был на сии правильные предложения, почему господ[ин] генер[ал]-м[айор] Псаро, оставя порт Каламо и взяв из оного два греческие судна, по прибытии в Зант возвратил оные хозяевам, покрывая причиненную обиду словами, изъявлявшими, что господ[ин] Качиони не с прямым намерением, но по некоторым обстоятельствам к тому принужден был, и объявляя всенародно, что каждый начальник сил Вашего Императорского Величества обязан предписанием греческому народу делать всякое пособие и помощь противу общего врага христианству»¹.

Далее контр-адмирал прибег к очевидному навету: «Господ[ин] Качиони, видя себя обязанным при глазах начальника господ[ина] генер[ал]-м[айора] Псаро поступать во всем уже по изданным предписаниям, а не по своим воображениям, предъявил от господ[ина] генерал-фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического ордер, писанный 26 генваря сего года, чтоб явиться ему в Яссы. Видно по времени, что он об отправлении своем прежде не помышлял, а на сей случай объявил оный, чтоб избавиться только от подчинения и избежать ответственности за причиненные притеснения, в коих жалобщики уличить его очевидный имеют случай»².

Выше мы указывали, что датированный 26 января ордер Г.А. Потемкина Л. Кацонис не мог получить ранее возвращения с Зеа после поражения флотилии, затем вынужден был залечивать раны, что видно из петиции офицеров, косвенно подтверждаемой донесением А.К. Псаро. Но это означает, что до появления генерал-майора подполковник не мог выехать в Яссы, более того, из-за недомогания не мог этого сделать и позднее, так как из всеподданнейшего рапорта С.С. Гибса от 6/17 сентября следует: «Из Триеста господ[ин] полковник Войнович уведомляет, что он прибыл уже в Триест и разгласил намерение свое, что отъезжает к Его Светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому с жалобой на генер[ал]-м[айора] Псаро в том, что бывшей флотилии его два судна возвращены хозяевам»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 356. Всеподданнейший рапорт от 6/17 сентября 1790 г. обсуждался в Государственном Совете 24 октября: Архив Государственного Совета. Т. 1. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 816.

² Там же.

³ Там же. Л. 356 об.

Из этих слов можно заключить, что Л. Кацонис появился в австрийском порту за те несколько дней, которые ушли на доставку письма И.В. Войновича из Триеста в Ливорно, и во всяком случае после 26 июля, когда С.С. Гибс написал предыдущее донесение Г.А. Потемкину. На переход морем с Итаки в Триест требовались считанные дни, но судя по опыту прежних лет, это могло занять около трех недель (в 1788 г. от Занте он шел туда с 20 сентября по 15 октября). Отсюда с большой вероятностью следует, что подполковник отправился в путь не сразу, а спустя некоторое время после разговора с А.К. Псаро, примерно через месяц, о чем мы еще скажем далее. Так как суда своей флотилии Л. Кацонис выслал в море «промышлять по их воле», то его собственное пребывание на Ионических островах уже никакой роли не играло.

Намерение Л. Кацониса жаловаться Г.А. Потемкину на А.К. Псаро показывает, что он отнюдь не был доволен, как утверждал последний, его распоряжениями, но считал себя российским офицером, связанным дисциплиной, не позволявшей ему проигнорировать приказы генерал-майора, тем более, что они были сделаны при личном свидании. Заметим, что объективно жалоба представляется вполне оправданной, если учесть, что стремление А.К. Псаро и С.С. Гибса ликвидировать флотилию подполковника не отвечало интересам России. Правда, оно не противоречило политическим устремлениям Екатерины II, предполагавшей завоевать симпатии нейтральных держав и греков, и это позволяло С.С. Гибсу во всеподданнейшем рапорте от 6/17 сентября писать об изъятых у Л. Кацониса кирлангичах: «Сии два греческие судна господ[ин] Качиони взял силою и с грузом без малейшей за то платы, и лиша хозяев начальствования над судами, поставил других, кои им были подчинены, которые в жалобах своих предъявляли, не требуя уже на сей случай своего груза, но чтоб не лишать их хотя начальствования над собственными своими судами, и что они с оными служить во флотилии не отрекаются»¹.

Примечательно, что контр-адмирал не заметил противоречия в собственных словах – получалось, что А.К. Псаро насильственно сократил флотилию Л. Кацониса на добрую треть, несмотря на то, что сами судовладельцы не отказывались служить. Такой поступок показывает, что генерал-майор с контр-адмиралом, воспользовавшись удобным случаем, вели дело не к тому, чтобы восстановить

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 356. Всеподданнейший рапорт от 6/17 сентября 1790 г. обсуждался в Государственном Совете 24 октября: Архив Государственного Совета. Т. 1. Отделение историческое. СПб., 1869. Стлб. 816.

справедливость, да и о завоевании симпатий греков заботились меньше, чем об устранении со сцены весьма мешавшего им подполковника. И происходило это в то самое время, когда, несмотря на превосходящие силы противника, временно была ослаблена и казенная флотилия.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что С.С. Гибс писал императрице, будто Л. Кацонис «лиша хозяев начальствования над судами, поставил других, кои им были подчинены», тогда как сведения о подчинении, например, Спиро Калиги Лазарю Кокени нам в документах не встречались. Из предшествующих донесений А.К. Псаро контр-адмирал должен был знать, о ком идет речь, поэтому в данном случае, видимо, можно говорить о сознательном искажении истины ради дискредитации Л. Кацониса.

Как говорилось в донесении А.К. Псаро от «20/2 июля», генерал-майор собирался «завтра», т.е. 21 июля / 3 августа отправить А. Франчески с пакетботом «Российский Орел» и фрегатом «Л'Абонданц», как самыми тихоходными, к острову Паксо, т.е. на север от Занте, где он тогда находился, но ближе к острову Парга, куда перед тем выехал Л. Кацонис. Сам же А.К. Псаро, с четырьмя остальными судами, собирался идти к Наварину и «берегам Мореи», чтобы «узнать о движениях неприятеля». Надо сказать, что по его же словам, делалось это уже после того, как «кавалер Эмо отправился с своею эскадрою в помянутые места (где ожидалось появление турок – у острова Цериги и берегов Мани, а возможно и у Тиноса и Микони. – Р.К.) для разведывания о том обстоятельно»¹.

Дальнейшее описано в донесении А.К. Псаро С.С. Гибсу, от 15 августа 1790 г.: «Показавшись в водах Наварина вновь отделился в море, не дав никому приметить, куда я был расположен следовать, крейсера, прошел издавлек Зант, Цефалонию и Корфу и прибыл в Адриатический залив, где лавируя 8-го сего августа близ Турецкой Албании, смежной с Химарою, расстоянием от земли в двух легах, нашел одно французское купеческое судно, следовавшее из Константинополя и имевшее некоторое количество военных припасов, которые Порта препровождала к пашам Скутарскому и Авелонскому»². Генерал-майор утверждал, будто заранее знал о предстоящем проходе не только этого, но и другого французского судна. Приз он привел в Бриндизи, где перегрузил припасы, уплатив за них и взяв с капитана расписку. Затем А.К. Псаро собирался вернуться к «тем же ту-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 6 об.

² Там же. Л. 29 – 29 об.

рецким албанским берегам, при которых сделан помянутый приз» и продолжать крейсерство еще «несколько дней».

Иначе говоря, так и не показавшись в Архипелаге, генерал-майор повернул обратно и ушел в Адриатическое море, к той самой Валлоне, где весной 1789 г. успешно действовала флотилия Л. Кацониса. Там А.К. Псаро остановил одно французское судно у капитана которого, по сути дела, выкупил груз, адресованный турецким подданным, которые, насколько можно понять по действиям Махмуд-паши скутарского, отнюдь не горели желанием воевать с австрийцами, не говоря о русских. Возникает даже подозрение, не сами ли паши уведомили генерал-майора о перевозке военных припасов, чтобы затем оправдать свой отказ выступить на войну. Причем, из двух упомянутых А.К. Псаро французских судов захвачено, как можно понять, было лишь одно.

На наш взгляд, подобные действия трудно назвать эффективными, особенно по сравнению с результатами крейсерства судов флотилии Л. Кацониса. Поэтому во всеподданнейшем рапорте от 6/17 сентября 1790 г. С.С. Гибс о последнем просто умолчал, доложив только, что «флотилия наша (казенная. – *Р.К.*) из Занта, дошед до Наварина, возвратилась и крейсера несколько времени вступила в Адриатический залив, где при берегах турецкой Албании отыскала одно французское купеческое судно, имевшее некоторое количество воинских припасов, кои Порта препровождала к пашам Скутарскому и Авлонскому. Сей груз, признанный правильною добычею, взят на суда наши. Бывший же на том самом судне турецкий чауш отпущен с показанием ему всевозможной учтивости. Ради столь малого вооружения нашего неприятельская в Архипелаге сила состоит из 18 судов турецких, коими командует трехбунчужный паша, и 12 судов алжирских разной величины. И чтоб оные удерживать всегда в Архипелаге, флотилия наша, смотря по обстоятельствам и по движениям неприятельским, делает свои разные движения»¹.

Попытку выдать эти «движения» казенной флотилии за активные действия С.С. Гибс предпринял также в своих донесениях Г.А. Потемкину, А.А. Безбородко, в письме Д.М. Голицыну, датированных тем же 6 сентября. Примечательно, что читая эти бумаги, можно подумать, будто соединение Л. Кацониса оставалось «в порте Каламо» и на Итаке, хотя три кирлангича из его состава, о

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 356 об. – 357.

чем А.К. Псаро уже известил контр-адмирала, находились «в крейсерстве».

О каких именно кирлангичах шла речь, установить пока не удалось. Достоверно известно лишь, что в указанный период в Архипелаге находился «Принц Александр» под командованием Г. Каравия, возможно «Принц Константин», которым командовал Н. Кассими. Правда, не исключено, что последний вышел в море уже в конце 1790 г. Третьим судном могла быть саития «Святая Елена», под командованием Л. Зигури, или, по некоторым данным, поляка «Ахилес Славный».

Казенная же флотилия, вернувшаяся на Ионические острова, дожидалась, пока к ней не присоединятся «Российский Орел» и «Л'Абонданц», ходившие в Ливорно за провизией и деньгами. Из письма С.С. Гибса А.Я. Италинскому, от 27 октября 1790 г., известно, что они прибыли в указанный порт «третьего дня», т.е. 25 октября. Об А.К. Псаро в этом письме говорилось, что он «с фрегатом «Аллеанс», коим командует граф Войнович, остался в порте Валле д'Александриа при Цефалонии, а Гульелма с двумя кирлангичами отправил в крейсерство, узнав, что турецкий флот, крейсеровавший в Архипелаге, возвратился в Константинополь»¹.

Заметим, что отправив суда в Ливорно, А.К. Псаро в донесении от 9/20 октября 1790 г. предупреждал С.С. Гибса: «С крайним сожалением должен я уведомить Ваше Превосходительство о непохвальных поступках командующего фрегатом «Аббонданца» г[осподина] лейтенанта Телесницкого, что он, как матросы его объявляют, продал с фрегата некоторое количество пороху и многие новые веревки, на место которых поправляет старые. Помянутые матросы искали объявить мне о всем том письменно, но я, чтоб не вывесть в публику сие дело, яко наносящее службе нашей стыд и бесславление, отказал, а почел за лучшее уведомить о том Ваше Превосходительство ... Статься может, что он для того, собственно, и отделяется в вояжах от командующих и заходит один в порты, как сделал и при следовании из Ливорны, почему, дабы и при нынешнем вояже не могло произойти оно, решился я перевести к нему командующего капитан-лейтенанта Франческо»².

В том же донесении говорилось: «Я с фрегатом «Аллеанца» остаюсь в здешних местах, сколько для того, чтобы удержать в порядке остальных Ламбровых арматоров, чтоб не вышло чего ни

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 377 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 1 об. – 2.

есть противного, столько и для сего, чтоб окончить счета о перевезенных из Сицилии в Зант и Корфу наших сухарях, так как оные уже совсем в расходе... За сим ставлю долгом уведомить Ваше Превосходительство, что остающиеся четыре судна снабдены провизиею по Новый Год, и что мое намерение остаться зимовать здесь для воспрепятствования крейсерством неприятелю провозить в Константинополь жизненные припасы»¹.

Нельзя не заметить, что образ действий генерал-майора разительно отличался от продекларированного в его «прошении» С.С. Гибсу, от 19 декабря 1789 г., которым, как указывалось выше, А.К. Псаро объявил, будто даже при наличии неприятельского флота в Архипелаге, если таковой «пребудет соединен», он разошлет «суда свои по разным неприятельским местам», чтобы пресечь снабжение разными припасами. В действительности документы свидетельствуют, что командующий казенной флотилией больше занимался тем, чтобы сократить соединение Л. Кацониса, как раз и пытавшееся действовать «по разным неприятельским местам», и «удержать в порядке» оставшихся. Что он понимает под «порядком» и как намеревается его установить, оставаясь на Ионических островах, генерал-майор не уточнял. Между тем, складывается впечатление, что А.К. Псаро больше интересовало собственное положение и влияние на греков, чем помощь России в войне с Турцией.

Выше нами цитировалось апрельское 1790 г. прошение греческих депутатов на высочайшее имя, в котором утверждалось, что А.К. Псаро «выдает себя и теперь за начальника и руководителя нашего отечества, хвалясь, что мы сами ждем его правления на нашей земле – чтобы мы выбрали его своим главнокомандующим». В том, что подобная характеристика не была пустым наговором, убеждает вышедшее шестью годами ранее, 20/31 января 1784 г., из под пера министра в Венеции графа С.Р. Воронцова письмо к А.А. Безбородко. Попад под обаяние А.К. Псаро, Семен Романович так отозвался о нем: «Он проворен и способен к службе империи. Я видел отличную доверенность, кою греки к нему имеют. Они, как здешние (венецианские подданные. – Р.К.), так и приезжающие из островов турецких, все почитают его оракулом, и он ими ворочает, как хочет. Он не пропускал ни малейшего случая, чтобы не вперять в них преданности к России, употребляя к тому разные способы...»²

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 2, 3 об.

² Архив князя Воронцова. Кн. 16. М., 1880. С. 174.

*Рыбачьи лодки у Венеции.
Худ. А. Ригер*

Разумеется, перед С.Р. Воронцовым не ставилась задача изучения деятельности А.К. Псаро, да он и не имел возможности всесторонне оценить ее за то короткое время, которое провел в Венеции (сентябрь 1783 – июль 1784 гг.¹), поэтому судил о мальтийском консуле по тем немногим встречам, которые имели место в конце 1783 г., и по немногочисленным отзывам, надо полагать, лиц, поверхностно знакомых с одаренным греком либо зависевших от него. Тем не менее, министр успел заметить, что А.К. Псаро оказывает известное влияние на некоторых соотечественников и проявляет служебное рвение. Как нам представляется, положительный отзыв о нем С.Р. Воронцова, полагавшего, что «можно его употребить с большею пользою», стал известен мальтийскому консулу и не был единственным в таком роде, что подавало ему надежду занять более высокое положение. С началом же Русско-турецкой войны, оживившей мечту греков о независимости, перед честолюбивым дипломатом открывались большие перспективы, и помеха в лице Л. Кацониса, стремившегося возглавить освободительное движение и располагавшего вооруженной силой – флотилией и су-

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. М., 1896. С. 265.

хопутными частями, что отодвигало консула на второй план, должна была сильно раздражать А.К. Псаро.

Видимо, преимущественно по этой причине генерал-майор оказывал давление на полковника (в этот чин он был произведен 29 июля 1790 г.¹), представляя себя борцом за интересы «пострадавших» от Л. Кацониса греков. Между тем, в 1784 г., по словам С.Р. Воронцова, А.К. Псаро заявлял: «...Пусть половина греков погибнет, лишь бы другая научилась, возмужала и прославилась, отброся иго турецкое. Петр Первый жертвовал несколько сот тысяч русских, дабы возвысить и просветить свое отечество. Не считайте и вы без беды искупить себя из порабощения»². Если же исходить из действий генерал-майора в 1790 г., то можно подумать, будто он допускал «гибель половины греков» лишь под своим собственным руководством и не мог смириться с тем, что кто-то другой возьмет-ся «искупать их из порабощения».

К сожалению, многие документы, отражающие ту косвенную борьбу за влияние на греков, а в перспективе и за власть над ними, которая развернулась между А.К. Псаро и Л. Кацонисом, еще не введены в научный оборот. Однако опираясь на немногие доступные нам бумаги, можно прийти к выводу, что поначалу верх в ней одерживал последний, с помощью подчиненных ему соединений контролировавший Зеа и влиявший на некоторые другие острова Архипелага, но ввиду поражения его флотилии в боях 6 и 7 мая 1790 г. и последовавшего затем возвращения уцелевших судов «промышлять» в Архипелаг, маятник качнулся в обратную сторону.

Воспользовавшись ослаблением Л. Кацониса, А.К. Псаро постарался лишить его и на будущее возможности диктовать свои условия. Впрочем, предписав ему при личной встрече «возвратить из крейсерства свои три кирлангича», 9/20 октября генерал-майор уже запрашивал С.С. Гибса, как поступить с «кирлангичами Антиния Риги и Нестора ди Михали»: «Сии два кирлангича, а так[же] еще один, вольно вступивший к Ламбру и одна галиота, как и от 23 сентября писал я вам, продолжают свой курс, и в том от меня им и поныне не воспрепятствовано, однакож запрещено, чтоб они отнюдь не поступали в противность корсарских правил, да и не слышно ничего противного»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.). Д. 309. Л. 2, 3. Заметим, что в «Общем морском списке» производство датировано 29 июня. См.: Общий Морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 218.

² Архив князя Воронцова. Кн. 16 ... С. 174.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 2, 3 об.

Трудно сказать, что заставило А.К. Псаро на этот раз проявить осторожность, возможно, дошедшее до него известие о передаче всех дел по Средиземноморским флотилиям в ведение Г.А. Потемкина, согласно подписанному Екатериной II указу от 22 декабря 1789 г., в котором также говорилось, что об этом «с отправленным на сих днях курьером дано будет знать находящемуся в Ливорне контр-адмиралу Гибсу, а присланные от майора Ламбро Качони... будут к вам отправлены для получения ваших приказаний»¹.

Очевидно, курьер был послан не сразу, так как первые следы знакомства С.С. Гибса с указом можно найти только в его донесении Г.А. Потемкину, от 26 июля 1790 г., где упоминается «полученное ныне» предписание А.А. Безбородко на этот счет. Видимо, контр-адмирал заговорил о «препоручении» императрицей «легких флотилий наших» светлейшему князю, желая получить разъяснения последнего по поводу собственного служебного положения, однако А.К. Псаро он сообщил об этом лишь 30 сентября².

Насколько можно понять, ни С.С. Гибс, ни А.К. Псаро тогда еще не представляли себе последствий принятого императрицей решения. Между тем, Г.А. Потемкин 20 июля 1790 г. писал Екатерине II: «Поручены дела тамошние мне, но я сообразить не могу и поистине самую правду доношу. Гипс пьян, Псаро никуды не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиelmi стар, католик, разоряет греков и они его не терпят. Все греки желают зависеть от Мордвинова, министра венецианского. Я посылаю генерал-майора Томару описать верно тамошние обстоятельства, какие есть суда и что нужно. Ежели будет единодушно, то конечно, немалая диверсия от греков в нашу пользу будет»³.

На каком основании светлейший князь сделал свои выводы о начальствующих лицах, говорит его всеподданнейшее донесение от 3 августа 1790 г., где сказано: «Я доносил уже Вашему Императорскому Величеству о контр-адмирале Гипсе и генерал-майоре Псаро; первый не годится, а другой и вреден по худому обхождению с греками и что он много начтет расходов, а не выстрелит ни разу; в подтверждение сего прилагаю письмо от министра Мордвинова мною полученное»⁴.

Как нам представляется, именно письмо от А.С. Мордвино-

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 42. СПб, 1884. С. 55.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 339, 367 об.

³ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 122.

⁴ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII... С. 129.

ва, подкрепившее апрельскую жалобу греческих депутатов – Паноа Кириса, Христоса Лазотиса, Николаоса Пангалоса, а возможно и претензии других лиц, подтолкнуло Г.А. Потемкина к смене начальников над морскими силами в Средиземном море. Причем, поначалу на пост командующего светлейший князь прочил Н.С. Мордвинова. Так, в письме А.А. Безбородко, от 3 августа 1790 г., Г.А. Потемкин сообщал: «С последним курьером доносил я о желании греков, составляющих флотилию архипелажскую, быть в зависимости от находящегося в Венеции министра Мордвинова. Весьма нужно дать ему повеление о исполнении моих предписаний по сей части и о преподании всех возможных вспомоществований обществу греческому. Может быть, соглашу я контр-адмирала Мордвинова к принятию начальства над помянутою флотилиею, а в таком случае общее братьев старание много может поспособствовать пользе службы»¹.

Учитывая, что Н.С. Мордвинов к тому времени больше полугода лет находился в отставке после размолвки со светлейшим князем, можно предположить, что последний хотел воспользоваться случаем и сделать примирительный жест, возвратив контр-адмирала на службу, но с таким расчетом, чтобы держать его подальше от себя. Какую роль Г.А. Потемкин отводил Л. Кацонису, неизвестно, но если бы полковник остался командующим собственной флотилией, то будучи ниже чином, да к тому же, находясь в зависимости от компании Н.С. Мордвинова, должником которой все еще оставался, испытывал бы некоторые сложности. Однако высказанные в письме от 3 августа предположения не осуществились, и в итоге светлейший князь послал в Италию В.С. Томара, многие годы исполнявшего дипломатические поручения, но не имевшего опыта командования корабельными соединениями.

Орденом от 24 декабря 1790 г. Г.А. Потемкин предупреждал генерал-майора, что морские силы в Средиземном море состоят «из разных команд, из которых одна собрана полковником Ламбро-Кацони, другую же, снаряженную от короны, управляет генерал-майор Псаро, встретились разные между ими раздоры», и предписал ему отправиться в Триест, где «увидаться с г[осподином] контр-адмиралом Гипсом и, приняв от него команду», донести об этом скорее. Далее говорилось: «Известная храбрость и предприимчи-

¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 130; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 306.

вость полковника Ламбро-Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что, с добрыми наставлениями, он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите. Г[осподин] генерал-майор Псаро останется при своем poste, не мешаясь в дела флотилии. Г[осподину] контр-адмиралу Гипсу писал я, чтобы он приехал ко мне для лучшего объяснения, уговоря с собою и подполковника Лоренция Гульгельми, которого употреблю я в важных случаях на Черном море. Всего нужнее приобрести доверенность от наших единоверных, под игом магометанским страждущих. Я получаю письма от разных их обществ; одни из них жалуются на полковника Качони, другие им довольны. Ваше главное будет попечение привести их в согласие...» В тот же день светлейший князь подписал ордер С.С. Гибсу, которым обязывал контр-адмирала передать В.С. Томара «все бумаги и преподать все сведения», А.К. Псаро же дал знать, «чтобы он уже не вмешивался в дела флотилии»¹.

Примечательно, что в ордере Г.А. Потемкина В.С. Томаре не упоминалось о повелении Екатерины II подтвердить «флотилиям и арматерам, в Средиземном море обращающимся, наблюдать во всей точности правила нейтральные, да и в случае жалоб по оным чинить разбор...»² Очевидно, светлейший князь считал более важными другие задачи флотилий, и если предписывал соблюдать осторожность по отношению к судам нейтральных государств, то устно.

Выехав по назначению вместе с греческими депутатами, В.С. Томара, очевидно, был в курсе тех планов, которые ими предлагались в Петербурге. По словам В. Итона, греки намеревались, получив пушки, увеличив флотилию Л. Кацониса и укрепив некоторые пункты, совершить поход от Сули на Ливадию и затем на Афины (They proposed, after the empress had furnished them with cannon, and sent enabled them to augment the squadron under Lambro Canziani, and sent them engineers to conduct the siege of strong places, to begin their first operations by marching from Sulli... to Livadia and to Athens...)³. Однако указаний насчет реализации такого плана генерал-майор, судя по всему, не получил.

Надо сказать, что по прибытии на место В.С. Томара убедился в том, что нарекания на председателя Призовой комиссии имеют

¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII... С. 202–203, 204.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 42 ... С. 55.

³ *Eton W. A Survey of the Turkish Empire... L., 1809. P. 355.*

основания, и в рапорте светлейшему князю, от 12 августа 1791 г., отметил: «На контр-адмирала и кавалера Гибса вооружились было в Сиракузе. Гульельмо часто уходил от своих матрозов, и при последней встрече с турецким флотом освободили его от ареста несколько служащих на судне его греков и корсиканский офицер; наконец, не умножая примеров, должен донести Вашей Светлости, что почитаю избавлением для себя и флотилии отъезд всех их отсюда...»¹ Справедливости ради надо сказать, что обо всех перечисленных столкновениях с личным составом казенной флотилии С.С. Гибс ранее докладывал в Петербург. Правда, Г.А. Потемкину об этом, судя по всему, не сообщали.

Заметим также, что пьянство контр-адмирала в доступных нам бумагах В.С. Томара не упоминается. Однако в переписке самого С.С. Гибса следы увлечения спиртным остались. Так, в его письме А.К. Псаро, от 15 августа 1789 г., сказано: «...Ром и водку возвращаю, не нашед вкуса, подобного названию»². Это заставляет подозревать, что встречающиеся в донесениях председателя Призовой комиссии жалобы на здоровье могут и не иметь отношения к телесным болезням. Если такое предположение верно, то пристрастие к выпивке может объяснить сравнительно низкую эффективность деятельности контр-адмирала, оправдывает же его, отчасти, лишь чрезвычайное нервное напряжение из-за хронического недостатка денег на нужды казенной флотилии и недисциплинированность ее личного состава.

Выше мы уже отмечали, что в определенном смысле с неблагоприятными качествами собственных подчиненных столкнулся и А.К. Псаро. Очевидно, не столько необходимость «удержать в порядке» моряков Л. Кацониса, большинство из которых, по признанию самого генерал-майора, крейсировало в Архипелаге, сколько недоверие к командирам судов казенной флотилии, прежде всего С.М. Телесницкому, а также собственная осторожность заставили А.К. Псаро выслать в море лишь троих: Г. Лоренцо на «Ла Фама», П. Николаки на «Святом Георгии» и М. ди Жовани на «Брянчиславе». Два последних судна были самыми слабыми во флотилии, да к тому же и «вольнотружущими», поэтому отряд сам по себе серьезной угрозы неприятельскому судоходству не создавал. Появился он на торговых путях турок спустя несколько месяцев после того, как

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 159 об. – 160. С некоторыми неточностями опубликовано: *Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность...* С. 340.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 209 об. – 210.

их стали беспокоить суда флотилии Л. Кацониса, и в другом районе.

Согласно цитировавшемуся выше рапорту А.К. Псаро С.С. Гибсу, от 9/20 октября 1790 г., мы знаем, что в море находились четыре судна из числа подчинявшихся Л. Кацонису. Некоторое представление об их действиях дает прошение Г. Каравия «Комиссии для свидетельства счетов...», от 2 июня 1794 г., в котором говорится: «Июня 2-го, будучи мы на острове Цериги, реченный г-н Ламбро послал меня крейсировать и при том объехать и осмотреть все берега приморские Архипелага, Азии и Египта, примечая движения неприятеля, в которое время встретился я с одним вооруженным турецким судном близ острова Пио и по жестоком сражении целые три часа турки принуждены были на том же острове спастись бегством и свое судно сожгли. В декабре месяце прибыл я в Тиак и там нашед другое приказание от Ламбра – возвратиться паки в Архипелаг, обще с кирлангичем «Принц Константин», коим командовал капитан Николай Кассими»¹.

Видимо, речь в данном случае идет о некоем распоряжении, сопровождавшем ордер Л. Кацониса его ближайшему помощнику Н. Кассими, от 13 сентября 1790 г., в котором говорилось: «Жителей острова Идры, ежели обещанных денег вам не дали, то ловить их, а когда дали таким никакого вреда не причиняйте, и судна которые по вашему призыву являться не будут, то вы их также ловите. Ежели будут греки, то вы их оставляйте в покое, ибо они наши единовверцы, и чтоб наши люди на островах не делали притеснений и грабежей»². Этот ордер последовал за предыдущим, от 1 сентября, которым Л. Кацонис передавал флотилию под команду Н. Кассими и приказывал ему беспрекословно подчиняться А.К. Псаро³.

Заметим, что эта переписка дает нам дополнительные сведения для датировки перемещений Л. Кацониса. Выше указывалось, что 6/17 сентября С.С. Гибс уже знал о появлении полковника в Триесте. Возможно, адресованный Н. Кассими в начале сентября ордер был написан уже там и передан прямо в его руки. По крайней мере, нельзя исключить, что именно Н. Кассими доставил Л. Кацониса в Триест на своем судне, кирлангиче «Святой Константин» (или «Принц Константин»), владельцем двух третей которого он стал согласно договору, подписанному с полковником 15/26 июля

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14 – 14 об.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 307. При публикации указана иная дата подписания ордера – 12 сентября.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 14. Дата в документе может быть прочтена и как «7 сентября».

Ионические острова

на острове «Тяки» (Итаке). Ордер же от 13 сентября написан в Вене, где Л. Кацонису пришлось долго задержаться.

Помимо наставлений относительно действий против идриотов и отношения к другим грекам, в этом последнем ордере Л. Кацонис сообщал, что был произведен в полковники и пожалован орденом Св. Георгия. Показав этим, что императрица его ценит, командующий флотилией, в противополож-

ность прежним наставлениям, требовал от Н. Кассими, чтобы он не подчинялся чьим-либо приказам, кроме его собственных, объясняя это тем, что Екатерина II поручила ему «начальство над всею флотилиею; а генералу Псаро, Гульельму, генералу Гибсу и всем прочим велено ехать в С. Петербург. А на место их от князя Потемкина назначен генерал Томара и господин Фириера, для встречи коих нахожусь ныне с моими офицерами»¹.

Откуда Л. Кацонис 13 сентября мог знать о том, что будет предписано В.С. Томара только 24 декабря, неизвестно. Можно лишь предположить, что какую-то роль здесь сыграл А.С. Мордвинов, летняя переписка которого с Г.А. Потемкиным, собственно, и послужила толчком к смене прежнего командования в Средиземном море, а возможно и П.А. Ферieri. В свою очередь, полковник предупредил своих подчиненных о предстоящей смене власти за полгода до прибытия В.С. Томара. Разумеется, эта весть дошла до большинства капитанов его флотилии далеко не сразу, однако можно считать, что после того как ордер от 13 сентября попал в руки Н. Кассими, а произошло это, очевидно, в конце месяца, А.К. Псаро потерял влияние на людей Л. Кацониса. В связи с этим неубедительно звучат октябрьские утверждения генерал-майора, будто он «удерживает в порядке остальных Ламбровых арматоров».

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 307.

Примечательно, что полковник в указанном порядке явно различает идриотов и греков, хотя население острова Идра составляли не только арнауты (албанцы), да и последние были, видимо, в подавляющем большинстве православными (т. е. единоверцами). Важным является требование не трогать тех, кто выполнял обязательства по уплате денег – так утверждался определенный порядок, своего рода зачаток налоговой системы и определенная ступень на пути к политической организации. Правда, в какой мере подчиненные Л. Кацониса следовали его указаниям, доступные нам документы не говорят.

То обстоятельство, что Л. Кацонис предписывал задерживать «жителей острова Идры» лишь в том случае, если они не платят «обещанных денег» или не предоставляют судов «по призыву», заставляет скептически смотреть на донесение Д. Загурисского, от 29 июля 1790 г., в котором утверждалось, будто торговая конкуренция Венецианской республики и острова Идра «побудила адмирала Эмо тайно поощрять Кацония, чтобы он грабил идриотские суда и истреблял их», а «все награбленное у греков судами Кацония было публично и по самой низкой цене продано в портах Республики»¹.

Заметим, что позднее Д. Загурисский был отстранен от какого-либо вмешательства в дела флотилии В.С. Томара, утвердившим все распоряжения Л. Кацониса, включая и то, которое, собственно, вызвало стойкую неприязнь консула к полковнику – учреждение должности агента на Занте, на которую был назначен А. Андрианопуло. Конфликт с Л. Кацонисом не позволяет доверять всем утверждениям Д. Загурисского. Показательно, что по его собственным словам, попытки «изобличить сговор» командующего флотилией и А. Эмо не принесли ему ничего, кроме «досады от венецианского адмирала и презрения и непристойных слов от Кацония».

Желая бросить тень на Л. Кацониса, консул писал, что несколькими днями ранее тот встретился с А. Эмо, и после этого отправил «в Левант» два кирлангича, якобы, разорять «бедных греков христиан». Не касаясь характерной интерпретации Д. Загурисским цели плавания кирлангичей, следует отметить, что упомянутая им встреча должна была бы происходить на Занте в июле, когда Л. Кацониса, если верить А.К. Псаро, там уже не было – он давно уплыл на Итаку, а затем, подлечившись, перебрался на Паргу. Что касается А. Эмо, то адмирал, по цитировавшимся выше словам генерал-май-

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 316.

ора, отправился с эскадрой в сторону Цериги и далее, возможно к Тиносу и Микони, где по слухам показались алжирцы с турками, «для разведывания о том обстоятельно».

Судя по указаниям Г. Каравия, описанное Д. Загурисским общение Л. Кацониса с А. Эмо может быть датировано началом июня, после 2 числа, т. е. примерно полутора месяцами ранее указанного консулом момента. Однако сам по себе этот анахронизм не столь важен, как бездоказательность утверждений Д. Загурисского, в своем донесении оперирующего не столько фактами, сколько предположениями, если не сказать домыслами, во всяком случае, опубликованный текст не содержит сведений о том, сколько именно идриотских судов взято моряками флотилии Л. Кацониса, когда и где. Примечательно, что спустя полгода после этого донесения, продажей призовых товаров «по самой низкой цене» в портах Венецианской республики отличились и моряки казенной флотилии.

Как указывалось выше, А.К. Псаро до октября проявлял изрядную осторожность, но затем решился на более активные действия. В донесении С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 1 ноября 1790 г., говорилось: «Чрез другой рапорт из Цефалонии, от 9 октября, генерал-майор и кавалер Псаро уведомляет меня, что он, как скоро узнал о возвращении неприятельской эскадры к Дарданеллам, а оттуда на зимнее время пойдет она в Константинополь, отправил кап[итана] Гульел[мо] Лоренса с вверенным ему фрегатом и двумя вольнослужащими судами в крейсерство к берегам Карамании, Сирии и Египта, зная, что в помянутых местах неприятель в октябре и ноябре месяцах в количестве проходит с вывозимыми из Александрии жизненными припасами и другим грузом, чтоб сему провозу воспрепятствовать»¹.

Расчет оказался верным, хотя результат крейсерства трудно назвать впечатляющим. Согласно донесению А.К. Псаро С.С. Гибсу, от 12 ноября 1790 г., Г. Лоренцо, возвратившийся в порт Сискардо на Цефалонии с двумя судами, «взял один турецкий шамбек, следовавший из Александрии в Салоник с разными товарами, туркам принадлежащими. Сие последовало в водах острова Родоса 31-го минувшего октября». Согласно же сведениям корреспондента «Gazzetta Universale» приз был захвачен между островами Станчио и Родос, т. е. к северу от последнего².

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 380 – 380 об.

² РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 35 – 35 об. Примечательно, что сведения об этом походе были опубликованы в «Gazzetta Universale» только 1 февраля (н. ст.) 1791 г.

Родос, план порта

После пятичасовой перестрелки в руки мальтийца попал груз стоимостью до 40 000 пиастров, и 51 человек «пассажиров и купцов из турок и жидов, а между матрозами в службе их есть и греки. На неприятельской стороне убитых четыре и раненых семь человек, на нашей стороне убитых четыре же и раненых пять человек. Самое судно в прошлогодною кампанию было вооружено 26 пушками в турецкой флотилии против нашей казенной эскадры высланной, а ныне на оном было только 18 пушек, и поелику оный весьма способен, то я, исправля поврежденные от сражения паруса и другие снасти, употреблю в службу», – как говорилось в рапорте генерал-майора, пересказанном С.С. Гибсом в донесении Г.А. Потемкину от 3 января 1791 г.¹

Цитируемые документы показывают, что А.К. Псаро послал отряд Г. Лоренцо не в Архипелаг, где согласно ранее поступавшим сведениям можно было ожидать встречи с превосходящими силами неприятеля, а к южным и юго-восточным берегам Средиземного моря. То, что соединение, имевшее на вооружении 74 орудия (а на «Ла Фама» еще и 12 фалконетов) взяло в приз лишь одно, вчетверо слабейшее по артиллерии судно, едва ли можно считать

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 397 об. – 398.

случайностью. Как нам представляется, сопротивление шебеки, моряки которой сумели нанести некоторые повреждения судам отряда, фактически сорвало крейсерство Г. Лоренцо, тем более, что сравнительно богатая добыча была для него важнее давления на морские коммуникации Порты.

Покинувший Ионические острова до 9 октября, отряд под его командованием возвратился к 12 ноября – сперва два судна с призом, затем и третье, оставшее во время шторма. После чего казенная флотилия постепенно стала стягиваться к порту Глимино на острове Санта Мавра, куда Г. Лоренцо привел приз и куда собирались купцы, намеревавшиеся приобрести призовые товары¹. Примечательно, что по словам самого А.К. Псаро, 12 ноября писавшего, что взятые на шебеке товары стоят до 40 000 пиастров, при продаже по цене, уже «объявленной» Г. Лоренцо, было выручено лишь около 30 000 пиастров².

Имел ли генерал-майор в виду весь доход или нет, сказать трудно, равно как нельзя определить, почему для распродажи он избрал Глимино и согласуется ли этот выбор с советами С.С. Гибса, который в письме от 5 января 1791 г. сообщил А.К. Псаро, что от А.Г. Лизакевича ему стало известно о появлении в Генуе Д. Кацари, с выгодой продавшего там груз масла и пороха. Контр-адмирал счел нужным рекомендовать генерал-майору сбывать призовые товары там, где за них больше дадут³.

Здесь нельзя не заметить, что купцы стремились приобрести призовые товары, в силу специфического их происхождения, вне зависимости от того, признан ли захват законным какой-либо комиссией, по ценам ниже рыночных. Поэтому воспользоваться советом С.С. Гибса было не так уж просто, и цитировавшиеся выше жалобы Д. Загурисского на продажу Л. Кацонисом и его подчиненными призов задешево представляются надуманными.

Получив в свое распоряжение наличные деньги, А.К. Псаро поспешил удовлетворить настойчивые требования моряков флотилии о выплате жалованья. Однако эти, раз за разом повторявшиеся затруднения, усугублялись неурядицами с офицерским составом. О них мы узнаем из письма С.С. Гибса А.К. Псаро, от 26 ноября

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.

² РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 35 об., 12 – 12 об. В цитируемом Г.А. Гребенщиковой по материалам АВПРИ донесении А.К. Псаро оценивал стоимость товаров в 50 000 пиастров. См.: *Гребенщикова Г.А.* Указ. соч. С. 322.

³ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 404 об. – 405.

1790 г., в котором говорится: «Лейтенанта Телесницкого, не упоминая уже о наказании, какие я ему сделал, во уважение Ваших представлений, за благо рассудил не оставлять его здесь, но отдал в команду капит[ан-]лейт[енанта] Франчески. Я надеюсь, что Телесницкий, видя уже себя окруженного бедами, кои угрожают ему нещастием вечным, постарается себя поправить и заслужить ваше одобрение. Что принадлежит до пороку, в котором обвиняете Телесницкого, из ответов его вижу, что есть другие кроме его плуты, и для того прошу Вас рассмотреть сие дело обстоятельнее ... Ежели и то правда, что капитан граф Войнович не хотел иттить на фрегат, ежели не удовольствуют его тремя тысячами фиоринами, то крайне жалею, что Ваше Превосходительство не поступили с ним по законам, на такой случай приличным»¹.

В том же письме контр-адмирал высказывал намерение вывести из состава флотилии пакетбот «Российский Орел», просил А.К. Псаро быть осторожным в издержках, не платить своим подчиненным жалованья свыше положенного по уставу и не разрешать этого командирам судов. Не забыл он затронуть и болезненный для него, особенно в последнее время, вопрос о Л. Кацонисе.

Еще 6 ноября 1790 г., адресуясь к А.К. Псаро, С.С. Гибс писал: «О Ламбро имел я известия, сходные с Вашим. Говорят об нем здесь, что он произведен в полковники с награждением креста Георгиевского и находится в Вене, ожидая генерала Тамару от Светлейшего князя Потемкина с повелением, но какого содержания оное будет, еще неизвестно; думаю однакоже, что и его дела возмнут равный конец с делами Сотириевыми (майора Луиджи Сотири, безуспешно пытавшегося обратить внимание на неблагополучие в командовании российскими силами на Средиземном море. – *Р.К.*) ... Не упустите приказать строго, чтоб крейсерующие Ламбровы суда поступали сходно с правилами, изданными для корсаров, и рассмотреть, по какому праву вступают они в крейсерство». Вместе с тем, далее говорилось: «В разрешение о кирлангичах, определенных Комиссиею возратить хозяевам, писал я к Вам сентября 2 дня с[тарого] с[тиля] так: “Чтоб отобрать от г[осподина] Качиони ответ и согласие его возратить те кирлангичи хозяевам или их удержать и по каким причинам, и что он объявит, уведомить меня о том...”»².

Последние слова наводят на мысль о стремлении оберечься от возможных обвинений в произволе. Письмом же от 26 ноября

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 390 об. – 391.

² РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 382 об.

контр-адмирал сообщил: «На сих днях как о сем, так о Ламбре и прочих делах не пропустил я пересказать всего подробно бывшим здесь принцессе Гомтенбек и сенатору Алексею Васильевичу Нарышкину и другим с ними бывшим господам, кои непременно будут писать о том и в С.-Петербург»¹.

Заметим, что С.С. Гибс явно переоценивал возможность использовать А.В. Нарышкина как инструмент интриги против Л. Кацониса: сенатор и появился-то в Ливорно лишь потому, что к 1790 г. навлек на себя неудовольствие Екатерины II и вынужден был испросить длительный отпуск. Видимо, контр-адмирал в эти детали посвящен не был. Однако, то обстоятельство, что он намеревался окольным путем донести до Петербурга свое отношение к строптивому греку, показательно. Как нам представляется, этот шаг свидетельствует об осознании С.С. Гибсом безуспешности прежних прямолинейных попыток дискредитировать Л. Кацониса и поиске иных способов навредить полковнику.

Однако преуспеть в этом деле контр-адмиралу не довелось – к концу года выяснилось, что Л. Кацонис сохраняет прежнее место, а его оппоненты отстраняются от командования. Правда, при этом полковник так и не получил карт-бланш на подготовку греческого восстания. Согласно донесению саксонского резидента в Петербурге Г. Гельбига кабинет-министру графу И. Лоссу, от 25 октября / 5 ноября 1790 г.: «В Триест возвратился неделю назад курьер, присланный сюда от Ламбро Качиония для донесения, что если получит токмо денег, то надеется склонить на свою сторону всех греков Архипелага. Ответ на сие, как сказывают, был отлагательный»².

Тем не менее, очередная и самая драматичная кампания на Средиземном море заканчивалась вполне благоприятно для Л. Кацониса: несмотря на серьезное поражение и потерю базы на Зеа, а вместе с ней и доверия тех колеблющихся греков, которые из-за боязни турок опасались, но при определенных условиях могли бы выступить против Порты по его призыву, он все же сохранил часть флотилии, продолжавшую действовать в Архипелаге. Службу Л. Кацониса положительно оценил Г.А. Потемкин, в цитировавшемся выше донесении Екатерине II, от 20 июля 1790 г., отметивший, что он «один только дерется», в результате его произвели в полковники и 12 сентября 1790 г. наградили орденом Святого Георгия. Между тем, антагонисты полковника не преуспели, и хотя в переписке с

¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 391.

² Архив князя Воронцова. Кн. 26. М., 1882. С. 483.

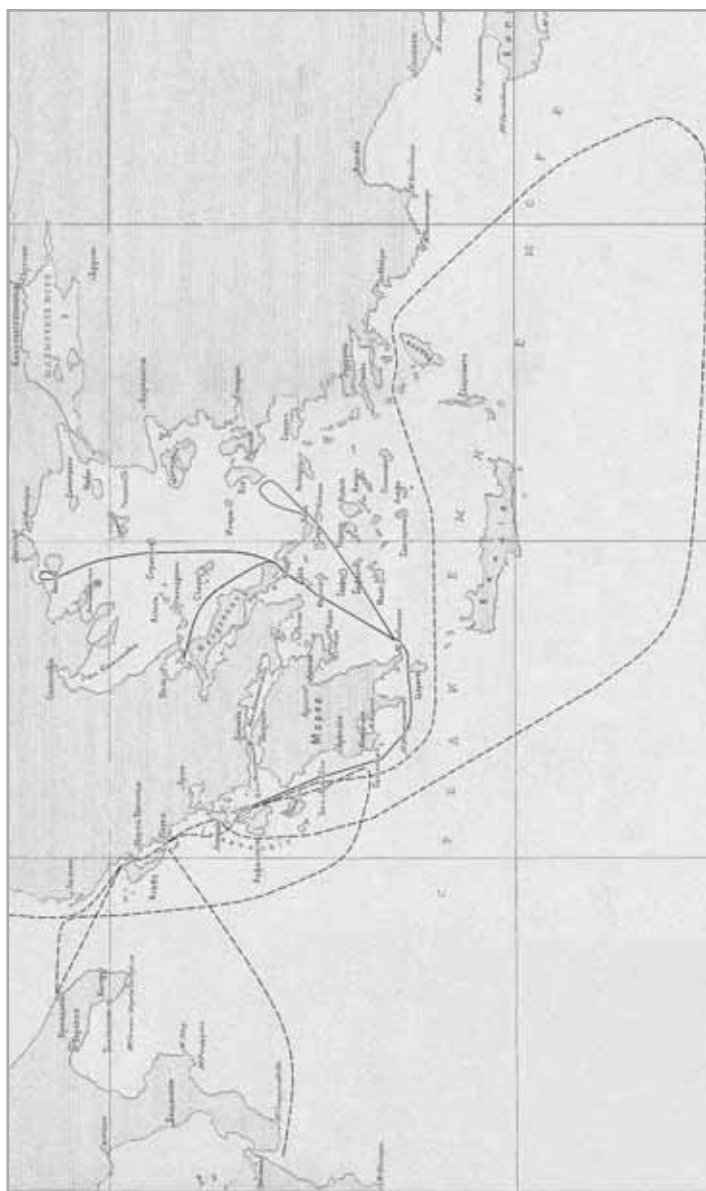

Схема предполагаемого плавания каперских флотилий в кампанию 1790 г.

вышестоящим начальством старались создать видимость активной деятельности и неких достижений, но не имели для этого достаточных оснований. А так как светлейший князь вполне резонно рассудил, что А.К. Псаро «много начтет расходов, а не выстрелит ни разу», по сути дела относя такую характеристику и к С.С. Гибсу, то в конце года распорядился отстранить их от руководства морскими силами на Средиземноморском театре.

Глава 4.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К началу 1791 г. смена командования в Средиземном море юридически уже состоялась, однако до прибытия на театр В.С. Томара и фактической передачи дел С.С. Гибс и А.К. Псаро продолжали оставаться на своих постах. Л. Кацонис в это время с 18 офицерами своей флотилии находился в Вене, бедствуя из-за отсутствия денег¹. Надо думать, что нужда в его глазах несколько скрашивалась присвоением очередного чина и награждением, за что он благодарил Г.А. Потемкина рапортом от 3 февраля 1791 г., но тяжелое материальное положение постоянно напоминало о себе².

Возможно, желая заслужить благосклонность австрийских властей, полковник воспользовался случаем представиться канцлеру князю В.-А. Кауницу, чтобы рассказать о своей, хотя и неудачной попытке «возвратить свободу ста семидесяти пяти пленникам австрийским», которых везли в Константинополь на рагузском судне³. Учитывая поведение рагузских судовладельцев, все эти годы не упускавших случая заработать на перевозках для турок, такое происшествие вполне могло иметь место. Однако нарушение нейтралитета рагузские власти, разумеется, отрицали и от описанного Л. Кацонисом инцидента всячески открещивались. По словам Г.А. Гребенщиковой, их в этом поддерживали некие «российские дипломаты, аккредитованные в Вене и на Венецианских островах», утверждавшие, будто рагузцы не могли допустить, чтобы произошло нечто подобное и даже запретили своим торговым судам заходить в турецкие порты.

О каких именно дипломатах идет речь, не уточняется, возможно, ими были П.А. Ферриери и Д. Загурисский, известные своим негативным отношением к Л. Кацонису. Однако вне зависимости от того, существовал упомянутый запрет или же писавшие о нем

¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 220.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 60. Л. 355.

³ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 324.

неверно истолковали постановление рагузских властей, наличие оно не означало строгого исполнения его судовладельцами. Представляется очевидным, что ввиду обстоятельств выезда из Константинополя осенью 1789 г. Я.И. Булгакова, совершившего переход морем на рагузском судне, в оттоманской же столице и нанятием, утверждения о невозможности перевозки такими же судами австрийских пленных не имеют основания. Тем не менее, так как в конце 1790 г. Австрия, уже готовившаяся подписать мир с Портой, отнюдь не была заинтересована в серьезном конфликте с рагузцами, назревавший скандал не получил развития.

Пока Л. Кацонис дожидался в Вене появления В.С. Томара, А.К. Псаро проводил время на Ионических островах, базируясь, главным образом, на порт Глимино острова Санта Мавра где в ноябре 1790 г. собралась вся казенная флотилия. Из документов неясно, по какой именно причине генерал-майор со своими подчиненными оставался там на протяжении многих месяцев. Возможно, из-за нехватки средств на содержание личного состава и связанной с этим его ненадежности.

Сохранился перевод написанного артиллерийским офицером «Л'Абонданса» Луиджи Брави прошения Г.А. Потемкину, от 14 января (видимо, н. ст.) 1791 г., где говорится: «Возвратившись в Ливорно после кампании, продолжавшейся шесть месяцев с половиною, получил я повеление от генерала Гибса для принятия некоторых съестных припасов...» Однако экипаж фрегата «взбунтовался и великий шум сделал, потому что они с начала зимы были почти наги и без жалованья, равно как и во всю кампанию ничего не получали. В рассуждении того генерал принужден был позволить экипажу выйти на землю»¹.

Не исключено, что брожение имело место и на других судах. Возможно, однако, что причина пассивности казенной флотилии заключалась в невозможности снабдить суда для плавания. Во всяком случае, переписка С.С. Гибса свидетельствует, что командующий соединением многие месяцы не показывался в турецких водах. Так, в письме А.Я. Италинскому, от 4 января 1791 г., контр-адмирал ссылается на послание А.К. Псаро из Паксо от 22 декабря 1790 г., а в письме самому генерал-майору, от 7/18 марта 1791 г., упоминает два его послания из Глимино от 9/20 февраля. Примечательно, что рапортом от 3 января 1791 г. контр-адмирал донес Адмиралтейской

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 31. Л. 33.

*Новый канал и город Санта Мавра.
Гравюра по рисунку У. Лича, 1859 г.*

коллегии, что А.К. Псаро «с вверенною ему казенною эскадрою находится в Архипелаге», хотя тот в это время не покидал владений Венецианской республики, а у берегов Османской империи действовали только суда флотилии Л. Кацониса¹.

Отголоски их крейсерства поздней осенью 1790 г. можно найти на страницах «Gazzetta Universale». Так, сведения о взятых в Архипелаге «русскими каперами» двух кандиотских (кипрских) судах с грузом мыла и масла есть в корреспонденции из Триеста от 1 декабря (н. ст.), опубликованной в номере от 11 декабря (н. ст.) 1790 г. В другой корреспонденции, от 16 декабря (н. ст.), из Вены говорилось о появлении в Триесте судна «Князь Потемкин», которое у острова Хиос (в источнике – Scio) взяло приз, перевозивший львов и тигров, подаренных султану алжирским беем².

О том, куда доходили суда флотилии в 1791 г., можно судить по прошению командира «Принца Александра» Г. Каравия, от 2 июня 1794 г., где указывается, что он вместе с Н. Кассими на «Принце Константине» «в апреле месяце 1791 года близ острова Кипрос, противу крепости оного острова Лемесо (Лимасол. – Р.К.), имели мы сражение 4 часа с одним, также вооруженным, турецким судном, которое, наконец, под самой помянутой крепости посадили на мель. В июне месяце того же года приехал я в гавань острова Ка-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 403, 403 об., 426, 427 об.

² Gazzetta Universale. 1790. Dicembre 11, Dicembre 28.

Кипр на французской карте Ж. Ру, 1764 г.

ламо, где находился Ламбро Качиони и г-н генерал-майор Тамара и отдав оному г-ну Ламбро Качиони верный отчет во всем том, что у неприятелей взял, не пользуясь сам ни мало, как и во всех компаниях поступал»¹.

Сказанное Г. Каравия о плаваниях отчасти подтверждается рапортами В.С. Томара Г.А. Потемкину. Так, 21 февраля / 4 марта 1791 г. генерал-майор доложил из Вены, что Л. Кацонис так описывал состояние, как его собственной флотилии, так и соединения А.К. Псаро: «Первая состоит ныне из трех кирлангичей, одной саитии и одной полугалеры, всего пяти судов, кои одни под командой капитана Николая Касими крейсируют около берегов Пелопонезских; а вторая нуждается хлебом и стоит в острове Корфу»². Заметим, что в пользу достоверности отзыва Л. Кацониса о казенной флотилии свидетельствует сохранившаяся переписка С.С. Гибса, который неоднократно сетовал на недостаток средств для ее снабжения. Таковы его письма к А.К. Псаро, от 5 и 27 января 1791 г., к А.А. Безбородко, от 4 и 9 февраля 1791 г.³

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14 – 14 об.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 191 об. Документ опубликован: *Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность...* С. 319.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 405, 411, 412, 415.

Далее в рапорте В.С. Томара от 21 февраля / 4 марта 1791 г. говорилось: «Я писал к капитану Касими всячески стараться захватить суда с хлебом, которые в настоящее время еще плавают чрез залив Воло к Цареграду, и если удастся, то отправить оные к малому венецианскому острову Каламо, служившему пред сим убежищем Ламбровой флотилии; но остерегаться при том крайне приказал понести какой-либо вред от неприятеля. Велел ему еще послать в Майноцкий залив и уговориться с некоторыми из тамошних начальников, чтоб иметь у них безопасное пристанище»¹. Получил ли Н. Касими это предписание и ходил ли к заливу Воло, в доступных нам документах не указывается.

Заметим, что Ю.Д. Пряхин, когда пишет о походе судов флотилии Л. Кацониса к Воло², ссылается на всеподданнейшее донесение Г.А. Потемкина, в котором сказано: «В 1791 году в зимнее время сжег он в заливе Воло, ниже Салоники, множество турецких судов с пшеницею, для Константинополя нагруженных, и три сантии взял в плен»³. Однако учитывая, что далее в тексте донесения упомянуто сражение с турецкой и алжирской эскадрами у Андроса, а также реквизиция А.К. Псаро призов у Л. Кацониса, следует признать процитированное утверждение из доклада анахронизмом и отнести рейд к началу 1790 г. Доступные нам документы не позволяют установить, действовал ли кто-нибудь из капитанов флотилии в районе Воло зимой 1791 г.

Спустя пять месяцев, уже из Каламо, В.С. Томара рапортом от 5 июля 1791 г. докладывал Г.А. Потемкину: «... Капитан одного кирлангича из Ламбровых судов, Гаврило Каравия, ныне прибывший, рапортует, что под командою капитана Николая Касими с таковым же кирлангичем вместе встретились со флотом неприятельским и оборонялись от него два раза, сперва сожгли в нем 7 судов, а на другой день собралось оных 20, в коем числе один линейный корабль, два посредственные фрегата; а о других турецких силах известия никакого не имеют, и хотя у кирлангича капитана Касимия повреждена грот-мачта, однакож удалось им обоим уйти благополучно, но принуждены были оставить два малые приза, что с собою имели»⁴.

О том, что делали в эти месяцы остальные суда флотилии

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 191 об., 200.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 96.

³ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 219.

⁴ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 175 – 175 об.

Район острова Каламо

Л. Кацониса, известно немного. Так, из бумаг «Комиссии для свидетельства счетов...» следует, что около полуночи с 8 на 9 марта 1791 г. в порту Каламаки, близ острова Кастелоризо, полугалера «Спиридон» под командованием поручика Фотино (Андрея) Ликардопуло захватила трехмачтовый

кирлангич с грузом хлеба, названный затем «Ахиллесом».

Надо сказать, что переписка Комиссии по этому вопросу показывает, насколько расходятся в таких случаях показания сторон. Владелец судна, триестский купец Дмитрий Карчиотти, и его служащие поначалу утверждали, будто тартана «Мадонна Идрская» под «греческим флагом» пришла в «порт Каламо, что против Кастелоризо»¹ для погрузки хлеба в Ливорно или Геную и была коварно захвачена «корсером Андреем Стекулли», внезапно атаковавшим ее. Ф. Ликардопуло, в свою очередь, утверждал, что получил известие о кирлангиче с турками, грузившем хлеб для Константинополя.

В рапорте В.С. Томара, от 7/18 июля 1791 г., поручик писал: «...Окликнули мы, что за судно, но из кирлангича, ничего не отвечая, начали по нас стрелять из пушек и ружей, не взирая на то, что я несколько раз говорил ему, что[бы] он не чинил никакого неприятельского действия как российскому судну, и так начали и мы стрелять из пушек...»² Отвечая на запрос «Комиссии для свидетельства счетов...», В.С. Томара 6 октября 1794 г. пояснял, что получив 8 марта 1792 г. жалобу Д. Карчиотти, он приказал произвести следствие, и сформированная в Мессине временная призовая комиссия признала претензии купца необоснованными.

Получив аналогичный запрос от «Комиссии для свидетельства счетов...», бывший командир «Спиридона», фигурирующий в документе уже как секунд-майор Андрей Ликиардопуло, утверждал, что Д. Карчиотти сам отступил от законов, ибо имел на своем кир-

¹ Очевидно, речь шла не о порте в привычном понимании, а об одной из бухт залива Каламата, к северо-западу от Кастелоризо.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 29. Л. 71.

Район острова Кастелоризо и Каламата

лангиче «и людей, и флаг оттоманский, тем более, что при взятии оного кирлангича не нашлось на нем никакого вида, доказывающего, что он, Карчиоти, или хозяин, или участвует на кирлангиче, а нашелся фирман от Оттоманской Порты»¹.

Слова секунд-майора подтверждаются и документами, представленными в «Комиссию для свидетельства счетов...» пострадавшей стороной, согласно которым «Мадонна Идрская», в одних бумагах называемая тартаной, в других полякой, в третьих кирлангичем, весной 1791 г. ходила под «иерусалимским флагом» и управлением шкипера-идриота Дмитрия Трицца (Дридза), хотя в момент захвата ею временно командовал другой моряк². Учитывая, что Иерусалим и остров Идра входили в состав Османской империи, формальные основания взять судно в приз у Ф. Ликардопуло были.

Заметим, что по словам Д. Карчиотти, он использовал чужой флаг, так как Австрия в то время воевала с Портой. Такой поступок, несмотря на подписанное еще 19 сентября 1790 г. в Журже девятидесятимесячное перемирие между австрийцами и турками, фактически

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 29. Л. 86 – 86 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 10 – 12, 45 – 45 об.

прекратившее войну между ними, можно объяснить осторожно-стью купца, стремлением перестраховаться, однако в результате из-за османского флага его судно стало добычей Ф. Ликардопуло. Впрочем, спустя шесть лет жалобы австрийца возымели действие – «Комиссия для свидетельства счетов...» объявила захват незаконным и в 1796 г. постановила возместить Д. Карчиотти убытки, хотя само судно, числившееся тогда при Черноморском флоте, не возвратила.

В марте же 1791 г. «Спиридон» с «Мадонной Идрской» перешел от Каstellоризо, по словам членов команды приза, к «острову Тино», а согласно рапорту Ф. Ликардопуло – к Наксии, где находился тогда командовавший флотилией Н. Кассими. Установить, в какой последовательности суда посещали указанные острова, доступные нам документы не позволяют. Возможно, речь в них идет об острове Тило (Пископи), в этом случае получается, что по пути из Каламаты к Наксии приз и его конвоир обошли восточные берега Родоса.

Описать действия других кораблей флотилии Л. Кацониса в этот период доступные нам материалы пока не позволяют. Известно лишь, что в апреле какие-то из них, якобы, были замечены в водах у Лиссы (*la flottiglia del colonnello Lambro Cazoni faceva vela nelle acque di Lissa*), т. е. у берегов Пагузской республики¹. Насколько достоверно это известие, по доступным материалам определить не представляется возможным, равно как и выяснить, был ли среди этих судов кирлангич Н. Кассими.

Очевидно, лишь, что когда заместитель Л. Кацониса достиг острова Наксия, то мог контролировать морской путь из Египта и Сирии в Константинополь. Надо полагать, он этой возможностью пользовался. Во всяком случае, письмом от 7/18 марта 1791 г. С.С. Гибс сообщал А.К. Псаро: «Консул Загуриски представляет мне, что некоторые начальники судов из флотилии Ламбровой, привозя в Зант взятые в приз вещи, продают там без рассмотрения и утверждения приза правильным, и ему о том дать знать не хотят»². В связи с этим контр-адмирал указывал, что продажа призов без предварительного признания их законности самим генерал-майором или консулом недопустима. Учитывая, что не по возрасту живо отзывавшийся на происходящее Д. Загуриский явно жаловался

¹ Gazzetta Universale. 1791. Giugno 25. Корреспонденция из Триеста от 31 мая / 11 июня.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 426 об.

на недавние случаи, можно предположить, что речь шла о призах, приводимых на Занте несколькими капитанами, возможно, включая Г. Каравия, Н. Кассими и Ф. Ликардопуло. Судя по тому, что о каких-либо призах, захваченных в этот период судами казенной флотилии, доступные нам документы не говорят, в начале года она активности не проявляла.

Однако спустя некоторое время А.К. Псаро высказал намерение вновь выслать своих подчиненных в море. Его рапорт С.С. Гибсу, от 9 февраля 1791 г., содержит упоминание о подготовке к плаванию фрегата Г. Лоренцо и прочих судов. Правда, сказано об этом было весьма невнятно. Куда большее внимание генерал-майор уделил рассказу о том, что именно его соединение вынудило турок, вместо привычного перевода средиземноморской эскадры на зимовку в Константинополь, оставить ее в Дарданеллах, из-за чего, якобы, во время зимнего шторма в Галлиполи погибла каравелла со всем экипажем¹. Здесь нельзя не заметить, что прямой связи между крушением и стоянкой эскадры в Дарданеллах нет, но даже если бы она и прослеживалась, то виновницей этого случая следовало бы признать флотилию Л. Кацониса, суда которой продолжали действовать в Архипелаге, мешая зимовке турок.

Куда более правдоподобно звучит заявление А.К. Псаро, будто его появление помогло удержать Али-пашу от присоединения к турецкой армии. Однако и в данном случае нужно учитывать, что речь идет лишь об имитации угрозы побережью Адриатики, предположительно служившей Али-паше одним из поводов остаться в Албании, но не причиной, тем более, что в начале 1791 г. казенная флотилия продолжала сокращаться, все более ослабевая.

Насколько можно понять, стремившийся экономить скудные средства, С.С. Гибс решил вывести Х. Сапунцоглу из состава флотилии и предоставить ему возможность «промышлять по его воле». На каких именно условиях состоялось соглашение, и подразумевало ли оно дележку прибыли с контр-адмиралом, неизвестно. В бумагах последнего упоминается лишь ссуда, выданная им своему подчиненному, как можно понять, из казенных или заемных денег, так как собственными он не располагал. Кроме того, до нас дошли патент и ордер С.С. Гибса, составленные в Ливорно 25 января 1791 г.

В первом говорилось, что «первого ранга шкипер Христофор

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 12 об. – 13.

Сапунцогли, подданный Ее Императорского Величества, отправлен в путь под флагом российским на пакетботе «Российский Орел» именуемом, дабы таким образом мог он иметь в морях свободное плавание и беспрепятственно делать нападения на неприятеля нашего и брать в приз суда и товары, туркам принадлежащие». Ордер же гласил: «При первом благоприятном ветре должны вы отправиться из сего порта в Архипелаг и другие воды Оттоманской порте принадлежащие, для поисков там неприятеля нашего, наблюдая все правила, в рассуждении нейтральных судов предписанные в данной вам инструкции»¹.

Шкиперу предписывалось при встрече «с эскадрою нашею, в Архипелаге находящеюся, или с каким ни есть судном из оной» повиноваться «начальнику эскадры» и оказывать всяческую помощь. Однако о каких-либо случаях подобного взаимодействия в доступных нам документах не упоминается. Дальнейшая судьба «Российского Орла» известна фрагментарно и прослеживается до 12/23 января 1793 г., когда пакетбот под российским купеческим флагом, на пару с галеотом «Дафне», также принадлежавшим Х. Сапунцоглу, прибыл в Неаполь, где шкипер на другой день «занемог горячкою» и умер². О количестве торговых судов, прошедших через его руки за год с возобновления вольного каперства до момента окончания Русско-турецкой войны, можно только гадать. Учитывая действия Х. Сапунцоглу до включения в состав казенной флотилии, можно с уверенностью сказать, что он едва ли утруждал себя оформлением всех призов.

Примечательно, что отправив шкипера в море, С.С. Гибс не стал распространяться об этом в служебной переписке, зато извел немало бумаги, расхваливая казенную флотилию и утверждая, будто лишь ее действия влияют на турок. Вместе с тем, контр-адмирал не забыл упомянуть, что по прибытии в Константинополь отряда алжирских судов, все взятые в плен греки – турецкие подданные с флотилии Л. Кацониса – были казнены. Это известие С.С. Гибс включил во всеподданнейший рапорт и донесение Г.А. Потемкину, датируемые 9 февраля³. Надо сказать, что в данном случае он, видимо, вдохновлялся опубликованными в номерах «Gazzetta Universale» от 4 января и 4 февраля (н. ст.) 1791 г. корреспонденциями из Константинополя от 8 ноября и 8 декабря (н. ст.) 1790 г.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 409 – 409 об.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 90. Л. 4 – 4 об.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 413 об.

Между тем, по словам Е. Палатино, находившегося тогда среди пленных в турецкой столице, казнено было 44 человека, а по словам Б. Тизделя, также сидевшего в Константинопольской тюрьме, казнили 46 человек из 111 захваченных, по его мнению, на судах Л. Кацониса¹. Как нам представляется, спекуляция на этой трагедии, предпринятая С.С. Гибсом ради дискредитации командующего флотилией, характеризует контр-адмирала не с лучшей стороны.

Спустя месяц, 7/18 марта 1791 г., С.С. Гибс отправил Г.А. Потемкину следующее донесение, в котором пересказывал упоминавшийся выше рапорт А.К. Псаро, от 9/20 февраля, где говорилось, что «он со всею вверенною ему эскадрою находится ныне в Порте Глимино у острова С[вятой] Мавры, откуда по окончании некоторые суда исправлением, отправится эскадра наша в скором времени обратно в крейсерство...»² Из этих слов видно, что казенная флотилия с ноября 1790 г., как минимум, по середину февраля оставалась на Ионических островах, причем, ее командующий не мог указать даже приблизительной даты отплытия в Архипелаг. Видимо, чтобы создать в глазах светлейшего князя видимость хоть каких-то успехов, С.С. Гибс воспользовался историей о том, как А.К. Псаро помог Али-паше уклониться от присоединения к турецкой армии, а также сообщил о гибели не одной, а двух каравелл с экипажем из 400 человек у Галлиполи во время шторма.

Примечательно, что в эти весенние дни 1791 г. С.С. Гибс проявил изрядную эпистолярную активность, надиктовывая в один день по несколько бумаг. В частности, 3 января он отправил письма и донесения Г.Л. Брайку, А.К. Псаро, А.С. Мордвинову, А.А. Безбородко, Г.А. Потемкину и Адмиралтейской коллегии. 9 февраля – А.А. Безбородко, Г.А. Потемкину и Екатерине II. 7/18 марта – А.К. Псаро и Г.А. Потемкину. 10/21 марта – А.Я. Италинскому, А.А. Безбородко, Г.А. Потемкину и Екатерине II. И это не считая отдельных посланий в другие дни и местной корреспонденции.

Надо полагать, обращаясь в Петербург, контр-адмирал пытался пером восполнить то, чего подчиненные не достигали пушками. Однако время вышло – в письме А.Я. Италинскому, от 10/21 марта 1791 г. он сообщил: «...Сего дня прибыл сюда господин генерал-майор Томара и вручил мне от Его Светлости... ордер». Ему предписывалось сдать дела, взять с собой Г. Лоренцо и отправляться к Г.А. Потемкину, отстранив А.К. Псаро от командования флотилией.

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 310–313.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 427 об.

С.С. Гибс в тот же день донес А.А. Безбородко, Г.А. Потемкину и государыне о появлении преемника и о том, что немедленно послал соответствующие указания перечисленным в ордере лицам. Собственно передача дел продолжалась до 20/31 марта, а 24-го С.С. Гибс доложил обо всем случившемся Адмиралтейской коллегии¹.

Сдав дела, контр-адмирал, однако, не исполнил второй части приказа Г.А. Потемкина, объяснив свой поступок в письме А.Г. Лизакевичу, от 16 апреля 1791 г., тем, что его отъезд «из Ливорны не прежде быть может, пока дождусь из Архипелага капитана Гульелма, с которым надобно мне ехать к Светлейшему»². На наш взгляд, настоятельной необходимости в таком ожидании не было – В.С. Томара мог обеспечить Г. Лоренцо менее высокопоставленным сопровождающим, но С.С. Гибс тянул время и не трогался с места.

Письмом от 5/16 июня 1791 г. он поделился с В.С. Томара своими соображениями: «Ждав уже столько времени капитана Гульелма, кажется, не остается мне ждать его еще столько же. Я положил, не дождавшись его, не ехать, и для того живу по сю пору в Ливорне...» Судя по всему, возможного недовольства светлейшего князя контр-адмирал не опасался, беспокоился, главным образом, о житейских удобствах и обращался к своему преемнику с частными просьбами: «Когда капитан Гульелмо взял в приз турецкое судно, тогда писал я к Антону Константиновичу Псаро, чтоб прислать мне несколько кофею для моего собственного употребления и двух арабчинок, одного из сих, мужеска пола, для меня, а девку обещал я подарить г[осподину] Каламаю. Может быть, все сие уже приготовлено, и потому прошу ваше превосходительство приказать адресовать на г[осподина] Каламаи... Капитан Христофор Сапунцогли отправился из Ливорны на собственном судне с тем, чтоб производя поиск над неприятелем, не требовать ни жалованья для служителей, ни провизии, и потому всякий взятый им приз принадлежит ему. Ныне пишет он ко мне от Патраса (на северо-западе Пелопоннеса, напротив Цефалонии. – *Р.К.*), что взял два неприятельские судна с кофеем и другими товарами, следственно, в состоянии теперь заплатить мне пятьсот двадцать пять червонных, коими я его снабдил на путь и за кои может переслать ко мне кофею, ежели на таковую сумму онаго есть»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 429 об. – 431 об., 434, 435.

² Там же. Л. 440.

³ Там же. Л. 443 об. – 444 об.

Заметим, что упомянутые известия о Х. Сапунцоглу и взятых им призах, пожалуй, единственное, что мы знаем о его каперстве на заключительном этапе войны. И хотя такие действия также вредили оттоманскому судоходству, задачу пресечения подвоза хлеба в Константинополь, которую ордером от 12 февраля 1791 г. В.С. Томара подтвердил Н. Кассими и его подчиненным, а вместе с тем и всем каперам, они не решали. Впрочем, выше указывалось, что доступные нам документы не дают отчетливого представления о том, какая добыча попала в руки Х. Сапунцоглу за прошедшие месяцы, скорее всего, двумя упомянутыми призами она не ограничивалась. Равно не знаем мы и о том, что произошло после того, как шкипер отправил свое послание С.С. Гибсу. А вот о действиях судов казенной флотилии известно несколько больше.

Из письма контр-адмирала А.Я. Италинскому, от 11 августа 1791 г., мы знаем, что он ориентировался на рапорт Г. Лоренцо от 14/25 июля, в котором сообщалось о предстоящем плавании в Триест, на карантин, и намерении прибыть затем в Ливорно. Очевидно, со слов мальтийца же С.С. Гибс утверждал, будто тот «крейсера по Архипелагу, имел дело с 18 судами турецкими и алжирскими разной величины и отошел от них, не потерпев ни малейшего вреда». Далее контр-адмирал, видимо, уязвленный отстранением от должности, счел нужным отметить, что «генер[ал]-м[айор] Псаро сдал уже всю флотилию, в которой не только из офицеров служить не остался, но и весь экипаж к[апитана] Гульелма и Воиновича и два по воле служившие греческие судна оставили службу и все отправляются в Триест же»¹.

Таким образом, к середине августа бывшая казенная флотилия фактически прекратила свое существование. Правда, аттестат о службе «капитан граф Егор Воинович» получил от С.С. Гибса лишь 5/16 октября 1791 г., а Г. Лоренцо и того позже – 18/29 апреля 1792 г. Надо сказать, что подписывая последний, контр-адмирал поставил в заслугу бывшему подчиненному всего несколько случаев участия в боевых действиях и рейсах – «сражение между Сифанто и Антипаросом 4–5 июля» (23–24 июня ст. ст.) 1789 г., захват 18-пущечной шебеки у Родоса (31 октября 1790 г.), апрельское преследование неприятеля «с двумя только судами», бой у Родоса с каравеллой, которая бежала под крепость, из-за чего сопровождаемый ею караван, шедший из Египта в Константинополь, повернул назад

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 445 об.

Район острова Аржентиери

и рассеялся, наконец, отражение 13 июня силами двух фрегатов атаки 2 каравелл, 6 фрегатов, 4 поляк и 6 шебек у острова Аржентиери – практически в центре Кикладских островов¹. Заметим, что о каких-либо действиях Г. Лоренцо до перестрелки у Сифанто в аттестате не упоминалось.

Судя по всему, когда С.С. Гибс разделил «апрельское преследование» неприятеля двумя судами, и «бой у Родоса», он удвоил одно и то же событие. Во всяком случае, «Gazzetta Universale» в номере от 14/25 июня 1791 г. поместила корреспонденцию из Триеста от 31 мая / 11 июня, в которой говорилось об атаке «в середине дня» 18/29 апреля между Родосом и «Porto Simie», под которым, возможно, понимался остров Symi к северо-западу от Родоса, двумя русскими кораблями под командованием Г. Лоренцо и Г.В. Войновича шести турецких торговых каравелл, направлявшихся из Александрии в Константинополь, пять из которых отступили «под пушки крепости Родос» (che verso il mezzo giorno del di 29 aprile passato accadde fra Rodi, e Porto Simie un combattimento tra due bastimenti russi, cioè una Nave comandata dal colonnello Guglielmo Lorenzi, ed una fregata dal capitano conte Voinovich contro 6 caravelle turche mercantili procedenti da Alessandria, ed incamminate per Costantinopoli. Queste per lungo tempo si difesero colla moschetteria, ma vedutesi in pericolo si ritirarono 5 di esse sotto, il cannone della fortezza di Rodi dovettero abbandonar l' impresa)².

Стычка же 13 июня описана в донесении В.С. Томара Г.А. По темкину, от 5 июля 1791 г., видимо, со слов Г.В. Войновича. Там сказано: «Оба те фрегаты (Г. Лоренцо и Г.В. Войновича. – Р.К.) окружены были лучшею частию флота неприятельского, то есть фрегатами, шебеками и одним из линейных кораблей, и по долговременной обороне, при коей фрегат «Алианс» опасно поврежден и потерял гребные свои суда, на коих хотел, оставя судно, спасать

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 501 – 501 об.

² Gazzetta Universale. 1791. Giugno 25.

уже экипаж, и отделился от другого фрегата; наконец, удалось как одному, так и другому спастись»¹.

Примечательно, что «Gazzetta Universale» и этот случай передает иначе. В корреспонденции из Триеста от 30 июля / 10 августа, опубликованной в номере от 16/27 августа 1791 г., говорилось о 40 днях, прошедших с момента четырехчасового боя 5 российских каперов под командованием Г. Лоренцо с 18 турецкими кораблями. В этом бою, по словам автора заметки, фрегат Г.В. Войновича потерял троих моряков убитыми и получил три пробоины от неприятельских ядер².

Эта корреспонденция, как и донесение В.С. Томара, заставляют усомниться в достоверности пересказанных С.С. Гибсом утверждений Г. Лоренцо, будто он от неприятеля «отошел, не потерпев ни малейшего вреда». Впрочем, не исключено, что в этом случае мальтиец имел в виду собственный фрегат, который вовремя «отделился» от своего напарника и успел выйти из-под огня. Так как командиры судов обеих флотилий при столкновении с превосходящими вражескими силами нередко предпочитали спастись индивидуально, то подобное поведение могло иметь место и на этот раз. Бросается в глаза, что «один из линейных кораблей» под пером С.С. Гибса превратился в две каравеллы. Подобный разноречивый показаний не прибавляет доверия к ним. Впрочем, как представляется, отряд российских каперов, действительно, выдержал серьезный бой с более сильным противником. Видимо, он стал для «Ла Фама» и «Ла Перфет Аллианс» последним в составе казенной флотилии, которая вскоре прекратила свое существование.

Происходило это, по сути дела, на глазах В.С. Томара, возвратившегося после приема в Ливорно дел у С.С. Гибса в Триест, а оттуда, по словам корреспондента «Gazzetta Universale», 16/27 мая 1791 г. отплывшего вместе с Л. Кацонисом «в Левант», на деле же к острову Каламо³. Оттуда он 12 августа 1791 г. донес Г.А. Потемкину: «На другой день после отправления моего рапорта к Вашей Светлости прибыли ко флотилии фрегат «Фама», под командою капитана 2 ранга Гульельмо Лоренци, и фрегат «Алианс», командуемый от армии капитаном Войновичем...»⁴ Очевидно, генерал-майор в данном случае упоминает как предыдущий свой рапорт от 5 июля.

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 175 – 175 об.

² Gazzetta Universale. 1791. Agosto 27.

³ Gazzetta Universale. 1791. Giugno 11. Корреспонденция из Венеции от 24 мая / 4 июня.

⁴ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 159.

Если учесть время, необходимое на переход из Каламо в Триест, а также на доставку известий оттуда в Ливорно, С.С. Гибс мог узнать об отказе моряков казенной флотилии от службы незадолго до того, как написал цитировавшееся выше послание А.Я. Италинскому от 11 августа 1791 г.

Надо полагать, что примерно тогда же дошли соответствующие сведения и до В.С. Томара, который 12 августа 1791 г., указал в рапорте Г.А. Потемкину, что «все чины той флотилии оставили службу, а остались капитан из греков Христофор Сапунцогли на собственном судне пакетбот «Российский Орел»», мичман Г. Шмит и еще четыре офицера, «да из нижних чинов разных наций шестьдесят шесть человек, согласившиеся ожидать заплаты» денег. Причина такого положения, по его словам, заключалась в раздоре между личным составом обеих флотилий, антагонизме офицеров, тогда как «неудовольствие нижних чинов произошло с самого начала от неплатежа обещанного жалованья». Согласно разработанному С.С. Гибсом положению о денежном довольствии, морякам казенной флотилии полагались щедрые выплаты, но происходившее в действительности «не рождало привязанности к службе, по причине всегдашнего недостатка в деньгах, следственно, неплатежа жалованья и худого экипажам содержания, отчего сделались непослушными и без малейшего уважения к начальникам. При всяком движении судов, должно было уговаривать экипажи подняться с места»¹.

В другом письме от 12 августа 1791 г., к В.С. Попову, правителю канцелярии Г.А. Потемкина, В.С. Томара сообщал: «...Все служившие на флотилии генерал-майора Псаро оставили службу. Из корсиканцев, коих всех при дюжине офицеров было человек до 50 и почитались сухопутною командою», остался один лишь капитан Минелли. «Главная причина сему есть неплатеж обещанного жалованья и худое содержание. Недостаток в деньгах существует здесь с самого заведения флотилии, и с ним вместе неудовольства и все худые следствия недоверенности и неуважения к начальству со стороны вольницы, какую здесь наполнены были суда. Слух о приезде моем разнесся еще с прошедшего года, в ожидании кормились взятым от Гульелма призом...», — писал генерал-майор².

Последние слова заслуживают внимания. Разумеется, В.С. Томара несколько преувеличил, тем более, если учесть, что он отно-

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 159, 159 об., 160.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 153.

сил к составу казенной флотилии Х. Сапунцоглу, взявшего два приза, но не исключено, что захваченная еще в октябре 1790 г. шебека так и осталась единственным приобретением остальных капитанов. Заявление же генерал-майора, будто Г. Лоренцо «отправился уже к Его Светлости», т. е. Г.А. Потемкину, и вовсе ошибочно, так как С.С. Гибс позднее, 22 октября 1791 г., писал своему преемнику из Триеста, что мальтиец сильно заболел и на его выздоровление требуется четыре месяца¹. Надо полагать, что Г. Лоренцо в начале августа только съехал в Триесте на берег. Примечательно, что после этого «греки захотели переменить имена судов», и к 12 августа «Ла Фама» стал «Святым Георгием», «Ла Перфет Аллианс» – «Святым Николаем», а «Л'Абонданс» – «Святым Матвеем»².

Так как С.С. Гибс подписывал аттестат Г. Лоренцо в том же Триесте 18/29 апреля 1792 г. вызывает сомнение достоверность приводимых в «Общем морском списке» сведений о том, будто мальтиец в 1791 г. «прибыл из Ливорно в Петербург». Не разрешает этих сомнений и формулировка высочайшего указа от 7 сентября 1792 г., которым Г. Лоренцо производился в капитаны 1 ранга и увольнялся «в Италию впредь до востребования»³. Разумеется, если мальтиец, получив аттестат, сразу выехал в российскую столицу, то вполне мог добраться туда к июню или июлю месяцу, но вот убедительных свидетельств того, что он предпринял такое путешествие, нами не найдено, к тому же, после смерти Г.А. Потемкина оно теряло смысл, а произвести, равно как и уволить старого корсара Екатерина II вполне могла заочно.

Что касается корабельного состава, то по окончании войны, в объяснительной записке, приложенной к письму В.С. Попову, от 21 ноября 1793 г., В.С. Томара указывал: «Г[осподи]на генерал-майора Псаро застал я с 4-мя судами казенной флотилии при острове Итака. Все прочие суда казенной и вольной флотилии были в крейсировании в Архипелаге и собирались один к другому весьма поздно в острове Каламо...»⁴

Но о каких судах шла речь? Прежде всего, об упоминавшихся выше трех фрегатах и пакетботе, хотя Х. Сапунцоглу к тому времени уже выбыл из состава казенной флотилии. Затем, в рапорте В.С. Томара Г.А. Потемкину, от 12 августа 1791 г., говорилось, что

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 97. Л. 482.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 154.

³ Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 266; МИРФ Ч. XIV. СПб, 1893. С. 379.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 405.

«вскоре прибыл и капитан Николай Касими, с кирлангичем «Великий Князь Константин» называемым. Со флотилии полковника и кавалера Ламбро Качони не прибыли еще одна полугалера и две вооруженные лодки, которые по рапорту командующего оными капитана Дмитрия Мустаки овладели около острова Тенедос двумя небольшими турецкими купеческими судами. И составленная из двух, одна флотилия состоит ныне из 22 разной величины судов»¹.

Видимо, в число 22 судов В.С. Томара включил и ранее купленные им в Триесте малый фрегат «Святой Спиридон», а также приобретенный совместно с мичманом Михалопуло куттер, и совместно с П. Сардени и П. Руба два галиота «из флотилии цесарской», т. е. австрийской, о которых говорилось в рапорте Г.А. Потемкину, от 15 мая 1791 г. Кроме того, генерал-майор сообщил, что в Триесте продаются семь канонерских лодок, хотя и без пушек, но весьма дешево и спрашивал: «Если Ваша Светлость апробуете мнение, чтоб флотилия наша имела пристанище в Майне, яко в таком месте, которое со стороны сухого пути почитается безопасным, а от моря легко укреплено быть может, то не прикажете ли приобрести и все те лодки»². Сведений о том, получил ли В.С. Томара соответствующее разрешение, в нашем распоряжении нет. Однако есть основания полагать, что Г.А. Потемкин покупку новых судов одобрил, и поэтому-то объединенная флотилия выросла до 21 или 22 единиц. Большая их часть представляла собой суда малые и слабо вооруженные, в силу чего для крейсерства, а тем более борьбы с неприятельской эскадрой пригодны лишь ограниченно.

Недостатка же в личном составе для их укомплектования не ощущалось. Как гласил рапорт В.С. Томара Г.А. Потемкину, от 21 февраля / 4 марта 1791 г.: «...Есть в Триесте до 200 человек, служивших на обеих флотилиях, сии мало по малу в ожидании моего приезда из островов скопились в Триесте для того, что из флотилии Ламбровой никто не шел под команду генерала Псаро и подполковника Гвилельми; а оставившие сих флотилию люди не имели где деваться после утраты полковником Ламбром большей части своих судов»³.

По какой причине генерал-майор предполагал устроить «пристанище в Майне», а не на каком-либо из островов Архипелага, доступные нам документы не говорят. Можно лишь предположить,

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 159.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 93 – 93 об.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 319.

почву на предмет каких-то действий на суше. Скорее всего, целью их было побудить местное население к выступлению против турок. Однако со временем, ознакомившись с обстановкой, генерал-майор от этой мысли отказался. Надо полагать, поэтому он и не воспользовался фактически достигнутым с майнотскими приматами соглашением о базировании флотилии на Порт Кайо.

К тому же, очевидно, до середины августа В.С. Томара не рассчитывал одолеть турецкую эскадру. Во всяком случае, в его донесении Г.А. Потемкину, от 5 июля 1791 г., говорилось: «По уведомлению от подполковника Гульельмо и капитана Войновича, крейсирующих вместе, флот турецкий в Средиземном море находящийся, разделяется на 3 дивизии и состоит из двух линейных кораблей, 6 больших фрегатов и 6 таковых же алжирских шебеков и других разной величины хорошо вооруженных мелких судов, всех до 40, на коих находится 1500 дульдиниотов и прочих турков и греков, составляющих довольные на судах экипажи»¹.

Из-за явного неравенства сил, в начале июля, до прибытия в Каламо большинства судов обеих флотилий, генерал-майор едва ли мог планировать какие-либо действия против неприятеля. Однако 12 августа, подписывая донесение Г.А. Потемкину, он уже располагал сведениями французского консула на острове Мило о составе турецкой эскадры, призванной бороться с каперами: один 52-пушечный линейный корабль, два 36-пушечных фрегата, два марокканских 20-пушечных корвета, одна 18-пушечная поляка из Цареграда, четыре 20-пушечных алжирских судна, один 24-пушечный «малый фрегат», две 18-пушечных саитии и девять кирлангичей, с вооружением от 12 до 18 пушек. Всего 22 боевых единицы (от 436 до 478 орудий), находившиеся у острова Станкио (Станко)².

Такое соединение уже казалось посильным соперником российской флотилии, на вооружении только 8 сравнительно крупных судов которой состояло не менее 288 орудий, тогда как на таком же числе неприятельских – 268. Впрочем, формальные расчеты нуждались в серьезных коррективах. Об этом можно судить из донесения В.С. Томара Г.А. Потемкину от 5 июля 1791 г., где описывается состояние кораблей: «По мнению всех морских служителей наших оные суда все без изъятия к сражениям мало надежны, по причине не столько мелкости судов, сколько малости пушек, которыми они вооружены. Во всей флотилии один фрегат, «Алианс» называемый,

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 175.

² Там же. Л. 160 – 160 об.

имеет всю батарею 12-фунтовую¹. Шебек, взятый в приз и здесь отделяваемый (видимо, «Ахиллес». – *Р.К.*), будет иметь таковых же 14. А фрегат «Фама», самое большое и лучшее судно из всей флотилии, вооружен 6 и 8-фунтовыми пушками. Правда, что при встречах с превосходными силами неприятеля, что и ныне несколько раз случались, отделяются наши суда довольно счастливо и без знатного вреда, но притом никогда не могут взять прямой поверхности и пользоваться следствиями оной; напротив того, всякая встреча возвращает всегда нас в Венецкие острова, в Триест или в Италию, где издержки на починку судов и содержание экипажей не уступают сумме, которую нужно бы употребить на покупку и всего числа таковых пушек»².

Генерал-майор считал, что сложившееся положение требует перемен, и в том же донесении писал: «Флотилия наша, по мнению всех служащих в ней, может быть довольным образом укреплена прибавлением трех или четырех прямо военных фрегатов и снабжением еще части лучших судов, составляющих ныне флотилию нашу, пушками 12-фунтовыми, какие фрегат «Алианс» имеет, и коих к имеющимся ныне во флотилии надобно бы прибавить 72, а искупить можно оные, со всеми нужными припасами, в Генуи и Марселии»³.

Не все благополучно было и по шкиперской части, о чем В.С. Томара докладывал Г.А. Потемкину 12 августа 1791 г.: «Суда первой флотилии не в лучшем состоянии: один фрегат господина Гульельмо Лоренци снабжен посредственно вещами против положения весьма умеренного, сделанного здесь господином контр-адмиралом и кавалером Гибсом для военных судов; другой фрегат, командуемый капитаном Воиновичем, ни одной годной веревки и ни одного посредственного паруса не имеет. Прежней Ламбровой флотилии суда, возвратившиеся из Архипелага, гораздо лучше снабжены и лучшие имеют экипажи. Вся флотилия к выступлению в море могла бы быть готова в первых числах сентября месяца, но мешает тому крайний недостаток в деньгах, который я терплю. Нужнейшие исправления на судах и содержание экипажей производятся помощью капитанов и других партикулярных людей из

¹ 12-фунтовые орудия имели калибр примерно 119 мм, вес ядра около 5 кг, 8-фунтовые были калибром примерно 104 мм и стреляли 3,3-кг ядром, 6-фунтовые 97-мм пушки стреляли 2,5-кг ядрами. См.: Четверухин Г.Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. Ч. 1. М.; Л., 1942. С. 149.

² РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 174 об.

³ Там же. Л. 174 об – 175.

Ламбровой флотилии, но и их состояние есть весьма тесное и не отвечает ревности»¹.

Таким образом, В.С. Томара лишний раз констатировал хроническое недофинансирование казенной флотилии, из-за которого ее суда в середине августа 1791 г. имели ограниченную боеспособность. Исправлять положение предстояло Л. Кацонису, фактически возглавившему объединенную флотилию. Позднее, в записке от 9 июня 1795 г., В.С. Томара пояснял «Комиссии для свидетельства счетов...», что Л. Кацонис «во время мое командовал... не только судами вольной своей флотилии, но и казенными»². 12-го же августа 1791 г. В.С. Томара писал В.С. Попову: «Полковник Ламбро Качони, человек храбрый и усердный, не имеет ни на десять червонных нигде кредиту и беспорядочен в делах своих до крайности; на его, однакож, и капитанов его части более можно считать, нежели на служивших в другой флотилии, счета будут сноснее, и поисков прямых над неприятелем ожидать должно, когда удастся им довольно оправить суда, требующие большой починки, и снабдить оные по надлежащему... чего, однакож, при известных мне средствах каждого, более желать, нежели надеяться должно»³.

Иначе говоря, разросшаяся до двух десятков судов объединенная флотилия не располагала должными ресурсами для скорого изготовления к выходу в море всем составом и не могла рассчитывать на кредит, обеспечивающий такую подготовку. Возможно, поэтому В.С. Томара согласился на предложение К. Бицилли, сына консула на острове Цефалония, своими силами захватить и сжечь турецкое судно у албанского побережья. Правда, по словам генерал-майора, доброволец успеха не добился и сумел лишь привести старое и пустое купеческое судно, которое по требованию венецианских властей, как взятое в их водах, было возвращено хозяевам.

Незадачливый капер излагал события несколько иначе. В августовских 1794 г. объяснениях «Комиссии для свидетельства счетов...» он утверждал, что 22 июля 1791 г. «отправлен был господином генерал-майором Томарою в Дурацо для взятия стоящего на якоре там под крепостью турецкого судна, но будучи в пути, повстречались с турецкою же шебекою, нагруженною солью, люди ж на нем, видя, что к их судну подъезжают, сев на лодку, ушли, взяв с собою оружие...» В другом его объяснении сказано, что после

¹ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 160.

² Пряжин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 314, 395.

³ РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 153 об.

взятия шебеки они «продолжали путь в Дурацо, и вне порта того города нашли венецианское судно, которое не допускало нас сражаться с турецким судном, на якоре под городом стоявшим, почему принуждены мы были четыре дни дожидаться, чтоб оное венецианское судно отправилось, которое, поняв наше намерение, не допускало нас к сражению, пока не поднялась сильная буря и принудила нас возвратиться обратно»¹. Заметим, что К. Бицилли формально не был новичком – прежде, с 10 июля 1790 по 8 мая 1791 г., он служил под начальством А.К. Псаро.

Однако помимо этого неудачного опыта крейсерства В.С. Томара явно готовился к широким активным действиям соединения и старался обеспечить его снабжение в портах Ионических островов. Видимо, убедившись в непригодности для этой цели Д. Загуриско-го, он ордером от 2 августа 1791 г. приказал: «В рассуждении ваших лет, чтоб дать вам желанное спокойствие, за благо рассудил я уволить вас, не входить более в дела относительно моей миссии в Занте. Вы ограничите себя должностью своего консульства, а господин Анагности Андреянопуло, капитан в службе Ее Императорского Величества, пребывающий в оном городе, будет способствовать в надобностях наших судов, которые туда прибудут... о чем уже я уведомил и Его Превосходительство господина кавалера Эмо»².

Капитан, которого на должность агента флотилии, как указывалось выше, назначил еще Л. Кацонис, «вступил в службу» 18 августа 1788 г., с набранными им по соглашению с майором Л. Сотирисом 425 воинами. С Л. Кацонисом его свел, видимо, И.А. Заборовский, указавший на «Анагности Андрианопуло Гаргалиано» в одном из ордеров от 9/20 марта 1789 г. Доверие Л. Кацониса капитан заслужил, очевидно, во время конфликта в Триесте с В.Н. Мещерским, когда А. Андрианопуло выступил на стороне командующего флотилией³. Судя по всему, вполне полагался на него и В.С. Томара.

В те же дни, стараниями Ж.Ф. Брие была реанимирована идея привлечения французских каперов. Как говорилось в его прошении из Ливорно, от 8/19 августа 1791 г., в Коллегию иностранных дел, он предложил В.С. Томара: «...Некоторое число самых больших марсельских кораблей к подкреплению Архипелагской флотилии. Предложение сие было принято, и мне приказано стараться о том, пока уведомит о том господина фельдмаршала Князя Потемкина.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 58. Л. 27 – 27 об., 30 об., 34.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.

³ Там же. Л. 9, 10, 13.

Обстоятельства Франции (т. е. хаос, посеянный революцией. – *Р.К.*) мне много способствовали в моем предприятии, и я успел склонить от пятнадцати до восемнадцати кораблей, кои только ожидают решения генерала Тамары, к которому я отправил список некоторой части сих кораблей и их артиллерии...»¹

Однако спустя короткое время обстановка изменилась настолько, что генерал-майору пришлось пересмотреть прежние планы. После целого ряда побед российских войск над турецкими, увенчавшегося разгромом 28 июня 1791 г. армии сераскира Мустафы-паши, сосредоточившейся у Мачина, а также победы Черноморского флота во главе с Ф.Ф. Ушаковым над неприятелем у мыса Калиакрия 29 июля, Порты поторопилась 31 июля / 11 августа 1791 г. заключить перемирие на 8 месяцев.

Известие об этом достигло острова Каламо через месяц, и 5 сентября 1791 г. В.С. Томара отдал по объединенной флотилии приказ «пресечь и в сих морях на помянутое время действие оружия»². Так как ряд судов тогда еще продолжал крейсерство, на их поиски были отправлены несколько капитанов, в частности, Г. Каравия, который после войны, в прошении «Комиссии по свидетельству счетов...», от 2 июня 1794 г., писал: «Того же года (1791-го. – *Р.К.*) сентября 4-го оной генерал-майор Тамара послал меня в Архипелаг, чтоб известить флотилию о перемирии, приказав при том примечать и узнавать все движения неприятеля и о том его уведомлять, что я и следовал до заключения мира»³. Из этих слов видно, что несмотря на перемирие, новый командующий российскими силами в Средиземном море считал необходимым следить за противником.

Сумел ли Г. Каравия остановить кого-либо из сослуживцев в Архипелаге, неизвестно. Но спустя три месяца В.С. Томара был вынужден послать туда из Мессины Ф. Ликардопуло, в порядке которого, от 12/23 декабря 1791 г., говорилось, что «наши суда в Архипелаге, вместо того, чтоб повиноваться приказаниям относительно возвращения их в команду господина полковника Ламбра Качони, во время сего перемирия продолжают захватывать всякое греческое и турецкое судно», чего не следует допускать впредь⁴. В результате большая часть объединенной флотилии была отозвана из Архипелага и перестала брать призы. Разумеется, об ее упразднении речи

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 89. Л. 74.

² Прякин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 345.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14 об.

⁴ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 78 об.

не шло. Однако из-за дефицита средств содержать соединение в полной боеготовности не представлялось возможным.

В опубликованной записке «О делах флотилии в Архипелаге», В.С. Томара так описывал события лета 1791 г.: «Большая часть служивших во флотилии казенной оставили тогда службу, и команда судов казенных поручена была мною капитанам доброй военной репутации начальства полковника Ламбро, с тем, чтоб каждый набрал на судно свое назначенное число матросов, причем, в рассуждении жалования на время войны сделан был новый план... По получении известия о перемирии, последовавшем весьма скоро, положено было жалование на все суда с уменьшением экипажей... По сему последнему плану выдаваемо было жалование на все суда, выключая употребленных на посылки к стороне Архипелага, которым дозволено было иметь экипажи по военному положению. Для прочих всех судов военный план остался без действия и притом для капитанов без обиды, поелику ни один из них не успел еще набрать людей по военному плану, когда получено известие о перемирии»¹.

Упомянутые «планы», а точнее, ведомости, свидетельствуют, что когда составлялся расчет финансирования флотилии в военное время, датированный 10/21 августа 1791 г., она располагала 14 судами: фрегатом «Святой Георгий» (бывший «Ла Фама»), корветами «Святой Спиридон», «Святой Матвей» (бывший фрегат «Л'Абонданс»), «Святой Николай» (бывший фрегат «Ла Перфет Аллианс»), шебекой «Святой Иоанн ди Патмос», саитией «Святая Елена», канонерскими лодками «Сила» и «Святая Варвара», куттером «Святой Стефан», кирлангичами «Святой Константин», «Святой Александр», «Ахиллес» (бывшая «Мадонна Идрская»), и двумя «партикулярными» – пакетботом «Орел» («Российский Орел») и кирлангичем «Князь Потемкин». На них полагалось иметь 14 капитанов, 53 офицера и 890 матросов, всего 957 человек экипажа, а также 23 офицера и 624 рядовых «албанских войск». Таким образом, довольствоваться предстояло до 1604 человек. «Мирный» же «план», датируемый 5/16 сентября 1791 г., включал уже 21 судно – помимо вышеперечисленных, еще полугалеры «Зеа», «Дафне» и пять галиот. При этом почти всех албанцев, кроме 6 офицеров и 12 рядовых, следовало уволить, а из судовых команд оставались 21 капитан, 60 офицеров и 580 матросов, всего 661 человек².

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 371.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. С. 374 – 375, 376; Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 239.

Однако и по «мирному положению» ожидалось весьма солидные расходы – на одно только жалование матросам 5800 пиастров в месяц. Весьма желательно было снизить их. Поэтому В.С. Томара решил разделить флотилию и 5/16 сентября 1791 г. подписал на борту «Святого Георгия» ордер А. Андрианопуло, в котором говорилось: «Я намерен ехать в Сицилию, для того объявить тем капитанам с моей стороны, чтобы они предались повиновению господина полковника и кавалера Ламбро Качеиони, который по моему приказанию останется в Итаке»¹. Рапортом же от 16 сентября 1791 г. он донес Г.А. Потемкину, что с 6 лучшими судами – фрегатом «Святой Георгий», корветами «Святой Матвей» и «Святой Николай», пакет-ботом «Российский Орел», одним из кирлангичей и полугалерой, отправляется в Сиракузы, оставив остальные в Каламо под командой Л. Кацониса. Причина такого решения объяснялась дороговизной продовольствия и невозможностью килевать корабли, которые в том нуждались, из-за противодействия венецианских властей².

Такие же доводы приводились генерал-майором в письмах А.А. Безбородко и А.Р. Воронцову, от 30 ноября 1791 г. В первом из них сказано, что оставаться «в Венецких (Ионических. – Р.К.) островах, где долговременное пребывание нашей флотилии, Венецкой эскадры и пресечение сообщения с Турецкой границей, по причине моровой язвы, возвысило всему цены», представлялось нецелесообразным. «Неимение денег, великая дороговизна съестных припасов в Венецких островах и опыт сделанный скорого набора людей, решили меня на уменьшение экипажей... и на переезд с частью флотилии в Сицилию, в надежде сыскать скорее и дешевле средств к содержанию оной... А прежде отъезда из Каламо лишние, против того учреждения, люди от своих капитанов довольствованы и отпущены ... На сем основании и остаются ныне экипажи судов, составляющих флотилию, выключая отправленных в Архипелаг, с полным числом людей, двух кирлангичей, для объявления перемирия находящимся уже тамо судам и возвращения оных к команде...» Далее же говорилось: «В Венецких островах оставил я полковника и кавалера Ламбро Качония с частью флотилии. Должно сказать, что она часть служит тамо некоторым уверением в заплате долгов; служить может еще к скорому собранию вновь экипажей, если бы в том нужда была. Оставленные при оном господине полковнике суда снабжены провизией весьма посред-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 351, 352.

ственно и не на долгое время, и в пополнение не имел я более дать ему как 1500 левков». В письме же А.Р. Воронцову генерал-майор заметил: «С частью флотилии переехал я в Мессину, оставя другую часть в Венецких островах, которую должен кормить отсюда»¹. Переход В.С. Томара в Мессинский порт датируется 25 октября / 5 ноября 1791 г.²

Весьма скудные средства, расходовавшиеся не только на моряков, едва ли могли обеспечить поддержания боеготовности кораблей на всем протяжении перемирия. Заметим, что к его началу Л. Кацонис привел флотилию в удовлетворительное состояние, о чем свидетельствует цитировавшееся письмо В.С. Томара А.А. Безбородко, от 30 ноября 1791 г., в котором упоминалась «ведомость о числе судов, составляющих ныне флотилию нашу, с означением, в каком состоянии вещей и числе людей поступила в ведение мое часть оной, бывшая под командою господина генерал-майора и кавалера Псаро. Суда той части отданы были мною в командование капитанам, служившим прежде на флотилии полковника и кавалера Ламбро-Качони... предложил им набирать новые экипажи на казенные и другие суда, что теми капитанами со всякою ревностью, и по большей части на собственный кошт, исполнено, в так скором времени, что прибывший не более как чрез месяц после того с известием о перемирии секунд-майор Гессе нашел одну часть флотилии совсем к выступлению готовую, а другая до приезде его была уже отправлена»³.

Однако в том же письме указывалось: «...Многие из офицеров не имеют обуви и одежды, и как никто со прибытия моего не получал жалованья, а оставшимся от флотилии генерал-майора и кавалера Псаро следует оно за четыре трети (т. е. 16 месяцев. — *Р.К.*), а некоторым и более, то, опасаясь, чтоб из такового недостатка не выникнули иногда беспорядки, наипаче в продолжение перемирия, коим отнято средство к содержанию себя в областях неприятельских, предписал я господину полковнику и кавалеру Ламбро Качонию обезоружить все мелкие суда и содержать оные до разрешения моего под стражею, что с находящимися ныне при нем в островах Каламо судами, конечно, и исполнено будет; но отправленные еще до известия о перемирии в Архипелаг мелкие суда нелегко решиться могут на возврат к нему, поелику внутреннее тесное (т. е.

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 236, 238, 239, 240.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 88.

³ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 237–238.

стесненное, затруднительное. – *Р.К.*) состояние флотилии нашей не может быть от них закрыто»¹.

В другом послании от того же числа, адресованном А.Р. Воронцову, В.С. Томара выражал аналогичные опасения: «Флотилия целое лето кормилась и исправлялась в долг ... С частью флотилии переехал я в Мессину, оставя другую часть в Венецких островах, которую должен содержать отсюда. Слухи уже доходят, что со стороны мелких судов, отправленных до известия о перемирии, начались шалости в Архипелаге, из коих наконец выникнуть может и открытый разбой под флагом нашим. Здесь нашел только корм, а не деньги; все из служащих требуют заслуженного жалованья, которое тем нужнее, что большая часть их суть наги и босы. Я сам оно уже четыре трети как не имею, живу в долг и, против воли моей, проживаю много»².

Другими словами, генерал-майор и в ноябре, спустя четыре месяца с начала перемирия, продолжал сохранять флотилию, хотя на ее содержание у него явно не хватало средств. Судя по всему, избавиться хотя бы от части судов, как делал С.С. Гибс, он не решался из-за неопределенности политических перспектив – до окончания перемирия можно было опасаться возобновления военных действий, тем более, что В.С. Томара не получал практически никаких указаний от начальства. Собственно, и упоминавшееся письмо А.Р. Воронцову он направил потому, что после кончины Г.А. Потемкина, о которой ему сообщил А.Я. Италинский, предполагал, что «долго еще никто о части, порученной мне, не вспомнит: почему и решился отозваться к его сиятельству графу Александру Андреевичу (А.А. Безбородко. – *Р.К.*). Копии с отзыва моего к нему и с приложения, здесь Вашему Сиятельству прилагая, всепокорнейше прошу... споспешествовать в решении скорой помощи, которая для дел наших здесь есть весьма нужная»³.

Под скорой помощью, конечно, понималось ассигнование денег на содержание флотилии. Отсутствие финансирования, по мнению В.С. Томара, могло привести к разбою со стороны каперов, которые уже позволяли себе некие «шалости в Архипелаге». О чем шла речь, по доступным нам документам определить затруднительно. Видимо, генерал-майор имел в виду частичную реквизицию товаров и денег, не сопровождавшуюся убийствами. Так как распу-

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 241.

² Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 236.

³ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 236.

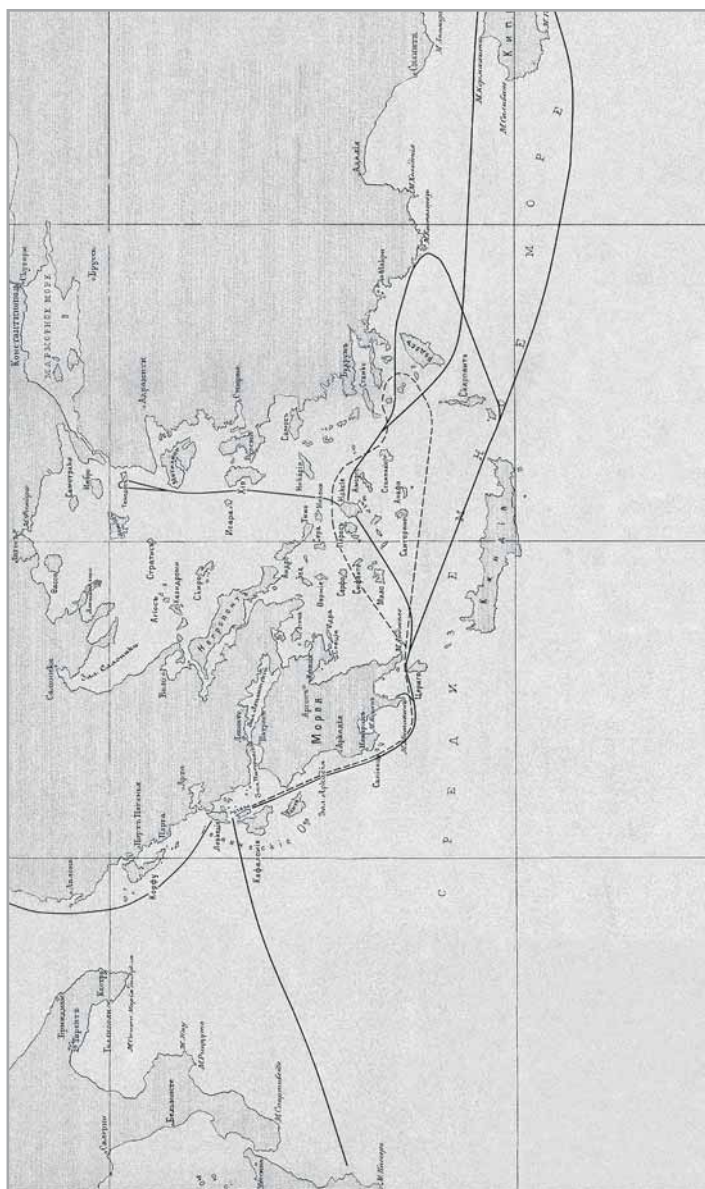

Схема предполагаемого плавания флотилий в кампанию 1791 г.

скасть соединение он не собирался, проблема его содержания, даже после сокращения личного состава, постепенно обострялась.

Между тем, в Петербурге дальнейшую судьбу флотилии уже определили. Как А.А. Безбородко сообщал П.А. Зубову письмом от 5 ноября 1791 г., предполагалось «в понедельник вручить туркам полный проект трактата, в котором внесутся... о пропуске судов наших из Белого (Эгейского. – *Р.К.*) моря чрез канал в Черное, разумея те, что были под командою полковника Качони и флота капитана Гильельма»¹. Таким образом, к началу ноября о продолжении боевых действий на Средиземном море российское правительство уже не думало. Однако В.С. Томара, а тем более Л. Кацонису об этом еще не было известно.

Полковник, на короткое время получивший под свою команду объединенную флотилию, как сказано выше, сумел изготовить к плаванию те ее суда, которые к сентябрю оказались на Ионических островах. Несмотря на то, что последствия ранения должны были сказываться на его здоровье, на одном месте он не оставался, и если в июне 1791 г. документы фиксируют его пребывание на Каламо, то в сентябре – на Итаке².

Между тем, судя по цитированному выше письму В.С. Томара А.Р. Воронцову, вся флотилия до самой поздней осени в одном месте так и не собралась, и крейсерство в Архипелаге не прекращалось – кто-то из капитанов продолжал беспокоить турок даже в ноябре. До сентября этими действиями руководил, разумеется, насколько было возможно, помощник Л. Кацониса, Н. Кассими, получивший соответствующие инструкции, как от полковника, так и от В.С. Томара. Однако позднее немногие находившиеся в море каперы оказались вовсе без начальственного надзора.

В это время их рейды уже не отвечали интересам российского правительства, достигшего с турками соглашения о перемирии и готовившегося подписать мир. Между тем, такое окончание войны решительно не устраивало греков – турецких подданных, выступивших на стороне России. Хотя статьи предлагаемого Россией мирного трактата и предусматривали амнистию таким лицам, но было очевидно, что Порты так или иначе будет их преследовать. Поэтому греки, служившие на флотилии, приняли известие о гря-

¹ Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 29. СПб., 1881. С. 137.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 58. Л. 5, 6.

дущем мире неоднозначно — часть из них задумались об эмиграции в иные страны, включая Россию, часть намеревалась продолжать борьбу с турками.

Как тем, так и другим требовались средства, получить которые можно было продажей призов. Видимо, поэтому действовавшие на тот момент в Архипелаге каперы, со временем из разных источников узнававшие о перемирии, не спешили признавать произошедших перемен, хотя к концу года большая их часть все же выполнила приказ начальства и прервала рейды. В целом интенсивность крейсерства, а также боевых действий против турецких военных судов в 1791 г., судя по доступным источникам, сравнительно с предыдущими кампаниями не снижалась.

Глава 5. НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ

Разделив флотилию на две части, В.С. Томара, очевидно, поначалу предполагал с наиболее крупными судами держаться в сицилианских портах. По крайней мере, его донесение Г.А. Потемкину, от 16 сентября 1791 г., гласит: «В Сицилии можно доставлять съестные припасы остающейся здесь (в Каламо. – *Р.К.*) части, а сей способно скоро вновь собирать морских служителей и албанцев, при случае таковых повелений, которые, напротив того, скорее получать можно чрез Неаполь в Сиракузе, нежели здесь чрез Триест, в рассуждении почитающегося опасным плавание в зимнее время для мелких судов в Адриатическом заливе»¹.

Спустя пару месяцев сведения о разделении соединения попали в периодическую печать. «Gazzetta Universale» в номере от 11/22 ноября 1791 г. поместила корреспонденцию из Вены, от 30 октября / 10 ноября, автор которой, ссылаясь на письмо из Триеста от 10/21 октября, упоминал о намерении российских судов зимовать в Сиракузах и Мессине (*Dicesi, che la medesima flottiglia sia per passare l' inverno nei Porti di Siracusa, e di Messina*)².

Однако спустя некоторое время В.С. Томара счел необходимым переместиться оттуда в Ливорно, очевидно, руководствуясь теми же соображениями, что и С.С. Гибс – ввиду скорости сухопутного сообщения с Россией, наличия кредитора в лице И. Каламаи, а также, разумеется, житейских удобств, предоставляемых достаточно крупным городом. Когда именно генерал-майор покинул Сицилию, пока не установлено. Известно лишь, что по пути, находясь в Неаполе, В.С. Томара 18/29 января 1792 г. послал Л. Кацонису уведомление о заключении мира с Турцией, подписанного в Яссах 29 декабря 1791 г. Вторично он отправил подобную бумагу уже из Ливорно, 9/20 февраля. Оттуда же был послан и ордер от 15/26 марта 1792 г., с приказанием полковнику: «Поелику мирный трактат уже

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 352.

² Gazzetta Universale. 1791. Novembre 22.

План Мессины

разменян, и мир с Портою Оттоманскою утвржден и обеспечен, то вы прикажете прилично об этом огласить составу флотилии под вашим распоряжением»¹.

Представление о том, какие корабли находились тогда в распоряжении командующего флотилией, дает опубликованная Ю.Д. Пряхиным «Ведомость о судах, заведенных господином Ламбром в Порто Квалби (он же Кайа. – *Р.К.*)». В ней перечислены 11 кораблей: шебека «Святой Иоанн ди Патмос» с командой из 60 человек, корвет «Святой Спиридон» с 40 матросами, куттер «Святой Стефан» и кирлангич «Святой Константин», на каждом по 30 матросов, канонерские лодки «Святая Варвара» и «Сила», по 10 человек на каждой, а также небольшие галиоты «Итака», «Типо», «Медуза», «Леонида», «Химера» – на всех 10 матросов². Учитывая возможную неполноту списка и ошибки при указании численности моряков, – всего около 200 человек, по другим же документам личный состав насчитывал до 300 едоков.

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 353.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 145–146.

В «Пояснении разных прошений и жалоб касательно флотилии в Архипелаге», приложенном к письму В.С. Попову, от 21 ноября 1793 г., В.С. Томара указывал: «При отъезде из Каламо, в октябре месяце 1791 г., оставлено полковнику Ламбру провизии на три месяца, а в январе 1792 г. послано еще на три месяца и на 300 человек. Кажется, не имел он нужды в оной»¹. Однако генерал-майор в данном случае не уточнил, что Л. Кацонису приходилось кормить также и сухопутные части. Примечательно, что позднее, в другом «пояснении», направленном в «Комиссию для свидетельства счетов...» 9 июня 1795 г., В.С. Томара задавался вопросом: «Неужели по скудости в пище и для уменьшения расхода провианта, отпускаемого на 300 человек, собрал в мирное время господин полковник на суда свои до 1500 человек всякой сволочи, с которыми поплыл в Майну?»²

Оставим эпитет «сволочь», т. е. «сброд», говоря современным языком, на совести генерал-майора. Речь шла о тех самых воинах, которые прежде составляли десантные партии на судах флотилии и подчинялись «капитану Андруцосу». Заслуживает внимания и то обстоятельство, что В.С. Томара знал, что «собранные для походу на Майну до 1500 албанцев позваны на провиант, привезенный на кирлангиче «Ахиллес» из Сиракузы, и на жалованье из денег, которые я же ему в ордерах моих обещал доставить для удовольствия экипажей судов по положению на время перемирия. Подлинное письмо его, означающее оба сии обстоятельства, с приказанием набирать по причине оных албанцев к Ефстафию Паруси, послано от меня при донесении ко двору от 31 июля 1792 года»³.

Таким образом, начало подготовки Л. Кацониса к походу на Майну можно датировать январем 1792 г. Однако В.С. Томара, стремясь подчеркнуть свою распорядительность, явно приукрашивал положение той части флотилии, которая оставалась на Ионических островах. Сохранилась переписка П.А. Ферьеры, рисующая обстановку иначе. Разумеется, из-за личной неприязни как к генерал-майору, так и к полковнику, дипломат, несомненно, сгущал краски, однако его слова позволяют взглянуть на ситуацию другими глазами. В письме прежнему Д.М. Голицына, министру в Вене графу А.К. Разумовскому, от 5/16 февраля 1796 г., он утверждал: «Флотилия, стояв при острове Каламо и ежедневно расстраиваясь новы-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 419.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 397.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 401–402.

ми беспорядками, имела недостаток во всех необходимостях, как в провизии, так и в снастях, и в прочем...»¹ А в его письме от 18/29 августа 1796 г., адресованном Коллегии иностранных дел, указывалось, что у флотилии оставалось червивых сухарей на 15 дней².

Так как на Каламо П.А. Ферieri ездил в начале 1792 г., то описанные им затруднения, надо полагать, связаны именно с увеличением числа едоков. Недаром Л. Кацонису приходилось входить в долги, чтобы содержать людей. Так, его расписка от 12 февраля 1792 г. гласила: «Я нижеподписавшийся полковник и кавалер начальник Императорской российской флотилии объявляю, что я занял у гос[подина] Гиццо Карацци Варна Пиотти на потребности флотилии турецкою монетою семьсот двадцать три пиастра...»³ Этих денег, конечно, не могло хватить надолго.

Но зачем Л. Кацонис готовил экспедицию на Майну буквально на пороге подписания мирного трактата? Как нам представляется, дело тут не только в неудовлетворенности итогами войны и желании начать национально-освободительную войну своими силами, о чем говорится в ряде исследовательских работ, но и в обстоятельствах, сложившихся определенным образом. Немалую роль в данном случае сыграли психологические мотивы. Так, Г.Л. Арш указывает на записку Ж. Лазаля, от 17/28 мая 1792 г., в которой говорится: «Новость эта (подписание Россией перемирия с турками. – *Р.К.*) разрушила все планы и вызвала у греков глубокое горе. Многие из них, покинув свои дома и турецкие области, рассчитывали вернуться туда только победителями, они боялись, что вернувшись туда в ином качестве, они очень плохо будут приняты турками. Все принесли жертвы, покинув свои дома и экипируясь и вооружаясь за свой счет... Господин Ламбро Катзони, хотя лично для него счастливая будущность и была обеспечена, чувствовал несчастье этих греков и боялся, что они захотят его упрекать, так как преданность к себе и доверие, которое он им внушил, в значительной степени способствовали их несчастью»⁴.

Однако не только чувство ответственности за людей, поверивших ему, двигало Л. Кацонисом. Как нам представляется, чтобы нарушить воинскую дисциплину, пренебречь приказанием начальства и сделать шаг в разрез с намерениями российского

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 552.

² Там же. Л. 597 об.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.

⁴ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 88.

Мессинский пролив

правительства, полковник должен был получить некий толчок. А подвести его к состоянию, в котором достаточно было этого толчка, могли, в частности, известия о смерти покровителя – Г.А. Потемкина, интриги П.А. Ферриери, очевидно, заговорившего о том, что В.С. Томара стал получать прошения от прежних жалобщиков, возобновивших претензии к Л. Кацонису, а также письма архимандрита Крисано. В цитиrowавшемся выше «Пояснении разных прошений...» В.С. Томара упоминал, что офицеры, сумевшие бежать после разгрома флотилии Л. Кацониса в Ливорно, «обличали» Крисано в том, «что письмами его из Мессины к полковнику Ламбро о притеснении греков, служащих в Сицилии (т. е. на судах флотилии, стоявших в Мессине. – Р.К.), приведена в соблазн часть экипажа, служащая с Ламбром»¹.

Отголоски какой-то интриги против Л. Кацониса видны и в письме В.С. Томара из Ливорно, от 9/20 апреля 1792 г.: «Жалею, что вы имеете великие сумления и подозрения. Сие, а не другое, что привело вас в Майну, и ежели вы им будете повиноваться, то они однажды введут в погибель. Вы только из греков, который заслужил имя и чин, и по неясным и ложным поводам беспрестанно подвергаете вашу честь и тех, кои с вами находятся. Какую веру я дал рапортам, против вас написанным, узнаете от капитана Михе-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 396.

ли, от майора Кассими, от консула Дате (генерального консула в Сицилии Ф. Доте. – *Р.К.*) и от всей флотилии, и можете еще о том заключить от того, что я избрал самого Михели для Константинопольской комиссии. Сколько можно постарайтесь загладить худое предприятие вашей поездки в Майну. Скорейше возвращайтесь в Мессину, где получите от меня инструкции и приказания ... То, что майор Никола (Н. Кассими. – *Р.К.*) к вам писал о разных разговорах происшедших, в рассуждении поступков его справедливо. Он не худо сделал, что о том к вам писал, но тем худо сделал, что не осведомил вас, как я те разговоры принял, когда они начинали быть несколько важными. И вы еще хуже сделали, ежли в решениях ваших послушались более ваших вечных подозрений и советов тех, кои не в состоянии их вам подать, нежели опыту, который должны иметь о мне и признавать меня, по крайней мере, за честного человека, который не клонится хоть сделать вам обиду»¹.

Разумеется, все эти увещевания являлись не более чем попыткой убедить Л. Кацониса в том, будто направленной против него интриги не было, хотя В.С. Томара и проговаривается о неких рапортах и разговорах. И в данном случае не имеет значения, как именно воспринимал их генерал-майор, действительно ли пресекал всякие поползновения интриганов, молча выслушивал и принимал во внимание или высказывал намерение учинить разбирательство. Важно то, что сведения о происходящем, надо полагать, с соответствующими комментариями по поводу намерений В.С. Томара, передавались полковнику.

К сожалению, мы не располагаем возможностью изучить этот вопрос должным образом, однако и доступный нам материал позволяет сделать вывод, что на свое выступление Л. Кацонис решился далеко не сразу после известия о российско-турецком перемирии – его к этому подводили события, произошедшие осенью 1791 – весной 1792 г., и не в последнюю очередь очередная интрига, видимо, подорвавшая доверие полковника к новому начальству.

Примечательно, что из упоминавшихся выше ордеров В.С. Томара Л. Кацонису, сообщавших о заключении перемирия, нам не удалось отыскать датируемый 9/20 февраля 1792 г., посланный генерал-майором из Ливорно. Учитывая, что в сохранившемся ордере от 15/26 марта, помимо упоминания «размена мирного трактата», сказано: «Получил я вновь повеления в приуготовлении су-

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 354–355.

Остров Меганиси. Современное фото

дов казенных ...», можно предположить, что и в предыдущем речь также шла о какой-то подготовке¹. Недаром Л. Кацонис писал А. Диаманди из «Моганиеси» – с острова Меганиси, юго-восточнее Санта Мавра, 11 марта 1792 г.: «Уведомьте мою жену, что я получил приятное известие от нашего генерала, чтоб мне изготавиться...»²

К чему именно должен был готовить суда Л. Кацонис, согласно ордеру от 9/20 февраля, трудно сказать, но не исключено, что формулировки документа могли подтолкнуть полковника к активным действиям. В пользу предположения, что оставшиеся с ним суда флотилии покинули место своей зимовки в марте, говорит прошение Г. Каравия в «Комиссию для свидетельства счетов...», от 2 июня 1794 г.: «1792-го года в марте месяце узнал я намерения, кои имел оной Ламбро...»³ Капитан, не разделявший взглядов своего начальника, отказался присоединиться к нему и ушел в Мессину, где стояли суда под командованием Н. Кассими, также не последовавшего за Л. Кацонисом.

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 353.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 25. Л. 14 об.

На Майну полковник уходил не с Итаки, как пишет Г.Л. Арш, или Каламо, как считает Ю.Д. Пряхин¹, а из гавани острова Меганиси. Это подтверждается и словами В.С. Томара, который в «Пояснении разных прошений...» указывал, что «Ламбро пошел из пристани Меганиси в Майну»². Разумеется, это не означает, что и все суда его флотилии уходили оттуда же. Очевидно также, что по пути они могли заходить и в Каламо, и на Итаку.

Район Миссолонги

Из письма Д. Загурисского В.С. Томара, от 20 апреля 1792 г., мы знаем, что уже с начала марта суда флотилии стали появляться у берегов материковой Греции. Как писал консул: «Разные галеты (галиоты. – Р.К.), состоящие под командою г[осподина] полковника и кавалера Кацония (Лампро-Качония), продолжают беспокоить мореплавание; одна из оных галет пришла 2-го минувшего марта в Мисолонгу...»³ По словам Д. Загурисского, командир галиота привез письмо Л. Кацониса, с требованием поставить сухари и уплатить 5000 левков, но за отсутствием «воеводы», приматы ему отказали, командир же в ответ напал на местное торговое судно и отнял у находившихся на нем албанцев 400 левков.

Упомянул консул и о захвате 3 апреля двумя галиотами флотилии идриотского судна с пшеницей у острова Занте. По его словам, они же 5 апреля появились в Миссолонги и «взяли стоявшее там на якоре турецкое судно, шедшее из Модоны с богатым грузом, принадлежащим туркам», что, якобы, «взбунтовало народ противу венецианского консула». Заметим, что консул не уточнил, какой именно «народ» возмутился ограблением турецкого судна в городе, хотя и расположенном на землях, покоренных Портой, но населенном греками, не раз поднимавшими восстания против турок. Ссылаясь на полученные 10 и 15 апреля известия, Д. Загурисский

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 88;

Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 113.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 395.

³ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 323.

писал о взятых теми же галиотами в венецианских водах нескольких греческих судах и одном идриотском.

Источник этих сведений консул не указал. Между тем, в их достоверности можно усомниться. Дело в том, что из циркуляра В.С. Томара, от 22 марта / 2 апреля 1792 г., мы знаем, что «некоторые из мальтийских арматоров под российским императорским флагом делают призывы в Архипелаге. Закключаю, что некоторые греческие лодки то же делают»¹. Это замечание дает основания предполагать, что какую-то, возможно, существенную часть захваченных в тот период торговых судов следует отнести на счет мальтийских и греческих пиратов, прикрывавшихся российским военным флагом и, не исключено, что именем Л. Кацониса.

По утверждению Д. Загурисского, после захвата 5 апреля в Миссолонги турецкого судна тамошний венецианский консул «граф Розалем» сам писал Л. Кацонису, требуя вернуть призывы, и его также просил написать «о заключенных мирных договорах в Яссах», однако ответа, насколько можно понять, не последовало. Тем временем, «получены были тамошними приматами известия из Превезы, что г[осподин] кавалер Кацоний в Меганичи приутоговляется со всею своею флотилиею идти и сделать десант на Миссолонгу»². Учитывая, что ожидавшегося десанта не последовало, мы можем лишний раз усомниться в достоверности пересказываемых Д. Загурисским слухов.

Далее в письме следует пространный рассказ о попытке подчиненных Л. Кацониса захватить пришедшую на Занте 3 апреля поляку «под российским купеческим флагом шкипера Пандели, имеющего паспорт от его превосходительства г[осподина] контр-адмирала Гипса». По словам Д. Загурисского, вечером 14 апреля у входа в порт появился галиот, командир которого съехал на берег и говорил с А. Андрианопуло, якобы сказавшим ему: «Теперь случай, не теряйте времени». После этого командир, имени которого консул не указывает, несмотря на свои утверждения, будто общался с ним, овладел полякой. «Шкипер Пандели» известил об этом Д. Загурисского, а тот «решился идти к его превосходительству проведитору (должностное лицо, ведавшее вооруженными силами на острове. – Р.К.) и просить, дабы он приказал остановить судно до исследования и тем спасти груз»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 119.

² Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 324.

³ Там же. С. 324–325.

В результате венецианцы блокировали галиот и его приз. Началось разбирательство, во время которого А. Андрианопуло заявил, что С.С. Гибс «уволен от службы» и его паспорт «не есть существителен», а к шкиперу у Л. Кацониса имеются «требования». Пока стороны выясняли, кто из них прав, 17 апреля мимо Занте прошли несколько судов флотилии, «держа курс к востоку», а на следующий день в порту появилась «барка» с неким Марко Янковичем, заметим, в известных списках офицеров флотилии не фигурирующим¹, доставившая письмо полковника командиру галиота, в котором говорилось, чтобы тот шел на соединение с остальными кораблями, прихватив с собой поляку, а если это невозможно, то ее шкипера. Однако венецианцы запретили выход, а отказавшуюся подчиниться команду галиота окружили, спровоцировали на вооруженное сопротивление и перестреляли, убив 4 и ранив 2 человек, включая командира, из 7 находившихся в тот момент на борту.

Позднее В.С. Томара так описал произошедшее: «Первое судно, под купеческим флагом российским, с пашпортом г-на контр-адмирала Гибса, прибывшее к острову Зант, полковник Ламбро послал взять. Венецкие военные лодки принялись защищать оное, и в последовавшем зато сражении, люди полковника Ламбра побиты и побраны. Ламбру нельзя было более остаться во владениях венецких, и он тотчас поплыл с судами своими к Майне. Сие причиною, что посланные мною, прибывшие в остров Зант на другой или на третий день сего приключения, не застали уже тут полковника Ламбра»².

Надо сказать, что известие о произошедшем дошло до генерал-майора спустя несколько недель, едва ли ранее письма Д. Загурисского от 20 апреля, поэтому «посланные» не могли быть реакцией на инцидент. Примечательно, что по утверждению консула, в данном случае вполне достойному доверия, Л. Кацонис на острове вовсе не появлялся, а прошел мимо за день до этого. Тем не менее, обращаясь в «Комиссию для свидетельства счетов...» В.С. Томара 9 июня 1795 г. все же утверждал, будто поход полковника на Майну был «начат нападением в гавани острова Занте на купеческое русское судно полакру капитана Николаки, с пашпортом господина вице-адмирала и кавалера Гибса туда пришедшую», что, разумеется, не вполне соответствует истине – большая часть судов флоти-

¹ Возможно, речь идет о Марке Трипковиче, командовавшем канонеркой «Форца» («Сила»), или о поручике Марко Ивановиче.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 403.

лии вышла, хотя и в тех же числах, но из другого пункта, на Занте не заходила и успела миновать остров, когда там произошла перестрелка¹.

Очевидно, В.С. Томара посылал людей в ответ на какие-то другие действия подчиненных Л. Кацониса. В этом убеждает его ордер полковнику, от 6 апреля 1792 г., в котором говорится: «Я недавно получил известие о беспорядках и нахальствах, причиненных в Архипелаге судами, принадлежащими дивизии вашего высокоблагородия. Уведомляя вас о сем, рекомендовал вам оным не позволять выходить из порта, где вы теперь стоите, ни одному легкому судну, если не будет оное под управлением надежного начальника...»² «Недавно», т. е. в марте или начале апреля, до Ливорно, где находился В.С. Томара, могли дойти известия из Архипелага, а скорее из района Ионических островов, относившиеся к февралю или самому началу марта, т. е. моменту появления галиота в Миссолонги. В связи с этим, видимо, генерал-майором и были отправлены посланцы.

Впрочем, не исключено, что они везли также и ордер от 9/20 апреля, которым В.С. Томара вновь предписал полковнику объявить подчиненным о заключении мира, снабдить флотилию и «при первом же попутном ветре как можно скорее приехать в Мессинский порт», где суда пройдут килевание, примут провиант и получат предписание, куда следовать. Предварительно Л. Кацонис должен был двумя галерами или купеческими судами послать известия генеральному консулу Ф. Доте и майору Н. Кассими, чтобы они подготовились к прибытию соединения, в том числе, учитывая существовавшие ограничения числа иностранных военных кораблей в сицилийских портах, перевели те, которыми командовал майор, в Сиракузы. «Ежели вы со своею флотилиею уже находитесь на Майне, должны непременно оставить то место и приехать, как вышесказано, в Мессинский порт», – писал В.С. Томара.

Представляется очевидным, что в момент написания этих слов генерал-майор еще не знал, где именно находится Л. Кацонис, хотя был уже в курсе намерений последнего. Известно, что одним из его информаторов являлся П.А. Ферриери, предупреждавший о планах полковника «следовать с судами в Майну» письмами от 28 февраля / 10 марта, а затем 3/14 марта 1792 г. Правда, В.С. Томара позднее писал: «До получения сих доносов взяты были мною меры о пресе-

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 398.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 353.

чении беспорядков со стороны легких судов флотилии полковника Ламбра и не допустить его самого следовать в Майну...», видимо, намекая на существование других источников сведений¹. Однако в любом случае можно отметить, что планы перехода появились не позднее второй половины февраля и не составляли секрета.

Тем не менее, в ордере от 9/20 апреля В.С. Томара, по сути дела, впервые обнаруживает свою осведомленность, причем, высказывает предположение, что Л. Кацонис может уже находиться на Майне, а это значит, что ордер, как и письмо от того же числа, вызваны известием о скором уходе полковника с Меганиси. Чтобы успокоить его, генерал-майор уверял, будто «первый артикул» мирного соглашения с Портой дает достаточные гарантии для майнотов, оказывавших содействие флотилии во время войны. Опасаясь, что Л. Кацонис достиг Майны, т. е. находится на территории Османской империи, В.С. Томара требовал скорейшего ухода оттуда, в том же случае, если на флотилии не хватает моряков, приказывал неукomплектованные суда передать консулам на Цефалонии или Занте. «Ежели же по причине слабого здоровья или чего другого не можете сами следовать в Мессину с частью флотилии...», – наставлял строптивного подчиненного генерал-майор, он должен послать одних капитанов². Беспокойство В.С. Томара по поводу нарушения Л. Кацонисом условий уже подписанного с Турцией мира понятно, однако он не поспевал за развитием событий. Пока его посыльные плыли к Ионическим островам, флотилия уже ушла с Меганиси, а один из ее галиотов был захвачен венецианцами на Занте.

Заметим, что лишь 21 мая 1792 г. генерал-майор подписал ордер, в котором упоминается «притязание вашего высокоблагородия в освидетельствовании пашпорта некой поляки под российским купеческим флагом» на Занте³.

На наш взгляд, попытка захватить судно «капитана Николаки», т. е. Пандели Николаки, ранее служившего во флотилии Л. Кацониса и командовавшего кирлангичем «Князь Потемкин-Таврический», а затем «изменившего» ему и вошедшего в состав казенной флотилии, может объясняться, прежде всего, желанием полковника вразумить и вернуть в состав своего соединения или покарать изменника, а возможно, и решить какие-то денежные вопросы, отчасти же – потребностью в продовольствии. Однако в любом случае

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 402.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 355 – 356.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 369.

стремление командира галиота овладеть полякой и увести ее без пролития крови, длительные его переговоры с местными властями при участии А. Андрианопуло, наконец, требование Л. Кацониса главным образом «привезти к нему шкипера», не позволяют квалифицировать этот акт как пиратское нападение. Скорее, вслед за В.С. Томара, можно говорить о сорвавшемся «освидетельствовании пашпорта», а точнее, аресте должностным лицом флотилии бывшего служащего, незаконном, главным образом, в силу того, что он был предпринят в нейтральном порту.

А.С. Мордвинов, которого В.С. Томара уведомил о послании консула, в ответ писал ему 10/22 июня 1792 г.: «Г[осподин] Загурисский, будучи беспокойного сложения и нерасположения дружеск[ого] к Ламбру, может быть, был сам причиною возбудить в венецианцах учинить насилие судну, посланному из флотилии, как то пишут к вашему превосходительству из разных мест; но полученные мною вчерашний день из <нрзб> от консула там... на Ламбро вновь ужасные жалобы, кои из приложенных при сем бумаг усмотреть изволите, делают представления Загурисского вероятными. Господин Качиони, потеряв своего благородства, чинит сие, может быть, от отчаянности, не предвидя страшных для него следствий и не имея при себе друзей, людей умных, кои бы подать могли ему полезные советы»¹.

На наш взгляд, догадка министра в Венеции, что Д. Загурисский сам спровоцировал случившееся, вполне согласуется со словами самого консула о том, что он обращался к проведитору с просьбой задержать судно в порту. В такой ситуации попытка местных властей, по сути дела, арестовать галиот была чревата применением оружия с обеих сторон, что и произошло в действительности. Что же касается сетований по поводу «потери благородства», то понимать их следует как реакцию российского чиновника на действия грека, выходявшие за рамки дисциплины и противоречившие сиюминутным интересам российского правительства.

Инцидент на Занте не расходится с утверждением Л. Кацониса, писавшего 25 апреля 1795 г. П.А. Зубову: «В Майну пошел я не в виде неприятельском, а принужден был сие сделать по недостатку провианта и денег. А потому на пути судов не брал и никаких военных действий не производил. Г[осподин] генерал-майор Тамара сей самый поступок объявил возмущением... не почитал флотилию

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. Л. 48 – 48 об.

мою вольною, но казенною, чрез что и не мог я продать части судов своих в Каламате, для содержания оныя, почитая собственность свою, по его повелению, казенною, а потому необходимость сия и заставила меня идти в Майну, по близости которой, в Нидре (т. е. на Идре. – *Р.К.*), имел я долгу 31 мешок и 50 пиастров, кои надеялся получить и на оные содержать флотилию до прибытия моих депутатов из Константинополя, от министра, от которого надеялся я получить пособие, но как по требованию моему денег платить мне не хотели и начали людей моих бить, кои принуждены были обороняться. Сие-то самое названо было бунтом»¹.

Возможно, основная часть судов флотилии, действительно, перешла в Порт Кайа без каких-либо столкновений и захватов торговых судов, хотя в этом отношении Л. Кацонис мог и лукавить – не исключено, что по пути он заглянул на Идру. Сведения же о посылке депутатов подтверждаются уже цитировавшимися письмом и ордером В.С. Томара, от 9/20 марта 1792 г., в которых сказано: «Отправляю обратно капитана Михели, который приехал от вас курьером... Капитан Михели, по вручении вам сего ордера, немедленно отправляется с депешами от меня к российскому поверенному в делах при Порте Оттоманской полковнику Хвостову, находящемуся уже в Константинополе»².

Спустя три месяца, 4/15 июня 1792 г., А.С. Хвостов из Буюк-Дере, где помещалось резиденция российского министерства, писал В.С. Томара, что к нему явился «капитан Микели», произведенный Л. Кацонисом в майоры, и с ним еще два человека, с бумагами Л. Кацониса. Судя по всему, делегация добивалась помощи для поездки в Петербург, однако поверенный в делах не мог отправить всех, и послал одного Микели³. Вполне вероятно, что помимо других поручений, посланцы ходатайствовали и о субсидии на содержание флотилии, хотя выделить деньги на нужды соединения, находившегося тогда на территории Османской империи, в нарушение недавно достигнутых соглашений, А.С. Хвостов никак не мог.

С какими именно документами ездил в российскую столицу капитан Микели, неизвестно, но не исключено, что он доставил всеподданнейшее прошение от 19/30 мая 1792 г., подписанное 147 греками, в котором говорилось: «...О утверждении нас с публичным флагом в порте Майнском именуемом Кайо». Указывая на это

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 446.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 354, 356.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. Л. 23 – 23 об.

прошение, Г.Л. Арш замечает, что неизвестно, подписал ли его Л. Кацонис, однако считает причастность полковника к подготовке документа несомненной, смысл же прошения видит в стремлении обосновать свои действия интересами России, точнее говоря, «приказаниями от покойного князя Потемкина-Таврического нашему начальнику Лампро Кацционию относительно установления его в самой крепчайшей стороне Греции», чтобы освободиться от турецкого ига и видеть на греческом престоле великого князя Константина¹.

Как нам представляется, светлейший князь едва ли возлагал особые надежды на Л. Кацониса, вручая ему патент, подписанный 18 декабря 1787 г., но вполне мог вдохновить рассказом о планах освобождения Греции и возведения на ее престол внука императрицы. Убедительно звучит и ссылка на приказание Г.А. Потемкина Л. Кацонису укрепиться на греческих землях, правда, по утверждениям самого полковника, речь шла об одном из островов, однако существенного значения эта деталь не имеет. Поэтому сомневаться в действительности фигурирующего в прошении греков мотива появления флотилии в Порте Кайя нет оснований.

Другое дело – несвоевременность такого шага с точки зрения российского правительства. Учитывая неоднократно передававшиеся Л. Кацонису разными лицами сообщения о подписании мира с Портой, он не мог не понимать, что поступает вразрез с интересами Петербурга. Отсюда и стремление оправдаться ссылкой на «греческий проект». Действительной же целью, несомненно, было попытаться поднять против турок население Пелопоннеса, прежде всего майнотов, которые могли выставить до 10 000 вооруженных мужчин². Однако такой расчет не оправдался, для других же целей база в Порте Кайя годилась мало, что вскоре и доказали события.

Как утверждал Д. Загурицкий, появившись у «берегов Мореи», Л. Кацонис 26 апреля 1792 г. обнаружил «в местечке Кастра» (Кастри) идриотов, «спасавшихся от чумы», напал на них, ограбил и захватил 8 судов. Это встревожило «проживавших в Морее турок», которые послали в Константинополь курьера с просьбой о помощи. Затем, будто бы, полковник остановил в море судно «венецанского грека» и отнял у владельца груз (сыр) и 1200 пиастров. Ссылаясь на это, к сожалению, не датируемое ею донесение консула, Г.А. Гребенщикова далее цитирует представление Сената Венецианской

¹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 90.

² Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 91.

республики А.С. Мордвинову, от 9 июня 1792 г., в котором содержится жалоба на «беспорядочное поведение» подчиненных Л. Кацониса и удовлетворение «недавним прибытием в Корфу секретаря г[осподи]на Томары с данным ему повелением освидетельствовать помянутую флотилию»¹.

Заметим, что прозвучавшее в документе утверждение, будто полковник «находился всегда с флотилиею близ Венецианских островов», равно как близкие слова А.С. Мордвинова, писавшего об этой жалобе Сената А.И. Остерману, расходятся с истиной. Как выше нами было показано, достаточно полное представление о плаваниях флотилии можно получить из донесений самого А.С. Мордвинова и других российских министров, консулов, включая Д. Загурисского, а также переписки С.С. Гибса и В.С. Томара, наконец, из публикаций периодической печати того времени. Поэтому сказанное о венецианских островах следует понимать в том смысле, что какие-то из судов российских флотилий, а периодически – большая их часть, появлялись и подолгу оставались в некоторых портах, но этот факт был сильно преувеличен чиновниками республики, чтобы придать веса своим домогательствам.

Тем не менее, у венецианцев были серьезные основания пенять А.С. Мордвинову на действия моряков флотилии – те, действительно, позволяли себе захватывать суда в водах республики, а в случае с инцидентом на Занте, даже в одном из ее портов, что никак не вязалось с обязанностью соблюдать права нейтрального государства. С другой стороны, серьезные нарушения этих прав относились к самому последнему времени, так как в противном случае флотилия, несомненно, была бы истреблена адмиралом А. Эмо.

Следует напомнить, что в его распоряжении еще в начале

*Район острова Идра
и прилегающих берегов Мореи*

¹ Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 379–380. В данном случае возможна неточность автора книги, Д. Загурисского или его информаторов, во всяком случае, А.С. Хвостов писал о «разорении Гидры», а не местечка Кастри на берегах Мореи. Заметим, что эти земли, как и остров Идра, были заселены аранутами.

1788 г. были две эскадры, базировавшиеся на Ионических островах. Одна, которой командовал он сам, состояла из 8 линейных кораблей (88-пушечные «La Fama», «La Diligenta», «La Galatea», «La Vittoria», «Il Eolo», «Il S. Giorgio», 80-пушечные «La Concordia» и «La Minerva»), 3 фрегатов (54-пушечный «La Palma», 42-пушечный «La Brillante» и 40-пушечный «Il Cav. Angelo»), 2 шебек (30-пушечная «Il Mercurio» и 16-пушечная «L' Esploratore») и мелких судов. Вторая эскадра, под командованием Т. Кондулмеро, состояла из 88-пушечного линейного корабля «La Sirena», двух 42-пушечных фрегатов («La Pallada», «La Venera»), 42-пушечной шебеки «Il Cupido» и нескольких малых судов. Надо сказать, что при публикации этих сведений в «Gazzetta Universale», указывались несколько отличающиеся сводные данные – 6 кораблей 88-пушечных, 3 – 80-пушечных, 1 – 54-пушечный, 4 – 42-пушечных, 1 – 40-пушечный, 3 – 30-пушечных, 2 – 16-пушечных, всего 1152 орудия¹. Помимо этого венецианский флот располагал двумя 30-пушечными шебеками («Il Nettuno» и «Il Tritone») на Корфу, 12 галерами, из которых половина базировалась на порты Корфу, Занте и Цефалонии, не менее чем 16 галиотами, 12 бригами, 4 шебеками и рядом других вооруженных судов.

Ввиду таких значительных сил пиратство в водах Венецианской республики на протяжении 1780-х и в начале 1790-х гг. не было распространено. Прежде всего, это относилось к алжирским, тунисским, мальтийским корсарам. Но в том же положении находились и суда с российскими патентами, тем более, когда они базировались на порты Ионических островов, вплоть до кончины А. Эмо в конце февраля (начале марта по н. ст.) 1792 г. Не исключено, кстати, что смерть адмирала была причиной довольно пассивного отношения венецианского флота к незаконным рейдам судов флотилии Л. Кацониса, начиная с марта месяца, вблизи от Ионических островов.

Однако в июне, когда составлялась жалоба Венецианского Сената, соединение уже третий месяц находилось на территории Османской империи, в водах, которые не защищал венецианский флот и в которых были возможны действия пиратов всех мастей. Поэтому вопрос о том, действительно ли грабежом венецианских судов занимались люди Л. Кацониса, или же грабители только прикрывались его именем, на наш взгляд, требует более глубокого исследова-

¹ Gazzetta Universale. 1788. Gennajo 26.

Окрестности Порты Кайа

ния – одних утверждений судовладельцев или консулов, писавших со слов пострадавших, недостаточно для выводов.

Кроме того, есть основания подозревать, что далеко не всегда подчиненные полковника строго следовали его приказам. Во всяком случае, подписанная Л. Кацонисом 30 мая / 11 июня 1792 г., в Порте Кайя, инструкция капитану-специоту Анастасио Дуро, которого он отправил в «разъезд» на его собственном судне «Богородица ди Кичио», гласила: «...Не чините никакого притеснения судам греческим, турецким или под каким бы флагом ни было, выключая французских, кои вы можете брать, людей же на оных находящихся, привозить сюда, судно же и товар, где ни случится, продадите, и ежели не можно будет его продать, сожгите; но товары привозить сюда. В островах ничего не брать без заплаты...»¹

Надо полагать, что инструкции другим капитанам не сильно отличались от процитированной, а те или иные эксцессы можно отнести на счет самих капитанов или, как сказано выше, пиратов, выдававших себя за людей Л. Кацониса. К слову, едва ли кто-то из судовладельцев, шкиперов и членов команды подавляющего большинства задерживаемых торговых судов знал полковника в лицо, поэтому представиться его именем мог любой желающий.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 62. Л. 3 – 3 об., 7.

Обращает на себя внимание особое отношение полковника к французским судам. Так как прежде их, несмотря на явное содействие туркам, относили к числу нейтральных, произошедшие изменения бросаются в глаза, но чем они объясняются, достоверно не известно. Можно лишь предположить какую-то связь с политикой Петербурга в этом вопросе. Екатерина II, хоть и относилась к французской революции весьма негативно, но долгое время противодействовала ей больше на словах. Лишь в октябре 1791 г. была подписана конвенция со Швецией, предполагавшая снаряжение экспедиционного корпуса, включавшего русский отряд в 6000 человек, а в декабре И.М. Симолин получил приказание покинуть Париж¹. Не исключено, что известия о переменах дошли до Л. Кацониса, и он счел своевременным пресечь морскую торговлю французов с турками. Однако в сложившейся обстановке полковник лишь умножил число своих врагов.

Захват французских, венецианских и турецких призов уже после подписания мирных трактатов сделал Л. Кацониса и его подчиненных нарушителями межгосударственных соглашений, что давало соответствующим правительствам повод объявить его преступником и преследовать. Наибольшую заинтересованность в этом проявил, конечно же, оттоманский Диван, по настоянию которого уже 3 мая 1792 г. в Константинополе состоялась конференция (совещание) представителей турецкого правительства, возглавляемых рейс-эфенди (министром иностранных дел), с А.С. Хвостовым, на котором был поставлен вопрос «о появившемся с двенадцатью судами Ламбре, причиняющем разные грабежи судам турецких подданных в Белом море»².

Заметим, что к 3 мая в Константинополе могли узнать лишь о нескольких инцидентах, произошедших в марте – начале апреля, и не в Белом (Эгейском) море, а у берегов Эпира и Пелопоннеса (случаи в Миссолонги, у Занте). В пользу такого предположения говорят слова рейс-эфенди: «...Вчера вновь получено известие, что помянутый Ламбро захватил одно идриотское судно». Скорее всего, речь идет о паруснике, упомянутом Д. Загуриским со ссылкой на сведения, дошедшие до него 10 и 15 апреля. Кроме того, в фондах РГАВМФ сохранился перевод греческого письма с острова Тинос, от 27 апреля / 7 мая 1792 г., в котором упоминается по-

¹ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой. Екатерина II и французская революция // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 113, 117.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 366.

явление Л. Кацониса на Майне с 14 судами, включая 2 фрегата, 3 кирлангича и 4 галиота¹. Учитывая время, необходимое на доставку корреспонденции в Константинополь, такие сведения, как и описание действий флотилии в этом районе, едва ли могли успеть к 3 мая.

На тот момент «грабежи» торговых судов людьми Л. Кацониса едва ли превосходили по масштабам современные им разбои алжирских, тунисских, мальтийских и иных пиратов в водах Архипелага. Нервная же реакция турок именно на действия подчиненных полковника объясняется тем, что в отличие от пиратов, интересовавшихся только наживой, они выдвигали лозунги национальной независимости и этим угрожали целостности Османской империи. Нельзя также исключить мотивы мести и устрашения греков суровым наказанием тех, кто посмел с оружием в руках выступить против Порты и ее пособников из числа местной верхушки.

В ответ на претензии турецкого министра А.С. Хвостов так отозвался о Л. Кацонисе: «...Не могу верить, чтоб он делал подобное сказанному. Судов военных российских в Белом море нет, а есть несколько судов купеческих ... Не видя доказательств почему точно должно быть Ламбру, а еще менее зная, что общего с чинимыми разорениями имеют купеческие суда российские, я бы думал осведомиться сперва о точности дела». Но турки ничего уточнять не собирались. Они заявили поверенному в делах: «Послать исследовать, значит терять время, злодейства его изо дня в день умножаются... Порта, почитая теперь Ламбра действительным корсером, неминуемо должна прибегнуть к средствам, в руках у нее имеющимся и послать на искоренение его войска и суда»².

Такое отношение представители турецкой стороны обосновали получаемыми с мест судебными представлениями и слухами о том, будто Л. Кацониса видели у Модона под российским флагом, а в других местах то под «немецким», то под венецианским. А.С. Хвостов отозвался на это словами: «Порте самой известно, какие ей принять меры для охранения своих вод и подданных против корсеров, лишь только б сохранено было достоинство и честь российского флага и должное соблюдено в рассуждении судов, кои под оным находятся в Белом море... Я не могу препятствовать Порте в распоряжениях ее относительно безопасности земель ее и повторяю, что военных российских судов в Белом море нет». 15 мая

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 126 – 126 об.

² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 367.

1792 г. поверенный в делах послал протоколы конференции в Петербург, И.А. Остерману¹.

Спустя пару недель, в письме В.С. Томара, от 4/15 июня 1792 г., А.С. Хвостов сообщал: «Я принужден был вовсе отпереться от г[осподина] Ламбро»². А позднее, письмом от 4 августа 1792 г., он так объяснял генерал-майору свое поведение: «... Не мог я предвидеть, чтоб ограничился он только разорением Гидры и взятием нескольких судов, да и думаю, что буде к сему средству я прибегнул, Порта не имела бы причин так скоро истребить его, а напротив, может стать, по другим некоторым, было бы не противно ей, чтоб он большее зло сделал. К причинам, кои имел я отречься от него, извольте прибавить совершенную неизвестность, в коей я находился, и потому, естественно, мог не видеть границ разорений, от него причиненных, числа призов его и дальнейших намерений. Мне остается теперь ожидать, оправдано ли будет у двора мое по сему пункту поведение»³. К слову, последнее письмо было получено В.С. Томара в Ливорно 12/23 сентября, что лишний раз показывает, насколько медленно поступала информация в Константинополь и Ливорно.

Как видим, поверенный в делах действовал на свой страх, не располагая необходимыми сведениями и не представляя себе позиции российского правительства. Однако его опасения оказались напрасными: в Петербурге с такой же легкостью отреклись от Л. Кацониса. Того же 4 августа 1792 г. А.С. Мордвинов писал В.С. Томара: «Курьер, посланный от правительства здешнего в Петербург с жалобами на Ламбро, возвратился с ответом, который, сказывают, состоит в том, что Двор наш удивляется дерзким его поступкам... и что дано соизволение, как здешней республике, так и другим государствам, поступать с ним яко с разбойником»⁴.

Разрешение это сильно запоздало, да его и не требовалось – венецианцы именно так и обращались с подчиненными Л. Кацониса, начиная с апреля, а вскоре к ним присоединились и французы. В частности, согласно рапорту Ивана Анаргиро (Анаржиро) от 24 июня 1792 г., когда он, командуя кирлангичем «Князь Потемкин», шел под конвоем «Ахиллеса» С. Калиги к Л. Кацонису на Майну, их обстрелял французский фрегат. Встретив затем турок, они вер-

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность ... С. 367–368.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. Л. 23 – 23 об.

³ Там же. Л. 35 об. – 36.

⁴ Там же. Л. 52 об. – 53.

Схема предполагаемого плавания флотилии Л. Кацониса в кампанию 1792 г.

нулись 25 мая на Цериго, в порт Капсали, куда затем пришло известие, что Д. Мустаки, по приказанию полковника, сжег два французских судна¹.

Судя по всему, в те же майские дни Л. Кацонис обнародовал манифест, в котором выражалось намерение продолжать борьбу с Портой и по окончании Русско-турецкой войны. При этом в документе подчеркивалось, что греки «не престанут ненавидеть злодея [с коим Россия примирилась], пока не престанут более принадлежать им их на то права, что надеются от милости и правосудия Ея Императорского Величества, общей матери»².

Ссылаясь на А.Г. Сен-Совера, Г.Л. Арш упоминает также и другое воззвание Л. Кацониса к грекам, в котором полковник называет себя «королем Спарты», что было вполне уместно по тем временам для человека, надумавшего возглавить национально-освободительное движение: в этом случае требовался вождь, претендующий на верховную власть и не связанный с прежней, османской администрацией. Заметим, что «Gazzetta Universale», в номере от 10/21 июля 1792 г. поместила корреспонденцию из Венеции, от 3/14 июля, в которой упоминается «особый флаг с тремя сердцами и тремя полосами» (*tre cuori, e tre fasce*), а также именование полковника «королем Майны, освободителем Греции» (*Lambro Cazioni Re di Maina, Liberatore della Grecia*)³.

Однако отклика на свои призывы Л. Кацонис получить не успел. Не оправдались и его надежды на помощь майнотов. Как указывает Г.Л. Арш: «17/28 июня 1792 г. «турецко-французская эскадра начала операции против Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и клефты Андруцоса стойко отбивали атаки врага»⁴. Лагерь повстанцев, защищаемый с моря пятью батареями, был уязвим с суши, и когда к нему подступило 7000-тысячное войско бея Мани, Дзанетоса Григоракиса, положение оборонявшихся стало безнадежным. Однако Григоракис, видимо, не желал полного их истребления и предупредил Л. Кацониса о своем движении, советуя отступить. Полковник к совету прислушался и после непро-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 27. Л. 53 – 54 об.

² Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 89.

³ Gazzetta Universale. 1792. Luglio 21. Флаг Л. Кацониса представлял собой три сердца на трех горизонтальных полосах, красной, черной и голубой, на фоне которых были изображены скрещенные сабли.

⁴ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 92. Очевидно, однако, что капитан-паша арестовал майнотов не в Стамбуле, а в окрестностях Порто Кайо, как это следует, например, из корреспонденции, опубликованной «Gazzetta Universale» 7/18 августа 1792 г.

должительного сопротивления покинул Порт Кайа на небольшом судне, сумевшем пройти сквозь турецко-французскую эскадру.

Несколько иную датировку событий дает И. Анаргиро, в порте от 24 июня 1792 г., т.е. по свежим следам, писавший о том, что он 28 мая слышал канонаду из Порта Кайа, а затем видевший Л. Кацониса, бежавшего оттуда ночью 29 мая на боте с 13 соратниками. По словам капитана, полковник 1 июня прибыл на Цериги, в Капсали, где вместе со С. Калигой, 13 матросами и 35 албанцами сел на галиот И. Мустаки и 2 июня ночью ушел в море. Позднее от Майны пришел бот с известием, что во время сражения куттер Марка Рива сражался с двумя французскими фрегатами в море близ Порта Кайа. Сам же И. Анаргиро лишь 14 июня покинул Капсали и отправился в Мессину¹.

Если капитан датировал события по Юлианскому календарю, то сражение могло разгореться 28 мая / 8 июня и окончиться на следующий день, что, разумеется, не означает, будто турки появились у Порта Кайа только в этих числах. Несомненно, они подошли ко входу в бухту накануне, быть может, даже за несколько суток, но ранее времени, указанного Г.Л. Аршем и Ю.Д. Пряхиным².

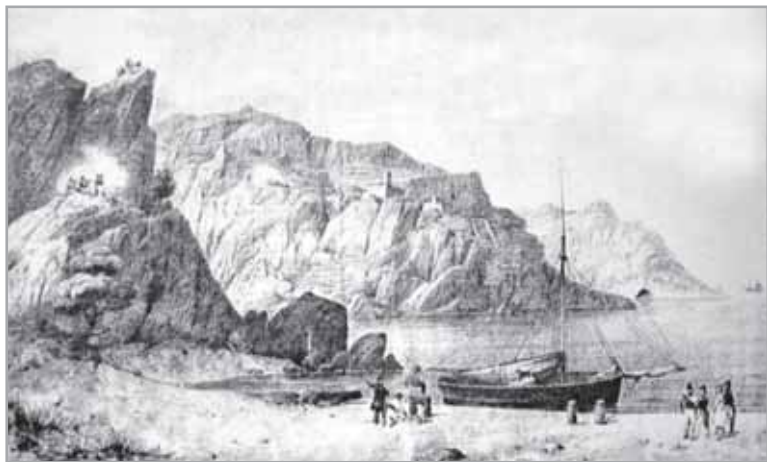
В пользу иной датировки говорят и публикации в «Gazzetta Universale», как упоминавшаяся выше корреспонденция из Венеции, от 3/14 июля 1792 г., в которой говорилось о разгроме флотилии Л. Кацониса «17 минувшего» (in data del 17 dello scorso), т. е. июня (н. ст.), в «Порто Квалья» (al Porto della Quaglia), так и корреспонденция из Триеста от 6 августа (н. ст.), где сказано, что 5/16 июня турецкая эскадра под командованием капитан-паши атаковала Л. Кацониса в Порте Кайа в Морее и захватила одиннадцать кораблей и фрегат самого полковника, пленив 600 человек (Le ulteriori notizie sulla disfatta della Flotta di Lambro Cazoni fanno sapere, che cio accadde il di 16 dello scorso mese di Giugno: il Capitan Pascia era alla testa de' legni Turchi, ed avendo incontrata nel Porto di Caja nella Morea la Flottiglia di Lambro l' attacco vigorosamente, e dopo un' ostinato combattimento i Turchi s' impadronirono di undici Navigli, e della fregata sopra cui era lo stesso Cazoni: i Turchi bruciarono tutti i legni nemici, e fecero 600 prigionieri)³.

Последняя корреспонденция говорит также о том, что по-

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 27. Л. 54 об. – 55.

² Как и Г.Л. Арш, Ю.Д. Пряхин датирует нападение турок «серединой июня». См.: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 119.

³ Gazzetta Universale. 1792. Luglio 21, Agosto 18.

Вход в Порт Кайа

сле разгрома флотилии капитан-паша, не знавший, где находится Л. Кацонис, арестовал в Порте Кайа 40 влиятельных майнотов и пригрозил им смертью вместе со всем народом, если они не выдадут ему в руки «вышеупомянутого Ламбро» (Il Pascia entrato dopo in Caja, avendo saputo ove si era refugiato Lambro, e volendolo avere nelle mani, fece arrestare 40 de' principali Mainotti che si trovavano in Caja, e fece loro intendere che li avrebbe fatti morire con tutti gli altri della loro Nazione, se non gli davano nelle mani il predetto Lambro)¹.

В нашем распоряжении нет материалов, которые позволяют определить, чья датировка событий – И. Анаргиро или корреспондентов «Gazzetta Universale» – ближе к истине, однако есть все основания предполагать, что разгром флотилии состоялся не позднее первых чисел июня 1792 г. Весть об этом достигла Мессины, где стоял отряд майора Н. Кассими, спустя месяц. Получив ее, майор рапортом от 10/21 июля 1792 г. донес В.С. Томара, что ночью 6/17 июля в Мессину с Цериго прибыл кирлангич «Ахиллес» под командой Андрея Пападаки, сообщившего ему о поражении Л. Кацониса. Видимо, от него же майор узнал, что полковник со С. Калигой находится на Итаке².

¹ Gazzetta Universale. 1792. Luglio 21, Agosto 18. Нам такая последовательность событий представляется более логичной, чем упомянутый Г.Л. Аршем арест майнотов «в Стамбуле».

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 27. Л. 70 – 70 об.

Видимо, еще позже дошло до В.С. Томара письмо А.С. Хвостова, от 29 июня 1792 г., в котором говорилось: «Я думаю, вашему превосходительству уже известно об участии Ламбро. Здесь на сих днях получено известие, что он капитан-пашею загнан в горы, и взято восемь судов с орудиями, кроме потопленных и сожженных, тож взято в плен три офицера и 64 простых грека»¹. Заметим, что эта цифра на порядок меньше той, которую приводил автор цитировавшейся корреспонденции из Триеста от 6 августа (н. ст.) 1792 г.

Очевидно, сознавая, что он в глазах не только турецкого, но и российского правительства является преступником и может понести наказание, Л. Кацонис некоторое время скрывался. Достоверными сведениями о нем российские чиновники не располагали. Так, А.С. Хвостов 4 августа 1792 г. сообщал В.С. Томара: «...Здесь опять пронесся слух, основанный на письме консула неаполитанского на острове Тине к министру его, что Ламбро с 4-мя судами опять показался, но уверяют меня с другой стороны, что он, забрав семейство свое, действительно в Триест поехал»².

По словам того же А.С. Хвостова, большая часть сподвижников Л. Кацониса сумела спастись. Однако из числа взятых в плен пятеро 16/27 сентября 1792 г. были повешены, в том числе двое в русской форме. Согласно же венецианским источникам, судьба оборонявшихся была не столь благополучной – подвергшись нападению майнотов, многие из них были убиты. Андруцос и его ближайшее окружение бежали на Цериго, оттуда в Спалато (Сплит), откуда в сентябре 1793 г. венецианцы выдали их паше Боснии. Считается, что клефт томился в константинопольских застенках до 1797 г., пока не был утоплен турками в Босфоре³.

Примечательно, что уже после того, как флотилия прекратила свое существование, а Л. Кацонис был вынужден скрываться от преследования, 11 июня 1792 г., последовал указ Екатерины II в котором говорилось: «От Порты Оттоманской вступают к нам жалобы на разные своевольства, чинимые в водах архипелагских появившимися тамо судами полковника Лампро Качони». Так как подобные действия нарушали условия мирного соглашения, В.С. Томара предписывалось отправить «с нарочным повеление к полковнику Лампро Качони, чтобы он со всем своим ополчением возвратился как наискорее в Ливорну или другую итальянскую

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. Л. 29.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. Л. 35 об. – 36.

³ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции... С. 92.

гавань», назначив определенный срок, если же «он в течение сего времени не явится, то Российский двор во всем от него отрекается и покровительство Наше от него отъемлется»¹.

В последовавшем затем высочайшем повелении от 14 июня 1792 г. В.С. Томара предписывалось, когда Л. Кацонис прибудет, «не упуская из виду тех требований, которые могут быть учинены от Порты Оттоманской за захваченные им по объявлении уже заключенного между обеими империями мира призы, долженствуете вы распорядить справедливое оным удовлетворение продажою ли судов его, Качония, или как вы обще с ним положите», а самого полковника послать в Петербург². Такие формулировки ясно показывают, что в середине июня, несмотря на жалобы турок, Л. Кацонис оставался в глазах императрицы допустившим «разные своевольства», но все еще командующим российской флотилией. Однако к тому моменту, когда повеление дошло до генерал-майора, оно утратило актуальность.

Запоздало и письмо французских властей, доставленное командиром французского фрегата «La Badine» Симоном Брутьером. Датируемое маем или июнем, оно попало в руки В.С. Томара лишь 5 августа 1792 г. Его автор, ссылаясь на повеление «Его Величества», предлагал генерал-майору упорядочить выдачу патентов и прекратить крейсирование, а также сообщал, что «всяк паспорт частный, данный полковником Ламбром» Франция не признает законным. Практически все эти требования к тому времени не имели смысла. Позднее В.С. Томара отмечал, что фрегат, «хотя послан прежде, но прибыл в Ливорну уже после разбития полковника Ламбро на Майне»³.

Когда именно и кто первым сообщил в Петербург о случившемся в Порте Кайа, пока не установлено. Однако к началу осени, судя по всему, никаких сомнений в гибели флотилии не оставалось. О том, где именно скрывался Л. Кацонис, долгое время известно не было. Видимо, Екатерина II махнула на него рукой и указом генерал-прокурору А.Н. Самойлову, от 18 октября 1792 г., повелела долг в 3000 червонцев, полученных полковником от И.А. Заборовского, «на упомянутом Качони не числить»⁴.

В дальнейшем о нем ходили самые разнообразные слухи. Так,

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 81. Документ частично опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 371.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 523 об. – 524; Д. 98. Л. 82.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 370, 399.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб., 1901. С. 214.

9 декабря 1793 г. А.В. Суворов писал О.М. де Рибасу: «Расчитывайте более на вашего Али-пашу; приятель его Пицилли (Бицилли. — *Р.К.*) даст вам о нем точное понятие. Несколько месяцев тому назад несчастный Ламбро Кацциони имел убежище на твердой земле против острова Корфу у Паскадора, греческого капитана, имеющего много солдат. Пицилли, его товарищ по оружию, очень известен в Чимаре (Хамаре. — *Р.К.*) и других местностях. Он все еще не верит тому, что венецианцы не захотят вмешиваться, иначе можно было бы воспользоваться большим числом храбрых греков, живущих на островах Адриатики, за исключением высших... Вот вам анекдоты о Ламбро Кацциони, которые вы мне отдадите по вашему возвращении»¹.

Последние слова показывают, что А.В. Суворов, находившийся тогда в Херсоне, располагал некими «анекдотами», т.е. короткими рассказами о Л. Кацонисе, скорее всего, рукописными. Насколько известно, Александр Васильевич знал его по боевым действиям под Очаковым и даже упоминал, по крайней мере, в одном из своих рапортов, от 2 ноября 1787 г.² Однако лично они, скорее всего, не встречались, и нам представляется маловероятным, чтобы А.В. Суворов сам записывал рассказы о нем. Видимо, они попали в его руки случайно, а значит, на юге России тогда кто-то, скорее всего, местный грек, собирал попадавшие туда, надо полагать, с греческими шкиперами, приходившими из Средиземного моря, сведения о полковнике. И если об этой рукописи узнал командующий войсками, то значит, что она была достаточно широко известна, т.е. за судьбой Л. Кацониса на юге России следили.

Между тем, пока он скрывался от турецких властей, не исключено, что на землях сулиотов, остатки объединенной флотилии готовились к походу. Собрав суда к сентябрю в Ливорно, В.С. Томара снабдил их продовольствием и скромными денежными суммами. А 22 октября 1792 г. майор Н. Кассими на борту флагманского фрегата «Святой Георгий» (командир А. Зен) вывел в море «корветы» «Святой Николай» (С. Никифораки), «Святой Матвей» (Г. Шмит), кирлангичи «Ахиллес» (Г. Марангопуло), «Князь Потемкин» (И. Власопуло), «Князь Александр» (Г. Константинополу) и сайтию «Святая Елена» (Х. Валсамаки)³.

¹ Русский архив. 1866. № 7. Стлб. 978 – 979. Документ частично опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 375.

² А.В. Суворов. Документы. Т. II. М., 1951. С. 362.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 153.

Судя по рапортам майора, он с трудом, преодолевая штормовое море, о чем доносил генерал-майору рапортом от 4/15 декабря 1792 г., добрался до Корфу и некоторое время стоял там, затем отправился далее, но в Константинополе, пропустив флотилию, задержали флагманский фрегат, который по распоряжению А.С. Хвостова 23 апреля / 3 мая 1793 г. стал на якорь у Принцевых островов. По неизвестной причине турки фактически арестовали его, поэтому спустя несколько месяцев майор продал корабль, однако в Россию выехать не сумел, так как заболел и 1 октября 1793 г. умер¹.

Возможно, такое отношение к «Святому Георгию» (бывшему «Ла Фама») объяснялось тем, что этот 50-пушечный фрегат производил впечатление серьезного пополнения для Черноморского флота. В Константинополе же никак не могли смириться с поражением в минувшей войне и усердно готовились к новой. Как писал Н.С. Мордвинову 19 ноября 1792 г. В.С. Попов: «Известия константинопольские гласят о сильном вооружении флота их и что капитан-паша, фаворит султанский, упоенный мнимым счастьем, которое он поставляет в истреблении флотилии Ламбровой, вызвался нечаянно напасть на Севастополь и искоренить все морские наши силы. Предприятие дерзкое и безумное и могущее с собою привлечь самую потерю Константинополя. Но как в подобных случаях ничего пренебрегать не должно, особливо ж в критическом положении Европы и при стремлении Франции возбудить на нас Порту, то и почел я за долг... уведомить»².

Впрочем, остальные суда прошли без особых затруднений. Согласно всеподданнейшему рапорту вице-адмирала Н.С. Мордвинова, от 8 мая 1793 г., в течение 17–28 апреля в Севастополь прибыли: «трехмачтовые суда» «Святой Николай», «Святой Матвей», «Святая Елена», ведомая «капитаном армии Левтерогуро» (очевидно, Лефтери Зигури) и «двухмачтовый кирлангич «Ахил»» («Ахиллес»), которым командовал «российский подданный грек Георгий Марангопуло». Позднее, рапортом от 19 мая 1793 г., вице-адмирал донес о прибытии в Севастополь двух кирлангичей, «Князь Потемкин», под командованием шкипера «российского подданного Ивана Благополиса», и «Святой Александр», шкипер которого назван «поручиком Георгием Константинополисом»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об, 15, 17, 18, 21.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 526.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 319–320; РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3, 5–6.

Турки же, позволив большей части флотилии пройти в Черное море, продолжали энергично вооружать армию и флот. В Петербурге к происходящему отнеслись вполне серьезно, о чем свидетельствует указ Екатерины II командовавшему тогда расквартированными на юге войсками А.В. Суворову, от 16 января 1794 г.: «Известии, получаемые из Порты Оттоманской, о сильном и поспешном приуготовлении турецком к действиям военным удостоверяют, что от стороны вероломной Порты мир в краткое время может быть нарушен. Угрожение войною явилось со дня заключения мира, ибо с того же времени начали они делать разные неудовольствия и придирки и даже нарушать и не выполнять статей трактата, с нами торжественно постановленного»¹.

Правда, вскоре в столицу стали поступать успокоительные вести. В частности, А.В. Суворов при письме от 30 января 1794 г., отправил П.А. Зубову послания М.И. Кутузова и А.С. Хвостова, оба от 5 января 1794 г., в которых говорилось о том, что Порта, хотя и вооружается усиленно, однако к войне не готова, и в ближайшие месяцы ее не начнет². Тем не менее, 24 апреля Екатерина II повелела принять все необходимые меры на случай разрыва. Спустя два месяца, 18 июня 1794 г. Н.С. Мордвинов писал П.А. Зубову: «...О дурных слухах, получаемых из Царя града. Все приезжающие уверяют единогласно, что война будет в августе месяце, естли не прежде. Мы же находимся в совершенной бедности»³.

Недостаток средств для усиления обороны заставлял искать способов компенсации собственной слабости. Не прошло и двух недель, как в письме от 30 июня Н.С. Мордвинов поделился с П.А. Зубовым своими соображениями: «По существующим ныне затруднениям и на случай скорого открытия войны, обратил я мысль на обыкновенные корабельные баркасы, катера и шлюпки. Сии всегда кораблям сопутствуют, штормы выносят, ходят на парусах и веслах... Я помыслил на случай сражения вооружить их единорогами 24-фунтовыми, а коронадами еще сильнейшее орудие возможно им дать. Флот, из 20 линейных кораблей состоящий, может тогда породить вдруг новую силу, неожиданную и страшную, из 40 или 60 судов, палящих браменкугелями (точнее, брандскугелями, зажигательными снарядами. – Р.К.) и бомбами...»⁴

¹ А.В. Суворов. Документы. Т. III. М., 1952. С. 272.

² А.В. Суворов. Документы. Т. III. М., 1952. С. 281, 282.

³ РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 21. Л. 41.

⁴ РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

Очевидно, о том, что турки, начиная с 1792 г., откровенно готовились к войне с Россией, знал и Л. Кацонис, в какой бы глуши он не скрывался, известия рано или поздно достигали и затерянных селений, полковник же, несомненно, следил за новостями. Что именно подало ему повод приехать в Триест и обратиться к С. Варуке, неизвестно, однако через консула он адресовался к графу П.А. Зубову, на то время уже заместившему Г.А. Потемкина во многих должностях, включая Екатеринославское и Таврическое генерал-губернаторство.

Судя по опубликованному на страницах «Архива графов Мордвиновых» письму от 7/18 октября 1794 г., за подписью В.С. Томара, адресованному П.А. Зубову, граф распорядился направить Л. Кацониса к бывшему начальнику. В послании же последнего говорится: «Полковник Ламбро Качиони явился ко мне с письмом от Варуки, консула триестского, по которому уведомлен я, что благоудно было Вашему Сиятельству оное повелеть. Господин Ламбро Качони просит дозволения прибыть в Санктпетербург для очищения поступков своих от разных клевет, нанесенных на него, и для уничтожения ложных требований заплаты долгов его. Признает он весьма малую сумму, которую заплатить должно. Притом желает познать, сколько денег поставлено на счет флотилии его.

Он утверждает, что со дня вооружения до окончания войны получил он только казенных денег 25 тысяч флоринов, и вспомоществовано ему было при покупке катера и двух мелких судов 4400 флоринами. Содержал же он свою флотилию призами, братьями от неприятеля. Напротив того, отпускал собственного провианта своего на суда, вооруженные от казны; вооружил 22-мя пушками, ружьем и всякою военною амунициею кирлангич «Князь Голицын», который взят у него был и отдан во флотилию казенную, состоявшую под командою Гульельмо; за два призовые судна, полученные от него генералом Псаро, повелено было покойным светлейшим князем заплатить за вооружение одного 10.500 пиастров, но денег он не получил. Подарил он из своих судов саити[ю] «Луку», вооруженное 20 пушками, по предписанию генерал-поручика Заборовского, Дезаир Паше Барутскому; снабжал многократно порохом и свинцом народ Сулийский, дал 12 орудий Али Паше, когда признаваем он был преданным России. Призы, сделанные судами его, «Ахиллесом», «Константином» и «Александром», не возвращены ему, и наконец, ссудил он генерал-майору Томару боле 10-ю тысячами пиастров, в Каламо, которые собрал, заложив все свои вещи

венецианцам, и сии вещи по сие время находятся невыкупленными, в руках генерала Мемо и частью в Занте»¹.

Мы не располагаем материалами, позволяющими установить, насколько корректно выполнена публикация. Однако смущает как упоминание В.С. Томара самого себя в третьем лице, так и то обстоятельство, что в подписи указано его местопребывание в Константинополе. С трудом можно объяснить, зачем Л. Кацониса направили в столицу Порты, где его могли арестовать, если выехать в Петербург ему было удобнее из Триеста.

Во всяком случае, обратившись в октябре 1794 г. к влиятельному вельможе с просьбой позволить приехать в российскую столицу, полковник такого разрешения не получил. Тем не менее, путь в Россию ему открыли, а значит, простили все провинности. Более того, как П.А. Зубов писал 25 марта 1795 г. графу А.Н. Салтыкову: «Ея Императорское Величество высочайше повелеть соизволила полковнику и кавалеру Ламбро-Качиони не полученное им за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии российской выдать... Как онный полковник находится ныне в Херсоне, то я отнесся к г[осподину] вице-адмиралу и кавалеру Мордвинову, чтоб он... удовольствовал его следующим жалованьем...»²

К тому времени в Петербурге, видимо, ввиду множества прошений от разных лиц, главным образом купцов и судовладельцев, потерявших деньги и имущество в годы войны, решено было урегулировать все спорные вопросы. Как говорилось в именном указе Екатерины II генерал-прокурору А.Н. Самойлову, от 7 апреля 1794 г.: «...Содержание в Средиземном море флотилии нашей в последнюю войну с турками стоило нам немалых издержек и хлопот, и что о первых по сию пору не взяты надлежащие отчеты от тех, кто имел в распоряжении своем казенные суммы, а последние от времени до времени еще умножаются предъявлением разных претензий ... для освидетельствования счетов начальствовавшего тою флотилиею генерал-майора Тамару и вообще всех тех, кто участвовал в командовании оной, составить особую Комиссию...»³

Какие именно претензии послужили толчком к формированию «Комиссии для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 429–430.

² Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. Приложение. С. 141.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 85. Л. 90 об.

войну», пока не установлено¹. Однако известно, что всего претензий насчитывалось до сотни, часть из них была подана персонально на Л. Кацониса, включая и прошения судовладельцев, пострадавших от действий флотилии полковника. Заметим, что в литературе по этому поводу точных сведений не приводилось, речь, как правило, шла о «множестве захваченных судов».

Между тем, возможность оценить масштабы этих захватов у исследователей есть – в фондах РГАВМФ сохранился «Реестр письмам, принадлежащим российской императорской комиссии, установленной для корсаров, от его превосходительства господина контр-адмирала и кавалера Гипса, препорученных господину генералу Тамаре». Экземпляр документа, написанный на итальянском языке, датирован 20/31 марта 1791 г. Согласно «Реестру», при передаче дел своему преемнику, С.С. Гибс вручил ему бумаги, касавшиеся призов, взятых Г. Шмитом, С. Калигой, Д. Кацари. Что касается Л. Кацониса, то к нему, на тот момент, предъявляли претензии: рагузинский агент в Неаполе за «ограбление поляки капитана Вакетти», капитан Салага Десиро, капитан Антоний Замут за ограбление «галата «Лабондинелла» под флагом мальтийского мейстера», Ян Стати Хаджинико, идриот Анагности Декандели Магната, специот Яни Лазаро «за взятие судна «Сциям-бек»», специот Андрей Дик, идриот Антоний Биг, французский консул в Триесте, неизвестно по какому именно поводу, грек Бено, Михаил Мертор за «взятие судна Панголо с острова Зеа», капитан Еролим Витали за ограбление «одного греческого судна», не указанное лицо за ограбление курьерской лодки «Стагунола», Апостол Васили за взятый бот, идриот Лазарь Кокини, капитан Пандели Деникола, мальтийский корсер Петр Целалик. К этим притязаниям можно прибавить прошения дьяка Георгия Деманоли на Д. Кацари и М. Франгопуло, Яни Антони на Д. Кацари и М. Франгопуло, Яни Дебергаки и Дмитрия Каталагаки на Д. Кацари, так как эти капитаны некоторое время входили в состав флотилии. Всего 20 человек².

Разумеется, число призов, взятых флотилией в 1788–1790 гг., было большим, и к ним на протяжении 1791–1792 гг. прибавилось еще несколько, однако доступные нам материалы позволяют утверждать, что если количество захваченных судов и достигло больших цифр, то этого нельзя сказать о претензиях – далеко не

¹ Комиссия приступила к работе 5 мая 1794 г. и действовала по 4 апреля 1798 г., когда была закрыта повелением Павла I.

² РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 108. Л. 5–7.

все судовладельцы имели основания обращаться за возмещением ущерба. Недаром В.С. Томара в 1793 г. писал, что «претензия за ограбленное судно на майора Ламбро, до приезда моего признанная от комиссии справедливою и мне казавшаяся наисправедливейшею, явилась пустая, чрез обличение от тех же свидетелей, истца армянина Салаки (очевидно, фигурирующего в документах под именем Салаги Десиро. – *Р.К.*)»¹.

Помимо дел по прошениям о призах, «Комиссия для свидетельства счетов...» разбирала и ходатайство об уплате по долговым обязательствам начальствовавших флотилией лиц. При этом рассматривалась финансовая отчетность флотилий, что в отношении соединения Л. Кацониса было задачей трудной, так как большая часть бумаг погибла на флагманском фрегате в Порте Кайа. Тем не менее, сохранившиеся в других местах документы позволили установить, что «на содержание эскадры, в Средиземном море бывшей» за 1789–1793 гг., т.е. вплоть до отправления ее в Черное море, ушло 616 929 руб. 92 коп.²

Большая часть этой суммы была потрачена на казенную флотилию С.С. Гибса. За период же существования объединенной флотилии, в 1791–1792 гг., В.С. Томара израсходовал на остатки казенной чуть более 258 195 пиастров, а на вольную, т. е. бывшую Л. Кацониса – 248 001 пиастр с небольшим, всего 506 197 пиастров. Однако «Комиссия для свидетельства счетов ...» признала только 210 784 пиастров расхода, в том числе 143 879 по казенной флотилии и 66 904 по вольной. В целом же издержанные на флотилию Л. Кацониса за все время войны деньги оценивались в размере 97 575 пиастров³.

Обсуждение финансовых вопросов побудило некоторых просителей неоднократно обращаться в «Комиссию» с просьбами о возмещении ущерба. К слову, большую активность в подаче прошений проявил и П.А. Ферieri. Однако В.С. Томара последовательно отвергал его притязания. Так, еще до начала работы «Комиссии для свидетельства счетов...», в объяснительной записке, приложенной к письму В.С. Попову, от 21 ноября 1793 г., отвечая на претензии, выдвинутые П.А. Ферieri, будто «за приездом... в место, где находились обе флотилии, генерал-майора Псаро и полковника Ламбро, нашли наглости, грабительства и проч[ее], производимые со стороны Ламбро и его сообщников», В.С. Томара объяснял: «Г[осподи]н

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 424.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 510, 531 – 531 об., 536 – 538.

Ферьери со мною никуда не приезжал и обеих флотилий вместе нигде я не нашел»¹.

В рапорте же «Комиссии для свидетельства счетов...» от 19 марта 1797 г. он писал по поводу «выписки со счетов канцелярии советника Ферьери»: «Имею честь донести, что показанные во оной в 6-ти статях на пятьсот тридцать восемь левков [и] десять пар выдачи денег или никогда не существовали, или сделаны были другим, но в счетах господина Ферьери поставлены напрасно. Он жил по своей воле при флотилии, свободен был разъезжать куда хотел...»² Эти замечания показывают, что советник и после войны вел сложную игру, пытаясь извлечь выгоду даже в тех случаях, когда не имел на это права.

По мере работы «Комиссии» выяснялось, что и с большинством других просителей дело обстоит не лучше. Однако под одну гребенку с аферистами попали и бывшие офицеры флотилии Л. Кацониса, после поражения в Порте Кайо лишившиеся имущества и бедствовавшие. Весть об этом дошла до полковника, и он 25 апреля 1795 г. писал П.А. Зубову из Николаева: «Из присланной из учрежденной для свидетельства счетов об издержках и рассмотрения претензий флотилии... комиссии к господину вице-адмиралу и кавалеру... Мордвинову копии с определения, к крайнему прискорбию узнал я, что офицерам, под командою моею служившим в Архипелаге, отказано жалованье (видимо, речь шла о доставленных Н.С. Мордвинову «определениях» «Комиссии для свидетельства счетов...» – Р.К.)...»³ Возвратился я в Россию единственно по дозволению Вашего Сиятельства, и что комиссия почитает меня по сие время яко отверженного бунтовщика, почему и не могу я приехать в Санкт-Петербург и предстать пред комиссиею, ради личного требования моих претензий и оправдания, а особенно не осмеливаюсь поступить на то без воли Вашего Сиятельства»⁴.

Между тем, его собственная жизнь понемногу налаживалась. Так, Н.С. Мордвинов сообщал П.А. Зубову письмом от 6 июля 1795 г., что «полковнику и кавалеру Ламбро Качони следующее за восемь лет жалованье, всего по исчислению четыре тысячи девятью рублями за службу его в Архипелаге на флотилии российской выдано из Государственного Черноморского Адмиралтейского

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 405.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 635.

³ Видимо, близкие к опубликованным майским «определениям» от 1795 г. См.: Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 448–453.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 441, 447–448.

Вид города Николаева в конце XVIII века

Правления на счет Санктпетербургского остаточного казначейства. При получении сих денег, изъявляя он Вашему Сиятельству беспредельную свою благодарность, объявил мне, что бывшие тамо других отрядов начальники, как капитан 2 ранга Гулермо, так и прочие, получали по все время пребывания их на службе в Архипелаге, сверх жалованья, порционные и столовые деньги, то по сим резонам и по его бедности, в которой он теперь находится, просил об удовольствовании его и оными»¹. В тот же день, 6 июля, к П.А. Зубову обратился с прошением и сам Л. Кацонис, желавший приехать в Петербург. «Вы, милостивый государь, подали бы мне чрез то удобный случай оправдаться во всем на меня от недоброжелателей насланном...», — писал он².

Согласно «Приложению» к камер-фурьерскому журналу 1795 г., 6 июня «полковника Ламбро-Кациони Ея Императорское Величество соизволила отправить в С.-Петербург, ради объяснения некоторых статей по делам Средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых создана здесь особая комиссия». До сведения Н.С. Мордвинова это повеление было доведено посланным в тот

¹ РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 21. Л. 65.

² РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 21. Л. 67 об.

*Вид на Дворцовую набережную у Зимнего дворца
со стрелки Васильевского острова. Худ. Б. Патерсен, 1799 г.*

же день письмом П.А. Зубова, дошедшим до адресата 26 июля¹. На сборы полковника ушло около недели.

Наконец, письмом от 4 августа 1795 г. Н.С. Мордвинов сообщил П.А. Зубову: «Господин полковник Лампро Кациони донесет Вашему Сиятельству о приведении в совершенство гребных судов корабельных по предложенному мною плану. Поправления, которые вновь мы сделали, усовершеншили их весьма. Господин Лампро послан был мною для опыта, выстрелил 100 ядер, без повреждения, кроме слабой течи, которая оказалась на барказе, но не может существовать случая, когда нужно выпалить 100 зарядов. Таковые суда 20-ю бомбами должны окончевать бой: потопить корабль или зажечь»².

Выехав из Херсона, полковник добрался до Петербурга примерно через месяц. И как свидетельствует «Камер-фурьерский журнал», 20 сентября 1795 г., перед балом, состоявшимся в день рождения цесаревича Павла Петровича, императрица «изволила жаловать к руке приезжего из города Херсона полковника Лампро-

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. Приложение. С. 177; Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 617.

² РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 21. Л. 69 – 69 об. С некоторыми неточностями в тексте опубликовано: МИРФ Ч. XV. СПб, 1895. С. 491.

кочиони, которого представил старший по дежурству камергер»¹. Происходило это, когда Екатерина II шла «через столовую комнату». Фактически полковник представлялся по случаю прибытия.

Затем он на добрых семь месяцев исчез из поля зрения камер-фурьеров, очевидно, занимаясь преимущественно общением с «Комиссией по свидетельству счетов...» и своими подчиненными по флотилии, в большом числе съехавшимися в Петербург, чтобы ходатайствовать о выплате им жалованья. Насколько можно понять, никакого официального положения у Л. Кацониса в тот период не было. Так, в «Списке воинскому департаменту» за 1796 г. «полковник Ламбро Качони» фигурирует только в разделе «Список кавалерам военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия», как получивший награду согласно высочайшего указа от 12 сентября 1790 г.²

В этот период Л. Кацонис, по словам автора опубликованной в «Русской старине» статьи «Князь Платон Зубов» (насколько можно понять из примечаний – некоего А.П., возможно, А.Н. Пыпина), «благодаря покровительству Зубова и Рибаса» оказался приближен ко двору Екатерины III³. Видимо, покровители полковника весьма положительно отзывались о нем, а возможно, он сам произвел на государыню хорошее впечатление и даже сумел завоевать ее доверие. А.С. Шишков в своих «Записках» счел нужным отметить, что по совету Л. Кацониса, «как сказывают, императрица, почувствовавшая некоторую издавна беспокоившую ее боль в ногах, ставила их в морскую соленую воду»⁴.

Правда, благосклонность Екатерины II к довольно колоритному греку едва ли стоит переоценивать. Его, как отмечал Ю.Д. Пряхин, действительно, в течение 1796 г. пять раз приглашали к императорскому столу. Однако по устоявшемуся порядку, в праздничные дни стол тогда накрывали без малого на сотню «кувертов» (приборов), и поначалу полковника сажали в дальнем конце. Так, в день тезоименитства великого князя Константина Павловича, 21 мая, «Лампа Канциольи» оказался 88-м, в день восшествия императрицы на престол, 28 июня, «полковник Ламбро» 87-й, в день тезоименитства наследника Павла Петровича, 29 июня, «полковник

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. С. 750.

² Список воинскому департаменту ... за 1796 год. С. 503.

³ Князь Платон Зубов, биографический очерк. 1767–1822 г. // Русская старина. 1876. Т. XVII. С. 456.

⁴ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. Berlin, 1870. С. 8.

Ламбро Качо» 81-й. Правда, затем что-то происходит, и 20 июля, в будний день, «полковник Ламбро» оказывается 29-м за столом из 80 кувертов, а 29 июля, в день рождения великой княжны Александры Павловны, «Ламбро» сидел 31-м при 83 кувертах¹.

Учитывая, что приглашенных рассаживали в зависимости от высочайшего внимания, которым они пользовались, можно предположить, что именно в те летние дни Екатерина II опробовала морские ванны для ног с положительным результатом. В пользу такого предположения говорит Н.И. Григорович, писавший: «Платон Зубов ... рекомендовал Екатерине грека Ламбо-Качони, который взялся вылечить ноги Екатерины от ран ... Если дать веру не напечатанному об этом рассказу А.М. Тургенева, написанному им на полях экземпляра «Записок Грибовского», принадлежавшего Ю.В. Толстому, «...Он предложил ей ставить ноги в морскую воду утром и вечером. Лечению этому лейб-медик Рожерсон противился и говорил о могущих быть для здоровья и самой жизни бедственных последствиях. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногах в июле закрылись, а в ноябре Екатерина умерла от апоплексии». А воду морскую привозили от Красной Горки за Петергофом»².

Заметим, что в самих «Записках» статс-секретаря А.М. Грибовского, управлявшего канцелярией П.А. Зубова и посвященного во многие дела князя, Л. Кацонис и его лекарские опыты не упоминаются³. Заслуживает внимания тот факт, что А.С. Шишков писал о них с чужих слов, надо думать, как и А.М. Тургенев. Причем, «Записки» последнего, по наблюдениям М.В. Клочкова, грешат анахронизмами, преувеличениями и даже вымыслом⁴. Едва ли из общего ряда выпадают замечания насчет Л. Кацониса, оставленные «на полях экземпляра «Записок Грибовского»», которые увидели свет лишь в 1847 г. Мемуарист, довольно критически настроенный по отношению к П.А. Зубову, а вместе с тем и его окружению, видимо, недаром связал лечение, применявшееся Л. Кацонисом, со смертью императрицы, хотя связь между ножными ваннами из морской воды и апоплексией (инсультом) весьма маловероятна.

Между тем, увязать их, хотя и не столь прямолинейно, как

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб, 1897. С. 423, 548, 558, 610, 630.

² Григорович Н.И. Канцлер, князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник ИРИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 348.

³ Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой. Изд. 2-е. М., 1864.

⁴ Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг, 1916. С. 7, 10.

А.М. Тургенев, попытался в своих мемуарах и К. Массон, писавший: «Став ее шутом, знаменитый пират Ламбро-Качиони, служивший ей раньше корсаром в Архипелаге и введенный к ней адмиралом Рибасом по протекции Зубова, захотел полечить ее. Он внушил ей, что знает верное средство исцелить ее ноги, и стал сам ежедневно ходить за морской водой для холодных ножных ванн. Сперва это помогло ей, и она с Ламбро уже смеялась над советами докторов своих, но скоро ноги еще больше распухли, а бессонные ночи и постоянная ходьба только ухудшили болезнь»¹.

Как нам представляется, и в этом случае описание происходившего подчинено автором воспоминаний определенной цели – показать ничтожество фаворита, П.А. Зубова, и его приближенных. Отсюда уничижительные эпитеты «шут», «пират», подчеркивание безуспешности предложенного Л. Кацонисом лечения. Тем не менее, подобно А.М. Тургеневу, К. Массон свидетельствует, что ванны помогли Екатерине II, хотя и временно. Первоначальный успех, конечно, не мог не отразиться благоприятно на положении полковника, а в связи с этим он, конечно, должен был питать надежду на благополучный исход разбирательства его дел в «Комиссии по свидетельству счетов...» и строить какие-то планы. Но внезапно все рухнуло.

Утром 5 ноября 1796 г., по воспоминаниям А.С. Шишкова, он застал Л. Кацониса выходящим из кабинета П.А. Зубова и «крайне удивился», так как полковник «показался мне смутен, бледен, словно как бы на смерть осужденный. В сем виде, стал он спиной к окошку и стоял неподвижно. Я взглянул на него еще раз и увидел, что он больше похож на восковую куклу, нежели на живого человека. Я подошел к нему и спросил: «Ламбро! Что с тобою сделалось»? Он не отвечает. «Ты, верно, болен, – продолжал я, – посмотришь в зеркало: на тебе лица нет, поди скорее и посоветуйся с каким-нибудь лекарем». Он ни слова, стоит, вытараща глаза, как истукан»². Причина такого поведения вскоре выяснилась – по дворцу разнеслась весть об «ударе, случившемся с императрицею».

Несомненно, к тому времени Л. Кацонис уже представлял себе, насколько должно было ухудшиться его положение в результате смены лиц на престоле, ведь трения между Екатериной II и Павлом Петровичем не составляли тайны. И действительно,

¹ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 157–158.

² Шишков А.С. Указ. соч. С. 8.

перемены стали происходить с калейдоскопической быстротой: за считанные дни покровительствовавшие полковнику вельможи потеряли былое влияние. Уже 12 ноября П.А. Зубов был снят с должности Екатеринославского, Вознесенского и Таврического генерал-губернатора, а 18 декабря вице-адмирал О.М. де Рибас передал командование Черноморским гребным флотом контр-адмиралу П.В. Пустошкину. В начале 1797 г. Павел I и вовсе удалил П.А. Зубова из столицы¹.

К тому времени произошли неблагоприятные подвижки и в карьере Л. Кацониса. Видимо, новый император стал разгонять окружение последнего фаворита покойной государыни и 20 декабря 1796 г. приказал: «Определяется в Черноморский флот полковник Ламбро Качони, в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу»². Другими словами, Павел I намеревался выслать Л. Кацониса подальше от Петербурга, но поступил при этом вполне обдуманно, отправив полковника, вслед за множеством бывших его подчиненных, в Одессу, куда греков начали селить в соответствии с предложением О.М. де Рибаса, которое своим рескриптом от 19 апреля 1795 г. одобрила Екатерина II³.

Высочайшей воле Л. Кацонис покорился незамедлительно. Как свидетельствуют документы канцелярии Адмиралтейств-совета, там уже 22 декабря 1796 г. был зарегистрирован рапорт полковника, который представлял об определении его в Черноморский гребной флот и о своем старшинстве в чине⁴. Заведенным порядком снеслись с Военной коллегией, и 24 декабря оттуда переслали копию указа Екатерины II, от 29 июля 1790 г., о производстве Л. Кацониса в чин. На заседании 2 января 1797 г. Адмиралтейств-коллегия постановила признать старшинство полковника с этой даты.

Незадолго перед тем, согласно императорскому указу от 31 декабря 1796 г., Л. Кацонис получил патент на чин⁵. Однако к новому месту службы полковник, судя по доступным документам, так и не явился. И хотя в месячных рапортах Черноморского адмиралтей-

¹ Князь Платон Зубов, биографический очерк. 1767–1822 г. // Русская старина. 1876. Т. XVII. С. 712.

² Высочайшие приказы, отданные в присутствии Его Императорского Величества Государя Императора, со вступления его на всероссийский престол 1796 года. Б. г. С. 31; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.). Д. 309. Л. 5.

³ Скальковский А.А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. Одесса, 1837. С. 42–43.

⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.). Д. 309. Л. 1.

⁵ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 414–415.

ского правления за февраль и март 1797 г. значилось: «Прибыло: флотских: полковник Ламбро Качиони...», надо полагать, что запись эта была сделана формально, исходя из одного лишь приказа о зачислении. Однако вскоре отчетность привели в соответствие с действительным положением, и в апрельском месячном рапорте уже говорилось: «Из наличного числа с определения не прибыли... полковник Ламбро Качони...», а в майском: «Из списочного числа с определения не прибыли... полковник Ламбро Качони...»¹

Надо сказать, что такое отношение к службе, совсем еще недавно сходившее с рук изрядному числу офицеров, при новом императоре стало неприемлемым. Столкнувшись, как ему не без основания казалось, с отсутствием порядка в войсках и на флоте, Павел I принялся наводить его в меру собственного разума. По словам А.К. Байова: «Наказание арестом даже генералов применялось крайне широко за малейшие чисто формальные нарушения в несении службы. Нередко за ничтожные провинности офицеры и генералы исключались из службы, причем, соответствующие приказы редактировались в крайне обидных и даже оскорбительных для увольняемых выражениях»². Как отмечалось в «сытинской» «Военной энциклопедии»: «Вообще же за 4-летнее царствование Павла I было уволено от службы, помимо собственного желания: 7 фельдмаршалов, 333 генерала и 2261 офицер»³.

По словам В.И. Левенштерна: «Новый император озаменовал начало своего царствования исключением из службы всех офицеров, отсутствовавших из своих полков. Я был в числе исключенных, хотя я уже ехал в это время в полк»⁴. Формально в последнюю категорию попадал и Л. Кацонис. Заметим, однако, что угрожавшее ему наказание успело потерять свой прежний смысл. Как указывал А.М. Тургенев: «Название «исключенный из службы» соделалось (в 1797–1800 гг.) титулом почетное, отличающее в обществе человека, возвышающее его во мнении других...»⁵ Разумеется, Александр Михайлович, чувствовавший себя при Павле I некомфортно и отзывавшийся о его деяниях весьма желчно, сильно преувеличивал, но если исключение из службы и не превратилось в награду, то серьез-

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.). Д. 371. Л. 30 об., 35 об., 55, 60.

² Байов А.К. Военное дело в эпоху императора Павла I // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 20.

³ Военная энциклопедия. Т. XVII. СПб, 1914. С. 251.

⁴ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Т. 103. № 8. С. 279.

⁵ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1889. Т. 62. № 4. С. 207.

ной карой в те годы фактически перестало быть – уж очень много офицеров изгонялось без достаточных оснований.

В нашем случае поводом к репрессии послужила жалоба турецкого посла, которого Г.Г. Кушелев назвал в своей докладной записке, от 28 апреля 1797 г., «рейс-эффенди». На самом деле, как нам представляется, речь шла о приехавшем в Петербург летом 1793 г. посланнике султана Селима III, его стремянном Мустафе Расых-эффенди¹. По словам Г.Г. Кушелева, посланник «по прибытии» на первой же «конференции» потребовал положить конец беспорядкам, производимым в турецких портах шкиперами-греками, получившими российское подданство.

В записке от 28 апреля 1797 г. говорилось: «Многие греки в Россию переселялись, убегая должного наказания за какие-либо преступления, и то часто не с намерением основаться в России, но чтоб записавшись в подданство ее, возвращаться в турецкие города и под защитою нашею продолжать прежние упражнения. Все же вообще, переезжая, не имели и иметь не могли других видов, как быть купцами и мещанами, но вместо того с удивительною легкостью получали штаб- и обер-офицерские чины. От сего произошло, что большая часть шкиперов-греков, под российским флагом плавающих, суть офицеры и торгуют бездельными товарами». В этом месте записки была положена резолюция: «О исключении из службы просрочивающих греков дан вице-адмиралу Мордвинову указ 29 апреля 1797 года»².

Точнее говоря, высочайшим повелением от 29 апреля 1797 г. Павел I предписал Н.С. Мордвинову подготовить список греков и других «левантийских жителей», с указанием «где кто из них находится, нет ли таковых в отпусках; равно не упражняются ли таковые не в свойственных званию офицерскому должностях... Всех же тех, кои не при своих командах, а состоят в просрочках, повелеваем выключить из службы нашей без ношения мундиров и список об оных представить к нам»³. Повеление, дошедшее до адмирала 9 мая, было исполнено, и при письме Г.Г. Кушелеву, от 2 июня 1797 г., Н.С. Мордвинов препроводил в Петербург затребованные сведения.

¹ *Шеремет В.И.* Сафьяновый портфель М.И. Кутузова // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 75.

² МИРФ Ч. XVI. СПб, 1902. С. 94.

³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. (Канц. 2 отд.). Д. 354. Л. 2. Высочайшее повеление и часть списков опубликованы: Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 261–262, 647.

Судя по этим бумагам, в соответствии со «Списком выключенным из службы Черноморского флота штаб- и обер-офицерам» был уволен «без ношения мундиров» ряд офицеров. В категории «команды гребного флота особо определенных» исключенными оказались капитаны Дмитрий Велизари и Нестор Карабури, поручики Фотино Ликердопуло, Марио Хоронович, Стати Леонос-Каравия, Константин Кондогури и другие. Значились в этом списке также соратник Г. Лоренцо, бывший командующий одним из отрядов казенной флотилии А. Франчески и «полковник Ламбро Качони»¹. В соответствии с высочайшим приказом, всех внесенных в список перестали числить по Черноморскому флоту. Среди прочих, как говорится в месячном рапорте за июнь: «Убыло: флотских: капитан 2 ранга Анжело де Франческо... команды особо определенных: полковник Ламбро Качони...»²

Надо сказать, что в «Архиве графов Мордвиновых» опубликован «Особый список штаб- и обер-офицеров из греков и других Левантинских жителей, счисляющихся в ведомстве Черноморского Адмиралтейского Правления, о которых неизвестно, где они находятся», во многом совпадающий с указанным выше³. Однако в нем нет ни А. Франческо, ни Л. Кацониса.

Заметим также, что лишение права носить мундир, которым сопровождалось «исключение из службы», в павловское царствование стало нормой. Есть мнение, что такой участи не избежал даже А.В. Суворов. Известно, что 6 февраля 1797 г. последовал высочайший приказ, согласно которому: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь Его Императорскому Величеству, что так как войны нет, и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». В связи с этим Н.К. Шильдер утверждал: «Суворов при отставке даже лишен был военного мундира на основании приказа от 7-го декабря 1796 года, который гласил: “Всем отставным, которые отставлены после четвертого сего декабря, не носить никаких военных мундиров, а Его Императорское Величество предоставляет себе жаловать оное преимущество при отставке, смотря на заслугу и поведение, кому позволить носить мундир”»⁴.

Конечно, в отличие от А.В. Суворова, «выключенного» персонально, Л. Кацониса «выключали», так сказать, косвенно, в числе не-

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. (Канц. 2 отд.). Д. 354. Л. 7–8.

² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. (Канц. 2 отд.). Д. 371. Л. 42 об.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 292.

⁴ Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб, 1901. С. 325.

скольких десятков офицеров, оказавшихся «не при своих командах». К сожалению, с точностью установить, где именно он тогда находился, исследователям пока не удалось. Ю.Д. Пряхин, ссылаясь на дела канцелярии Адмиралтейств-коллегии, полагает, что после поданного Л. Кацонисом прошения на высочайшее имя, от 20 февраля 1797 г., об увольнении его в Архипелаг «с абшитом» (удостоверением об отставке), «ради поправления дел», связанных с уплатой долгов, и высочайше утвержденного 4 марта 1797 г. решения Адмиралтейств-коллегии отказать ему в просьбе, полковник выехал на место новой службы¹. Однако судя по этим документам, вопреки февральскому месячному рапорту Черноморского адмиралтейского правления, как минимум до 20 февраля Л. Кацонис оставался в Петербурге. Затем, даже если бы он успел до конца марта, несмотря на весеннюю распутицу, добраться до Одессы и отметиться там, то в апрельском и затем в майском месячных рапортах, на которые мы указывали выше, не фигурировал бы как «не прибывший с определения».

На наш взгляд, полковник никуда из Петербурга не уезжал, чтобы не осложнять себе переписку, прежде всего с «Комиссией по свидетельству счетов...» Так, на упомянутом Ю.Д. Пряхиным всеподданнейшем прошении Л. Кацониса от 6 июня 1797 г. стоит помета, очевидно, делопроизводителя этой Комиссии: «9 июня 1797 г.». Если бы полковник тогда находился вдали от Петербурга, его бумага не была бы зарегистрирована на третий день. Прощение от 20 февраля и вовсе было зарегистрировано тем же числом². Надо полагать, что с 28 января 1797 г., когда Л. Кацонис подал всеподданнейшее прошение об уплате ему денег за суда, которые считал своей собственностью, и как минимум до подачи прошения от 6 июня он оставался в столице.

Видимо, именно о последнем документе шла речь на заседании Государственного Совета 20 июня 1797 г., где была заслушана записка статс-секретаря Д.П. Трощинского, от 16 июня, «с поданным на Высочайшее... имя прошением флота от капитана первого ранга Ламбра-Качиони о удовлетворении издержек, учиненных им во время последней с Портою Оттоманскою войны и бытности его в Средиземном море с флотилиею». Потратив на обсуждение вопроса несколько заседаний, Совет 2 июля пришел к заключению, что «хотя и нельзя не признать, что он, Качиони, по временам употребляем был как офицер, в действительной службе находившийся, но вообще не может он не почитаем быть за арматора, и потому, что

¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 182–183, 419–421.

² РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1048; Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.) Д. 327. Л. 3.

*Портрет Ламброс Качиони.
Худ. И.Б. Лампи-сын. 1798 г.*

делаемые им добычи предоставлены ему были не так, как обыкновенно военному офицеру, но уступлены ему были совсем (без исключения даже и 10-й части, коя, по 9-й статье арматорского правила, казне следовала от взятых призов)»¹.

Павел I с таким мнением, конечно же, согласился, да и не мог этого не сделать, ибо в противном случае, по расчету Совета, предстояло выплатить не только Л. Кацонису, но и всем служившим на его флотилии в общей сложности до 715 000 руб. жалования и провиантских

денег, не считая компенсации «за потерянные в сражениях суда». Как говорилось в журнале заседания от 25 июня 1797 г.: «...Представляется следующее: когда оным офицерам, по их просьбам, определено будет выдать ту требуемую сумму, то не только прочие служившие с ними вместе помянутой флотилии люди тоже просить станут, но и сам еще сказанный полковник Ламбра-Качиони иметь будет право за оных требовать как жалования, так и равной же с тем суммы и за провизию, употребленную на прокормление всего экипажа на той его флотилии служившего, которого имелось у него по отправлении генерал-поручиком Заборовским и с капитанами судов 559 человек, а по явлении его с тою флотилиею к генерал-майору Тамаре, когда сей прибыл к командованию, 767 человек.

Да сверх оных 767 человек, показано было от него, Ламбра, по представленным вышереченному генерал-майору ведомости, служивших на оной флотилии албанских войск 2500 чел. И еще, кроме того, для предприятий на сухом пути, таких же албанцев, 3000. Но

¹ Архив Государственного Совета. Т. 2. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 602–607.

оных 5500 человек генерал-майор Тамара в точности не утверждает, за тем, что флотилия, де, та составлена была из одной вольницы»¹.

Стремление к экономии казенных средств, как это нередко происходило в нашей истории, взяло верх. Именно оно продиктовало петербургским сановникам решение отказать Л. Кацонису в праве считаться «находившимся на действительной службе», признав его арматором лишь по нескольким формальным признакам. Заодно Государственный Совет отказал в прошениях большинству не только его сослуживцев, но и кредиторов, вроде триестских купцов И. Витталиса, Ф. Манзуран и ряда других, что, к слову, спровоцировало попытки некоторых лиц домогаться выплаты денег лично у Л. Кацониса².

Спустя четыре с половиной месяца, 7 ноября 1797 г., император рескриптом государственному казначею барону А.И. Васильеву повелел: «...За все вообще иски флота капитана Ламбро Качиони выдать ему пятьсот семьдесят шесть тысяч шестьсот семьдесят четыре рубля двадцать три копейки с половиною, как-то именно: за взятых им на трех турецких судах военнопленных, за издержки при построении батарей, магазейнов и прочаго на острове Зее, за пять потерянных судов во время сражения с турецкою и алжирскою эскадрою и за взятое у него в казну судно «Соитие»³, употреблявшееся на службу. Мы, утвердив мнение комиссии, повелеваем вам, причислив сию сумму к получению Ламбру Качиони следующую в общий счет государственных внутренних долгов, расположить уплату оной в течение пяти лет... и при каждой выдаче денег получать от Качиони в приеме их квитанции, дабы впредь никаких уже требований от него быть не могло»⁴. А 4 января 1798 г. Павел I утвердил постановления Совета⁵.

Заметим, что во всех постановлениях Государственного Совета Л. Кацонис фигурирует с чином. Причем, в июньских и июльских журналах его именуют и полковником, и капитаном 1 ранга, хотя достоверных сведений о перечислении в этот чин не найдено, лишь упоминание в нескольких бумагах, очевидно, спровоцирован-

¹ Архив Государственного Совета. Т. 2. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 604–605.

² Так поступили в 1799 г. майоры А. Палеолог, Е. Зигури, С. Никифораки, капитан П. Кассими, П. Метакса, К. Панагиоти и другие, всего 18 человек. См.: РГАВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 156. Л. 2–5.

³ Очевидно, непосредственным автором документа как название истолкована классификация принадлежавшего Л. Кацонису судна – саитии «Святая Елена».

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 263–264.

⁵ Там же. Стлб. 610–619, 622.

ное прошением от 20 февраля, написанным от его имени «греком Георгием Флери», затем, вплоть до 4 января 1798 г., только полковником. Однако, как видно на примере рескрипта государственному казначею, в других документах встречается именование «капитаном флота»¹.

Никаких признаков исключения Л. Кацониса из службы не находим мы в таких источниках, как публикации высочайших приказов за 1796–1797 гг., хотя там, с одной стороны, есть приказ от 20 декабря 1796 г. об определении полковника в Черноморский гребной флот, а с другой – встречается множество приказов об исключении из службы сухопутных и флотских чинов, о производстве одного из унтер-офицеров Греческого батальона в прапорщики, и даже об увольнении в отпуск мичмана Моллера. Нет их и в опубликованных указах Павла I за 1796–1801 гг. – ни персонально, ни в числе «просрочивающих греков»².

Соответственно, нет таких признаков и в документах государственных учреждений. Например, в «свидетельстве», выданном Л. Кацонису 23 февраля 1798 г., говорилось, что оно выдано «от Комиссии, учрежденной о рассмотрении претензий по флотилии... капитану 1 ранга и кавалеру Ламбро Качиони для собственного его ограждения от исков...» А 15 марта 1798 г. А.И. Васильев писал главе этой Комиссии, генерал-прокурору князю А.Б. Куракину о финансовых претензиях Н.С. Мордвинова к «полковнику Ламбро Качиони». Полковником назван Л. Кацонис и в мемории Коллегии иностранных дел, от 7 сентября 1798 г. Наконец, с этим же чином он упоминается в записке президента Адмиралтейской коллегии адмирала Г.Г. Кушелева, от 24 октября 1798 г., и в составленном канцелярией коллегии протоколе ее заседания 26 октября³.

С чином Л. Кацони продолжает упоминаться и в переписке разных лиц. В частности, «полковником Ламбро» называет его в письме Н.С. Мордвинову, от 15 августа 1798 г., М. Козловский, а П. Мавромати, также в письме адмиралу, но уже от 10/21 января 1799 г., говорит о «colonelo Lambro Cazoni». Да и сам Н.С. Морвинов, вроде бы, подписавший список исключенных из службы, в

¹ Там же. Стлб. 620–621.

² См. напр.: Копии с высочайших Его Императорского Величества приказов, отданных при пароле Его Императорскому Высочеству Александру Павловичу 1797 года. С. 97, 260; Высочайшие приказы, отданные в присутствии Его Императорского Величества Государя Императора, со вступления его на всероссийский престол 1796 года. С. 31, 69, 121; Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб, 1888.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 429–435.

различных бумагах продолжает именовать Л. Кацониса, то полковником, то «флота капитаном». Так, в письме А.И. Васильеву, от 13 февраля 1798 г., он фигурирует как «полковник Ламбро Кациони», а в мартовском 1799 г. прошении адмирала Новороссийскому военному губернатору графу М.В. Каховскому, и в аналогичном прошении в Новороссийское губернское правление, от 18 июля 1799 г., равно как в «верющем письме» (доверенности) Н.С. Мордвинова секретарю А.П. Зюбину, от 2 июля 1799 г., засвидетельствованном генерал-майором Ф.И. Марковым, как «флота капитан»¹.

Между тем, в «сытинской» «Военной энциклопедии» указывается: «Исключение из службы, как наказание введено в наше законодательство военным артикулом 1716 г., по которому оно применялось в случаях, когда характер преступления указывал на непригодность виновного к службе, и обыкновенно влекло за собою лишение чинов, заслуженного жалования и формальной отставки, дававшей за службу известные привилегии; для иностранцев же оно соединялось с изгнанием из России»².

Наблюдаемое нами во множестве документов явно расходится со сказанным в энциклопедической статье: спустя многие месяцы после того, как Адмиралтейская коллегия постановила передать присланный Н.С. Мордвиновым список в канцелярию «для выключки» перечисленных там греков из службы, не только отдельные лица, но и чиновники различных государственных учреждений продолжают указывать чин Л. Кацониса, как правило, называя его полковником.

Казалось бы, прошло достаточно времени с момента получения в Петербурге рапорта Н.С. Мордвинова от 2 июня 1797 г., с приложенными списками «выключенных из службы», которые упоминаются в протоколе заседания Адмиралтейской коллегии от 26 июня 1797 г.³, чтобы статус Л. Кацониса в делопроизводственной переписке изменился. Разгадку, на наш взгляд, дает мемория Адмиралтейской коллегии, от 30 июня 1797 г. На этом заседании рассматривалась записка Г.Г. Кушелева от 27 июня, где говорилось: «Прилагаемые при том списки, 1-й о выключенных из службы по Черноморскому адмиралтейскому правлению ведомства одного офицеров за неявление из отпусков на сроки к командам; 2-й о счисля-

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 456, 458, 460–466; *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность... С. 427.

² Военная энциклопедия. Т. XI. СПб, 1913. С. 36.

³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (Канц. 2 отд.). Д. 354. Л. 4.

ющихся в ведомстве Черноморского адмиралтейского правления штаб- и обер-офицеров и неизвестно где находящихся... препроводить в Адмиралтейскую коллегию с тем, дабы она значущихся по первым двум спискам чиновников, так как из них первые на сроки к командам своим не явились, а последние где находятся неизвестно, выключила по ведомству своему из службы без ношения мундиров...»¹

Иными словами, внесенных в список офицеров, в том числе и Л. Кацониса, Адмиралтейская коллегия «выключила по ведомству своему», а фактически только постановила впредь не числить в составе. Так как согласно высочайшему указу от 12 ноября 1796 г. в ведение Адмиралтейской коллегии были переданы Черноморские корабельный и гребной флоты, то можно сказать, что Л. Кацонис выбыл из морского ведомства.

Между тем, полковник изначально был офицером военно-сухопутного ведомства, где и получал все свои чины, высочайшие же повеления об исключении его из службы по этому ведомству исследователями не найдены. Учитывая, что из морского Л. Кацонис «выключался» не персонально, и об этом, насколько можно понять из документов, императору не докладывали, а сам он этим вопросом не интересовался, никаких последствий для полковника данная процедура не имела. Правда, его служебное положение оставалось неопределенным – сведений об исполнении им каких-либо служебных обязанностей не найдено.

Очевидно одно – уже после того, как Г.Г. Кушелев направил в Адмиралтейскую коллегию записку о «выключении из службы» отсутствующих греков, в числе которых был и Л. Кацонис, и после того как коллегия соответствующий список передала в Комисариатскую экспедицию для исполнения, тот же Г.Г. Кушелев в ту же Адмиралтейскую коллегию направил записку от 24 октября 1798 г., в которой говорилось: «...Государь император, по представленному от полковника Ламбро-Качони желанию, вооружить своим коштом для разезда противу французов судно, высочайше повелеть соизволил вооружение сие ему дозволить». В протоколе же Адмиралтейской коллегии, от 26 октября 1798 г., значилось: «... Во исполнение Его Императорского Величества повеления, полковнику Ламбро Качони по предъявленному желанию вооружить

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 2. Д. 128. Л. 752 об. – 753.

своим коштом для разезда противу французов судно дозволить»¹. Таким образом, люди, несколько месяцев назад «выключившие» Л. Кацониса из службы, да и сам император, продолжали говорить о нем как о полковнике.

Насколько можно понять, предложение вооружить судно «для разезда противу французов»

развития не получило. Видимо, поначалу этому мешала погода – вскоре похолодало выпал снег. Затем в Петербурге стали получать донесения вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова об успехах его эскадры, действовавшей в Средиземном море совместно с турками, что было неприемлемо для Л. Кацониса². Надо полагать, поэтому он в итоге отказался от своей мысли. Правда, вопрос должным образом не изучен, и в распоряжении исследователей нет материалов, позволяющих судить о том, где именно предполагалось вооружение, и были ли предприняты какие-то шаги в данном направлении.

К сожалению, в доступных нам источниках нет сведений и о том, когда Л. Кацонис покинул Петербург. Вероятно, спустя некоторое время после того, как дождался упоминавшегося выше высочайшего решения по его финансовым делам. Во всяком случае, опубликованные письма к Н.С. Мордвинову Б. Скадовского, от 3/14 декабря 1798 г. из Херсона, и особенно П. Мавромати, от 10/21 января 1799 г., из Петербурга, дают основание считать, что в конце 1798 – начале 1799 гг. полковник мог еще оставаться в столице. Его же собственное письмо адмиралу, от 22 февраля 1799 г., отправленное уже из Акмечети (Симферополя), служило ответом на послание Н.С. Мордвинова от 6 февраля, в котором адмирал пишет, будто «уведомился» о проезде Л. Кацониса прямо в Крым. Видимо, речь шла о недавнем событии³.

В Акмечети – тогда административном центре одноименного

Фрагмент карты Крыма. 1803 год

¹ Описание дел архива Морского министерства. Т. 3. СПб, 1882. С. 786; МИРФ Ч. XVI. СПб, 1902. С. 273; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 434–435.

² МИРФ Ч. XVI. СПб, 1902. С. 278.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 455, 456–457; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 437–438.

уезда Новороссийский губернии, фактически же всего Крыма, полковник пробыл недолго и вскоре перебрался в Карасубазар, где и поселился. Есть несколько описаний этого местечка. Так, по словам П. Татаринова: «Карасубазар, заштатный город, лежит в 43 верстах от губернского города на почтовой дороге между Симферополем и Феодосией, среди обширной долины, по которой протекают две речки: с запады Сары-су (Желтая вода) и с востока Кара-су (Черная вода)». Несколько полнее описание П.И. Сумарокова: «Оный стоит при вратах гор, которые... окружают его со всех сторон. Таковое запертое на низкой долине положение причиняет, при посредственном дожде, чрезмерную грязь... испарения делают воздух вредоносным... Веселая долина выставляет посреди гор белеющиеся с теремами, мечетями Карасубазар, густые сады перемешано с строениями, верхи тополей над всею зеленью возвышаются и вид его весьма приятен. С проезду от Симферополя одна улица пространна, пряма, прочие же протягиваются тесными, излучистыми и заключенными по азиатскому обычаю в непрерывных высоких стенах...»¹

О том, что Л. Кацонис жил именно в Карасубазаре (ныне Белогорск) писал и А.М. Жиленков, упоминавший рассказы полковника о дворце, якобы подаренном ему Екатериной II. На страницах его воспоминаний, опубликованных В.Х. Кондораки, говорится также: «На полдороге мы вновь повстречались с Ламбро Качени, который, погостив короткое время в Севастополе, направлялся через Байдарскую долину и Ю[го]-В[осточную] оконечность Крыма в Карасубазар. Ему приходилось этим путем проехать около 200 верст верхом...»²

Заметим, что по этому описанию видно, сколько физических сил полковник сохранял еще в конце XVIII в. К сожалению, рассказ А.М. Жиленкова, очевидно, не опиравшийся на дневниковые записи, страдает анахронизмами и не дает сколько-нибудь точных хронологических ориентиров. Как нам представляется, совмещение в этом рассказе упоминаний о покойной императрице, встречах с направляющимся в свое имение академиком П.С. Палласом и о покойном «генерале Мелиссино», видимо, Петре Ивановиче, а также с перепиской Л. Кацониса, дает основание предполагать, что

¹ Татаринов П. Очерк Таврической губернии в историко-географическом отношении. Симферополь, 1894. С. 57; Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Ч. 2. СПб, 1805. С. 66–68.

² Кондораки В.Х. В память столетия Крыма. Вып. 1. М., 1883. С. 94, 113.

Дом Л. Кацониса в Карасубазаре.

К сожалению, в доступном нам издании книги П.И. Сумарокова изображение повреждено

сказанное о нем мемуаристом может относиться ко времени не ранее лета 1799 г.

Более того, П.И. Сумароков, побывавший в Карасубазаре в 1799 г., ни словом не упомянул о Л. Кацонисе в своем описании этой поездки. Зато посетив город в 1802 г. он уже писал: «Дом полковника Ламбро-Качиони, стоящий ему более 40 тысяч рублей, отличается от всех прочих, и местоположение его на полосе, возвышенной посреди двух долин, притом, обращенное к длине города, есть великолепное». Упоминает автор и о екатерининском дворце: «Верстах в 7 берет свое начало речка Карасу, и сплошные по обоим берегам сады кажут приятный к оному путь. Там встречаешь развалины дворца, в котором премудрая Екатерина брала отдохновение, и который, доставшись потом в числе десятинной земли прежде сказанному Качиони, разобран для иного построения»¹. Из сказанного можно, на наш взгляд, заключить, что если Л. Кацонис и переехал в Карасубазар в 1799 г., то уже после появления там П.И. Сумарокова, возможно, во второй половине года, и первое время жил он, видимо, в том самом дворце, где останавливалась в 1787 г. Екатерина II. Однако дворец этот едва ли был дарован ему – соответствующих записей нет, например, в «Приложениях» к камер-фурьерским журналам 1795 и 1796 гг., где перечислены раз-

¹ Сумароков П.И. Указ. соч. С. 69, 71.

личные пожалования, а скорее всего, перешел во владение вместе с земельным участком, как и указал П.И. Сумароков. Упомянут последним и «водочный завод» под Карасубазаром, вероятно, также принадлежавший Л. Кацонису и построенный уже после 1799 г.

Подробное описание последних лет жизни Л. Кацониса выходит за рамки нашего исследования. Заметим только, что с 1799 г. он был втянут адмиралом Н.С. Мордвиновым в судебное разбирательство по поводу денежных расчетов. Опубликованная переписка показывает, что Николай Семенович претендовал на всю сумму, которую по высочайшему повелению выдали Л. Кацонису. Логика рассуждений адмирала была простой: выделив небольшую сумму на покупку судна, он считал себя и своих компаньонов владельцами всех тех призов, которые были захвачены полковником за время войны.

Такую претензию Н.С. Мордвинов стал высказывать вскоре по окончании боевых действий. Например, в письме А.А. Безбородко, от 30 ноября 1792 г., он просил «наставления, каким образом должен я поступить в объявлении права, которое имеем мы на суда, составляющие эскадру Ламбры Качиона»¹. Адмирал явно пытался представить дело так, будто Л. Кацонис являлся не более чем наемным капером, несмотря на то, что признавал уязвимость такой позиции. Об этом говорит, например, цитировавшееся выше его письмо брату, А.С. Мордвинову, от 17 мая 1792 г., в котором сказано: «...Спекуляция наша остановлена была и пресечена...», т. е. бывший капер перестал быть таковым².

Очевидно, с запросами о правах на суда флотилии в Средиземном море Н.С. Мордвинов обращался не только к А.А. Безбородко, но и к В.С. Томара. Однако генерал в ответ написал ему 26 августа 1793 г., что «за получением именного повеления, из коего здесь влагая выписку, приняты в казенное ведомство и суда собственности господина Ламбро Качони, тем паче, что и некоторые долги его в С.-Петербурге, другие по особливым повелениям от меня в Италии заплачены были»³.

Казалось бы, этим ответом вопрос был закрыт. Однако с воцарением Павла I, а особенно после того, как император утвердил постановление «Комиссии по свидетельству счетов...» о выдаче Л. Кацонису 576 674 руб., Н.С. Мордвинов вновь стал высказывать

¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 25. Л. 35.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 513.

³ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 25. Л. 37.

претензии на имущество флотилии и оспаривать право полковника на выплаченные ему деньги. Так, в письме адмирала А.И. Васильева, от 13 февраля 1798 г., говорилось: «...Доколе мы с ним (Л. Кацонисом. – *Р.К.*) согласно не разделим сию сумму, прошу покорно Ваше Высокопревосходительство сделать милость мне и сотоварищам моим удержать оную от выдачи в руки Ламбре Качиони»¹. На наш взгляд, одним из мотивов такого поведения адмирала было желание уязвить человека, присоединившегося к его недругам. Известно, что Н.С. Мордвинов знал об интригах против него О.М. де Рибаса и А.М. Грибовского².

Еще одним мотивом, видимо, было раздражение по поводу расходов Л. Кацониса. Согласно записке А.И. Васильева, от 15 марта 1798 г., к тому времени «из числа назначенной в платеж Ламбро Качиони суммы переведено от него другим 159 тысяч 100 рублей»³. То есть, около трети денег ушло на оплату различных долгов и земельные сделки. В том числе, 6300 руб. было уплачено в 1798 г. наперснице покойной императрицы М.С. Перекусихиной «за купленную у нее дачу, состоящую в Новороссийской губернии в Феодосийском уезде», и 40 000 руб. в 1799 г. коллежскому ассессору А. Геннадию «за купленную у него дачу, состоящую в Новороссийской губернии в Феодосийском и Симферопольском уезде». Судя по всему, в последнем случае речь шла о покупке имения под Карасубазаром.

Возможно, то обстоятельство, что Л. Кацонис стал тратить деньги до того, как рассчитался с ним, подтолкнуло Н.С. Мордвинова к активному противодействию. Однако формы, которые оно приобрело, выглядят чрезмерными. Не исключено, что причиной тому душевное состояние Н.С. Мордвинова, оказавшегося в начале 1799 г. в сложном положении – недавний (20 декабря 1798 г.) взрыв порохового погреба у Глубокой пристани, вызвавший недовольство Павла I, повлек за собой смещение адмирала с должности. 4 марта 1799 г. он уступил свое место В.П. фон Дезину (Фондезину)⁴. Видимо, накопившееся раздражение излилось и на Л. Кацониса.

По приезду полковника в Крым, адмирал обратился к новороссийскому военному губернатору графу М.В. Каховскому с прошением от 22 февраля 1799 г., в котором высказал желание «возвратить

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 664.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 596–597; Шишков А.С. Записки... Т. 1. Berlin, 1870. С. 6–7.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 431.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 699.

похищенную собственность нашу» и ходатайствовал о том, чтобы «наложить арест на купленное им, Качиони, в Таврии недвижимое имение, а о равномерном наложении ареста и на оставленные им, Качиони, в С.-Петербурге, в доме купцов Лингара и Цапура, сто тысяч рублей»¹. Однако исход предпринятых шагов неясен – все известные нам документы, имеющие отношение к предполагаемым искам, датированы только 1799 г. Можно лишь предположить, что недоразумение между Н.С. Мордвиновым и Л. Кацонисом в итоге было урегулировано по взаимному согласию.

Последующие годы жизни полковника на данный момент изучены исследователями явно недостаточно и прослеживаются лишь пунктирно. Опубликовано всего несколько документов, составленных после 1799 г. Примечательно, что в дошедшей до нас доверенности группы греков В.С. Чернову на ведение земельных дел по спорам с крымскими татарами, зарегистрированной 11 сентября 1801 г., числились контр-адмирал А.П. Алексано и «капитан 1-го ранга и кавалер Ламбро Качиони»². Как составлялся документ и почему Л. Кацонис фигурирует в нем с морским чином, еще предстоит выяснить.

Кроме того, в научный оборот введен доклад Л. Кацониса, от 19 июня 1803 г., касающийся торговли продукцией построенного им в Крыму винокуренного завода. К тому времени, видимо, полковник уже испытывал желание целиком посвятить себя семье и хозяйству. Наконец, известен доклад по военному ведомству на имя императора Александра I, от 1 июля 1804 г., о прошении полковника уволить его от службы³.

Когда и при каких обстоятельствах он окончил свои дни, достоверно не известно. Существует легенда, рассказанная в статье С.А. Качиони «Пират-витязь», что Л. Кацонис был отравлен неким доктором по пути в Керчь в 1805 г. Остается гадать, верен ли этот рассказ, но известно, что в 1808 году «вдова флота капитана 1 ранга Ламбро-Качиони» обратилась в Департамент полиции исполнительной с прошением «о пожаловании пенсiona»⁴.

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 460–463.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб, 1902. С. 524.

³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность... С. 444–446.

⁴ Это прошение фигурирует в описи дел: РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Год 1808. Д. 111.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действия российских каперов в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. обречены оставаться на периферии внимания историков отечественного флота, так как у исследователей нет возможности должным образом оценить их влияние на ход боевых действий на других театрах. Нам остается лишь гадать, в какой мере каперы затрудняли снабжение Константинополя продовольствием, а турецких войск оружием и боеприпасами, насколько существенным было отсутствие на Черном море тех кораблей османского флота, которые пытались бороться с ними. Несомненно лишь, что каперские рейды беспокоили турок, заставляя держать на второстепенном театре часть далеко не избыточных сил.

Каперы, и прежде всего флотилия Л. Кацониса, отвлекали довольно значительную – временами свыше трех десятков единиц – группу боевых кораблей и вооруженных торговых судов от присоединения к тем силам турецкого флота, которые противостояли российскому Черноморскому флоту. Турки снабжали их, несли потери в личном и корабельном составе, расходовали деньги и материалы на ремонт поврежденных судов. Кроме того, взятие Кастель-Россо, эффект от которого усиливался обстрелом Каристо и других пунктов, заставило Порту усилить оборону некоторых средиземноморских крепостей, на что, опять же, уходили людские и материальные ресурсы. Наконец, существуют свидетельства того, что крейсерство в районе залива Воло и у берегов Египта, Сирии и Анатолии сказывалось на положении Константинополя.

Вопрос этот в отечественной литературе обозначен, но должным образом не изучен. Существует отчетливое понимание того, что последствия, как прямого захвата купеческих судов, так и повышения стоимости перевозки ввиду значительного риска, ощущались в османской столице. Однако в литературе, посвященной Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. об этом говорится вскользь и не всегда с должной опорой на источники. Впрочем, отдельные авторы указывают на свидетельства очевидцев тех тягот, которые

испытывало население Константинополя. В частности, об этом писал Франко Вентури, отмечавший со ссылкой на заметки константинопольского корреспондента «Gazzetta Universale», что в октябре 1789 г. «голод возвратился в столицу» (In October «famine returned to the capital...»)¹.

Следует, однако, уточнить, что указанный в соответствующей сноске номер «Gazzetta Universale» (№ 81) датирован не 1, а 10 октября (н. ст.) 1789 г., опубликованная же в нем заметка из Константинополя датируется 8 сентября (н. ст.) и в ней, действительно, говорится о «возвращении голода» и недостатке предметов первой необходимости, включая хлеб (E tornata la carestia nella capital: tra gli altri generi di prima necessita, il pane e divenuto di un prezzo eccessivo e cattivo)². Однако если корреспондент в самом начале сентября, вскоре после уборки крестьянами урожая, пишет о дефиците продуктов, да еще как о повторившемся, значит, это явление недавно имело место. Учитывая, что Константинополь чувствительно зависел от поставок продовольствия морем из Румелии, Анатолии и левантийских провинций Порты, можно с уверенностью предполагать здесь влияние рейдов российских каперов, в первую очередь флотилии Л. Кацониса, начиная с 1788 г.

Казалось бы, ввиду всего сказанного, роль российского офицера-грека в отечественной истории вполне очевидна. Тем не менее, она, особенно в последние годы, нередко ставится под сомнение. Все чаще муссируется вопрос о «пиратстве» Л. Кацониса, некоем «приписывании им себе чужих подвигов» и «преступлениях». Причина появления подобных обвинений непонятна, прежде всего, ввиду значительного количества опубликованных как многие десятилетия назад, так и в недавнее время, а потому вполне доступных исследователям источников. Теоретически расширение источниковой базы должно было бы сдерживать всевозможные спекуляции, во всяком случае, вытеснять их на периферию исторического знания, однако этого, к сожалению, не происходит. Надо полагать, авторами спекулятивных теорий движут далеко не научные интересы.

Примечательно, что стремление представить Л. Кацониса пиратом, прежде характерное для зарубежной историографии и культурологии, главным образом связанной с изучением творчества

¹ Venturi F. The End of the Old Regime in Europe, 1776–1789. Part II: Republican Patriotism and the Empires of the East. Princeton, 1991. P. 875.

² Gazzetta Universale. 1789. Ottobre 10.

Д. Байрона¹, а в России встречавшееся лишь у беллетристов, с недавних пор стало распространяться и у нас. Видимо, в данном случае можно говорить, как минимум, о слепом копировании оценок, без учета особенностей восприятия явлений иностранными наблюдателями и при полном игнорировании весьма основательных работ отечественных историков.

Между тем, та часть зарубежных исследователей, которая грешит поверхностным подходом к предмету, а возможно, и целенаправленным очернением всего, что связано с Россией, несомненно, если и опирается на какие-то источники, то преимущественно исходящие от дипломатов и торговцев, связанных с Турцией, отчасти же, надо полагать, ориентируется на греческую традицию героизации разбойников-клефтов и пиратов.

Что касается дипломатов, то их точка зрения, очевидно, формировалась под влиянием некритично воспринимаемых жалоб на Л. Кацониса. Между тем, жаловались люди, пострадавшие в военное время, и их позицию можно понять. За время, прошедшее с окончания предыдущей Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., разрушенные было действиями российских эскадр торговые связи между частями Османской империи и зависимыми от нее славянскими республиками Далмации, а также иностранными государствами, прежде всего Францией, восстановились. С появлением же в водах Адриатического и Эгейского морей флотилии Л. Кацониса, а также других каперов, эти связи вновь стали рушиться. Десятки купцов и судовладельцев, успешно торговавших с турками, потеряли значительные суммы, а некоторые были вовсе разорены, в том числе вице-консулы разных стран. Это создавало незначительную численно, однако активную и обладавшую ресурсами и связями прослойку жалобщиков, стремившихся компенсировать потери за счет каперов или российской казны.

Разумеется, обращаясь к российскому правительству и его дипломатическим представителям, особенно в военное время, турецкие подданные и иностранцы, торговавшие с Турцией, не во всех случаях имели веские основания сетовать на понесенные убытки, поэтому их претензии прикрывались риторикой, представлявшей действия каперов как пиратство или, в лучшем случае, нарушение тех или иных международных соглашений. Благодатную почву для

¹ См. напр.: *Beatty B., Newey V. Byron and the Limits of Fiction*. Liverpool University Press, 1988. P. 91; *Cass J., Peer L. Romantic Border Crossings*. MPG Books Ltd., 2008. P. 57.

подобных притязаний создавал манифест Екатерины II грекам, истолковываемый турецкими подданными – обитателями греческих земель, в качестве индульгенции, позволявшей им беспрепятственно извлекать прибыль, невзирая на состояние войны между Россией и Турцией. За него ухватились, прежде всего, те купцы и судовладельцы, которые вполне удовлетворялись налаженными связями с турецким потребителем беспокоились только по поводу собственных доходов и не испытывали никакого желания содействовать борьбе за независимость Греции, беспокоясь только по поводу собственных доходов.

Жалобы, зачастую подававшиеся неоднократно и проходившие по дипломатическим каналам, сформировали значительный пласт документов, рисующих негативный образ Л. Кацониса. К этому массиву примыкают и бумаги других лиц, интересы которых нарушались действиями полковника и его подчиненных. В частности, упомянутыми жалобами воспользовался А.К. Псаро, видимо, сознававший, что в случае успеха, если российская императрица сочтет нужным реализовать «Греческий проект» и посадить на местный престол великого князя Константина либо кого-то другого, более подходящего по требованиям текущего момента, ей понадобится соответствующее обращение «народных масс», организаторы коего получают свою долю во власти над греками. Однако Антон Константинович, как нам представляется, первоначально сделал ставку на помощь российской эскадре адмирала С.К. Грейга, а ее отплытие в Средиземное море было сорвано вступлением в войну Швеции.

Между тем, на театр военных действий прибыл Л. Кацонис, сумевший в короткое время создать довольно значительную флотилию, добившуюся успеха в борьбе с турками. Ее действия, особенно взятие крепости Кастель Россо, вызвали громкий резонанс, и это встревожило А.К. Псаро, равно как и местных деятелей, вроде И.В. Войновича, рассчитывавших поучаствовать в предполагаемом дележе власти. Мы не беремся утверждать, что эти лица вступили в соглашение, затеяв интригу, направленную на устранение Л. Кацониса с политического горизонта. Возможно, каждый из них вел свою игру. Однако в том, что все они старались воспользоваться любым поводом для дискредитации соперника, сомневаться не приходится.

В этом отношении их интересы совпали с интересами С.С. Гибса, поначалу рассчитывавшего воевать в составе соедине-

ния под командованием С.К. Грейга, базирование которого в средиземноморских портах он должен был подготовить, взаимодействуя с А.К. Псаро, и рассматривавшего каперов лишь как вспомогательную силу при российской эскадре. Не располагая возможностями контролировать действия каперов должным образом, он стремился максимально сократить количество каперских судов, оставив лишь нескольких, наиболее управляемых капитанов, в число которых Л. Кацонис, конечно же, не входил. Столкнувшись с откровенным сопротивлением последнего, С.С. Гибс попытался устранить неожиданное препятствие, но не располагая достаточной военной силой, стал дискредитировать грека в глазах петербургских сановников и самой императрицы, чтобы лишить его командования флотилией.

Исходящие от указанных лиц документы заведомо искажают картину событий. В частности, при близком знакомстве с бумагами С.С. Гибса и А.К. Псаро бросается в глаза весьма скупое и практически всегда негативное описание действий флотилии Л. Кацониса. К сожалению, некоторыми авторами эти документы воспринимаются некритично, без должного анализа ситуации. Такой подход тем более странен, что в распоряжении исследователей опубликованный более века назад «Архив графов Мордвиновых», на страницах которого можно найти «Пояснение разных прошений и жалоб касательно флотилии в Архипелаге» генерал-майора В.С. Томара, приложенное к его письму В.С. Попову, от 21 ноября 1793 г., где указывается: «Главная причина несогласий между командиром флотилии казенной генерал-майором Псаро и начальником вольной флотилии полковником, тогда майором, Ламбро есть то, что сей и за отъездом г[осподи]на генерал-поручика и кавалера Заборовского твердо держался его повелений и не слушался остающихся тамо начальников, которые потому часто арестовали его суда и возвращали призы»¹.

Там же генерал-майор отзывался и о различных обвинениях в адрес полковника и его людей. В частности, по поводу анонимного доноса, в котором говорилось о «тиранских поступках» Н. Кассими «в продолжение войны с пленными турками», он заметил: «Когда турки вешали военнопленных греков команды Ламбра, то и во флотилии Ламбра, конечно, не щадили турков». Обвинение Н. Кассими в «бесчеловечной жестокости над взятою в плен целою семьею

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 379–380.

турецкою», В.С. Томара прокомментировал так: «О сем жестоком поступке ни от кого я не слыхал, кроме что писали мне об оном Ферьери и жена его... майор Кассими... в жестокости напрасно оклеветан. Негодование г[осподи]на Ферьерия на Кассими произошло от того, что ему поручена от меня починка и килевание судов в Мессине»¹.

Особо В.С. Томара останавливался на личности П.А. Ферьерери, отмечая: «В Вене г[осподи]н Ферьери защищал полковника Ламбра и сочинял ему и его офицерам жалобы ко двору и покойному фельдмаршалу, а доносил на командующих тогда флотилиею, некоторых консулов и на майора Пангалю», позднее же, письмом к В.С. Томара, от 23 февраля / 10 марта 1792 г., он донес уже на Л. Кацониса, отправившегося на Майну².

По поводу утверждения того же П.А. Ферьерери, будто греки были «в крайнем угнетении от Ламбра», В.С. Томара писал: «Нация греческая, живущая в островах венецких, где был со мною г[осподи]н Ферьери, благоприятствовала Ламбру в рассуждении получаемой от призов его и пребывания там флотилии прибыли, и венецкое правление не допустило бы никогда иностранцев угнетать обывателей, своих подданных, которые в тех островах составляют нацию греческую»³.

А на слова того же дипломата, что «всюду слышен вопль и стенание о грабительствах», В.С. Томара писал: «До отплытия полковника Ламбра в Майну получил я несколько доносов от разных служащих, в том числе и от г[осподина] Ферьерия. Жалоб же по новым обидам не имел ни от кого. При первом ограблении Ламбром судна с хлебом, не только получил жалобу от заинтересованных и известия от консулов, но и страховая контора в Ливорне, упреждая те известия, дала мне о том знать»⁴.

Помимо этого, генерал-майор изобличал жульничество П.А. Ферьерери при организации им поставок через неаполитанских купцов братьев Никаца продовольствия и снастей для флотилии, саркастически отзываясь по поводу «показанных при покупках г[осподина] Ферьерия в 1791 году цен голодного 1783 года»⁵.

Разумеется, следует учитывать неприязненное отношение

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 397–398.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 402.

³ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 406.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 408.

⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 406–407, 428;
Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 240.

В.С. Томара к доносившему на него «канцелярии советнику». Однако замечания генерал-майора позволяют ставить под сомнение достоверность всего написанного о Л. Кацонисе П.А. Ферриери, да и не только им. Так, В.С. Томара поясняет обстоятельства преследования Л. Кацонисом в 1791 г. Н. Пангало: «С приезда во флотилию Ламбро арестовал майора Пангало (Николая Пангало. – Р.К.) за вести, подаваемые им идриотам, главным неприятелям полковника Ламбра; за таковые же известия был после от него посажен в железы, о чем лишь только я узнал, то и велел его освободить и выехать из флотилии. По отъезде моем в Сицилию, Ламбро опять искал поймать Пангало, который укрывался от него по островам венецким. Ламбро требовал выдачи его от правления венецкого. А Пангало прибегнул под покровительство консула нашего в Занте, с коим Ламбро в ссоре. Обе стороны вошли ко мне с жалобами, и я дозволил Пангалу приехать во флотилию в Сицилию»¹.

Наконец, как сказано было выше, благодаря В.С. Томара исследователи имеют возможность оценить и достоверность заявлений судовладельцев, в частности, целиком надуманных жалоб А. Розолимо на Г. Каравия, «армянина Салаки» на Л. Кацониса. Принимая во внимание другие, описанные нами выше случаи необоснованных претензий судовладельцев к Л. Кацонису, можно усомниться в том, что доля вполне обоснованных среди их жалоб была заметной. Сказывались особенности психологии предпринимателей, желавших любой ценой вернуть потерянные средства. Заметим, что проявлялись они вне зависимости от национальной принадлежности дельцов. Так, в письме Н.С. Мордвинова В.И. Попову, от 30 ноября 1788 г., говорилось: «Подрядчики гоняются за мною, осаждают меня везде, оплакивают свои разорения, напоминают мои уверения и клятвы»².

Видимо, уловки судовладельцев хорошо понимали члены «Комиссии для свидетельства счетов и рассмотрения претензий по флотилии, бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну». Согласно рапорту В.П. фон Дезина генерал-прокурору А.Б. Куракину, от 24 декабря 1796 г., всего за время работы Комиссии в нее поступило 84 прошения, лишь часть их касалась Л. Кацониса. Большинство претензий Комиссия удовлетворить отказалась³.

Все эти обстоятельства необходимо принимать в расчет при

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 413–414.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 478.

³ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98. Л. 107–115.

оценке тех документов, составители которых пытались так или иначе очернить Л. Кацониса. Упуская из вида имевшее место столкновение интересов, тем более во время войны, обострявшей противоречия, жесткость обращения как с неприятелем, так и с его пособниками, характерная для обеих сторон практически во всех вооруженных конфликтах, довлевший над Л. Кацонисом опыт военных кампаний минувших лет, затруднения и ограничения при передаче информации, исследователи неизбежно совершают ошибки в оценке действий каперской флотилии и ее командующего.

Трудно объяснить стремление некоторых авторов противопоставлять действия подчиненных Л. Кацониса. Такой подход, помимо прочего, предполагает разделение личного состава соединений по их навыкам и моральным качествам. Однако выше нами было показано, что обе флотилии комплектовались людьми одного круга, охарактеризованными и С.С. Гибсом, и В.С. Томара как «сволочь», т. е. сброд, или «вольница».

Более того, далеким от идеала оказался и офицерский состав казенной флотилии. О нареканиях на Г. Лоренцо и С.М. Телесницкого сказано выше. Еще один, яркий штрих к характеристике офицеров казенной, а затем объединенной флотилии дает письмо императора Павла I Екатеринославскому военному губернатору генерал-лейтенанту Н.М. Бердяеву от 27 января 1797 г.: «Препровождая при сем прошение, дошедшее к нам от славянина Бечича, содержащее жалобу на находящихся в Черноморском греческом дивизионе майоров Бечилли и Буа, которые, во время служения их в последнюю войну на флоте нашем в Средиземном море, будто бы продали просителя с двенадцатью его товарищами в неволю, из коей он родственником искуплен, а прочие поныне в оной страдают, повелеваем вам, отыскав как жалобщика, так и ответчиков, исследовать сие дело и, приведя оное в ясность, нам донести...»¹. Однако даже подобные эксцессы еще не дают основания говорить о том, будто моряки казенной флотилии были пиратами.

Вероятно, отдельных авторов смущает используемая в сохранившихся документах терминология. Она, действительно, может наводить на мысль о том, будто в Средиземном море российское правительство прибегло к содействию местных пиратов. Несомненно, отчасти так оно и было – в состав спешно набиравшихся команд каперских судов неизбежно попадали люди с туманным

¹ Письма императора Павла I к Н.М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору. 1796–1797 гг. // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 50.

прошлым, хотя преобладать они не могли, так как костяк команд, судя по всему, составляли те же моряки, которые служили на судах до их присоединения к флотилии. Но употреблявшиеся при упоминании каперов термины отнюдь не служат точной их характеристикой, о чем свидетельствует цитировавшееся выше письмо Н.С. Мордвинова В.С. Попову, от 30 ноября 1788 г., где говорится: «Корсарские суда, здесь находящиеся и в Севастополе, употребить в транспорты... Весною рано, если обстоятельства дозvoлят, послать корсарские суда к ромельским берегам и стараться набрать греков, у берегов живущих, способных для моря»¹. Естественно, в данном случае речь идет не о корсарах, т. е. пиратах, а о крейсерах.

Действовавшими на морских торговых путях Турции крейсерами фактически являлись и суда обеих флотилий в Средиземном море. Под их удары попадали и оттоманские, и формально нейтральные суда, перевозившие грузы для турок, причем, различались флотилии, главным образом, тем, что на счету казенной числилось гораздо меньше призов.

Попытки противопоставить соединения друг другу по их отношению к грекам не имеют основания. Заметим, что описывая действия казенной флотилии, С.С. Гибс и А.К. Псаро были столь же скупы на подробности, сколь щедры на похвалбу, поэтому отчетливого представления об ее призах у исследователей нет. Складывается впечатление, что основной задаче каперов – борьбе с неприятельским торговым судоходством – казенная флотилия внимания почти не уделяла, а потому греков тревожила мало. Тем не менее, как указывалось выше, из документов известен обстрел отрядом С.Я. Дешаплетта весной 1789 г. некой «кандиотской (т.е. критской) шебеки», которая вполне могла быть торговой и принадлежать не исламизированным жителям острова, а православным грекам.

Куда более часто упоминаемые в источниках захваты греческих судов флотилией Л. Кацониса также, по сути дела, не изучены должным образом, а в целом ряде случаев, как говорилось выше, могут быть поставлены под сомнение – некоторые вовсе не имели места, другие на поверку оказывались добровольным переходом шкиперов на службу Л. Кацонису. Примечательно, что сам полковник и ряд офицеров его флотилии, упоминавших взятые призы, все не скрывали их происхождения.

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 480.

В этом отношении показательно прошение служившего в Черноморском гребном флоте майора А. Палеолога в Контору главного командира Черноморского флота, от 3 марта 1799 г. Майор писал о снаряжении первого фрегата, на котором он вместе с Л. Кацонисом вышел в Средиземное море «где бесчисленными трудами нашими и отважнейшею крайнею опасностью нашей жизни приобрев составили флотилию состоящую из 13-ти судов взятых нами от соотечественников и единоверцев наших, сверх же упомянутого числа судов у неприятеля также взято было нами множество различных призов, которые все без изъятия употребляемы были по благорасположению господина Кацони на вооружение судов, на снабжение оных провизиею и амуницією и на другие надобности нужные к содержанию флотилии, все же оные призы отдаваемы были ему нами доброхотно и усердно, будучи удостоверены в надежде на щедрость Всепресветлейшего державного престола Его Императорского Величества ожиданием от него вознаграждения трудов и издержек наших...»¹

Иначе говоря, составив флотилию из судов «соотечественников и единоверцев», Л. Кацонис за счет призов, часть которых также принадлежала соотечественникам-грекам, а также арнаутам Специи и Идры, содержал ее, снимая бремя снабжения с российской казны. Такой подход, несомненно, отвечал интересам последней, хотя и создавал проблемы для отечественной дипломатии.

С нашей точки зрения, рассматривать эти действия следует с учетом стремления Л. Кацониса создать центр антитурецкого движения на греческих землях, находившихся под властью Порты. На наш взгляд, первую попытку такого рода он предпринял в 1789 г., заняв порт острова Зеа, откуда совершил несколько вылазок, включая, по меньшей мере, две стычки с турецкой эскадрой, и подчинил своему влиянию ряд окрестных островов. Однако не располагая господством на море, он не мог длительное время опираться на островную базу, что и подтвердилось в 1789 и 1790 гг. Поэтому Зеа и не стал очагом восстания, тем не менее, уже в 1791 г., с одобрения В.С. Томара, полковник попробовал обосноваться на берегах Майны. Этой попытке помешал, главным образом, мир, подписанный между Россией и Турцией. Тем не менее, пытаясь подтолкнуть своих соотечественников к выступлению против Порты и организовав некое подобие независимой от турок власти, Л. Кацонис вышел за

¹ РГАВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 156. Л. 2 – 2 об.

рамки каперских действий, отчего и создание им флотилии из «призовых» греческих торговых судов можно трактовать как своего рода «мобилизацию», а конфискацию имущества у купцов следует рассматривать как привлечение средств людей, сотрудничавших с оккупантами, на цели национально-освободительной борьбы.

В целом же, как нам представляется, действия флотилии Л. Кацониса на Средиземном море в 1788–1791 гг., до заключения мира с Турцией, несмотря на попытки противодействия со стороны С.С. Гибса и А.К. Псаро, во всех аспектах оказались более плодотворными, нежели редкие рейды флотилии казенной, созданной годом позже. Соответственно, и роль самого полковника в создании помех турецкому торговому судоходству, а также обозначении угрозы оттоманским владениям и даже самому владычеству Порты над греческим народом на этом, хоть и второстепенном театре военных действий, представляется более существенной, нежели роль его формальных начальников, от И.А. Заборовского до В.С. Томара, а тем более лиц, командовавших казенной флотилией или отдельными ее отрядами. Это дает нам основания считать Ламброса Кацониса одним из выдающихся офицеров, греков по происхождению, оставивших заметный след в истории России.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Первая кампания	8
Глава 2. Крутые повороты	127
Глава 3. Драматичный 1790-й	237
Глава 4. Возвращение	281
Глава 5. Неожиданный финал	312
Заключение	368

Научное издание

**Роберт Владимирович
КОНДРАТЕНКО**

**ЛАМБРОС КАЦОНИС
и российские каперы
на Средиземном море
в 1788–1792 годах**

Компьютерная верстка: А. В. Хрыков

Подписано в печать 29.08.2014. Формат 84×108¹/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 17,85.
Изд. № 472. Тираж 300 экз. Заказ № 347.

ООО «Издательско-полиграфический комплекс “Гангут”»
Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., д. 16,
офис-центр № 3, офис 10.
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 91.
Тел./факс: (812) 336-50-24, 325-28-21
e-mail: gangutprint@yandex.ru
сайт: www.gangut.su

Книга петербургского историка, кандидата исторических наук Р.В. Кондратенко посвящена действиям каперских флотилий под российским флагом в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

